ЛЕВЪ УРВАНЦОВЪ

ЗАВТРА УТРОМЪ

РОМАНЪ
ВЪ
ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

К-во „МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ“

Отпечатано въ типографіи Зинабургъ и Ко. въ маѣ тысяча девятьсотъ двадцать третьяго года въ Берлинѣ. Обложка работы М. Л. Урванцова. Марка издательства работы Н. В. Зарѣцкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1. ЮРОДИВЫЙ

Помолиться... первымъ долгомъ помолиться!

— Каждое дѣло, сыночка, начинай молитвой.

Это слова моей покойной матери. Я никогда ихъ не забываю. Мама часто ходила молиться въ соборъ Николы Морского, что на Крюковомъ Каналѣ. Когда я былъ маленькимъ, часто брала меня съ собой.

Мнѣ захотѣлось пройти тотчасъ къ этому собору и приложиться къ иконѣ Николая Чудотворца.

Далеконько... Ну да ничего! Столько мѣсяцевъ шелъ къ Петербургу. Какія-нибудь пять-шесть верстъ — пустяки! Не замѣчу, какъ дойду.

Темно только. Еще не поздно, а уже темно. Между днемъ и ночью уже опущена темная завѣса. Фонари не горятъ. Такъ кое-гдѣ случайно разбросаны свѣтлыя точки.

Э...эхъ! Бывало, въ это время Невскій сплошь залитъ свѣтомъ.Да такимъ яркимъ, что и о солнышкѣ забудешь. А теперь темно. Идешь среди домовъ, словно пробираешься черезъ какое-нибудь ущелье.

Дома... дома! Да тѣ ли это дома, что раньше здѣсь стояли?

Люди... идутъ люди! Да тѣ ли это люди, что раньше здѣсь жили?

Ни домовъ, ни людей не разглядишь. Темень какая! И людей мало. Вымеръ что-ли Петербургъ? Не можетъ этого быть, чтобы онъ такъ рано улегся спать? Трудно этому повѣрить. Онъ не спитъ. Что же онъ дѣлаетъ?

Спрятался!

Словно спрятался за какой-нибудь шкапъ и притаилъ дыханіе. А самъ дрожитъ. Стучатъ отъ страха зубы. Въ страхѣ люди попрятались, куда кто могъ, и дрожатъ. Боятся высунуть носъ изъ окошка или двери.

Пискари! Что дрожать то? Все равно, куда ни прячьтесь, найдутъ васъ. И выволокутъ на свѣтъ Божій.

Видалъ я виды, какъ шелъ къ Петербургу. Былъ и въ большихъ городахъ, и въ маленькихъ. Жилъ и по деревнямъ. Не мало чего насмотрѣлся.

Однажды нагрянули «они» на село. И первымъ долгомъ потребовали, чтобы имъ попа представили. А священникъ... старенькій... тихій... въ сарай спрятался. Хотѣла матушка его скрыть, да не удалось. Нашли.

Э, говорятъ, попъ, ты насъ раньше заставлялъ кланяться, а ну-ка теперь самъ поклонись. Да не такъ. А въ землю, поповская твоя борода. Распластайся. На брюхо ложись. Да руки впередъ вытяни.

Легъ. И руки впередъ вытянулъ. Достали гвоздей. Руки прибили къ полу и со смѣхомъ ушли.

Знаю я «ихъ». Насмотрѣлся. «Они», какъ угаръ въ комнатѣ. Отъ угара подъ столъ не спрячешься.

Я шелъ медленно. Не торопясь. Пролетѣли одинъ за другимъ нѣсколько автомобилей. Не то провезли кого, не то поѣхали дѣла рѣшать.

Хотѣлось посмотрѣть на дома и людей. Да все равно. Еще успѣю налюбоваться. Какъ «они» въ Петербургѣ и дома, и людей разукрасили? Придется здѣсь, навѣрно, долго жить.

Дѣло мое большое, сложное. Послѣднее въ моей жизни. На смерть иду!

И не отступлюсь отъ него. Только думать о немъ пока боюсь.

Послѣ того, какъ «они» избили меня. Чуть голову прикладами не размозжили, поранили мой мозгъ. Припадки измучили меня. А, главное, вслухъ сталъ говорить. Самъ съ собой. А это опасно. Все дѣло могу погубить. Рѣшилъ свою мысль сосредоточить только на одномъ. Первымъ долгомъ я долженъ найти брата Осипа.

Съ этой мыслью я и пришелъ въ Петербургъ.

Господи благослови!

По троттуару итти было трудно. Скользко. И плиты расхлябались. Словно послѣ землетрясенія. Того и смотри въ темнотѣ оступишься и упадешь.

На Садовой больше народу, чѣмъ на Невскомъ. Идутъ всѣ посреди улицы. По рельсамъ трамвая. Это остроумно. Легче итти. Люди двигаются медленно, молча.

Пошелъ вмѣстѣ съ ними.

Фонарь горитъ. Забыли что-ли о немъ? Посмотришь на него, а потомъ сразу слѣпымъ становишься. Не только домовъ не видать, а даже пальца у своего носа. Не скоро потомъ приглядишься къ темнотѣ.

Снѣгъ мелкій, мокрый. Потемнѣло. Но весной еще не пахнетъ. Февраль. До весны еще далеко. Поди, морозы будутъ. Петербургъ на этотъ счетъ капризный.

Мнѣ въ моемъ ватномъ халатѣ и суконномъ колпакѣ тепло. Обвязался такъ, что сырость и холодъ не скоро доберутся до моего тѣла.

Смѣхъ! Веселые, молодые голоса. Ишь, какъ звонко трещатъ! Даже странно. Въ такой темной могилѣ и смѣхъ. Дѣтишки ничего не боятся. Имъ что! Имъ только страшенъ бука. И то передъ сномъ. А теперь всѣ буки ушли изъ городовъ и деревень. Всѣхъ ихъ повыгнали.

Какъ разъ отъ фонаря свѣтъ. Три дѣвочки. Подростки. Одѣты — ничего себѣ. Хорошо даже. И личики розовенькія. Съ улыбочками. Смѣются надъ тѣмъ, что одна изъ нихъ ступила въ лужу. Замочила ботиночки. А ботиночки новенькія. Модныя. На высокихъ каблучкахъ.

И я улыбнулся на ихъ смѣхъ.

— Эхъ какое горе!

Чуть-ли не вслухъ сказалъ. Сразу подняли свои головки. Взглянули на меня и прыснули со смѣха. Видимо, имъ ужъ очень показался смѣшнымъ мой ватный халатъ, стянутый ремнемъ, и колпакъ,

— Смотри... Юродивый!

Даже пальчикомъ указала на меня. Посмотрѣли, и всѣ съ звонкимъ смѣхомъ прошли мимо.

Опять попалъ въ тѣнь. Народъ все-таки порядокъ знаетъ. Со мной идутъ по правой сторонѣ, а тѣ, кто по направленію къ Невскому, по лѣвой. Ни съ кѣмъ не столкнулся. Такъ только, кто слегка рукавомъ задѣнетъ. Итти ничего себѣ, можно было. Ровнымъ шагомъ. Съ палкой, конечно, легче. Въ особенности, мимо Сѣнного рынка.

О, что тамъ дѣлалось. Не приведи Богъ! Удалось разсмотрѣть. Какъ послѣ пожара. Полное разореніе. Камня на камнѣ не осталось. Торчатъ какія-то безформенныя глыбы. Валяются кирпичи. Это еще ничего. Полъ-бѣды! Желѣзо на дорогѣ. Съ крышъ рынка. Острые, скрученные обрывки. Словно змѣи. Ступишь ногой на конецъ, а онъ вокругъ ноги обовьется. Пришлось подъ ноги смотрѣть. Палкой откидывать.

Свѣтъ изъ дома. Изъ нижняго этажа. И свѣтъ яркій, сильный. Пучкомъ лучей пересѣкаетъ улицу.

Почему-то заинтересовался. Сошелъ съ рельсъ и перешелъ налѣво. На троттуаръ.

Самъ не знаю, почему мнѣ это показалось столь любопытнымъ. Такъ... просто «такъ». Безъ всякой причины. Возможно, что давно не видалъ хорошо освѣщенной квартиры.

Подошелъ. Заглянулъ въ окно. Странно! Большая комната. У стѣнки столъ. На немъ обрывки бумагъ. И листочки. Неровные, оборванные, словно вырванные изъ тетрадки. Стулья стоятъ въ разбивку. Два, три стула сломанныхъ. Лежатъ на полу. Всюду окурки. И ни одного человѣка. Значитъ, были и ушли. Сидѣли за столомъ и на стульяхъ. Какъ на засѣданіи. Разсуждали. Спорили. Можетъ быть, подрались и стулья сломали. О чемъ-то бесѣдо-

вали и что-то рѣшили. Написали какой-нибудь декретъ. Теперь по нему люди живутъ. И ушли. Дверь заперли, а электричество забыли потушить. И, навѣрно, давно уже больше въ этой комнатѣ не засѣдаютъ. Другую нашли. Получше. А электричеству до этого никакого дѣла нѣтъ. Исполняетъ свою службу аккуратно и добросовѣстно. Не выключили его, оно и горитъ.

Посмотрѣлъ въ окно и успокоился. Пошелъ, было, дальше, и совершенно случайно повернулъ голову налѣво. Словно такъ нужно было.

Потомъ, уже много времени спустя, вспоминалъ я этотъ случай. Каждую мелочь обсуждалъ. Какъ свернулъ съ рельсъ къ окну. Какъ смотрѣлъ на освѣщенную комнату и какія мысли занимали меня въ это время. Одного только я не могъ припомнить. Зачѣмъ я повернулъ голову? Шума съ этой стороны никакого не было. Когда я приглядѣлся къ темнотѣ, съ этой стороны я не замѣтилъ ни одного человѣка. Ни на троттуарѣ, ни глубже въ переулкѣ, за угломъ дома. Были люди, но они шли посреди улицы, по рельсамъ.

Вспомнилъ только одно, но это какъ будто не имѣло никакого отношенія.

Первые дни революціи. На Садовой толпа. Многолюдное шествіе по городу съ красными флагами. Подъемъ у всѣхъ необычайный. Кричали, радовались, пѣли, махали руками, шляпами, платками. Если я не ошибаюсь, я тогда стоялъ въ толпѣ именно на этомъ мѣстѣ. Или гдѣ-то вблизи на углу этого переулка.

Недалеко отъ меня очутился какой-то мѣщанинишка. Иначе по его виду нельзя было его назвать, какъ мѣщанинишка. Рѣденькая бородка клинушкомъ, немного впередъ. Глазки узенькіе, подслѣповатые, хитрые, ядовитые. Какъ щелки, за которыми спрятались мыши. Губы тоже съ ехидной, ядовитой складочкой. И остренькій носикъ съ краснымъ кончикомъ.

Сперва мѣщанинишка долго и съ любопытствомъ смотрѣлъ на торжественное шествіе. Присматривался къ

краснымъ флагамъ и читалъ надписи. Вдругъ его глазки еще болѣе сузились. Носикъ выдвинулся впередъ, и онъ нервнымъ, клокочущимъ и скрипучимъ голоскомъ произнесъ:

— И ничего въ этомъ нѣтъ хорошаго-съ... Одна глупость-съ.

Махнулъ рукой и скрылся въ толпѣ. Пошелъ домой. Очень хороши были его «съ», я тогда на это обратилъ вниманіе. Былъ увѣренъ, что, когда онъ сѣлъ за свою обычную работу, онъ именно о «глупостяхъ-съ» и думалъ.

Вспомнился мнѣ этотъ мѣщаннишка совершенно случайно. Взглянувъ на это мѣсто, не могъ я думать, что его увижу.

Я замѣтилъ въ стѣнѣ дома небольшой выступъ. Вышиной не больше человѣческаго роста. Надъ этимъ выступомъ узорчатая дуга для лампадки. Смятая, свороченная на бокъ.

Подошелъ. Осмотрѣлъ. Больше ощупью. Стекло у кіота разбито, а что за нимъ — не видно. Снялъ варежку. Протянулъ руки. Дѣйствовалъ осторожно, боясь порѣзаться. Все же широкимъ рукавомъ задѣлъ за остріе стекла. Упалъ большой осколокъ. Какъ разъ на камень. Снѣга въ этомъ мѣстѣ не было. Камень оголился. Возможно, что этимъ камнемъ и разбили икону. Шарилъ по снѣгу голой рукой. Образа нѣтъ. Рукой провелъ по известкѣ. Холодная, шершавая. Опустилъ руку ниже и ощупалъ небольшой, всего въ вершокъ величины овальный предметъ. Это была икона. Въ оправѣ...

Взялъ эту иконку себѣ. Все равно пропадетъ. Кто и найдетъ, выкинетъ, какъ ненужную вещь.

Подошелъ къ освѣщенному окну. При яркомъ свѣтѣ электрическихъ лампочекъ разсмотрѣлъ, что это была икона Богоматери. Одна голова. Чуть, чуть намѣченныя плечи. Разсмотрѣть подробно эту икону я не могъ. Отъ времени она потемнѣла. Снѣгъ налѣпилъ кусочки штукатурки со стѣны.

Одно только меня сильно поразило. Мнѣ казалось, что это былъ какой-то мигъ, когда я увидалъ ликъ Богоматери, но онъ тотчасъ слился въ розовый овалъ съ неясными очертаніями. Въ этотъ мигъ у меня запечатлѣлось не лицо Богоматери, а только его выраженіе. Выраженіе глазъ.

Это былъ скорбный ликъ!

Я видѣлъ въ Дрезденѣ Богоматерь Рафаэля. Я уловилъ въ ея глазахъ глубокую, скрытую скорбь. Я видѣлъ мадонну Дефрегера «Maria dolorosa». Я видѣлъ въ ея глазахъ, съ невольно выпавшей слезой, скорбь. Я видѣлъ настоящую скорбь на картинѣ Крамского «Неутѣшное горе». Гдѣ, казалось, трудно было передать болѣе сильно скорбь матери.

И въ этой маленькой иконѣ, въ глазахъ Богоматери была настоящая скорбь живого человѣка. Эту скорбь не могъ бы передать ни одинъ художникъ, будь онъ во сто разъ геніальнѣе Рафаэля.

Почему эта икона, этотъ маленькій овальный предметъ сталъ мнѣ вдругъ такъ дорогъ?

Я не знаю. Я не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

И этотъ незначительный, какъ будто ничего не значущій случай вдругъ такъ ярко и сильно врѣзался въ мою память.

Память?

Въ то время мнѣ казалось, что я давно ее потерялъ. То есть я помнилъ все, всю мою жизнь съ самаго дальняго дѣтства. Но какъ-то неожиданно память у меня исчезла...

Я помню какъ меня били прикладами. Били по головѣ, но когда это было и гдѣ — я ничего не помню. Вспоминаются только нѣкоторые случаи изъ жизни, сцены... Но все это въ моемъ мозгу сливается и до сихъ поръ въ нѣчто сумбурное.

Я по временамъ стараюсь что-либо вызвать въ своей памяти. И вдругъ одновременно въ мой мозгъ влетаютъ цѣлые табуны воспоминаній. Всѣ другъ съ другомъ сцѣпляются. Одно воспоминаніе торопливо смѣняетъ другое.

Какъ будто нѣсколько человѣкъ говорятъ тебѣ сразу, и ты не можешь ни одного человѣка разобрать. А голоса ихъ хорошо слышишь.

Напримѣръ, я хорошо помню, что нѣсколько разъ сидѣлъ въ тюрьмахъ. Былъ даже въ домѣ для умалишенныхъ. Лежалъ въ больницѣ. Но какъ туда попадалъ, сказать не могу. И это все вдобавокъ спутано съ бредомъ. Мнѣ трудно изъ этого кусочка моей жизни отдѣлить фантазію отъ дѣйствительности.

Я не могу вполнѣ владѣть своимъ мозгомъ. Управлять имъ—это противъ моей воли. Черезъ мой мозгъ пробѣгаютъ воспоминанія изъ моей жизни, мѣшаясь съ бредомъ во время болѣзни, со снами. И всѣ проносятся черезъ мой мозгъ съ необычайной быстротой. Какъ вихрь. Иногда застрявая въ мозгу, вертясь тамъ, крутясь со свистомъ и шумомъ вѣтра, путаясь съ другими струями вѣтра и тотчасъ исчезая безслѣдно и уступая дорогу новымъ воспоминаніямъ. Я слышу голоса моихъ знакомыхъ, тѣхъ, что видѣлъ пять минутъ тому назадъ, голоса людей давно умершихъ, которыхъ я давно забылъ. Даже голоса тѣхъ, кого я никогда не видѣлъ и не встрѣчалъ.

То нѣжный голосъ покойной матери... то звукъ серебряной ложечки, когда въ столовой накрывали на столъ и насъ, дѣтишекъ, сестру Лиду, меня и Осипа, звали къ столу... Я хорошо помню, какъ въ нашъ домъ приходилъ какой-то старичекъ, гладилъ меня по головѣ и называлъ «пятилѣткомъ». Даже помню, какъ его звали, Антонъ Панкратьевичъ. Онъ всегда говорилъ:

— Большое дѣло онъ долженъ совершить... большое!

Вскорѣ этотъ Антонъ Панкратьевичъ умеръ. Нѣсколько напоминаетъ его мѣщанинишка. Только Антонъ Панкратьевичъ, несмотря на свою старость, былъ выше ростомъ и благороднѣе.

А вотъ, какъ звали начальника тюрьмы, гдѣ я просидѣлъ чуть-ли не полгода, не помню. Даже русская фамилія или еврейская, и то сказать не могу. Какой-то «товарищъ».

Въ этомъ сумбурѣ воспоминаній фантазія, думы, дѣйствительность, сонъ, бредъ, грезы, — все смѣшалось въ одно. Иной разъ удавалось уловить сонъ. Я отлично зналъ, что когда-то, дѣйствительно, я видѣлъ этотъ сонъ. Но онъ былъ изъ того ряда сновъ, когда они къ утру забываются, и забываются на всю жизнь. А тутъ вдругъ выплывалъ.

Но что касается иконы, которую я нашелъ, я такъ и былъ вполнѣ увѣренъ, что этого случая я уже никогда не забуду.

Какъ будто теперь ко мнѣ возвратилась настоящая правдивая жизнь. Уже теперь съ этого момента я буду все воспринимать правильно. И, главное, помнить. Помнить каждый свой шагъ.

Впослѣдствіи все это подтвердилось.

Войдя въ Петербургъ, въ мой родной городъ, я какъ будто снова обрѣлъ настоящую жизнь.

Значитъ, въ моей жизни былъ какой-то перерывъ: умопомѣшательство. И я это время не могу считать частью моей жизни. Я вычеркиваю его не изъ памяти, а изъ жизни.

Повторяю: я кое-что изъ него бралъ, вспоминалъ нѣкоторые случаи, но за достовѣрность, за хронологію и географію, даже за ариѳметику поручиться не могу. Когда, въ какомъ городѣ это было, сколько иногда стоилъ хлѣбъ, точно отвѣтить я не могу. Спуталъ всѣ даты, всѣ событія, времена года.

Что меня били и мучили — это фактъ. Но гдѣ это было, въ больницѣ, въ тюрьмѣ, въ сараѣ или въ полѣ — опредѣленно указать не могу.

И тоже почему-то звали юродивымъ. Пожалуй, больше по виду. За нелѣпый ватный халатъ, колпакъ, за длинные ниже плечъ волосы и за бороду. Ужъ лучше бы звали меня Робинзономъ Крузо. Впрочемъ, о немъ врядъ-ли кто слыхалъ, кто со мной встрѣчался.

Юродивый!.. Ну пусть буду имъ, если всѣмъ это такъ нравится. Не все-ли мнѣ равно?

Съ Садовой свернулъ черезъ мостикъ направо и подошелъ къ оградѣ собора Николая Морского. На углу въ часовнѣ черезъ рѣшетку двери виднѣлся огонекъ. Лампадка. Пришлось обойти ограду. Вошелъ внутрь.

Въ церкви еще шла служба. Пришелъ какъ разъ почти къ самому концу. Молящихся было очень мало. Старушки, дѣти. Самыя маленькія. Въ сторонѣ у колонны стоялъ господинъ въ очкахъ, съ небольшой бородкой. На шеѣ шарфъ. Пальто нечищенное. Въ пятнахъ. Господинъ усердно молился. Беззвучно шепталъ молитву. Иногда, когда кто-либо входилъ, вздрагивалъ и испуганно озирался.

Церковь темная, мрачная. Горятъ свѣчи и лампады, какъ точки, не освѣщая даже иконъ и подсвѣчниковъ. Даже послѣ темной улицы здѣсь не свѣтло. Слѣва, въ глубинѣ продаютъ свѣчи и образочки. Слабо освѣщено одной восковой свѣчой.

На лѣвомъ клиросѣ темная фигура. Тоже со свѣчкой. Виднѣется одна борода. Рыжая, лопатой. Читаетъ на распѣвъ, наизусть. Смотритъ на алтарь и перелистываетъ страницы. Онъ и за дьячка и за псаломщика. Иногда къ нему подходилъ дьяконъ и вмѣстѣ съ нимъ пѣлъ. Дьяконъ средняго роста, глубокій старикъ. Сѣдой. Пѣлъ и провозглашалъ разбитымъ, дребезжащимъ голосомъ.

Священникъ въ темной рясѣ стоялъ передъ Царскими вратами и молился.

Помолился и я съ нимъ. Служба кончилась. Старушки поплелись къ выходу. Пошелъ приложиться къ образу Николая Чудотворца. Передо мной встала дама. Сѣдая. Сильно исхудалая, съ лицомъ королевы. Къ ней шелъ трауръ. Въ манерахъ величественность, спокойствіе и глубокое горе. Около нея стояла другая старушка. Типа старой и преданной нянюшки. Она оберегала свою госпожу и слѣдила за каждымъ ея шагомъ. Обѣ встали на колѣни. Помолились. Поднялись по лѣсенкѣ къ иконѣ.

Когда я подошелъ къ темной, чтимой, особенно бывшими матросами, иконѣ, мнѣ вспомнились слова моей покойной матери за нѣсколько минутъ до ея смерти.

— Сыночка мой... Коля... поручила я тебя Николаю Угоднику. Онъ за тебя всегда заступится. Въ жизни твоей Онъ будетъ твоимъ хранителемъ. Умираю я спокойно, вѣря въ Него и надѣясь, что Онъ всегда тебѣ поможетъ въ твоемъ горѣ. А много людского горя на свѣтѣ, и тебѣ не избѣжать его.

Пахнуло далекимъ прошлымъ. Тихой, сантиментальной жизнью, отошедшей въ область давнихъ временъ. Бурные года всемiрной войны и нелѣпаго бунта въ Россiи стерли послѣднiя краски съ потемнѣвшихъ отъ времени прошлыхъ картинъ жизни.

Церковь опустѣла. Одинъ изъ церковныхъ сторожей съ суровымъ видомъ прошелъ черезъ церковь. Что-то сказалъ другому сторожу и ушелъ. Второй закашлялся. Отошелъ въ сторонку.

Я увидѣлъ скамейку у стѣны. Опустился на нее и тотчасъ почувствовалъ усталость.

Итти мнѣ было некуда. Объ этомъ я и не подумалъ. Моею мыслью было только одно: дойти до Петербурга. Я и пришелъ. А не только о завтрашнемъ днѣ, о предстоящей ночи я не подумалъ. Привыкъ за эти года скитанiй такъ жить. Гдѣ остановишься, тамъ и домъ.

Священникъ одѣвался въ алтарѣ. Вышелъ въ шубѣ. Прямо изъ алтаря направился къ выходу. Больной сторожъ потушилъ свѣчи, собралъ огарки. Понесъ ихъ къ ящику. Вышелъ и дьяконъ. Видимо, ему не особенно хотѣлось итти домой. Хотѣлось поговорить. Съ причетникомъ. Съ барышней и господиномъ, которые стояли за свѣчами. Меня онъ не замѣтилъ. Только раздавался его голосъ, Иногда густыя нотки, оставшiяся отъ прежняго баса, гудѣли.

Говорили долго. Я чуть вздремнулъ. Палка выскользнула изъ моихъ рукъ и съ гулкимъ шумомъ упала на плиты.

— Кто это тамъ?

Отецъ дьяконъ повернулся. Всмотрѣлся въ темноту и подошелъ ко мнѣ.

— Вы чего тутъ?

— Отдыхаю. Усталъ.

Нахмурилъ лобъ. Пристально, какъ будто что-то соображая, смотрѣлъ на меня.

— Гм...

Я молчалъ. Славное лицо у дьякона. Хоть и хмурится, а обмануть не можетъ. Глаза ласковые, добрые.

Пошарилъ въ карманѣ. Протянулъ мнѣ деньги.

— Спасибо, отецъ дьяконъ. Только денегъ мнѣ не надо. Куда мнѣ ихъ? А вотъ гдѣ ночь провести — не знаю.

— Пришлый что-ли?

— Да. Сейчасъ въ Петербургъ пришелъ.

— Пѣшкомъ?

— Пѣшкомъ.

— А сюда какъ попалъ?

— Приложиться къ иконѣ Николая Чудотворца захотѣлось. Прямо сюда и пришелъ.

— А самъ издалека?

— Въ Уфѣ былъ. Въ Сибири.

— Каторжный что-ли?

— При царѣ въ тюрьмѣ не сидѣлъ. У большевиковъ не разъ бывалъ тамъ.

— Вотъ оно что... Что-же мнѣ съ тобой дѣлать-то?

Опять задумался. Что-то соображалъ.

Кто-то вошелъ въ церковь, громко разговаривая. Нѣсколько голосовъ. Отецъ дьяконъ прислушался. Смѣхъ. Это показалось подозрительнымъ.

— Постой-ка малость... Что это тамъ?

Голоса молодые, веселые, громкіе.

— Гдѣ попъ? Тутъ онъ что-ли?

— А что вамъ надо, милые люди? — спросилъ отецъ дьяконъ.

Къ намъ подошли двое матросовъ. Съ ними молоденькая дѣвушка, хорошенькая блондинка. Почти дѣвочка. Въ коротенькомъ платьицѣ подъ шубкой. Матросы не сняли своихъ безкозырокъ съ ленточками.

Все трое, направляясь къ намъ, сильно стучали каблуками о желѣзныя плиты пола. Дѣвушка поскользнулась.

— Фу чортъ... Чуть не упала.

Матросъ расхохотался и обнялъ ее за талію.

— Смѣшная ты, Ксюша... право.

Отецъ дьяконъ легко, не возвышая голоса, замѣтилъ:

— Сняли бы вы фуражки... Это мѣсто святое.

— Наплевать!

— Все же, поди, православные.

— А онъ жидъ... обрѣзанный, — громко сказала дѣвушка.

Указала на матроса, который ее обнялъ, и расхохоталась. Разсмѣялся и другой матросъ.

— Что-же вамъ надо? — спросилъ отецъ дьяконъ.

Спросилъ тѣмъ-же спокойнымъ голосомъ. Даже мягко, безъ раздраженія. Но какъ ни хотѣлъ онъ себя сдержать, я замѣтилъ, что у него задрожалъ подбородокъ. И старческіе, но большіе глаза стали влажными.

— Вы не вѣрите? А онъ, дѣйствительно, еврейскую вѣру принялъ. И какъ слѣдуетъ, по настоящему.

— Это его воля. Значитъ, такъ нужно было, чтобы ушелъ отъ православныхъ.

— А мы къ тебѣ, товарищъ попъ, вотъ съ какимъ дѣломъ. У насъ сегодня концертъ назначенъ. А потомъ вечеринка. И насъ много, и дѣвицъ не мало пригласили. А тутъ, какъ на зло ночью у насъ водопроводъ лопнулъ. Въ клубѣ залъ весь затопило. Стали, было, мы его сегодня очищать. Да невмоготу. Сидѣть еще-бы кое-какъ могли, а танцовать невозможно. Повеселиться охота, да негдѣ. Ну вотъ мы къ тебѣ и пришли.

Дьяконъ выслушалъ внимательно, не мѣняя своего выраженія глазъ и не расправляя лба.

— А я-то тутъ, господа, при чемъ?

Заговорили всѣ сразу.

— Мы здѣсь хотимъ устроить вечеринку.

— И рояль мигомъ привеземъ.

— Здѣсь и вольготно и мѣста много.

— И танцовать хорошо.

Дѣвушка сказала это весело. Слегка пошаркала ножкой о плиты пола. И добавила звонкимъ голосомъ:

— Закуски принесемъ. И водочки. Васъ даже можемъ угостить. А?

Я сидѣлъ въ тѣни и они меня не видѣли. Чуть дотронулся до руки дьякона. Вмѣшался въ разговоръ.

— А это было одинъ разъ... Было, — заговорилъ я. — Гдѣ только, не припомню. Память у меня отшибло. Не то въ Калугѣ, не то въ Уфѣ. Самъ я видѣлъ. Въ городъ красноармейцы пришли. Послѣ Колчака возвращались. Какъ разъ это было подъ большой праздникъ. Вотъ имъ тоже захотѣлось повеселиться. Да негдѣ. А въ соборѣ какъ разъ служба шла. Такъ они вмѣстѣ съ оркестромъ... подъ музыку такъ въ церковь и вошли.

— Здорово!

— Священникъ запротестовалъ. Такъ они ротъ ему завязали, руки скрутили сзади и подъ алтарь запрятали. Всю ночь до утра веселились. А священникъ такъ подъ алтаремъ и остался. Публики что набралось вокругъ собора! Почти весь городъ пришелъ. Интересно все-же посмотрѣть. Иные посмѣивались. Чего, говорятъ, сараи-то пустые стоятъ.

— Правильно!..

И на минуту смолкли. Мой разсчетъ былъ вѣрный. Я зналъ, что послѣ моего разсказа они смолкнутъ. Оставятъ минуту подумать надъ моими словами. Это только мнѣ и нужно было. И отецъ дьяконъ догадался, когда я до его руки дотронулся, что я хочу имъ сказать что-то вѣское. Зналъ, что, начни противорѣчить этимъ людямъ, они станутъ на своемъ стоять.

А тутъ задумались.

— Ну-ка, братцы, что вы теперь скажете?—подумалъ я.

Спросилъ матросъ, но уже не тѣмъ увѣреннымъ голосомъ.

— Ну, такъ какъ-же, попъ? Что скажешь?

— Разрѣшить я вамъ этого не могу. Противъ моей совѣсти это. Не подобаетъ. И не такое это мѣсто, чтобы здѣсь весельемъ заниматься. А коли васъ много и силой станете брать, что я съ вами одинъ сдѣлаю? Ваша на то воля, не моя...

Дьяконъ слегка развелъ руками и смолкъ. Потомъ тихо добавилъ:

— Только будете подходить, я вотъ здѣсь на порогѣ съ крестомъ встану. И будьте такъ милостивы, меня подъ алтарь не прячьте, а прямо убейте.

— А не дрогнешь, попъ?

— Не дрогну.

Тотъ матросъ, хорошенькій, съ черненькими усиками, который принялъ іудейскую вѣру, слегка дернулъ своего товарища за рукавъ.

— Идемъ... Ну его!

Дѣвушка освободилась изъ его объятій и сердито посмотрѣла на него. Даже сверкнула глазками.

— Это что такое? Никакъ струсилъ?

— Струсилъ? — обидѣлся матросъ, — а чего тутъ торчать? Чего въ церковь лѣзть, когда, говорятъ, хорошую барскую квартиру нашли? Ну ихъ...

Онъ рѣзко повернулся и пошелъ изъ церкви.

— Эй... стой!.. Куда ты?.. Саторинъ...

— А если такъ, то я съ нимъ пойду... — крикнула дѣвушка.

— А мнѣ что? Хоть къ чорту на рога...

Повернулся. Смотритъ злобно, съ перекосившимся лицомъ.

— Ты-бы еще перекрестился, — съ сарказмомъ сказала дѣвушка.

— А тебѣ что? Захочу и перекрещусь.

Никто изъ насъ не ожидалъ, что матросъ, принявшій іудейскую вѣру, исполнитъ свою угрозу.

Сорвалъ свою фуражку съ головы, всталъ лицомъ къ алтарю и перекрестился. Но тотчасъ, ни на кого не смотря, выбѣжалъ изъ церкви.

— Дуракъ!—крикнулъ ему въ догонку другой матросъ.

Я молча наблюдалъ за всей этой сценой. Не двинулся, не сдѣлалъ ни малѣйшаго жеста. Наконецъ, ушли и тѣ.

— Господи, помилуй насъ грѣшныхъ, — произнесъ отецъ дьяконъ.

Мы оба перекрестились.

— Идемъ. А то еще другихъ подошлютъ.

Я вышелъ изъ церкви. Отошелъ въ сторону и ждалъ, пока всѣ не удалились изъ церкви. Больной сторожъ заперъ все и ключи передалъ отцу дьякону. Что-то сказали. Распрощались. Всѣ пошли по своимъ домамъ.

— Эхъ была Святая Русь, а осталась матушка Россія только.

Помолчалъ. Посмотрѣлъ на меня.

— Ко мнѣ что-ли идемъ?.. Найдется, гдѣ переночевать. А тамъ послѣ видно будетъ.

Молча пошелъ за нимъ. Сейчасъ-же вошли въ калитку около сада съ памятниками. Прошли дворъ. Вѣрнѣе, площадку передъ церковнымъ домомъ. Входная дверь не то замерзла, не то разбухла. Съ трудомъ ее отворили. И снѣгъ и слякоть. Поднимались по лѣстницѣ. Шли ощупью въ полной мглѣ. Отецъ дьяконъ остановился. Долго искалъ ключомъ отверстіе замка. Нашелъ. Послышалось щелканье ключа.

— Милости просимъ. Входи.

Заперъ за собою дверь.

— Сейчасъ огонь раздобуду. Спички-то нонѣ кусаются. Выдали въ паекъ коробокъ. Раньше мѣсяца другого не дадутъ. Да и спички дрянь. Никудышныя. Тутъ ихъ штукъ пятьдесятъ въ коробкѣ, а ежели десятокъ разгорится, и то слава Богу... А... Загорѣлась. На хорошую сразу попалъ. Мальчишки смѣются. Говорятъ: палочка вонь, а потомъ огонь. Горитъ! А тутъ у меня и лампа есть. Ужъ какъ керосину досталъ, такъ это чудо. Ну потомъ разскажу.. А ты хочешь, сними свое одѣяніе. Хочешь, такъ посиди. Обогрѣйся. Хотя и у меня не тепло. Давно не топилъ. Дровъ нѣтъ. Съ барки прошлый разъ всѣмъ выдава-

ли, только меня съ отцомъ Александромъ обошли. Попамъ, говорятъ, не полагается.

Посадилъ меня въ мягкое кресло. Куда-то ушелъ. Лампу взялъ съ собой.

— Посиди покамѣстъ тутъ.

Темно и тихо. Вставать не хотѣлось. Члены разнѣжились и уговорить ихъ двигаться было бы невозможно. Минуты три тому назадъ это было-бы просто. Нужно было-бы пойти, и я пошелъ-бы. Но только не сейчасъ.

Съ трудомъ, медленно снялъ съ плеча веревку, на которой висѣлъ мѣшокъ. Спустилъ его прямо на полъ. Пусть пока около меня полежитъ. Ощупалъ себя. Не потерялъ-ли чего-нибудь дорогой. Нѣтъ, все на мѣстѣ. Вотъ и образокъ, который я нашелъ на Садовой. Какъ отецъ дьяконъ вернется, надо будетъ осмотрѣть образокъ хорошенько при свѣтѣ лампы.

А тепло. Или ужъ я такъ закутанъ хорошо? Чего, чего только на мнѣ нѣтъ. Во что только я ни облачился. И поверхъ всего теплый халатъ на ватѣ. И согрѣвалъ-же онъ меня въ дорогѣ — прелесть! Чтобы онъ не распахивался, я подвязался кушакомъ.

Не помню, какимъ путемъ постепенно образовался у меня такой костюмъ. Кто-то что-то мнѣ давалъ. И я бралъ съ собой. Надѣвалъ на себя и шелъ дальше. Въ одномъ городѣ я какъ-то попалъ въ хорошую квартиру. Не то по дѣлу пришелъ, не то меня тамъ арестовали и держали. Вижу: на полу валяется колпакъ для чайника или кофейника. Такими ихъ накрывали, чтобы не остывала вода. Высокій, на подобіе камилавки. Съ одной стороны цвѣтной шерстью было вышито чайное дерево, а съ другой слово: чай. Хорошая штука. Мягкая, какъ подушка. Не то на ватѣ, не то изъ обрѣзковъ матеріи. Поднялъ. Пощупалъ. Главное, необычайно теплая. Примѣрилъ — немного велика, но за то хорошо уши закрываетъ. У меня до этого была шапка. Дрянная, никудышная. Да и ту не то потерялъ, не то стащили. Новой и за деньги не достать. Взялъ я этотъ колпакъ, вышелъ въ поле, надѣлъ на голову. А потомъ такъ и

забылъ, что это не теплая шапка, а колпакъ. Носилъ ее самымъ великолѣпнымъ образомъ. Вскорѣ стала какъ разъ по головѣ. И цвѣтъ свой потеряла. Фонъ слился съ рисункомъ и буквами. А потомъ самый кропотливый изслѣдователь не могъ-бы найти ея происхожденія. Вдобавокъ, она была такъ прочно сшита, что, сколько я ее ни носилъ, нигдѣ не было видно слѣдовъ разрушенія. Не порвалась. Нигдѣ не выглядывала вата.

Приблизительно тоже было и съ моимъ одѣяніемъ.

Усмѣхнулся. Почему это многіе, какъ только увидятъ меня, называютъ юродивымъ? Приду въ городъ, всякій, кто ни увидитъ меня, сейчасъ крикнетъ:

— А, юродивый!

Не только тѣ дѣвушки, которыя встрѣтились со мной на Садовой.

Правда, костюмъ странный, нелѣпый. Да кто теперь не одѣвается въ лоскутья и вообще во что попало? Что волосы длинные, давно, годами не стриженные и борода? Но въ этомъ ничего особеннаго не было.

Я наблюдалъ за собой. Вотъ прошло нѣсколько часовъ, какъ я очутился снова въ Петербургѣ. Я все вижу ясно, вполнѣ разумно. Могу все повторить съ перваго шага, какъ я вступилъ въ городъ. А раньше-бы сдѣлать этого не могъ. Словно сразу мой мозгъ просвѣтлѣлъ, и я сталъ мыслить вполнѣ правильнымъ путемъ.

Я говорю даже не о памяти. Я зналъ, что, какъ ни думай я, все равно пережитого за эти послѣдніе года не возстановишь. Такъ оно спутаннымъ комкомъ и останется, на всю мою жизнь. Нѣтъ, не въ этомъ дѣло. Теперь все, что я вижу, воспринимается мною иначе. Просто и ясно.

И я теперь вполнѣ разумно могу поставить вопросъ:

— Зачѣмъ я пришелъ въ Петербургъ?

У меня была опредѣленная цѣль. Ради нея я прошелъ всю длинную дорогу. Эта цѣль руководила мной и занимала меня всего.

Но какъ она родилась?

Съ трудомъ устанавливаю событія.

Такъ... Я лежалъ въ больницѣ. Въ какомъ-то городѣ, Чуть-ли не въ Уфѣ. Это весьма вѣроятно. Даже могу съ увѣренностью сказать, что это былъ домъ для умалишенныхъ. Ко мнѣ на койку присаживался часто одинъ изъ больныхъ...

Изъ больныхъ?.. Но не было-ли это въ тюрьмѣ? Тамъ тоже одинъ часто навѣщалъ меня и всегда садился на ребро кровати...

Въ этомъ я принужденъ извиниться. Путаю...

Впрочемъ, не все-ли это равно? Было-ли это въ тюрьмѣ или въ лечебницѣ для умалишенныхъ?

Это не столь важно.

Важно то, что, когда я лежалъ и думалъ, мнѣ вдругъ пришла одна мысль.

Опять путаю. Эту мысль высказалъ одинъ изъ тѣхъ, кто приходилъ ко мнѣ и садился на кончикъ кровати.

Онъ сказалъ:

— Только нѣсколько мѣткихъ выстрѣловъ и конецъ всему.

Съ тѣхъ поръ я сталъ думать объ этомъ. Это блестящая мысль. Какъ только она раньше не пришла мнѣ въ голову?

Эта мысль охватила меня всего. Я сосредоточился на ней. Сталъ обдумывать съ разныхъ сторонъ. И чѣмъ больше надъ ней думалъ, тѣмъ болѣе она казалась мнѣ вполнѣ правильной, естественной и осуществимой.

Тогда Антонъ Панкратьичъ правъ. Я бы свершилъ нѣчто великое, большое, историческое.

Совершить это выпало на мою долю.

Мысль работала постепенно. Шагъ за шагомъ.

Но какъ это осуществить?

Первымъ долгомъ я рѣшилъ, что мнѣ во что-бы то ни стало надо отыскать моего младшаго брата Осипа.

Какъ онъ пропалъ, какимъ образомъ мы разстались и почему я вдругъ очутился не въ Петербургѣ, а въ Уфѣ, я ничего не зналъ. Ничего не помнилъ.

Ну о братѣ потомъ. Придетъ и ему чередъ.

Словомъ, для осуществленія моей мысли мнѣ было необходимо во что бы то ни стало его найти.

Откуда начать поиски?

Жили мы съ нимъ въ Петербургѣ. Ясно, что надо начинать именно съ Петербурга.

Тѣмъ болѣе, что въ Петербургѣ въ то время жилъ мой племянникъ, Сережа Полозовъ, и его другъ Володя Коновницынъ. Оба они въ началѣ большевизма въ Россіи участвовали въ заговорѣ, но... забѣгать впередъ я не буду.

Тогда именно, въ тотъ мигъ эта мысль и рѣшеніе отыскать брата Осипа, племянника Сережу и Володю казались мнѣ на столько важными и неотложными, что я сталъ волноваться, думая о своемъ путешествіи въ Петербургъ.

Необходимо было начать поиски тотчасъ-же, не откладывая рѣшенія въ долгій ящикъ.

Исполненіе этого великаго дѣла выпало на мою долю.

Мнѣ тогда, можетъ быть, въ бреду или сумасшествіи, казалось, что мою мысль могутъ предвосхитить и выполнить ее не такъ, какъ я. Уродливо. Не точно вникая въ смыслъ мысли.

Это волненіе приняло у меня острую форму.

Сперва я все переживалъ и обдумывалъ молча, часами лежа въ кровати. Или ходилъ изъ угла въ уголъ моей крохотной комнаты. Сталъ думать о томъ, выпустятъ меня или мнѣ бѣжать? Надежды на то, чтобы меня выпустили, было мало. Я сталъ просить, умолять. Доказывалъ, что я вполнѣ здоровъ и больше не въ силахъ сидѣть взаперти, въ одной комнатѣ .Говорилъ много о томъ, что мнѣ до крайности нужно быть въ Петербургѣ.

И вотъ тогда меня опять побили.

Если память мнѣ не измѣняетъ или я не путаю со сномъ, то дѣло было такъ:

Я вошелъ въ кабинетъ .Помню, кто-то сидѣлъ за письменнымъ столомъ. Люди, между прочимъ, сидя за письменнымъ столомъ всегда принимаютъ посѣтителей съ важнымъ и дѣловымъ видомъ. Въ гостиныхъ они много радушнѣе.

Я сталъ умолять, чтобы меня выпустили. Тотъ отвѣчалъ нагло и дерзко. По-хамски. Это былъ, если не ошибаюсь, начальникъ больницы или тюрьмы, который раньше служилъ сторожемъ, а потомъ былъ избранъ начальникомъ.

Не помню, что я ему отвѣтилъ. Онъ всталъ и что есть силы ударилъ меня въ грудь. Я убѣжалъ въ садъ и тамъ просидѣлъ весь день. Къ вечеру, когда никого не было, я перелѣзъ черезъ заборъ во дворъ и тамъ спрятался за дрова. Ночью снова перелѣзъ черезъ другой заборъ и пошелъ по дорогѣ.

И шелъ... шелъ безъ конца. Изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ. Въ деревняхъ бабы принимали меня за юродиваго. Другія за бѣглаго священника.

Нѣсколько разъ просили меня отслужить молебенъ. Мужики или гнали или смотрѣли исподлобья, съ недовѣріемъ.

— Проходи. Еще накличешь чего.

Подавали хлѣбъ. Бывало, что кормили. Но мало и скупо.

И все это путешествіе, какъ быстро прочтенная книга, которую тотчасъ забываешь. Мнѣ было важно не то, какъ я шелъ, а что моя упорная сосредоточенная на одномъ мысль довела меня до Петербурга.

Сейчасъ было одно важно: отыскать брата. Отыскать во что-бы то ни стало. И пока только на этомъ остановиться.

А мысль? Ея осуществленіе?

Одного я боялся теперь. Не бредъ-ли это? Не родилась-ли эта мысль во время моего безумія? Въ тотъ моментъ, когда болѣлъ мой мозгъ? Это весьма вѣроятно. Это, можно сказать, почти навѣрняка.

Подѣлиться своей мыслью съ кѣмъ-нибудь я не могъ по причинѣ, о которой скажу много позднѣе.

Дорогой я встрѣчался со многими людьми. Вмѣстѣ шли, бесѣдовали. Шли по нѣсколько дней сряду. И все-же я не могъ никому, ни одному человѣку сказать, ради какой цѣли я шелъ въ Петербургъ.

Я сознавалъ, что мой мозгъ былъ нездоровъ. Такъ развѣ онъ могъ опредѣлить самъ, правильна-ли у меня мысль, осуществима-ли она? Не есть-ли это бредъ или заоблачная фантазія?

И вотъ теперь, когда, какъ мнѣ казалось, снова вернулась ко мнѣ настоящая жизнь, когда мысль стала работать правильно... возстановилась память, я рѣшилъ такъ.

Мнѣ необходимо отыскать первымъ долгомъ брата. Потомъ узнать, что сталось съ моими милыми друзьями. Это, несомнѣнно, займетъ много времени, если какой-нибудь исключительный случай не ускоритъ дѣла. А въ это время хорошенько обдумать и провѣрить свою мысль.

Подѣлиться съ Осипомъ. Если мысль моя окажется правильной и осуществимой, то тогда уже можно приняться за ея выполненіе. Тогда можно будетъ все хорошенько взвѣсить и обдумать.

Отъ этого рѣшенія стало легче на душѣ. Вообще эти минуты, которыя я провелъ въ теплой комнатѣ, были для меня весьма знаменательными.

Все время я переживалъ какое-то безпокойство. Не могъ объяснить это состояніе. А теперь, когда я опустился въ теплой комнатѣ въ мягкое кресло, мнѣ стало необычайно легко.

Словно я отъ чего-то огражденъ. Какъ будто я пришелъ въ свою квартиру.

Меня сейчасъ не схватятъ. Не потащутъ въ участокъ. Въ тюрьму или больницу. Не будутъ допытываться, кто я, кѣмъ былъ до революціи. Почему я не коммунистъ? не будутъ надо мной издѣваться.

Надоѣли «они» мнѣ. До тошноты.

Была даже полная увѣренность въ томъ, что не подъѣдетъ автомобиль, не войдутъ чекисты и не начнутъ безобразнаго обыска.

У этого милаго дьякона, съ добрыми глазами я чувствовалъ себя настолько спокойно, какъ будто онъ былъ призванъ меня охранять отъ всякихъ бѣдствій и напастей. Отъ злыхъ духовъ.

Тихо, уютно и до нельзя спокойно. Трудно было представить себѣ, что я нахожусь въ Петербургѣ. Что я уже въ него пришелъ.

Казалось, выйди я сейчасъ изъ дома, я увижу безконечное, снѣжное поле...

Появился отецъ дьяконъ. Онъ что-то долго возился въ другихъ комнатахъ. Принесъ сперва лампу. Поставилъ ее на столъ. Черезъ минуту притащилъ кипящій самоваръ.

Угольки снизу самовара были настолько красны, что дьяконъ при ихъ свѣтѣ могъ свободно пройти черезъ переднюю въ свою комнату.

— Ну вотъ и чайку попьемъ.

— Что же вы, отецъ дьяконъ, мнѣ не сказали, я бы вамъ помогъ. Я моложе васъ. Сильнѣе.

— Устали поди. Я всегда самъ себѣ самоваръ ставлю.

Досталъ полоскательную чашку, два стакана и чайникъ.

— Чаю-то нѣтъ, такъ я бруснику сушу. Листочки. Самъ нарочно ѣздилъ въ Поповку. Тамъ нарвалъ. Цѣлый мѣшокъ привезъ. И насушилъ. Чай получается отличный, цвѣту очень пріятнаго и на вкусъ ничего. Безъ сахару его можно пить. Здѣсь къ этому привыкли.

Вздохнулъ глубоко.

— Вотъ только насчетъ ѣды плоховато. Сегодня ходилъ по карточкамъ хлѣбъ получать. Свою четвертушку. Не дали. Весь, говорятъ, вышелъ, намъ не хватило. Меня изъ очереди выкинули. Ты, говорятъ, попъ. Брюхо, навѣрно, у тебя было жирное. Много, говорятъ, ты на своемъ вѣку свиней поѣлъ. Такъ теперь не стыдно тебѣ мѣсто свое пролетарію уступить. Завтра велѣли приходить. Какъ-бы только не обманули. Скажутъ, что очередь сегодня пропустилъ, такъ ничего не получу. И это бывало.

Старичекъ былъ словоохотливый. Онъ разсказывалъ обо всемъ просто, безхитростно, не жалуясь ни на кого, не обвиняя никого.

Я слушалъ его съ удовольствіемъ. Не смыслъ его разговоровъ былъ мнѣ важенъ, а его голосъ. Хоть и чуть

хриплый, густой, а много было въ немъ особой теплоты и добродушія. Задушевности.

Наливалъ чай. Я опустилъ руку внизъ, поднялъ съ пола мѣшокъ. Положилъ его себѣ на колѣни.

Вынулъ почти полъ-каравая чернаго, мягкаго, деревенскаго хлѣба. Бублики. Жесткіе, словно изъ дерева. Отрѣзокъ жира. Пошарилъ на днѣ мѣшка и извлекъ со дна нѣсколько кусочковъ сахару.

Отецъ дьяконъ молча слѣдилъ за моими движеніями, за всѣмъ тѣмъ, что я доставалъ изъ мѣшка. Нѣсколько разъ провелъ рукой по губамъ.

— Эка благодать!

Смотрѣлъ, не выну ли я еще чего нибудь?

Въ его взглядѣ не было ни капли жадности. Скорѣе какое-то дѣтское любопытство.

— Тамъ бѣлье осталось. Свѣжее. Самъ стиралъ. Завтра-бы въ баню сходить! Помыться!

— Это можно. Сходи... сходи...

Посмотрѣлъ на столъ, на ѣду.

— Эхъ, вотъ отца-бы Александра позвать? Поди, отъ голода-то спать легъ.

Подумалъ. Помолчалъ. И добавилъ:

— Голодаетъ онъ. Шибко голодаетъ. Жена его... попадья въ библіотеку поступила. Да такое тамъ жалованье, что на день его не хватаетъ.

— А вы, отецъ дьяконъ, кушайте. Не стѣсняйтесь. Благо, что сегодня есть. И слава Богу.

— Слава нашему Спасителю.

— А завтра, можетъ быть, и еще что достанемъ.

— Самъ-то голодалъ?

— Еще какъ.

Надо отдать отцу дьякону должное. Замѣчу, что онъ во время нашего чаепитія ни разу обо мнѣ ничего не спросилъ. Кто я такой?

По правдѣ сказать, мнѣ самому не хотѣлось о себѣ говорить. Врать отцу дьякону не хотѣлось, но и разсказывать было не въ моихъ планахъ.

Говорили больше о постороннемъ. О церкви и прихожанахъ.

— Мало теперь молятся. И безъ Бога всѣмъ хорошо.

Разсказывалъ объ отцѣ Николаѣ. Умеръ съ голоду.

Мы хорошо поѣли. Выпили чаю стакана по три.

— Поди, спать тебѣ охота?

Да. Слипались глаза.

Долго спорили, гдѣ мнѣ лечь. Хотѣлъ уложить на свою кровать, а самому лечь на диванъ. Наконецъ, сошлись на томъ, что я лягу въ сосѣдней комнатѣ. Самъ притащилъ подушку.

Я раздѣлся. Улегся. Покрылся своимъ халатомъ·

Отецъ дьяконъ пришелъ еще разъ провѣрить меня хорошо-ли мнѣ?

— И что ты за человѣкъ, понять тебя не могу.

— Юродивый...

Промолчалъ. Пошелъ къ себѣ.

— Покойной ночи, отецъ дьяконъ.

Не слыхалъ даже, отвѣтилъ-ли онъ мнѣ?

Тотчасъ погрузился въ крѣпкій и оздоровляющій сонъ...

2. РАЗНЫЕ РАЗГОВОРЫ

Рано утромъ отецъ дьяконъ дотронулся до моего плеча и разбудилъ меня.

— Вы, милый человѣкъ, спите, сколько хотите. Отдыхайте. А я иду. Такъ дверь-то за мной заприте. Вернусь къ вечеру. Не раньше. У меня другой ключъ есть, да куда-то запропастился. Послѣ найдемъ. Ставьте себѣ самоварчикъ. Тутъ я все заготовилъ для васъ.

И онъ вышелъ.

Я заперъ за нимъ дверь и снова легъ на диванъ. Сонъ меня одолѣвалъ. Тѣмъ болѣе, когда я вылѣзалъ изъ подъ

своего теплаго халата, чтобы запереть дверь, я продрогъ и мнѣ хотѣлось согрѣться. Закутавшись снова въ свое тряпье, я быстро заснулъ. Сонъ былъ крѣпкій, тихій, спокойный.

Сколько я спалъ, не знаю. Часовъ у меня не было. Я рѣшилъ сперва въ банѣ помыться, а ужъ потомъ придти домой и попить чаю.

Быстро собрался. Кусочекъ мыла у меня былъ. И полотенце. Словомъ все, что нужно. Зналъ, что бани помѣщаются недалеко. Въ Усачевомъ переулкѣ.

У зданія громадная очередь. Стоятъ на дворѣ и на улицѣ, ожидая возможности подойти къ кассѣ и взять билетъ. Я тоже всталъ со всѣми въ хвостъ, то есть въ линію ожидающихъ. Сперва на меня посмотрѣли съ удивленіемъ сосѣди, потомъ стали оборачиваться тѣ, которые стояли впереди меня.

Въ толпѣ говоръ. Что говорили — разобрать было невозможно. Одни ругались другъ съ другомъ изъ-за очереди, другіе ругали порядки.

— Мы ужъ тутъ больше часу стоимъ, а тѣ, что впереди, больше двухъ.

— Завели порядки, — слышались раздраженные голоса.

— Ну чего лѣзешь? Тебя только ждали.

Сталъ осматривать публику. Хотѣлось опредѣлить, кто это? Народъ? Или жители Петербурга?

Сѣрыя, потускнѣвшія лица. Озлобленныя, раздраженныя до послѣдней степени. Сѣрыя бабы въ сѣрыхъ платкахъ. Тонкія губы крѣпко сжаты. Раскроются онѣ, и польется желчная, язвительная рѣчь, какъ ядъ съ жала змѣи. Мужчины болѣе покорно ожидали своей участи. Казалось, ударь ихъ по затылкамъ, они крякнутъ, а ничего не скажутъ. Стонъ, жалобы, причитанья. Въ очереди стояло нѣсколько человѣкъ рабочихъ. А остальные люди, съ бородками... Кто ихъ разберетъ, кто они? Интеллигенты или просто маленькіе, сѣрые людишки. Впереди въ толпѣ, мнѣ показалось, стоитъ дама, видимо, изъ общества. Блѣдная. Тоже повязанная платкомъ вмѣсто шляпки. Все-же

на ней была старенькая шубка съ потертымъ воротникомъ. Бабы тотчасъ узнали въ ней бывшую барыню и начали противъ нея травлю. Шли самыя невѣроятныя обвиненія:

— Попили вы нашей кровушки...

Одни ругались, отводили душу «за прошлое», другіе язвили, оскорбляли, насмѣхались. Въ особенности горячилась одна баба. Сухая, блѣдная, съ искривленнымъ лицомъ. Когда она кричала, ея лицо краснѣло, глаза дико горѣли, руки двигались во всѣ стороны... Кричала на свой собственный голосъ. Раздражалась все болѣе и болѣе.

Дама къ ней повернулась, посмотрѣла на нее съ спокойнымъ, но грустнымъ лицомъ и ничего не отвѣтила... Это еще больше возбудило женщину. Она кричала и посматривала во всѣ стороны, словно искала полѣна или кочерги, чтобы ударить барыню. Видимо, все время вызывала ее на отвѣтъ. Ей хотѣлось, чтобы та отвѣтила. О, тогда бы она постояла за себя. Сумѣла-бы ей отвѣтить! Но та терпѣливо молчала.

— Знаю я ее. Изъ сосѣдскаго дома.

Сообщила это всей толпѣ.

— Тоже... барыня!.. Хороша барыня, коли ѣсть нечего. Такъ имъ и нужно!.. Я у одной генеральши служила. Въ кухаркахъ жила. Вотъ та была барыня... Десять лѣтъ прослужила!..

Рабочій искоса посмотрѣлъ на желчную женщину.

— Нашла, чѣмъ хвалиться.

Женщина опомнилась. Сразу поняла, что сдѣлала непростительную ошибку. Но не смутилась. Нашлась тотчасъ. Повернулась къ рабочему, уперла руки въ бока и съ вызывающе-торжествующимъ видомъ отвѣтила рабочему.

— Съ той-то я распр...равилась! Досталось ей отъ меня на орѣхи.

Кое, гдѣ послышались одобрительные возгласы и хохотъ.

— Она у меня корчилась, какъ...

Какъ кто — опредѣленія не могла подыскать и только зло разсмѣялась.

— Чего ты съ ней сдѣлала?

Желчная женщина уже забыла о стоящей невдалекѣ въ очереди барынѣ и увлеклась новой темой о генеральшѣ.

— Какъ это революція пришла, струсили они. Прятались. Чуть звонокъ, не знаютъ и дѣться куда... А сынъ у нихъ офицеръ. Красивый такой... Вздумали они удирать. Все у нихъ готово было. Квартиру всю на меня оставляли. Богатѣйшая квартира.

— А ты не мямли...

— Только смотрю, а они, какъ ночь наступила, ящикъ куда-то изъ дому тащутъ. Что это, говорю, у васъ? А это говоритъ, Маша, наши драгоцѣнности. Мы имъ надежное мѣсто нашли... Я встала передъ ними. Руки-то вотъ такъ развела и говорю: нѣтъ... коли вы мнѣ всю квартиру оставляете, такъ ужъ ничего не уносите. Спорили, спорили, а я такъ и не выпустила ящика. Вышла на дворъ. А тутъ газетчикъ одинъ идетъ. Въ нашемъ домѣ живетъ. Я ему и сказала, чтобы въ милицію сбѣгалъ.

— Молодчина!

— Вернулась домой, какъ ни въ чемъ не бывало. Жду. А генеральша-то сердится. Эхъ, говоритъ, Маша, много я вамъ добра сдѣлала, а вы вотъ какъ...

— Дальше-то что?

— Черезъ четверть часа пришли съ обыскомъ... У, что было! И разсказать нельзя. Связали ихъ всѣхъ троихъ. Въ ванну заперли. Меня стеречь поставили. Что, говорю, пожалѣли? Такъ вотъ вамъ. А отецъ-то... генералъ... Какъ-то онъ ухитрился. Сынъ что-ли помогъ ему руки развязать?.. Не знаю. А я въ это время отлучилась на минуту... Побѣжалъ онъ въ кабинетъ, досталъ револьверъ. И ну палить. Одного ранилъ...

— А съ нимъ-то что сдѣлали?

— Что? Всѣхъ троихъ прикончили... Барыня долго не дохла, такъ ее потомъ пристрѣлили...

— А брилліанты?

Женщина снова вспыхнула.

— Съ собой мерзавцы унесли. Мнѣ ничего не оставили.

Только вещи попортили. Всю квартиру разворотили. Я и посейчасъ въ ней живу...

Толпа какъ-то странно смолкла. Никто ничего не сказалъ. Я вглядывался въ лица и хотѣлъ прочесть по нимъ, какъ въ ихъ душахъ улегся разсказъ кухарки. Кое-кто смотрѣлъ въ сторону, словно думая о чемъ-то другомъ.

И вдругъ около меня раздался странный, язвительный и скрипучій голосъ. По немъ я узналъ того мѣщанинишку, котораго я видѣлъ на Садовой во время первыхъ дней революціи. Почему-то я его хорошо запомнилъ. Часто мерещился мнѣ онъ въ бреду. И я съ нимъ всегда велъ бесѣды на разныя темы. Такихъ типовъ встрѣчаешь много, и меня не поразило, что онъ очутился снова рядомъ со мной.

— А вы не боитесь-съ? — спросилъ онъ Машку.

— Кого мнѣ бояться-то? — рѣзко тряхнувъ головой, отвѣтила на вопросъ вопросомъ Машка.

— Бога-съ?

Смолкнувшая на минуту толпа снова зашумѣла. Опять послышались возгласы и насмѣшки. Всего болѣе обозлился какой-то по виду мастеровой.

— А развѣ такой есть?

— Есть, — отвѣтилъ мѣщанинишка.

— Не видалъ что-то.

— Ты-то его не видалъ, а Онъ тебя видитъ.

— Пусть любуется, коли нравится.

Этотъ отвѣтъ толпѣ понравился. Разсмѣялись. Мастеровому польстило, что его отвѣтъ вызвалъ у большинства одобреніе, и ему еще болѣе захотѣлось себя показать.

— Я что-то такого не знаю.

— Придетъ время, узнаешь.

Добавилъ еще молодой женскій голосъ:

— Коли бѣда придетъ, къ Богу обратишься.

Мастеровой ухмыльнулся.

— А онъ все дастъ, что ни попросишь?

— Все,—отвѣтилъ за молодую женщину мѣщанинишка.

— А если я у него хлѣба попрошу, такъ онъ мнѣ не дастъ. Вотъ что.

— Если-бы Господь былъ булочникомъ, да сидѣлъ-бы въ булочной, то, навѣрно, тебѣ бы далъ.

— Это другое дѣло...

— А ты думалъ, что онъ тебѣ съ неба будетъ горячіе калачи кидать?.. Какой ты глупый.

— Ты, товарищъ, поосторожнѣе. Я и въ морду могу дать.

— Можешь. Для этого ума не надо... Или вотъ еще къ примѣру. Сапоги у тебя разорвались. Такъ ты на ночь, какъ будешь ложиться спать, выставь ихъ за окно, да и скажи Господу, чтобы онъ, значитъ, къ утру тебѣ зачинилъ. Будутъ готовы. Обязательно: Это ты сегодня же сдѣлай. А завтра не будутъ готовы, снова выставь.

Всѣ расхохотались. Мастеровой понялъ, что смѣются надъ нимъ, и еще больше разозлился.

— Я на твоего Бога плевать хочу.

— Поплюй... поплюй. Можетъ, умнѣе станешь.

Машка кухарка была всецѣло на сторонѣ мастерового.

— Да что тутъ съ нимъ долго разговаривать... Бога придумалъ. Да за эти слова взять его да отправить на Гороховую.

— Вѣрно... вѣрно, — подхватилъ мастеровой. — Тамъ ему Бога-то покажутъ. Увидитъ онъ его, коли хорошенько въ загривокъ накладутъ.

Скоро настала и наша очередь. Двинулись. Я взялъ билетъ, но мои мытарства еще этимъ не ограничились. Пришлось долго ждать на лѣстницѣ. На площадкѣ стоялъ банщикъ и ругался. Накинулся онъ на барыню въ платкѣ. Тутъ только я замѣтилъ, что она была не одна. Около нея стояла дѣвочка, повидимому, ея дочь. Миленькая, лѣтъ двѣнадцати.

Банщикъ ругалъ ихъ самыми отборными словами. Онъ кричалъ. Что, въ сущности, онъ хотѣлъ, догадаться было невозможно. Это былъ потокъ самой отвратительной, смрадной грязи. Одно слово нанизывалось на другое. И все начиналось:

— Я васъ...

Барыня стояла растерянная. Она хотѣла уберечь свою дочурку отъ этой грязи и не находила словъ, чтобы отвѣтить банщику. Въ чемъ она была виновата? Ни въ чемъ. Она ни слова не сказала. Только спросила. Но банщикъ, покрывая шумъ, изощрялся въ «словечкахъ». Въ этомъ онъ былъ настоящій мастеръ. Два раза онъ не повторялся. Онъ изъ своего громаднаго запаса словъ составлялъ такіе узоры, что получалась какъ будто не ругань, а удалая русская разнузданная пѣсня.

Дама опомнилась. Она въ ужасѣ схватила дочь за голову, зажала ей уши и потащила ее обратно. Уронила свертокъ. Подняла. Протискивалась черезъ насѣдавшую на верхъ лѣстницы толпу. И скрылась.

Банщикъ на это даже не обратилъ вниманія. Продолжалъ по прежнему неистово ругаться.

Мнѣ съ трудомъ удалось найти себѣ мѣсто. Ждалъ этого счастья долго.

За эти часы наслушался я не мало. По большей части предметомъ разговора служили сокровенныя стороны человѣческой жизни.

Теперь только во время моихъ мытарствъ по Россіи столкнулся я съ глазу на глазъ съ народомъ. Многое, что я видѣлъ, было моимъ бредомъ. Мнѣ хотѣлось узнать, гдѣже тотъ народъ, которому дана вся власть?

Въ данный моментъ я не бредилъ.

Раздѣлся. Отнесъ все старостѣ на сохраненіе. Иначе украдутъ. Надо зорко слѣдить за своимъ добромъ. У одного украли сапоги.

— Да какъ-же это я безъ сапогъ послѣ бани пойду по морозу?

— А ты не ротозѣйничай. Смотри...

— Я ихъ тутъ на минуту поставилъ...

Заревѣлъ. Послышались смѣшки, ругань.

На полу густымъ слоемъ лежала липкая, сѣрая масса.

Тѣ-же разговоры и въ самой банѣ.

Когда я вымылся, снова пришлось ступать по липкой грязи. Она не только залѣзала между пальцевъ, но и покрывала ступню.

Не разъ ругали и меня.

— Смотри, — попъ. А больше на лѣшаго похожъ.

Домой я пришелъ поздно. Часовъ пять я потратилъ на то, чтобы вымыться. Закусилъ тѣмъ, что еще у меня оставалось. Выпилъ горячаго чаю. Пилъ медленно, не торопясь. Все равно я считалъ этотъ день пропавшимъ.

Вынулъ образокъ, который я вчера нашелъ. Долго его разсматривалъ. Слегка и осторожно почистилъ. Теперь ликъ Богоматери виднѣлся мнѣ яснѣе.

Изумительное лицо. Глаза?.. Не можетъ быть, чтобы этотъ ликъ былъ срисованъ съ какой-нибудь картины. Никто не могъ-бы дать этому лицу столько жизни, столько горя и скорби.

Это человѣкъ. Это мать. Она скорбитъ о томъ, что человѣчество ушло отъ Бога. Забыло Его. И она на помощь этому заблудшему человѣчеству посылаетъ своего Сына, принося его въ жертву ради торжества правды.

И чѣмъ больше я вглядывался въ это живое лицо, въ этотъ ликъ Богоматери, тѣмъ болѣе и болѣе становился онъ мнѣ близкимъ, неразрывнымъ съ моей душой. Мнѣ казалось, что онъ будетъ всегда мнѣ близкимъ. Это было чѣмъ-то роковымъ... для меня значительнымъ.

Какъ будто свыше вручена была мнѣ эта икона. И въ то именно время, когда я только что вошелъ въ Петербургъ.

Спускались сумерки. Лампу я не хотѣлъ зажигать. Жалко стало керосина. Отцу дьякону онъ достался съ такимъ трудомъ. И спичекъ мало. Въ коробочкѣ осталось всего на всего три спички. Вернется отецъ дьяконъ. Не сможетъ ни самовара себѣ поставить, ни лампы зажечь.

Я сидѣлъ и думалъ. Думалъ о своей мысли, которая привела меня въ Петербургъ, о братѣ... о сценахъ въ банѣ.

Услыхалъ шорохъ. Около входной двери. Кто-то въ темнотѣ водилъ рукой по косяку и искалъ звонка. Онъ, ви-

димо, давно сломанъ, оборвался. Странный скрипъ. Провели чѣмъ-то желѣзнымъ по желѣзу. Я догадался, что дергаютъ за ручку звонка и проволока трется въ пустомъ отверстіи. Скрипитъ.

Прошелъ къ двери. Отперъ ее, снявъ крюкъ. Еще свѣтъ дня не потухъ, и я разглядѣлъ темную фигуру. Это былъ тотъ самый мѣщанинишка, котораго я видѣлъ въ толпѣ около бани.

— Вы, навѣрно, къ отцу дьякону? Его дома нѣтъ. Онъ только къ вечеру придетъ.

Мнѣ показалось, что мѣщанинишка смотрѣлъ на меня и ухмылился. Ничего не отвѣтилъ.

— А можетъ, мнѣ вовсе не отца дьякона нужно, а тебя, именно тебя.

Такъ, казалось, говорила его фигура, его голова, чуть чуть опущенная въ бокъ, его лицо съ усмѣшкой.

— Хотите дождаться, тогда входите.

Пропустилъ впередъ. Снова заперъ дверь. Прошли въ ту комнату, гдѣ стоялъ остывшій самоваръ.

— Садитесь.

Я опустился снова въ кресло. Мѣщанинишка минуту постоялъ, какъ-бы не рѣшаясь сѣсть. Все-же въ концѣ концовъ сѣлъ. Только на кончикъ стула. Руки, не выпуская фуражки, держалъ на колѣняхъ и пристально смотрѣлъ прямо мнѣ въ глаза.

Его хитрые, узкіе и подслѣповатые глазки свѣтились въ темнотѣ. И я могъ прочесть:

— Хоть я вамъ и гость... и сижу почтительно передъ вами на кончикѣ стула... и смотрю на васъ съ почтительнымъ подобострастіемъ, а я все-же сильнѣе васъ... Не я въ вашихъ рукахъ-съ, а вы въ моихъ-съ... Вотъ какая штука-съ...

— А я вотъ возьму, да вышвырну тебя... И съ лѣстницы спущу!

— Не сдѣлаете этого-съ... Охота вамъ узнать, зачѣмъ я пришелъ.

Этотъ отвѣтъ я только почувствовалъ. Но смѣхъ его я, дѣйствительно, услыхалъ.

Онъ захихикалъ какъ-то мелко и глуповато.

— Вы чего это?

— Такъ вообще-съ... У меня мысли всегда смѣшныя.

— Что-же васъ такъ насмѣшило?

— А вотъ насчетъ Бога-то... Слыхали-съ?.. Какъ это Богъ станетъ тому мастеровому сапоги чинить?.. Поняли вы мою аллегорическую картиночку-съ?

— Нѣтъ. Не понялъ.

— Мастеровой дуракъ-съ, простите за сравненіе-съ. Какъ онъ сегодня придетъ домой, станетъ вечеромъ сапоги свои снимать, увидитъ дырочку, Бога-то и вспомнитъ. И задумается о Богѣ-то-съ. Вы понимаете, въ чемъ дѣло-съ? А на другой день то же самое. И будетъ онъ Бога поминать и утромъ и вечеромъ, когда за сапогъ будетъ браться. Вотъ собственно, къ чему я сказалъ-съ.

— Теперь я понимаю.

— И все будетъ чуда ждать. Такому хаму-съ, простите за сравненіе, Бога надо показать не такъ, какъ это у насъ велось изстари. Да какъ учителя, родители и духовные лица показывали. Имъ Бога-то надо съ другой стороны показать, тогда они поймутъ.

— А какъ именно?

— Чудомъ его огорошить надо. Чудо имъ покажи, только тогда онъ узритъ Бога-съ. Мастеровой, али рабочій, все равно мужикъ, простите за сравненіе, а мужикъ безъ чуда жить не можетъ. Въ засуху отслужитъ молебенъ, дождь пойдетъ, ну онъ въ Бога и вѣритъ. А большевики эту вѣру въ чудеса у него отняли. Онъ и пошелъ творить, что ему вздумается. Чуда нѣтъ, можно, значитъ, ему и грабить, и убивать. Хоть своего, хоть чужого — ему все равно. Онъ и отца обворуетъ, и церковь свою, и брата убьетъ, и дочь изнасилуетъ, ему все нипочемъ, разъ чуда нѣтъ. А самъ на Бога разсердился. Ругаетъ его за то, что Онъ чудеса не дѣлаетъ.

— А сами вы въ чудо вѣрите?

— Вѣрю-съ. Истинно вѣрю-съ. Только какъ его понимать надо. Вотъ вы-съ... Человѣкъ образованный, аристократъ. Хорошей фамиліи...

Я удивился. Какъ будто онъ зналъ обо мнѣ? Я ему о себѣ не сказалъ ни слова.

Мѣщанинишка громко разсмѣялся.

Я уже почти не видалъ его лица. Съ трудомъ разбиралъ во тьмѣ его фигуру: голову и плечи. Видѣлъ, что его голова качалась изъ стороны въ сторону. Зналъ навѣрняка, что изъ его глазъ выступили слезы.

— Вы сами-то, поди, въ чудеса не вѣрите! А вотъ вамъ и первое чудо-съ... Вы, господинъ, мнѣ скажите, что такое чудо? А это все то, что, такъ сказать, изъ закона природы выходитъ. Вотъ, скажемъ, на столѣ самоваръ стоитъ. И коли его не тронешь, онъ тутъ всегда будетъ стоять, если домъ не разрушится и землетрясенія не будетъ. А вотъ онъ возьми да ни съ того, ни съ сего и начни по столу гулять.. Ну-ка, что вы скажете?... Чудо!.. Ученые станутъ думать надъ этимъ. А потомъ къ этому законъ подведутъ. И коли всѣ самовары забѣгаютъ, чудомъ это не будетъ. Вотъ я васъ, господинъ, вижу въ первый разъ... Слова вы ни одного не сказали. А я вамъ прямо говорю: аристократъ-съ. Откуда я это узналъ? Кого спросить могъ? Никого и ниоткуда. Вотъ вамъ и чудо... А если васъ по имени, отчеству и фамиліи назову, такъ ужъ вы и сами въ чудеса повѣрите...

— Что вы за чепуху городите.

— А хотите, скажу?...

— Говорите.

— Повѣрили?...

И онъ снова залился самымъ неудержимымъ смѣхомъ.

— Повѣрилъ... повѣрилъ-съ... Вотъ пойдемъ съ вами завтра по улицѣ. Я буду на каждаго встрѣчнаго указывать и называть его по имени, отчеству и фамиліи. Ни разу не ошибусь...

— Перестаньте вздоръ болтать!

— Обидѣлись, что я вамъ чуда не показалъ. А ждали... Ждали... Повѣрили, что я назову имечко... повѣрили!

Я стиснулъ зубы и смолкъ. Онъ еще долго смѣялся. Но его смѣхъ становился все тише и тише.

— Тутъ живетъ недалеко купецъ Ситниковъ. Какъ онъ раньше Богу молился? Поставитъ икону на прилавокъ и ждетъ, что ему Угодникъ покупателей нагонитъ и онъ имъ весь свой залежавшійся товаръ за дорогую плату продастъ. И шла торговля бойко. Чудо это или нѣтъ? Да никакого. Тутъ ни икона, ни молитва не причемъ.

А вы слышали, какъ Машка своихъ господъ предала? Свершись чудо. Спасись они. Машка-бы въ Бога повѣрила... А вотъ что я вамъ скажу, господинъ. Купцу-то надо было въ Бога увѣровать, а Машкѣ не надо... Али не время. Послѣ повѣритъ. Коли вѣрила бы въ Бога, не предала-бы своихъ господъ, а ей, по всей вѣроятности, еще надо такія дѣла дѣлать. Вотъ и для мощей тоже. Не было чуда, когда ихъ большевики оскверняли. Значитъ, пока не надо было, что бы они въ Бога вѣрили...

Помолчалъ.

— А случай этотъ, про который кухарка Машка разсказывала, всѣмъ извѣстенъ... М-да-съ... Это было прошлаго года.

Мѣщанинишка мямлилъ. Казалось, будто онъ хотѣлъ заинтересовать меня и нарочно дразнилъ.

— Генералъ былъ любимцемъ Государя... Кто не зналъ этого генерала. На войнѣ отличился, портреты его во всѣхъ газетахъ печатали. И писали о немъ много-съ. Личность весьма выдающаяся... И сынокъ въ отца... Бравый офицеръ...

Я весъ дрожалъ мелкой дрожью.

— Господи... Господи! Неужели онъ говоритъ про...

Схватилъ мѣщанинишку за воротникъ. Трясъ его изо всей силы.

— Говорите... кого предала Машка!.. Кого убили!.. Кто былъ этотъ генералъ?..

— Генералъ Коновницынъ!

Въ эту минуту раздался сильный стукъ въ дверь.

Я не зналъ, почему я вскочилъ. Отъ послѣднихъ словъ мѣщанинишки или отъ стука въ дверь.

Но можетъ быть, это не онъ сказалъ? Не его голосъ. И почему онъ такъ громко крикнулъ:

— Генералъ Коновницынъ!

Ясно, что стучитъ отецъ дьяконъ.

Быстро, на сколько глаза мои могли разбирать предметы, пробѣжалъ въ переднюю.

Мѣщанинишка тотчасъ побѣжалъ за мной. Передразнивалъ меня. Словно его шаги были, какъ эхо моихъ.

Отперъ дверь.

— Ну вотъ и я!

Я взялъ отца дьякона за рукавъ. Съ трудомъ выговорилъ:

— Отецъ дьяконъ... скажите... здѣсь, недалеко... это правда, что большевики вырѣзали цѣлую семью?

— Тутъ разные случаи были, — уклончиво отвѣтилъ отецъ дьяконъ. — Стычки разныя бывали...

— Нѣтъ... нѣтъ... Въ одной семьѣ былъ обыскъ...

Я нарочно не хотѣлъ упоминать фамиліи генерала Коновницына. Мнѣ хотѣлось, чтобы отецъ дьяконъ самъ ее назвалъ. Почему-то боялся даже подсказать ему.

— Убили мать, отца, сына...

— Это вы не про генерала-ли Коновницына говорите?

— Да... да... Онъ жилъ тутъ... неподалеку.

— Вотъ... вотъ... Да ты что какой?.. Чего дрожишь то?

Видѣлъ ясно, что, пока мы говорили, забылъ закрыть дверь и мѣщанинишка проскользнулъ мимо насъ. Юркнулъ на лѣстницу.

Я бросился за нимъ.

— Ты чего?.. Куда ты? — крикнулъ отецъ дьяконъ.

Не отвѣтилъ даже на его вопросъ.

— Послушайте... эй вы?..

Шаговъ мѣщанинишки уже не было слышно.

Вышелъ на площадку передъ крыльцомъ.

Никого!

Что за исторія? Куда-же пропалъ этотъ мѣщанинишка? Окликнулъ его. Нигдѣ нѣтъ. Никто не отвѣтилъ.

Показалось, что далеко передъ воротами ограды мелькнула торопливая тѣнь.

— Ну Богъ съ нимъ. Не надо мнѣ его.

Вышелъ за ограду на улицу. Еще разъ осмотрѣлся. Только темныя въ темнотѣ фигуры матросовъ. Этотъ районъ кишитъ матросами. Близко ихъ уставшіе корабли, близко ихъ праздные экипажи.

Свернулъ налѣво. Прошелъ черезъ мостикъ Крюкова канала. Знакомыя мѣста. Вотъ и домъ съ балкономъ...

Часто бывалъ. Знаю и балконъ, и это крыльцо. Перешелъ къ нему. Крыльцо заперто. Калитка во дворъ открыта.

Нерѣдко бывалъ я въ этомъ домѣ, но ни разу не приходилось мнѣ проходить черезъ дворъ. Дворъ грязный, засоренный. Слѣва у конюшенъ лежали горы мусора. Маленькая электрическая лампочка въ воротахъ освѣщала этотъ дворъ. Кое-гдѣ въ окнахъ свѣтились огоньки. Справа въ углу, какъ-бы спрятавшись за выступъ крыльца, было черное отверстіе. Здѣсь, должно быть, лѣстница. Потонулъ въ этой темной гущѣ, ощупалъ перила лѣстницы и сталъ подниматься.

А! выше свѣтъ. Какъ разъ лампочка, повернутая къ дверямъ, освѣщала номеръ квартиры. Она-то мнѣ и была нужна.

Позвонилъ. Ни звука. Потрогалъ за ручку. Съ шумомъ откликнулась изнутри другая ея часть. Молчаніе. Выждалъ. Черезъ нѣкоторое время я снова задергалъ ручкой. Разслышалъ шаги. Мелкіе... Должно-быть, женскіе.

— Кто тамъ?

— Мнѣ по дѣлу... Въ эту квартиру сказали зайти.

— Къ кому?

— Говорю. что въ эту квартиру.

— Не къ Симону Исаичу?

— Можетъ, и къ нему.

— Сейчасъ.

Шаги удалились. Черезъ минуту я опять различилъ шаги, но вмѣстѣ съ прежними мѣшались и основательные, мужскіе.

Дверь отперли. Сперва сняли крюкъ, потомъ отперли ключемъ. Отворили.

Попалъ прямо въ кухню. Свѣтлую, просторную и относительно чистую. У дверей стояла Машка, та самая кухарка, которую я видѣлъ утромъ около бань. Рядомъ съ ней довольно странный типъ въ морской курткѣ. Можно было сразу сказать, что онъ не былъ матросомъ. Ни выправки матросской, ни умѣнья одѣться съ шикомъ, какъ теперь одѣвались они, ни внѣшности. Этотъ типъ носилъ какую-то грязную бородку, спутанную и не подстриженную, и рѣдкіе волосы съ космами.

При видѣ моего костюма, они удивились. Машка улыбнулась и сочувственно посмотрѣла на своего знакомаго.

— Вамъ чего?

— Дѣло-то вотъ въ чемъ, — началъ я, стараясь тянуть время.

Думалъ. Устанутъ стоя слушать, пригласятъ въ комнаты. Тамъ разговорятся, и я все поразузнаю о Коновницынѣ. Это первая ниточка, за которую я уцѣплюсь и, возможно, дойду до своего брата Осипа. Я уже давно думалъ проникнуть въ эту квартиру, но не зналъ какъ. Былъ увѣренъ, что Коновницыны убѣжали изъ Петербурга, и тогда было опасно входить въ квартиру. И, пожалуй, тщетно. Никого нѣтъ. Никто не зналъ о судьбѣ Коновницыныхъ. А теперь изъ разговоровъ около бани я получилъ весьма цѣнныя свѣдѣнія, что въ этой квартирѣ живетъ ихъ прежняя кухарка, Маша.

Бывая раньше часто у Коновницыныхъ, я много слышалъ отъ нихъ объ удивительно милой кухаркѣ Машѣ, которую они сильно хвалили, когда подавался обѣдъ, но я ни разу не поинтересовался на нее посмотрѣть. Въ парадныя комнаты, когда изъ гостей бывалъ даже я одинъ, она никогда не входила.

Тотчасъ сталъ разсказывать сочиненную мной дорогой исторію. Машка и матросъ внимательно слушали.

— Въ Калугѣ я жилъ мѣсяца три тому назадъ... и знакомство завелъ. Подружился съ однимъ...

Немного запнался.

— Съ однимъ товарищемъ. Канюновъ фамилія его.

Узналъ онъ, что я въ Петербургъ иду, и такое порученіе мнѣ далъ. Сестру его здѣсь розыскать. Куда пропала, не извѣстно. А мать убивается. Плачетъ. Все говоритъ, что нѣтъ ея въ живыхъ. Писали... писали... отвѣта нѣтъ. Онъ мнѣ и сказалъ, что она здѣсь жила. Въ этой самой квартирѣ.

— Когда жила-то?

— Еще до революціи.

— А!... Въ горничныхъ что-ли была?

— Должно-быть, такъ. Можетъ, и въ горничныхъ. Здѣсь кто живетъ-то?

— Кто жилъ, того ужъ нѣтъ, — бойко отвѣтила Машка.

Какъ я замѣтилъ, она была въ веселомъ расположеніи духа. Не то, что утромъ, ругаясь съ дамой.

— А какъ ее звали?

— Настасьей... Канонова фамилія...

Машка задумалась.

— Настасьей?.. Такой что-то не помню... А какая она изъ себя была?

— И это онъ мнѣ все описалъ. Молодая. Здоровая. Лицо широкое такое. Розовое.

— Толстая? — весело спросила Машка.

— Да... да... Толстая.

— Была такая одна. Только не долго служила. Прогнали ее. Лѣнива была.

Матросъ нетерпѣливо перебралъ ногами.

— Да полно тебѣ тутъ. Чай простынетъ.

— Сейчасъ... сейчасъ...

Матросъ перебилъ ее и обратился ко мнѣ съ вопросомъ.

— Изъ духовныхъ что-ли?

— Нѣтъ...

— А кто такой?

— Музыкантъ.

Матросъ весело расхохотался. Обрадовался.

— Да ну? На чемъ, товарищъ, играешь?

— На роялѣ.

— А на балалайкѣ умѣешь?

— Умѣю.

— Это вотъ здорово. Ты, товарищъ, не уходи. Ты постой. У меня къ тебѣ дѣло есть... Машка, вотъ что. Ты-бы его чайкомъ попоила?.. А?.. Съ дороги онъ.

Расхохотался.

— Что на себя надѣлъ-то?..

— А гдѣ другое достанешь? Что подъ руку попадало, то и надѣвалъ.

— Лихо!..

— Ну иди, коли такъ.

Это только было мнѣ и нужно.

Машка опять заперла дверь. Наложила крюкъ. Я отеръ ноги о коврикъ, и мы всѣ втроемъ пошли въ комнаты. Замѣтилъ, что изъ кухни одна дверь была въ людскія комнаты. Тамъ было темно. Повернули направо въ корридоръ.

— Осторожнѣе. Ступеньки.

Въ корридорѣ стояли шкапы и сундуки, поставленные одинъ на другой выше человѣческаго роста. Вошли въ столовую.

Дрогнуло сердце... Какъ все знакомо. И эта большая лампа, и столъ, и буфетъ съ часами и вся мебель старинной англійской работы. Со стѣнъ дорогія картины были почему-то сняты и поставлены у стѣны, около двери, одна за другой. Вмѣсто дивана стояла кровать, покрытая темнымъ одѣяломъ. Замѣтилъ и тотъ извѣстный всемъ сундучокъ, который всегда составлялъ необходимую принадлежность каждой кухарки. На гвоздикахъ висѣли юбки и платья Машки.

Всѣ вещи спокойно находились въ этой комнатѣ, а между тѣмъ я сразу почувствовалъ жесточайшую борьбу, даже, вѣрнѣе сказать, войну между ними. Старинная англійская мебель, которую я, смѣясь, когда-то называлъ «обрусѣвшей», словно готовилась двинуться и броситься на нагло забравшіяся сюда изъ людской вещи...

На обѣденномъ столѣ, не покрытомъ ни скатертью, ни сукномъ, ни клеенкой, стоялъ большой кипящій самоваръ,

посуда и закуски. На лакированной поверхности стола видны были пятна, круги и царапины, довольно глубокія. Матросъ сталъ рѣзать хлѣбъ прямо на столѣ и ножомъ оставлялъ на немъ полосы. Когда курилъ, то давилъ окурокъ о столъ.

— Эхъ, Иванъ Терентьевичъ, намусорили вы тутъ,—замѣтила Машка.

— Ничего. Стряхнуть можно.

Обратилась ко мнѣ, наливая чай.

— А я васъ какъ будто сегодня видала. Въ банѣ были?

— Былъ...

Разговора въ толпѣ мы не коснулись. И Машка, и матросъ меня угощали довольно гостепріимно. Всѣ вмѣстѣ выпили по рюмкѣ водки. Закусили селодкой. Дали хлѣба. Свѣжаго, чуть не горячаго еще. Видѣлъ, что его трудно было рѣзать. Крошился больше.

Матросъ посматривалъ на меня, улыбался и встряхивалъ плечами. Я догадался, что онъ предвкушаетъ, какъ я буду играть, а онъ подпѣвать или даже пустится вплясъ.

— Кушайте... кушайте... Звать-то васъ какъ?

Къ этому вопросу я не подготовился. Сказать настоящую фамилію или имя я не хотѣлъ по причинамъ, о которыхъ скажу позднѣе. И мнѣ наобумъ пришлось назвать себя первымъ пришедшимъ мнѣ на умъ именемъ. Почему-то не русскимъ. И это, какъ потомъ я убѣдился, было очень удачно.

— Павелъ Васильевичъ Вóльтеръ.

Произнесъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ, т. е. на о.

Про себя я выдумалъ исторію, какъ я обучался музыкѣ, что мой отецъ служилъ въ оперѣ музыкантомъ. Я тоже игралъ въ оркестрѣ на флейтѣ, но больше былъ таперомъ. Игралъ на вечерахъ въ богатыхъ домахъ.

Узналъ, что въ квартиру въѣхалъ нѣкто Симонъ Исаевичъ Персонъ, очень богатый еврей, помощникъ какого-то комиссара.

— По дѣламъ съ утра уѣхалъ... И ужинать не велѣлъ оставлять.

И матросъ, и Машка говорили про этого Персона съ особымъ уваженіемъ и даже нѣкоторымъ подобострастнымъ трепетомъ.

— Хорошій господинъ. Богатый.

Ничто отъ меня не ускользало. Даже то, что матросъ назвалъ его не «товарищемъ», а господиномъ.

— А ты, товарищъ, намъ сейчасъ поиграешь? — спросилъ матросъ, видимо, давно лелѣя эти мечты.

— Поди, не скоро Симонъ Исаичъ вернется, — замѣтила Машка.

— Такъ сыграй. Потѣшь.

— Могу.

— Ну, чай допей, и потомъ пойдемъ.

Осторожно, словно крадучись и прячась, я задалъ нѣсколько такихъ вопросовъ, которые могли-бы навести разговоръ на Коновницыныхъ. Я опять вернулся къ разспросамъ о никогда не существовавшей Настасьѣ изъ Калуги.

И я добился того, чего хотѣлъ.

Машка разсказала, что послѣ того, какъ убили генерала Коновницына, его жену и сына, зашелъ въ тотъ-жъ день вечеромъ какой-то ихъ родственникъ. И его тотчасъ арестовали и отвезли на Гороховую. Объ этомъ родственникѣ разспрашивать было невозможно. Машка могла догадаться, что я зналъ семью покойнаго генерала Коновницына, и я могъ провалить все дѣло.

— Тоже бывшій офицеръ?

— Тоже изъ этихъ оказался... Тутъ ихъ не мало переловили... Нашъ-то былъ много его моложе. А этотъ постарше, который влипъ...

Разсмѣялась.

— Прямо словно на огонь полѣзъ...

— Защищался?

— Нѣтъ... какое? Сразу схватили. Руки сзади скрутили и вся недолга.

— Это у нихъ просто дѣлается, — весело вставилъ матросъ.— Разъ и готово.

— Ругался, поди? — спросилъ я, тоже улыбаясь.

— Нѣтъ. Молчалъ. Губами только поводилъ...

Манера моего брата Осипа... Какъ-бы спросить эту Машку о бородавкѣ? У брата была на лѣвой щекѣ очень замѣтная бородавка. Тогда я зналъ-бы навѣрняка, что это былъ онъ. Для меня было важно узнать, что въ это время мой братъ былъ въ Петербургѣ.

Началъ вообще про бывшихъ офицеровъ.

— Скрываются многіе. Ну да узнать ихъ не такъ трудно. Бѣлоручки. И манеры другія. Выправка. Лица бритыя... Если и отпустятъ бородку...

— И нашъ былъ бѣленькій такой. Щеки-то какъ-бы у ребенка. Пухлыя еще. А тотъ худой, высокій... И бородавка...

— А что, товарищъ, — обратился я къ матросу, не дослушавъ Машку, — вы какъ это бородку носите? Развѣ это полагается?

— А я пекаремъ служу... Въ пекарнѣ Балтфлота, что недалеко отъ Благовѣщенья.

Видѣлъ, что его разбираетъ нетерпѣніе. Ужъ очень ему хотѣлось послушать музыку.

— Рояль въ той комнатѣ.

Машка шла впереди. Вышли въ коррпдоръ и по другому корридору свернули налѣво. Я замѣтилъ сбоку дверь съ овальнымъ окномъ.

— Это что? Ванная?

— Да.

— Руки-бы мнѣ помыть малость.

Машка повернула кнопку, и тотчасъ окно въ ваннѣ освѣтилось.

— Электричество теперь никому не даютъ. А нашъ баринъ себѣ выхлопоталъ, — съ гордостью за своего барина сказала Машка.

Въ ванной висѣли полотенца. На полочкѣ мыло и бритвенныя принадлежности.

Думалъ, что Машка скажетъ:

— Тутъ ихъ и прикокошили.

Нѣтъ, не сказала.

Меня охватилъ ужасъ. Но я тотчасъ силой воли подавилъ въ себѣ свои мысли.

Здѣсь... около этой ванны убили и генерала, и его жену, и дорогого мнѣ Володю.

Стиснулъ зубы. Я не долженъ о нихъ думать. Боялся припадка. Боялся, что начну говорить вслухъ.

Свершилось. Володя убитъ. Это въ прошломъ... А теперь другая жизнь.

Новая!..

И эта жизнь въ моихъ рукахъ. Поверну колесо и все исчезнетъ...

Прошли въ гостиную. Больно сжалось сердце.

Сяду я за рояль. Прибѣжитъ Володя, Осипъ...

Заигралъ «Стеньку Разина». Сразу очаровалъ Ивана Терентьевича. Онъ пришелъ въ полный восторгъ.

Подпѣвалъ. Махалъ руками. Похлопывалъ меня по плечу.

Машка важно усѣлась на диванъ. Слушала. Съ довольной улыбкой посматривала на развеселившагося матроса.

— Вотъ что, — рѣшилъ онъ. — Идемъ сейчасъ къ намъ. Къ самому нашему комиссару сведу тебя.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Да ты у насъ... Ты самый первый будешь по музыкальной части. У насъ одинъ есть, который на вечеринкахъ играетъ. Да плохо что-то. Все одно жаритъ. Другого ничего подобрать не можетъ. А сегодня у насъ вечеринка будетъ. Тутъ недалеко... Квартиру подходящую нашли. Теперь ты будешь у насъ играть. Смекаешь? И паекъ тебѣ дадимъ. Идетъ что-ль?

— Хорошо.

— Вотъ молодецъ. Сразу и готово! Ну а пока еще что сыграй намъ.

Обратился къ Машкѣ:

— Что? Здорово?

— Да ужъ что говорить.

Я давно не дотрогивался до рояля. Руки за эти года одеревенѣли. Огрубѣли. Застыли пальцы. Сказывался и ударъ въ плечо. Прикладомъ ударили.

Погрѣлъ руки у рта. Казалось, что зимній холодъ еще не вышелъ изъ костей.

Заигралъ одинъ изъ самыхъ бравурныхъ танцевъ.

Звонокъ.

Машка мигомъ вскочила съ дивана. Съ испугомъ крикнула:

— Баринъ!

3. ПРОСВѢЩЕНІЕ

Машка убѣжала. Матросъ хотѣлъ, было, тоже выйти изъ комнаты. Взялся даже за кнопку, чтобы потушить электричество, но я нарочно не прервалъ игры.

Услыхалъ вскорѣ голосъ Машки. Льстивый, виноватый...

— А тутъ одинъ человѣкъ пришелъ... А мы съ Иваномъ Терентьевичемъ захотѣли музыку послушать...

Она еще что-то говорила, бѣгая около вошедшаго, стараясь догнать его, встать къ нему поудобнѣе, попасть въ ногу.

Я продолжалъ игру, не поворачивая головы. Разслышалъ только слова «баринъ» и «кушать».

Вошедшій прошелъ черезъ гостиную, сзади меня, потомъ задребезжали ключи. Видимо, отпиралъ письменный столъ или бюро или книжный шкапъ. Что-то спросилъ. Голосъ гортанный. Мнѣ показалось, что не молодой.

— Слушаю, баринъ... слушаю...

Заволновалась. Побѣжала, было, но вернулась. Еще что-то спросила.

— Кто спрашивалъ меня по телефону?

Матросъ стоялъ почти у самыхъ дверей. Стоялъ смирно, молча, тоже почтительно. Словно готовый къ тому, что крикни на него «баринъ», онъ тотчасъ вылетитъ изъ комнаты, гдѣ ему не подобаетъ стоять даже у дверей.

Я кончилъ. Опустилъ руки. Не повернулся.

— А хорошо... Очень хорошо.

Это сказалъ Симонъ Исаичъ Персонъ. Подошелъ къ роялю и сталъ меня осматривать съ ногъ до головы. Видимо, въ его душѣ появилось какое-то подозрѣніе относительно моей личности.

И я поднялъ глаза.

Симонъ Исаичъ оказался совсѣмъ молодымъ человѣкомъ. Средняго роста. Одѣтъ не только прилично, но даже съ большимъ шикомъ, въ особенности при сравненіи съ моими лохмотьями. Темная визитка. Прекрасно, по фигурѣ сшитая. Чистые, бѣлоснѣжные воротничекъ и манжеты. Надушенный платокъ. И могущіе окончательно всѣхъ убить своимъ превосходствомъ брилліантовыя запонки на манжетахъ, браслетъ и величиною съ обыкновенный орѣхъ булавка въ галстукѣ. Держался онъ прямо, немного высокомѣрно, увѣренно, съ полнымъ сознаніемъ своей силы и власти и своего превосходства не только надъ нами, но и надъ многими повыше насъ.

Лицо продолговатое, съ откинутымъ назадъ черепомъ и вытянутымъ впередъ подбородкомъ. Узкій, но длинный, горбатый носъ. Нижняя губа немного оттопырена. Глаза на выкатѣ, что называется «съ поволокой». Верхнія вѣки чуть опущены, какъ у покойниковъ. Вся голова его казалась рыжей: рыжіе, рѣдкіе и тонкіе волосы, тщательно прилизанные, съ проборомъ сбоку, рыжій цвѣтъ лица отъ массы рыжихъ веснушекъ, рыжія, гладко выбритыя щеки и рыжія рѣсницы, словно ножки таракана.

— Очень хорошо... — повторилъ онъ еще разъ.

Снова съ подозрѣніемъ осмотрѣлъ мой костюмъ и торопливо подошелъ къ небольшому бюро, поднялъ крышку, досталъ бумаги, сѣлъ въ кресло и углубился въ работу. Далъ понять, чтобы мы уходили.

— Идемъ, — тихо сказалъ матросъ.

Уже когда мы были въ дверяхъ, Персонъ крикнулъ:

— Маша... дайте ему брюки. Старыя, которыя я по утрамъ надѣваю.

— Съ полоской? — спросила Машка.

— Да.

Говорилъ Перзонъ съ рѣзкимъ акцентомъ, чуть растягивая гласныя буквы.

Матросъ меня обнялъ за талію.

— Идемъ... идемъ. Мы, пожалуй, еще застанемъ нашего комиссара.

Машка достала для меня старыя брюки Перзона и проводила насъ до дверей. Пошелъ съ матросомъ.

— Это мы устроимъ... Мы то есть теперь все какъ ни на есть устроимъ. Чего? Комиссаръ у насъ хорошій...

Говорилъ много. Любилъ для красоты слога насыщать его массой случайныхъ словъ. Итти пришлось недолго. Прошли въ ворота длиннаго краснаго корпуса. Встрѣчные матросы на меня смотрѣли съ нѣкоторымъ изумленіемъ, оборачивались. Я шелъ, нисколько не смущаясь отъ ихъ взглядовъ. Придерживалъ рукой болтавшійся у меня справа пустой мѣшокъ. Брюки, подаренныя мнѣ Перзономъ, я несъ отдѣльно, держа пакетъ подъ мышкой.

Вошли въ комнату. Стояли пустые столы. Много рваной бумаги, окурковъ и грязи. Матросъ сидѣлъ на стулѣ и курилъ.

— Что, товарищъ, комиссаръ тутъ? — спросилъ мой матросъ.

— Здѣсь.

— Занятъ?

— Есть тамъ кто-то.

Мы прошли еще комнату. На дверяхъ былъ повѣшенъ плакатъ съ какими-то красными знаменами, матросской фуражкой и вычурной надписью «комисар». Видимо это была работа мѣстнаго матроса художника.

Иванъ Терентьичъ смѣло отворилъ дверь. Въ комнатѣ было человѣка три. Одинъ сидѣлъ за столомъ, другой, согнувшись пополамъ, лежалъ всѣмъ корпусомъ на столѣ, подперевъ голову руками, третій стоялъ.

О чемъ-то горячо спорили. Посмотрѣли подозрительно на меня. Но говорить не перестали. Иванъ Терентьичъ поклонился. Шепнулъ мнѣ:

— Обожди малость.

Обсуждали вопросъ о томъ, что дѣлать съ провинившимся матросомъ.

— Ты ему говорилъ?

— Говорилъ.

— А онъ что?

— Да ничего.

— Всыпать-бы ему хорошенько, тогда-бы пересталъ.

— Я и такъ... Отвелъ его, хватилъ кулакомъ по рожѣ, да и говорю: ахъ ты такой...

— А онъ что?

— Не буду, говоритъ.

— Мало наклалъ, — вставилъ третій.

— Вамъ чего? — обратился сидящій за столомъ комиссаръ къ Ивану Терентьичу и ко мнѣ.

— Да вотъ...

Всѣ обернулись въ мою сторону.

Иванъ Терентьичъ для краснаго словца наплелъ на меня много лишняго. Сказалъ, что я музыкантъ, служилъ въ театрѣ. Въ Сибири. Что, когда тамъ была бѣлые, мнѣ пришлось бѣжать...

— А когда пріѣхали? — спросилъ меня комиссаръ.

— Я пришелъ, а не пріѣхалъ.

Весь разсказъ Ивана Терентьича и описаніе того, какъ я лихо играю, произвелъ на всѣхъ самое неожиданное впечатлѣніе. Всѣ заинтересовались мной.

— Паспортъ есть?

— Былъ, да я его дорогой потерялъ. Обронилъ или украли. Въ больницѣ долго лежалъ. Можетъ, тамъ остался. Не припомню.

— А кто такой? — строго спросилъ комиссаръ.

— Музыкантъ.

— Изъ иностранцевъ, — вставилъ Иванъ Терентьичъ.

То, что я музыкантъ и вдобавокъ изъ иностранцевъ, какъ я замѣтилъ, произвело на всѣхъ благопріятное для меня впечатлѣніе. Всѣ повернулись и болѣе внимательно осмотрѣли меня.

— Сегодня танцуемъ, такъ-бы вотъ онъ намъ сыгралъ,— предложилъ Иванъ Терентьичъ. — А то нашъ ничего не стоитъ.

— Что-же? Можно...

Комиссаръ обратился къ другому матросу.

— Вотъ что, товарищъ. Хоть и не время, а напиши-ка ему удостовѣреніе. И пусть анкету заполнитъ.

— А кѣмъ записать-то?

— Ну въ клубъ. Въ просвѣтительное отдѣленіе. Инструкторомъ что-ли? Или завѣдующимъ музыкальной группой.

— Есть.

Матросъ сонно поднялся со стола, прошелъ въ сосѣднюю комнату и тотчасъ принесъ анкету и бланкъ.

— Садись сюда.

Комиссаръ уступилъ мнѣ мѣсто. Я неловко усѣлся за столъ. Халатъ оттопыривался. Рукава, вдобавокъ ватные, мѣшали взять перо и писать. Смѣло выводилъ то, что требовалось.

«Вольтеръ Павелъ Васильевичъ, музыкантъ, сорока двухъ лѣтъ, образованія домашняго, въ войскахъ не служилъ ни до революціи, ни послѣ.»

Еще много что пришлось писать. Писалъ, понятно, по новой орѳографіи.

Правды въ анкетѣ было очень мало. Развѣ только то, что мнѣ было сорокъ два года. Когда я подалъ анкету, ея никто не читалъ. Мнѣ отпечатали на пишущей машинкѣ съ бланкомъ Балтфлота удостовѣреніе и выдали на руки.

— Товарищъ, а ты пойдешь что-ли сейчасъ къ намъ въ танцульку? — спросилъ Иванъ Терентьичъ. Пора ужъ.

— Хорошо.

Мы всѣ двинулись.

Иванъ Терентьичъ былъ внѣ себя отъ восторга. Все такъ прекрасно уладилось.

— Тебѣ и паекъ полагается. Въ среду выдача. Ты, прямо ко мнѣ приходи. Я тамъ скажу, чтобы тебѣ больше отпустили...

Матросы шли сзади и о чемъ-то бесѣдовали.

— Коли Семеновъ балалайку не принесетъ, такъ я ему скажу, чтобы домой сбѣгалъ и притащилъ для тебя... Балалайка будетъ!.. Это ты не безпокойся. Э...эхъ!.. У насъ одинъ играетъ, да только мы имъ нисколько не довольны. Все одно жаритъ. Больше ничего подобрать не можетъ. Ясно дѣло, что только изъ-за пайка къ намъ поступилъ. Говорилъ, что музыкантъ. Надулъ... А ты?.. Ты другое дѣло. Сейчасъ видать, что настоящій... Только у тебя... того... Не подходяще одѣтъ... Поди играть-то неудобно. Надо, чтобы руки были свободныя... У насъ концерты часто бываютъ. И сегодня будетъ... Такъ пѣвица, которая пріѣзжаетъ, у той, чтобы легче ей пѣть, и грудь голая, и спина, и руки...

Мы прошли мимо того дома, гдѣ я только что былъ. Свернули въ улицу. Парадная была отперта, освѣщена и гостей встрѣчалъ матросъ. Поздоровался съ комиссаромъ, и мы стали подниматься по лѣстницѣ.

Для вечеринки почему-то взяли квартиру въ третьемъ этажѣ этого дома. Какъ я узналъ потомъ, назначенный на вчера вечеръ не могъ состояться. Не было помѣщенія. Залъ въ морскомъ корпусѣ залило водой, и онъ оказался негоднымъ. Хотѣли перенести концертъ и вечеринку въ церковь... въ соборъ Николы Морского... Я уже писалъ объ томъ, какъ они сговаривались съ отцомъ дьякономъ. Но потомъ эту комбинацію оставили.

— Успѣемъ... Потомъ приспособимъ соборъ...

И нашли случайно великолѣпную барскую квартиру въ третьемъ этажѣ. Сами они удивлялись, какимъ образомъ эта богатѣйшая квартира уцѣлѣла. Никто о ней не зналъ. Никто не напомнилъ. Предсѣдателя домкомбѣда, какого-то отставного чиновника, арестовали за умышленное сокрытіе квартиры и отвезли на Гороховую. Какъ оказалось, въ одной, самой удаленной небольшой комнатѣ, жила прежняя хозяйка этой квартиры, какая-то глубокая старушка. О ней было сказано мелькомъ.

Тотчасъ, какъ узнали объ этой квартирѣ, откомандиро-

вали туда матросовъ, и они въ два дня привели всю квартиру въ надлежащій видъ, вѣрнѣе сказать, приспособили ее для клуба и просвѣтительнаго отдѣленія. Большой залъ былъ вполнѣ подготовленъ къ концерту и танцамъ.

Матросы еще возились съ устройствомъ зала и буфета. На пустыя стѣны матросы вѣшали портреты Маркса, Ленина, Троцкаго, Зиновьева и Горькаго. Стояли въ простѣнкахъ на кожаныхъ стульяхъ и, поднявъ высоко руки, вколачивали въ стѣну гвозди. Кто-то принесъ гирлянду изъ еловыхъ вѣтокъ. Вѣшали и приколачивали плакаты.

Уже пришло нѣсколько барышень въ цвѣтныхъ платьяхъ.

— Вотъ чучело, — сказала одна, увидавъ меня въ дверяхъ, и громко расхохоталась.

Иванъ Терентьичъ посмотрѣлъ на меня, и мой костюмъ показался, видимо, и ему не совсѣмъ приличнымъ по сравненію съ изящными и милыми костюмчиками барышень.

— Вотъ что, товарищъ... пойдемъ-ка...

Провелъ меня въ корридоръ. Тамъ толкались матросы.

— Товарищи. У кого есть шинель?

— Есть... А что?

— Надо...

— Вотъ бери, чья-то на крюкѣ виситъ.

Иванъ Терентьичъ сорвалъ съ крюка шинель, махнулъ мнѣ рукой и, толкнувъ ногой дверь, вошелъ въ небольшую комнату.

Это была дѣтская.

Маленькая кроватка съ краснымъ тюфячкомъ. Подушка безъ наволочки. На столѣ кукла. Забытая...

Казалось, что прибѣжитъ сейчасъ дѣвочка и возьметъ ее себѣ.

— Снимай-ка, товарищъ, твою хламиду. А то будешь играть на роялѣ, такъ взопрѣешь.

Я скинулъ халатъ. Остался въ высокихъ сапогахъ, брюкахъ и рубашкѣ.

Вошелъ еще матросъ. Полюбопытствовалъ. Дверь изъ

коридора въ дѣтскую была полуотворена. Увидалъ свѣтъ и вошелъ. Остановился и даже отъ удивленія забылъ закрыть ротъ.

Иванъ Терентьичъ надѣлъ на меня матросскую шинель и застегнулъ ее на крючки. Видимо, эту шинель носилъ низенькій и толстый матросъ. Въ груди она сошлась, но рукава оказались немного короткими.

— Хорошо. Легче играть будетъ, — рѣшилъ Иванъ Терентьичъ, осматривая меня. — Только вотъ волосы и борода. Ну съ этимъ пока ничего не подѣлаешь. И такъ ладно.

Мы хотѣли было уже выйти, какъ вошедшій матросъ съ досадой крикнулъ:

— Ахъ ты...

И выругался.

Обернулись.

— Безобразіе!...

Онъ смотрѣлъ на образъ, висѣвшій въ углу комнаты. Голова Христа.

Протянулъ руку. Не досталъ. Высоко. Встать на стулъ почему-то не хотѣлъ. Лѣнь. Надо было отъ стѣны сперва отодвинуть шкапикъ. А на него не влѣзть. Увидалъ какую-то палку отъ сломанной игрушки и, уперевъ ея конецъ въ кіотъ, сталъ поднимать ее выше, чтобы веревка соскочила съ крюка. Сдѣлалъ это онъ довольно ловко. Дѣйствительно, икона сорвалась съ крюка. Но удержать онъ ея не могъ. Ударилась стекломъ объ уголъ шкапика и вмѣстѣ съ лампадкой грохнулась на полъ. Матросъ почему-то вдругъ разозлился и что есть силы придавилъ ее каблукомъ. Дерево треснуло.

За то время, какъ мы переодѣвались, народу уже набралось много. Всѣ мѣста въ залѣ были заполнены. Даже стояли у стѣнъ. Все честь честью. Настоящій концертный залъ. Дверь въ столовую не только была закрыта, но охранялась специально для этого поставленнымъ матросомъ. Съ другой стороны столовой вносили какіе-то мѣшки, свертки и пакеты.

— Тутъ для артистовъ комната особо отведена, — сказалъ мнѣ Иванъ Терентьичъ.

Провелъ меня въ «артистическую комнату».

Пошелъ. Сѣлъ въ сторонку. Смотрѣлъ на артистовъ.

— Вы аккомпанируете? — обратилась пѣвица къ какому-то юркому тоненькому человѣку.

— Я.

Показала ему ноты.

— Это сумѣете?

— Еще-бы... пустяки.

— Тутъ у меня карандашомъ отмѣчено, что пропустить.

— Понимаю.

— Если спутаетесь, они все равно ничего не поймутъ.

— Это вы напрасно...

Заговорилъ господинъ. Пожилой. Съ лысиной во всю голову и бородой лопатой съ большой просѣдью. Щеки довольно пухлыя, розовыя...

— Это вы напрасно... Съ ними я теперь еще ближе познакомился. И не ошибся въ нихъ... Народъ... настоящій народъ. Русскій, крѣпкій, умный и смышленый. Онъ очень тонко все понимаетъ...

— Что вы говорите?... Дикари...

— Э... эхъ... Барынька-то въ васъ и теперь сидитъ. Знаете вы нашъ народъ? Да ни съ эстолько... Откуда вы его видѣли? Ну, скажите по совѣсти, видали вы его.

— И смотрѣть не хочу.

— Вы вонъ какъ. Этакъ и говорить съ вами нельзя. «Смотрѣть не хочу»?.. Скажите пожалуйста... Не любите его, а за пайкомъ небось пришли?..

Пѣвица вспыхнула.

— А вы сами даромъ что-ли читаете? Тоже изъ-за пайка имъ служите... Я вотъ кусокъ хлѣба получу—дѣтишекъ своихъ накормлю. Не все-ли мнѣ равно, передъ кѣмъ пѣть? Спою изъ «Рогнѣды», романсъ Чайковскаго, а вы будете читать... О чемъ вы читаете?

— О Горькомъ.

— Тема очень благодарная... для усиленнаго пайка.

— Ну... ну... ну... На поворотахъ осторожнѣе.

Лысый лекторъ съ недовольнымъ видомъ погладилъ бороду.

Вошли матросы.

— Начинать пора!

Господинъ съ лысиной всталъ и, что-то бурча подъ носъ, вышелъ.

— Только двое?

— Нѣтъ, тамъ еще есть.

Пришелъ пѣвецъ, двѣ дамы. Скрипачъ.

Хотѣлось посмотрѣть, что дѣлается на сценѣ и послушать лысаго чтеца. Двери изъ зала въ корридоръ были открыты и около нихъ стояло столько народу, что пробраться въ залъ было невозможно. Я поднялся на цыпочки и черезъ головы увидалъ, что за столикомъ молча сидѣлъ лысый лекторъ въ ожиданіи, когда ему дадутъ говорить, и смотрѣлъ на публику. Недалеко отъ него стоялъ молодой человѣкъ въ матросской курткѣ и держалъ рѣчь. Онъ весь кипѣлъ. Лицо раскраснѣлось. Голосъ срывался. Слышалось.

— Товарищи! Теперь, когда... Завоеванія революціи!

Меня оттѣснили. Надо было кому-то пройти впередъ. Пропустили. Снова люди сдвинулись, и я очутился въ самомъ концѣ. Далеко отъ двери. Стоять безцѣльно не хотѣлось. Посмотрѣлъ налѣво. Тамъ у столика, гдѣ провѣрялась публика, двигалась толпа. Мелькали головы матросовъ, кудрявыя головки барышень.

Направо длинный корридоръ темнѣлъ и уходилъ въ безконечность. Терялись контуры стѣнъ. Машинально сдѣлалъ шагъ, другой... А затѣмъ самому захотѣлось погрузиться въ тьму. Оказалось, что корридоръ, упершись въ глухую стѣну, сворачивалъ направо. Опять темный корридоръ. Замѣтилъ полоску свѣта, тоненькую, какъ линію. Ясно, что тутъ дверь. Остановился. Совершенно случайно кашлянулъ. Вдругъ дверь пріотворилась и, какъ мнѣ показалось, высунулась голова.

— Кто тутъ?

Голосъ женскій, старческій, испуганный.

— Виноватъ... я такъ здѣсь... случайно.

— Вѣдь вы-же дали слово, что не будете сюда ходить?

— Я не зналъ...

— Вы должны были знать! Они сказали, что всѣмъ объ этомъ объявятъ.

— Я не матросъ.

— А кто?

— Я здѣсь случайно...

Въ комнатѣ кто-то нѣсколько разъ громко сказалъ:

— Господи... Господи!..

Голова въ дверяхъ исчезла. Послышался плачъ.

— Ну не надо... не надо, барыня...

Онѣ обѣ о чемъ-то говорили. Сразу. Обѣ вмѣстѣ. Слова прерывались слезами. Какъ я почувствовалъ, волненіе наростало. Говорили быстрѣе...

Напугалъ старушекъ... Подошелъ къ двери и пріотворилъ ее. Обѣ взвизгнули. Старушка въ простомъ темномъ платьѣ загородила свою барыню и кричала:

— Не дамъ... не отдамъ ее... Убейте меня лучше...

Какъ успокоить старушекъ — я не зналъ. Нашелся совершенно неожиданно.

— Не бойтесь меня. Я вамъ ничего дурного не сдѣлаю.

Но сказалъ эту фразу на французскомъ языкѣ, и это возымѣло свое дѣйствіе. Барыня слегка отстранила старушку и взглянула на меня. На ея вопросы я объяснилъ ей, какимъ образомъ попалъ въ ихъ квартиру и на эту пирушку матросовъ. Это были та дама и нянюшка, которыхъ я видѣлъ въ церкви.

Говорили мы все время по французски. Нянюшка, какъ ее звала барыня, все время стояла. Несмотря на мои увѣщеванія, она не садилась. Въ разговоръ не вступала и отвѣчала только на вопросы. Если что хотѣла добавить къ разсказу барыни, то сперва просила на то позволеніе.

Дама скоро вполнѣ успокоилась. Довѣрчиво отнеслась ко мнѣ.

Изъ ея разговора и добавленій со стороны нянюшки я узналъ о ней и ея семьѣ многое.

Она происходила изъ княжескаго рода. Всѣ почему-то звали ее княжной. Вся ея многочисленная семья, дѣти и внуки, ушли изъ міра печали и слезъ и оставили ее одну вмѣстѣ съ преданной ей нянюшкой. Кто убитъ на войнѣ, кто разстрѣлянъ большевиками, кто погибъ отъ голода и тифа.

Младшій сынъ убѣжалъ со своей семьей. Около Томска всѣ погибли отъ тифа. Даже маленькая дочь. Одинъ внукъ (видимо, любимецъ княжны) былъ морскимъ офицеромъ и матросы бросили его за бортъ.

Чувствовалъ, что у княжны была сильная, желѣзная воля. Когда она говорила о тѣхъ, кто погибъ на войнѣ, ея царственная голова съ зачесанными назадъ сѣдыми волосами гордо откидывалась назадъ. Лицо дышало гордостью, что дѣти и внуки отдали свою жизнь за родину.

Княгиня говорила о нихъ величайшимъ спокойствіемъ. Со слезами вспоминала о тѣхъ, кто погибъ отъ тифа. И становилась сразу безвольной, страдающей, но непримиримой, когда упоминала о предательски убитыхъ дѣтяхъ и внукахъ. Не могла сдержать слезъ, страха, ужаса, волненія. Дрожала и прислушивалась къ шуму, доносившемуся изъ зала.

Я понялъ, почему эта сильная духомъ старуха такъ испугалась меня.

Есть у человѣка страхъ, ненависть, горе, ужасъ, но все это проявляется, слѣдуя извѣстнымъ переживаніямъ. При разсказѣ-же о томъ, какъ появились въ ея квартирѣ матросы, какъ грубо говорили съ ней, у нея въ голосѣ появлялось что-то для меня новое. Тутъ не было намека на обиду, раздраженіе... нѣтъ! Я лично не могъ-бы даже подобрать подходящаго опредѣленія. Нѣчто въ родѣ брезгливости, хотя и это выраженіе не совсѣмъ точно... Она говорила о томъ, о чемъ какъ-бы не принято было говорить вслухъ. Напримѣръ: она не могла-бы до тонкости описать свое впечатлѣніе при видѣ разложившагося трупа.

— Обѣщали меня не трогать, но я имъ не вѣрю. Вчера и сегодня разоряли квартиру. Не позволили даже выходить изъ этой комнаты.

Когда въ залѣ раздавались апплодисменты и крики, княжна вздрагивала.

Она все-же вѣрила въ то, что «они» не посмѣютъ войти въ ея комнату. Только боялась, что эти собранія у матросовъ примутъ постоянный характеръ и ей будутъ мѣшать.

Но я смотрѣлъ иначе. Предчувствіе меня не обмануло. Нянюшка волновалась. Все-же хоть онѣ тутъ и однѣ жили, а кое-что доставали. Приходилось продавать изъ имущества. Такой человѣкъ нашелся, который все скупалъ.

Жили онѣ обѣ, какъ я узналъ, въ комнатѣ нянюшки. На зиму, за отсутствіемъ дровъ, онѣ парадныя и темныя комнаты запирали и переходили въ комнату няни, которая была болѣе теплой, такъ какъ въ нижней квартирѣ тоже такая-же комната отапливалась.

Внимательно слушалъ княжну.

Вдругъ голова закружилась. Я опустилъ ее.

— Что съ вами?..

— Сейчасъ пройдетъ.

Легкое забытье. Шумъ въ головѣ. Опять стали проноситься разныя впечатлѣнія и воспоминанія.

Концертъ... Матросъ стоитъ на кожаномъ стулѣ съ поднятыми вверхъ руками. Прибиваетъ портретъ Максима Горькаго... Дьяконъ... Три барышни, которыя назвали меня юродивымъ... кукла въ дѣтской...

Открылъ глаза. Тревожное лицо княжны.

— Ничего... прошло. Это у меня бываетъ...

Заговорили о чемъ-то постороннемъ. Княжна сидѣла на диванчикѣ передъ столикомъ. Я сбоку въ креслѣ, спиной къ двери, а нянюшка отошла къ окну.

— Мнѣ иногда трудно не только говорить, но и слушать. Но сейчасъ ничего. Прошло.

Мнѣ нравилось въ княгинѣ то, что она, разсказывая о себѣ, не жаловалась, а спокойно, эпически передавала

факты изъ своей жизни. А вмѣстѣ съ тѣмъ я видѣлъ, что онѣ были далеко не въ курсѣ всѣхъ событій. Княгиня почти не показывалась на улицу, только часто ходила въ церковь. Дѣлала все для нея нянюшка. И она приносила ей всѣ новости, которыя на лету узнавала отъ дворника или жильцовъ въ другихъ квартирахъ. Почти всѣ квартиры были разорены и оставлены пустыми на произволъ судьбы. Вымирали. Сперва вымирали отдѣльно квартиры, а потомъ и самъ домъ.

Послышался шумъ. Крики, голоса, апплодисменты. Двигали стульями, ходили тяжелыми шагами. Видимо, концертъ окончился.

Вдругъ на минуту все смолкло. Запѣли интернаціоналъ.

Выждалъ, пока не окончилось пѣніе. Простился со старушками.

Часть публики уходила. Въ артистической комнатѣ раздавали пайки участвующимъ въ концертѣ. Юркій аккомпаніаторъ суетился, взвѣшивалъ кусокъ хлѣба на рукѣ. Смотрѣлъ на другіе куски и сравнивалъ.

— Вамъ, товарищъ, потомъ выдадимъ, — сказалъ мнѣ матросъ, завѣдующій пайками.

Лекторъ съ лысиной стоялъ со всѣми и ждалъ. Онъ былъ предусмотрительнѣе другихъ. Заготовилъ дома мѣшокъ и бумагу. Соль, селедки, сахаръ, все это онъ аккуратно завертывалъ въ бумажки и опускалъ въ мѣшокъ. Старался каждому движенію придать характеръ чего-то достойнаго смѣха. Острилъ. Говорилъ прибауточки.

У юркаго аккомпаніатора разсыпалась крупа. Собиралъ ее торопливо съ пола. Пѣвица раздобывала веревку и ею связывала пакеты. Лекторъ, хотя и старался быть веселымъ, но на пѣвицу посматривалъ злобно.

— Ни въ одинъ концертъ тебя, матушка, больше не приглашу.

Такъ говорили его глаза.

Пѣвецъ часть пайка положилъ въ портфель съ нотами. Бралъ брезгливо. Долго держалъ за хвостъ селедку, не

зная, что съ ней дѣлать и куда положить. Лекторъ взялъ кусокъ хлѣба:

— Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь...

Пѣвица вспыхнула.

— Вы днесь-то сколько разъ изъ всѣхъ полковъ получаете? — спросила она.

— Завидно стало?

— Да. Завидую... Мое днесь на недѣлю...

Всѣмъ выдали по пригоршнѣ конфектъ и по нѣскольку пачекъ папиросъ, махорки и спичекъ.

Лекторъ надѣлъ свое пальто, которое онъ бережно спряталъ въ «артистической» (чтобы его матросы не своровали?), шапку, и мѣшокъ съ пайкомъ взвалилъ на спину.

— Прощайте, — сказалъ, ни къ кому не оборачиваясь.

Особенно поклонился матросамъ.

— До свиданія, товарищи... Спасибо вамъ.

Пѣвица злобно метнула на него глазами.

— А вы-бы ручку имъ поцѣловали? — чуть слышно сказала она.

— Никогда, никому-съ рукъ не цѣловалъ,—рѣзко отвѣтилъ лекторъ.

— А когда вамъ въ день трехсотлѣтія дома Романовыхъ, въ театрѣ царскій подарокъ преподнесли, тогда вы не цѣловали?

Но лекторъ, не дослушавъ пѣвицы, ушелъ.

Въ залѣ быстро убрали всѣ стулья. Часть унесли. Часть поставили къ стѣнамъ. Оттащили въ уголъ рояль.

Около входа творилось нѣчто невѣроятное. Настоящая давка. Кто уходилъ съ концерта, кто только что явился на танцы. Матросы всѣхъ опрашивали.

— Товарищи! Которые на танцы, только своихъ пускать.

Спорили.

— Нельзя... нельзя, товарищъ... это не для публики...

Я прошелъ къ залу и остановился въ дверяхъ, осматривая тѣхъ, кто остался на балъ. А! уже нѣсколько знакомыхъ лицъ. Та самая барышня, которая приходила въ

церковь къ отцу діакону и просила отдать помѣщеніе подъ вечеръ. Около нея было два матроса. Одинъ, видимо, что называется, «ухаживалъ». Одѣтъ шикарно. Всѣ пальцы въ кольцахъ, съ брилліантами и рубинами. Онъ «ухаживалъ». Улыбался, наклонялся къ ней, что-то говорилъ, громко смѣясь. Барышня «кокетничала». То опускала глазки, поводила плечомъ, то нарочно отворачивалась и надувала губки. Потомъ не выдерживала и хохотала.

Теперь я только могъ хорошенько разсмотрѣть эту барышню. Готовъ былъ пари держать, что она была изъ хорошей семьи. Такъ называемыя въ прежнее время «мѣщанскія манеры» были, видимо, ей привиты за послѣднее время, и она ихъ переняла изумительно. Ей было не больше пятнадцати-шестнадцати лѣтъ. Полная блондинка хорошаго роста и сложенія. Личико?.. Это была въ полномъ смыслѣ слова красавица. Точеный носикъ, большіе, голубые глаза. Цвѣтъ лица нѣжно-розовый. Напудрилась. Подмазала губки и завилась.

Одинъ матросъ былъ красивый парень съ черными усиками. Но другой, который, видимо, только-что съ ней познакомился, былъ до нельзя уродливъ. Рѣдкіе волосы, лицо въ прыщахъ. Маленькіе глаза. Толстыя губы. Когда онъ смѣялся или говорилъ, его ротъ казался чернымъ. Но за то онъ былъ одѣтъ блестяще, по новому матросскому покрою, брюки «клошъ» и куртка.

Тотъ матросъ, который былъ съ Ксеніей (я запомнилъ имя барышни) въ церкви, мало показывался. По большей части стоялъ одинъ. Не подходилъ къ Ксеніи. Хмурился. Распорядитель бѣгалъ по залу. Что-то кричалъ. И снова скрывался.

Гм... Знакомый голосъ. Обернулся.

По корридору, что-то обсуждая дѣловитымъ тономъ, ходилъ господинъ Персонъ съ комиссаромъ, мнѣ уже знакомымъ.

— Какъ прозѣвали эту квартиру!.. Вчера послалъ сюда матросовъ. Потомъ мнѣ донесли, что кое-какія вещи домой стали уносить... Домой, это еще ничего. На рынокъ,

мерзавцы, потащили... Ну я самъ пришелъ. Остановилъ. Однихъ образовъ сколько. Всѣ въ ризахъ... Серебряныя. Есть и золотыя...

— Вы говорите, ризы?

— Ну да.

— А гдѣ онѣ?

— Велѣлъ въ одну комнату всѣ снести. На ключъ заперъ.

— Сколько штукъ?

— Больше двадцати... Что я?.. До сорока будетъ.

— Гм... Сегодня мнѣ показывали мѣхъ... О, что это за мѣхъ... Дамская шубка и шапочка... горностай... О!.. Что это такое?... У меня деньги были. Я уже, было, ее взялъ, а потомъ думаю: зачѣмъ мнѣ эта шубка? Кому я ее подарю? И зачѣмъ я буду у себя ее держать? Или моль поѣстъ или ее украдутъ... Жалко было, но... такъ и оставилъ... Вотъ, если-бы вы купили брату для его жены...

Ушли въ глубь корридора. Когда вернулись, какъ я понялъ, сдѣлка уже состоялась.

— Хорошо... хорошо... Будьте покойны, Симонъ Исаевичъ, я самъ отберу и всѣ до единой иконы пришлю...

— Кресты не забудьте.

— Все... все пришлю.

— А какая шубка!..

Ко мнѣ подбѣжалъ Иванъ Терентьичъ. Съ нимъ былъ какой-то странный человѣкъ. Худой, изможденный, трясущійся.

— А мы, товарищъ, васъ ищемъ. Куда вы запропастились? Пора начинать. Дѣвицамъ танцовать захотѣлось.

— Я жду здѣсь. Я готовъ.

— Такъ какъ-же?.. Какъ-же это такъ?.. Хоть-бы раньше сказали, — съ болью въ голосѣ спросилъ странный человѣкъ.

— Не годитесь вы никуда, вотъ я вамъ что отвѣчу. Какая ваша музыка?.. Все одно и то же... Всѣ на васъ жалуются... Идите... идите. У насъ теперь новый есть...

— Значитъ, совсѣмъ не нуженъ?

— Совсѣмъ. И комиссаръ такъ сказалъ и нашъ завѣдующій.

— Значитъ, и пайка не будетъ?

— Само собой... Стоите развѣ вы нашего пайка?.. ищите въ другомъ мѣстѣ...

Я вмѣшался.

— А я-бы вотъ что сказалъ. Одному мнѣ на весь вечеръ не справиться. Мы-бы поочередно...

— Пожалуй... Ну, послѣ поговоримъ.

И Иванъ Терентьичъ потащилъ меня къ роялю.

Прежній таперъ взялъ стулъ и сѣлъ около рояля.

Я началъ играть. Публика сразу оживилась. На стѣнѣ висѣло зеркало и въ него я видѣлъ часть залы и мелькавшую по стеклу публику. Одной изъ первыхъ стала танцовать хорошенькая дѣвочка Ксенія. Танцовала она съ прыщеватымъ матросомъ.

Веселье началось не исподволь, а какъ-то сразу. Словно наконецъ-то дорвались до танцевъ. Мнѣ въ зеркало было видно, какъ прыгали пары, мелькали розовыя пятна — лица, бѣлые воротники матросовъ и цвѣтныя платьица дѣвицъ.

Когда первый танецъ окончился, многіе бросились ко мнѣ. Благодарили, апплодировали, хвалили. Подбѣжалъ Иванъ Терентьичъ и былъ въ неописуемомъ восторгѣ. Гордился тѣмъ, что отыскалъ меня и что я блестяще оправдалъ его рекомендацію. Подходилъ завѣдующій просвѣтительнымъ отдѣленіемъ и комиссаръ.

— Хорошо, товарищъ, очень хорошо.

Не отставали и барышни. Онѣ разспрашивали меня, какіе танцы я умѣю играть. Радовались, что я зналъ почти всѣ.

— Ахъ, какой вы милый... Ахъ, какой молодецъ...

— А почему вы такой... обросшій?.. — наивно спросила одна барышня и разсмѣялась.

— И костюмъ какой... Вотъ странный...

— Словно голова и ноги попа, а туловище другое.

Тащили своихъ подругъ посмотрѣть на меня.

Подошла и Ксенія. Съ новымъ знакомымъ матросомъ. Оглядѣла меня съ головы до ногъ. Сдѣлала брезгливую мину. Пожала плечиками и отошла. Ея кавалеръ тоже не сказалъ ни слова.

Я игралъ... игралъ безъ конца.

Матросы и дѣвицы плясали безъ устали. Личики у дѣвицъ ихъ раскраснѣлись. Захотѣли пить. Матросы брали ихъ подъ руки и куда-то отводили.

Я усталъ. Однообразіе меня утомляло. Я игралъ только и видѣлъ въ зеркалѣ скачущія фигуры.

Уступилъ мѣсто бывшему таперу. Однообразный шумъ мнѣ сталъ тяжелъ. Захотѣлось хоть ненадолго тишины.

Прошелъ въ переднюю. Рѣшилъ выйти на площадку лѣстницы. Прошелъ мимо матроса, который былъ приставленъ къ двери, чтобы не пускать постороннихъ.

Площадка большая. Выступъ для лифта (теперь онъ бездѣйствовалъ). Мнѣ показалось, что на площадкѣ кто-то есть. Темная фигура. Я всталъ около лифта и отдыхалъ отъ шума.

Тѣнь двинулась и подошла къ матросу.

— Вы ее позвали?

— Позвалъ! — рѣзко отвѣтилъ матросъ. Чуть не крикнулъ.

— Что-же она?

— Сказала, что придетъ. Да вотъ она.

Хорошенькая дѣвочка, Ксенія, подошла къ темной фигурѣ женщины.

— Ну? — грубо спросила она.

— Ты что-же?.. Когда вернешься?

Голосъ мучительный, полной скорби.

— Когда вернусь, тогда и вернусь.

— Ксенія! — съ болью произнесла дама.

— Ты только для этого, мама, приходила?

Фыркнула.

— Сидѣла-бы лучше дома, — съязвила она.

Повернулась и побѣжала на балъ.

Дама минуту постояла. Надо было уходить. Я поднялъ глаза. Я увидалъ ея лицо. Оно было сейчасъ освѣщено.

Чуть было не вскрикнулъ...

Что это?.. Чудо?.. Это ожила Богоматерь. Это тотъ-же ликъ, что и на моей найденной мной иконкѣ.

Скорбный ликъ!..

Я снова долго игралъ. Игралъ и видѣлъ въ зеркалѣ скачущія фигуры. Предложилъ опять замѣнить меня бывшему таперу. Онъ грустилъ, что играетъ въ послѣдній разъ и лишается пайка.

Было мнѣ неловко. Словно я укралъ у него его должность и паекъ. Правда, этотъ таперъ бренчалъ ужасающе. Одно и то же. Безъ ритма, безъ смысла.

Посмотрѣлъ на веселящихся матросовъ. Почти у всѣхъ необычайно довольныя лица.

Теперь «аристократами» стали эти матросы и разные Перзоны.

Какъ они одѣты! Какая изумительная мода. Какой покрой брюкъ. И свѣже выглаженное бѣлье и воротники. Какъ расчесаны, подстрижены, выбриты. Какъ будто пріобрѣли новую манеру двигаться, дѣлать жесты и говорить.

Веселая и праздная жизнь. Ни службы, ни работы. Праздникъ. У матросовъ большой праздникъ! И онъ тянется не день, не недѣлю, не мѣсяцъ, не годъ. Года!

Утомительная, тяжелая война. А теперь отдыхъ.

Отдыхъ, когда нѣтъ ихъ начальства. Ненавистныхъ имъ адмираловъ, капитановъ, мичмановъ. Въ одинъ мигъ сбросили эту обузу въ море.

Не стало ни Бога, ни Царя, ни офицеровъ, ни флота.

Пѣшіе матросы.

Теперь насталъ для васъ вѣчный праздникъ!

4. РАННЕЕ УТРО.

Распорядитель ходилъ по залу и усиленно звонилъ въ колокольчикъ.

— Товарищи! Пора расходиться.

Иванъ Терентьичъ шепнулъ мнѣ:

— А ты, товарищъ, останься... Нужно!

Какъ-то хитро улыбнулся. Подмигнулъ мнѣ. И, вытянувшись во весь ростъ, сложилъ руки рупоромъ:

— Товарищи, расходитесь!

Ксенія и прыщеватый матросъ сидѣли въ сторонѣ у окна. Разговаривали. Ксенія по временамъ вспыхивала. Махала рукой. Хотѣла даже убѣжать, но матросъ удержалъ ее за руку. Посадилъ снова рядомъ съ собой. Курилъ. Заставилъ и Ксенію курнуть. Закашлялась и папиросу бросила за стулъ.

Симонъ Исаичъ, по всей вѣроятности, уже ушелъ. Больше я его не видалъ. Комиссаръ и знакомые мнѣ матросы на минуту вошли въ залъ. О чемъ-то посовѣщались. Снова ушли. Толпа рѣдѣла.

Я сидѣлъ у рояля. Старый таперъ ушелъ. Смотрѣлъ на тѣхъ, кто остался. Съ кѣмъ-то спорили. Просили уйти. Увѣщевали. А потомъ уже безцеремонно вывели.

По залу ходила барышня, лѣтъ двадцати. Недурненькая. Видимо, по прежней терминологіи, «изъ простыхъ». Раньше, я бы сказалъ: «швейка». Лицо худенькое. Блѣдная. Обратилъ вниманіе на то, что она все время кидала злобные взгляды въ сторону Ксеніи и ея кавалера. Кусала губы. Глаза сверкали.

Ревнуетъ!..

Стали кое-гдѣ тушить огни. Насъ всѣхъ позвали въ столовую. На большомъ обѣденномъ столѣ и на буфетѣ лежало угощеніе. Все было положено кое-какъ и гдѣ попало. Хлѣбъ лежалъ прямо на лакированномъ столѣ. На бумагѣ селедка. Колбаса и куски мяса. Тутъ-же стояли бутылки съ водкой, виномъ и шампанскимъ. Изъ буфета

вынимали тарелки и ножи. Водку и вино наливали въ чашки и пили. Хлѣбъ и все, что лежало на столѣ, тутъ-же рѣзали, брали куски руками и жевали, откидывая остатки на этотъ же столъ.

Осталось, какъ я замѣтилъ, кромѣ матросовъ, назначенныхъ для услугъ, человѣкъ двадцать. Дѣвицъ было всего шесть.

Ксенію угощалъ ея новый кавалеръ. Заставилъ ее выпить, самъ отрѣзалъ хлѣба, кусокъ ветчины, положилъ ей въ видѣ бутерброда и въ рукахъ преподнесъ.

Всѣ проголодались. Пили и жевали, стоя, какъ на станціи.

Иванъ Терентьичъ ухаживалъ за мной. Угощалъ. Указывалъ, что вкусно. Разворачивалъ газетную бумагу и, если находилъ что вкусное, предлагалъ мнѣ.

— Вотъ это, товарищъ...

Убѣжалъ. Черезъ минуту притащилъ мнѣ мой мѣшокъ. Въ немъ лежали старые брюки Симона Исаича. Что-то шепнулъ комиссару, тотъ одобрительно кивнулъ головой. Отвѣтить не могъ. Жевалъ. И Иванъ Терентьичъ сталъ накладывать мнѣ въ мѣшокъ всевозможныя вкусныя вещи.

— Хлѣбъ мы поверхъ положимъ...

Мѣшокъ мой пухъ. Поставилъ его въ сторонѣ на стулъ. По временамъ что-то бралъ и снова совалъ въ мой мѣшокъ.

Когда всѣ болѣе или менѣе насытились, многіе перешли въ гостиную.

Въ дверяхъ показался Иванъ Терентьичъ. Держалъ въ рукахъ балалайку.

— Онъ намъ сыграетъ. Онъ умѣетъ.

Задыхался отъ восторга. Ввелъ меня въ гостиную. Комиссаръ, откинувъ голову, сидѣлъ на диванѣ и курилъ. Передъ нимъ стояла бутылка и чашка. Въ уютномъ уголку усѣлся прыщеватый матросъ съ Ксеніей. Ея старый поклонникъ говорилъ въ другомъ углу съ блѣднолицей барышней. Матросъ, видимо, что-то ей доказывалъ, успокаивалъ ее. Но барышня волновалась. На чемъ-то настаивала.

Я сѣлъ къ стѣнѣ, взялъ балалайку и заигралъ. Долженъ сказать, что я, играя довольно недурно на рояли,

умѣлъ также играть на флейтѣ, но на балалайкѣ я могъ считать себя большимъ мастеромъ.

Ударилъ по струнамъ и тотчасъ перешелъ на веселую русскую пѣсенку.

Иванъ Терентьичъ не удержался. Запѣлъ хриплымъ голосомъ. Сорвался. Ударилъ каблукомъ по ковру и началъ, что называется, «откалывать».

Вскочилъ и другой матросъ. Я перешелъ на плясовую. Выскочила одна изъ барышень, толстая хохотушка... Стали прыгать, кружиться... Тотчасъ прибѣжали изъ столовой. Всѣ приняли участіе въ танцѣ.

Комиссаръ хлопалъ въ ладони въ тактъ танца. Это была какая-то импровизація танца. Каждый танцовалъ самъ по себѣ и всѣ вмѣстѣ. Кто подхватилъ свободную барышню, крутитъ ее, скачетъ, кто одинъ среди гостиной прыгалъ, размахивалъ руками, присѣдалъ и ударялъ, что есть силы, каблуками о полъ.

Изрѣдка раздавались то крики, то отдѣльныя фразы изъ пѣсни.

Танцовали долго. Безъ устали. Наконецъ я самъ оборвалъ танецъ и поставилъ балалайку у стула.

— Эхъ ты береза... Ты моя береза!...

— Подкрѣпиться, товарищи!

Многіе двинулись въ столовую. Кто тамъ пилъ, кто принесъ съ собой бутылку. Мнѣ предлагали. Отказался.

— Не пью.

Ѣлъ я съ удовольствіемъ, но пить боялся.

— Вотъ чайку-бы...

— Это можно. Мигомъ... Я сказалъ, чтобы былъ кипятокъ.

И, дѣйствительно, вскорѣ притащили большой чайникъ съ кипяткомъ, насыпали въ него чаю. Появились сахаръ, конфекты. Матросы брали руками и угощали дѣвицъ.

Подумалъ о княгинѣ и нянѣ. Вотъ имъ-бы что принести? Боялся, что ихъ только напугаю. Навѣрно, уже улеглись спать.

Выпилъ съ леденцомъ горячаго чаю.

— Ну, товарищъ, еще!.. Валяй!... Гдѣ наша не была!..

Танецъ возобновили. На этотъ разъ вышла Ксенія съ своимъ кавалеромъ. Приняли участіе въ танцѣ. Танцовали они не какъ всѣ. Видимо, среди этой публики считали себя выше всѣхъ. Ксенія на другихъ посматривала свысока, съ чуть замѣтнымъ пренебреженіемъ. Ея матросъ держался того-же тона. Они танцовали недолго, опять вернулись на свое мѣсто, въ уголокъ и тамъ шептались.

Всѣ пьянѣли. Одна дѣвица выпила лишнее и, сидя въ креслѣ, засыпала. Нѣсколько разъ во снѣ громко икнула. Опьянѣлъ и еще одинъ матросъ. Онъ не могъ держаться на ногахъ. Пытался танцовать, именно посреди гостиной, но это ему мало удавалось. Стоитъ у стола, опершись о его край рукой. Но чуть отпуститъ руку, всѣ его желанія разбиваются... Ноги идутъ въ одну сторону, а туловище тянетъ въ другую. Повели его къ двери. Его стало тошнить.

Ксенія и ея кавалеръ вскочили и ушли изъ гостиной. Блѣднолицая барышня (ее звали Марусей) опять злобно сверкнула на нихъ глазами и проводила ихъ взглядомъ, пока они не исчезли.

Иванъ Терентьичъ выпилъ, но пьянымъ не былъ. Его восторгъ прогонялъ винные пары. Такъ онъ былъ всѣмъ доволенъ.

— И конфетокъ тебѣ положилъ. Придешь домой — будешь доволенъ. А въ среду за пайкомъ приходи. Еще дадимъ.

Игралъ я много. Заставляли. Чуть только я переставалъ играть и давалъ себѣ небольшой отдыхъ, тотчасъ у всѣхъ мѣнялось настроеніе. Ругались. Кричали. Употребляли отборныя словечки. Засыпали въ креслахъ.

Комиссаръ учитывалъ это и тотчасъ, когда начинался скандалъ, просилъ меня играть. Чуть только я бралъ первые аккорды, всѣ оживали. Правда, танцы уже давно потеряли всякую ритмичность. Но все-же тѣ, которые могли еще двигаться, прыгали и веселились, кто какъ могъ.

— Товарищъ Насухинъ...

Искали его. Говорили, что онъ хорошо поетъ. Нигдѣ не могли найти.

— Ушелъ что-ли?

— Нѣтъ. Онъ съ барышней своей пошелъ... Тутъ сидѣлъ все время.

Я догадался, что искали прыщеватаго матроса. Въ этотъ моментъ вскочила Маруся и бѣгомъ выбѣжала изъ гостиной.

Вмѣсто Насухина запѣлъ другой матросъ. Ему подпѣвалъ Иванъ Терентьичъ, но дѣло у нихъ плохо ладилось.

Становилось жарко. Два дня отапливали квартиру и въ особенности, по распоряженію комиссара, эту комнату.

Я всталъ. Мнѣ хотѣлось немного пройтись, такъ какъ тяжело было сидѣть на одномъ мѣстѣ столько часовъ. Комиссаръ тоже поднялся, и мы случайно вышли вмѣстѣ. Въ залѣ, гдѣ еще горѣло нѣсколько лампочекъ, было довольно свѣтло. За роялемъ сидѣлъ матросъ и пробовалъ играть. Ударялъ пальцемъ по клавишамъ и прислушивался къ звукамъ. Другой матросъ, еле стоя на ногахъ, смотрѣлъ на портретъ Горькаго и умилялся. Говорилъ что-то мало связное:

— Горькій... Ты, значитъ... со всѣми... пролетаріи... Ты нашъ... И все прочее...

Отдѣльныя фразы изъ рѣчи лысаго лектора о Горькомъ.

Комиссаръ усмѣхнулся. Прошли въ какую-то комнату. Освѣтилъ ее.

Кабинетъ.

— Мерзавцы... Какъ богато жили... Здѣсь портретъ ихняго царя висѣлъ. Я первымъ долгомъ распорядился, чтобы портреты и иконы убрали... Богатство какое! Пошарить хорошо, не мало чего найдешь... Старуха, навѣрно, у себя много припрятала... Надо завтра будетъ самому все обслѣдовать... Наши тоже хороши. Растащутъ...

Попробовалъ вытащить ящикъ письменнаго стола. Запертъ.

— Вездѣ посмотримъ... вездѣ... Ну чортъ съ ними. Не убѣжитъ ничего...

Матросъ-комиссаръ, видимо, соображалъ что-то... Задумался. Опустился въ кресло, закурилъ.

— Живы еще, проклятые... Мало ихъ перебили. Все народное добро въ ихъ рукахъ было.

Предложилъ мнѣ сѣсть рядомъ съ нимъ. Вынулъ изъ своего портсигара папироску и передалъ ее мнѣ.

— Устаешь скоро... Цѣлый день въ работѣ. То одно, то другое. За всѣмъ не услѣдишь. А отвѣтственность большая. Того и смотри, придерутся къ чему-нибудь... Правила у насъ строгія...

— Строгія?

— Ну!.. не чета прежнимъ. Ужъ на что у насъ было строго, а и сравнивать нельзя. На «Аврорѣ» служилъ. Тамъ былъ одинъ офицеръ... Бородинъ. Вотъ человѣкъ. Душа. Съ нами, матросами словно равный былъ. И пошутитъ, и поговоритъ... А какъ что...ученье, или что иное — гроза! Малѣйшей провинности не признавалъ. Чуть что — наказаніе. Да какое! Самое строжайшее...

— Любили его?

— Да. Это, скажу по справедливости, было. Бывало, начнемъ про него говорить, такъ никогда не кончишь. Любили ... А ужъ на войнѣ лучшаго и не надо ... А тутъ, какъ революція подошла, у насъ на кораблѣ изъ-за него началось. Вахтенный во время не вышелъ. Ну онъ его сейчасъ подъ арестъ. Мы заступились. Стоялъ на своемъ. — Дѣлать было нечего... Подошелъ одинъ къ нему сзади, взялъ въ охапку и черезъ бортъ... Всѣхъ покидали... Я одного схватилъ, а онъ чуть было меня самого съ собой не потащилъ. Удалось мнѣ кортикъ у него вытащить... Всадилъ — и вся недолга... Вотъ вздохнулъ, когда изъ нихъ никого на кораблѣ не осталось.

Комиссаръ зѣвнулъ.

— Спать пора-бы, да неохота... Все равно завтра рано вставать... Здѣсь полежу.

Перешелъ на диванъ. Легъ. Но въ этотъ моментъ мы услыхали крики, ругань... Доносился шумъ скандала.

— Что тамъ еще?

Крики становились зловѣщими. Раздался визгъ...

— Не ладно что-то...

Поднялся. Пошелъ быстро. Я шелъ за нимъ.

Въ гостиной творилось нѣчто невѣроятное. Матросы образовали кругъ. Махали руками. Грозили. Всѣ говорили сразу. Слышались въ общемъ шумѣ отдѣльныя ругательства.

Комиссаръ оттолкнулъ матросовъ и прошелъ въ центръ круга. Я очутился рядомъ съ нимъ. Съ одной стороны стояла Ксенія съ своимъ матросомъ, съ другой Маруся.

— Ну что тутъ такое? — крикнулъ комиссаръ.

Маруся ничего не слыхала, не видѣла. Она раскраснѣлась. Кричала. Не понимала даже, что говоритъ.

— Мерзавцы... Негодяи!..

Комиссаръ взялъ было Марусю за руку. Она ее вырвала. Обернулась къ нему.

— Ты на меня не лѣзь... Оставь... Ты вотъ на нихъ посмотри... Свиньи... Этотъ вотъ, мерзавецъ... Онъ все... Нѣтъ, это она... Подруга! Тоже... Отбила его... ну ничего... Накрыла я ихъ... Свиньи... Дворянка... А ну-ка теперь кто будешь?.. Какъ я... У одного доктора лечиться будемъ...

Маруся была въ полномъ неистовствѣ. Рѣчь ея была настолько безсвязна, что понять что-либо было невозможно. Она то указывала на Ксенію, то на ея кавалера. Порывалась на нихъ кинуться. Ее тотчасъ удерживали.

Ксенія, видимо, растерялась, хоть старалась быть спокойной. Не обращать вниманія на ругань Маруси. Но, какъ я понялъ, она струсила. То озиралась, то опускала глаза. Моментами она думала убѣжать и оставить на расправу только своего кавалера.

Насухинъ ухмылялся. Эта сцена его забавляла. Ругались двѣ дѣвченки. Здорово!.. Маруська здорово отчитывала Ксенію. Ему было все равно, что брошенная

нимъ дѣвушка въ ругани взяла верхъ. Ему нравилось то, что она умѣло подбирала слова... И въ его взглядѣ на Ксенію я увидѣлъ, что Насухинъ какъ-бы уже остылъ къ ней. Даже появилась черточка пренебреженія. Въ особенности, когда Маруся нѣсколько разъ обозвала ее дворяпкой.

Комиссаръ не могъ унять ссору. Кромѣ самой Маруси, въ сильномъ возбужденіи были и матросы.

— Ну перестать, а то велю выбросить на улицу, — крикнулъ комиссаръ.

Но въ этотъ моментъ случилось что-то настолько дикое, неожиданное, невѣроятное, что, я думаю, ни одинъ человѣкъ не могъ этого предвидѣть.

— А ты чего? Ты чего тутъ!.. Коммунистъ проклятый.

И Маруся со всего размаху ударила звонко по лицу комиссара...

На моментъ всѣ замерли. Но этотъ моментъ прошелъ, и всѣ двинулись на Марусю съ криками... Кто-то ее схватилъ. Поволокъ. Она вырывалась, визжала... Помогали другіе матросы.

— Заприте ее въ этой комнатѣ, — кричалъ комиссаръ.

— Мы съ ней раздѣлаемся.

— Знаю я васъ, проклятые... Будьте вы прокляты съ вашимъ Троцкимъ...

Масса голосовъ заглушила ея выкрики.

Въ дальнюю комнату Марусю втащило двое матросовъ. Закрыли за собой дверь.

Иванъ Терентьичъ вздыхалъ. Не нравилось ему то, что веселье прервалось скандаломъ.

— Пьяные... какъ-бы они чего...

Дверь отворилась. Высунулась голова.

— Товарищъ Ладновъ... Поди-ка сюда.

Ладновъ прошелъ. Снова закрылась дверь... Я всталъ около двери. Хотѣлъ прислушаться. Но трудно было что разобрать. Съ этой стороны галдѣли. Обсуждали происшедшую сцену. Какъ это? Не только рѣшилась Маруся ударить ихъ комиссара, но обругать Троцкаго.

Эта выходка настолько всѣхъ возмутила, что, появись здѣсь Маруся, ее-бы сильно избили. За дверью слышался только визгъ Маруси и шумъ отъ возни. Какъ будто хотѣли отворить дверь, но она не подавалась. Другую дверь. Не ту, въ которую они вошли.

Маруся ругалась. Но вдругъ я услыхалъ отчаянный визгъ. Въ эту минуту здѣсь всѣ находящіеся въ этой комнатѣ какъ будто о Марусѣ забыли. Говорили съ комиссаромъ. Обсуждали, что сдѣлать съ Марусей за ея выходку.

— На Гороховую... На Гороховую!

Шумъ въ затворенной комнатѣ мнѣ показался страннымъ. Охватило предчувствіе чего-то недобраго. Мало-ли что могло взбрести въ голову пьянымъ людямъ?

Осторожно пріоткрылъ дверь. Пахнуло холодомъ, свѣжимъ, только что ворвавшимся съ улицы. Въ комнатѣ было темно. Тѣни нелѣпо возились у раскрытаго окна, кричали пьяными голосами. Отчаянно визжала Маруся. Мнѣ показалось, что ея ноги болтались въ воздухѣ. И моментально, въ одинъ мигъ все смолкло. Сразу стало тихо, жутко тихо. Одинъ изъ матросовъ не то вздохнулъ, не то странно промычалъ.

Все это произошло въ какую-нибудь одну секунду. Я выглянулъ — и тотчасъ отступилъ. Бывало ночью молнія блеснетъ, освѣтитъ поле и тотчасъ все снова погружается въ темноту. А пейзажъ, показавшійся на секунду, остается въ памяти. Какъ будто долго его разсматривалъ. Такъ и теперь. Я заглянулъ въ комнату и сразу увидалъ все, что тамъ произошло. Отступилъ... Сдѣлалъ шага два и опустился на стулъ. На то обстоятельство, что Маруся вдругъ смолкла, что шумъ прекратился, никто не обратилъ вниманія. Дверь отворилась. Прошли трое матросовъ. Направились въ столовую.

— Что это холодно?

Иванъ Терентьичъ подошелъ къ двери и закрылъ ее. Разговоръ о Марусѣ понемножку выдыхался и вся компанія прошла въ столовую выпить послѣднюю.

— Угомонилась? Связали что-ли ? Ну чертъ съ ней. Пусть опомнится.

— Пьяная была.

— Ну это не скажу. Насухина она приревновала.

— Бываетъ. Разозлится человѣкъ, себя не помнитъ.

— Это мы понимаемъ. Что говорить?.. Только вотъ насчетъ Троцкаго, это уже не спьяна... Нѣ... этъ. За это ее на Гороховую... За это она должна отвѣтить... Развѣ это допустимо... Разстрѣлять мало.

— Контръ-революція.

— Ну подралась... это что? Злой да пьяный всегда въ драку лѣзетъ...

— Смолкла небось?.. Пусть полежитъ. Какъ очухается, сейчасъ на Гороховую.

— По телефону сказать?

— Здѣсь не дѣйствуетъ. Пробовалъ.

Изъ всего пьянаго разговора я взялъ только то, что походило на смыслъ.

Иванъ Терентьичъ былъ всего болѣе огорченъ.

— Ну-ка, товарищи... по послѣдней? А?.. И подъ музыку, Валяй!..

Я нарочно заигралъ грустную «Марусю». И тихо запѣлъ. Больше нараспѣвъ говорилъ слова. Матросы слушали внимательно.

Глаза посоловѣлые. Усталые, сонные. Вѣки непроизвольно опускались. Кто съ чашкой, наполненной виномъ или водкой, стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ или буфету, кто сидѣлъ, опустивъ голову. Двое матросовъ обнялись. Дѣвицы почти всѣ разбѣжались. Ксеніи не было. Насухинъ стоялъ одинъ. Онъ былъ самый трезвый изъ всѣхъ. Сперва всѣ пили за здоровье комиссара. Онъ долженъ былъ пить со всѣми. И какъ-то сразу опьянѣлъ.

Сильно опьянѣлъ и тотъ матросъ, который принялъ іудейство и который раньше ухаживалъ за Ксеніей.

Я всматривался въ лица тѣхъ матросовъ, которые вышли изъ комнаты, гдѣ была Маруся.

Тутъ и Ладновъ. Здоровый парень съ лицомъ крестья-

нина, но принарядившагося. Сильный, мускулистый. Настоящій богатырь. Матросскій костюмъ необычайно преображаетъ человѣка. Навѣрно, тотъ брюнетикъ, очень красивый, который раньше ухаживалъ за Ксеніей, былъ тоже изъ крестьянъ. Но лицо его, выбритое, съ черными усиками, казалось благороднымъ. Манеры, принятыя имъ во время службы, особая прическа, все это стерло прежнюю грубость, но Ладновъ не поддался этому вліянію. Повторяю, онъ будто, какъ и я, случайно надѣлъ на себя матросскую форму.

— А гдѣ твоя дворяночка?—съ усмѣшкой спросили Насухина.

— А песъ ее знаетъ, гдѣ. Струсила, должно-быть. Домой побѣжала.

Разсмѣялся.

— Достанется теперь ей на орѣхи... Мать за ней приходила.

— Да ну?..

— Не одинъ разъ. Долго на улицѣ стояла. Все дожидалась.

— Теперь дождалась.

Всѣ хорошо поняли смыслъ послѣдней фразы и расхохотались. Это польстило Насухину. Слегка усмѣхнулся.

— Домой пора-бы, — заикнулся я.

Иванъ Терентьичъ не отпускалъ меня.

— Ну чего тебѣ?.. Посиди, еще.

— Вотъ что, Иванъ Терентьичъ... Узнай-ка мнѣ адресъ и фамилію этой... барышня тутъ была... Ксенія...

— А тебѣ что?

— Да такъ... Она мнѣ сказала: приходи къ намъ поиграть, а адресъ-то забыла дать... У васъ не каждый день вечеринки. А она, можетъ быть, кому рекомендуетъ меня. Любитъ потанцовать...

— Это вѣрно...

— Поди каждый день пляшетъ?

— Чего имъ. Молода, пускай веселится. Я тебѣ узнаю.

— Только не Насухина спрашивай...

— Знаю кого... Это я тебѣ достану. Только ты насчетъ работы не сомнѣвайся... Мы тебя еще рекомендовать будемъ. Это братъ, ты здорово... На поди, на всѣ руки мастеръ!.. И какъ это тебя привело ко мнѣ?

— А что Маша-то твоя не пришла на вечеръ?

— Здѣсь только молодыя. У меня съ ней особь статья...

— Только ты такъ спроси, что-бы не знали, что я...

— Ладно ужъ... Сумѣю.

Обратилъ вниманіе на то, что вино однихъ людей сразу сбиваетъ съ ногъ и они теряютъ сознаніе въ особенности, если захотятъ спать. Но тѣ, которые продолжаютъ пить, переживаютъ нѣсколько этаповъ. То они возбуждены, доходя до степени потери разсудка, то силы у нихъ падаютъ, то вдругъ снова въ еще большей степени возбуждаются. Вотъ этотъ второй моментъ становится особенно рѣзкимъ. Въ время перваго возбужденія остается еще какое-то сознаніе. Потомъ человѣкъ становится невмѣняемымъ и никакого отчета въ своихъ дѣйствіяхъ дать онъ не можетъ.

Я замѣтилъ, что сейчасъ именно начался вторичный подъемъ возбужденія. Это были уже не тѣ люди, что раньше. Другіе.

Полная безсмыслица въ словахъ и дѣйствіяхъ. Обнимались, цѣловались. Тутъ-же ругались и дрались. Одинъ вытаскивалъ изъ буфета посуду и билъ ее объ стѣну. Другой пѣлъ, размахивая бутылкой...

— Бить... бить!..

Этотъ возгласъ подхватили... Вооружились бутылками. Ахнули въ зеркало... Человѣкъ пять пошли въ залъ. Здѣсь, въ столовой показалось имъ тѣсно. Я слышалъ, какъ ударъ слѣдовалъ за ударомъ. Заглянулъ въ залъ. Матросы подняли крышку у рояля и били бутылками по клавишамъ, по струнамъ. Одинъ изъ матросовъ кидалъ стульями въ люстру. Первый стулъ разбилъ нѣсколько колпачковъ. Второй, обычный вѣнскій стулъ зацѣпился за украшеніе въ родѣ вѣтки и повисъ на люстрѣ.

Въ забавѣ неожиданно принялъ участіе и матросъ іудейскаго вѣроисповѣданія.

Матросы гоготали. Это понравилось. Но все-же они понимали, что дѣлали. Своихъ любимцевъ: Горькаго, Троцкаго и другихъ они не тронули. Съ криками и пѣснями они прошли въ слѣдующую комнату. Въ тотъ кабинетъ, въ которомъ я говорилъ съ комиссаромъ.

Ко мнѣ подошелъ Иванъ Терентьичъ.

— Узналъ. Фамилія ихъ Мансурова.

Сказалъ и адресъ.

— Тюремный переулокъ. Это близко...

— Усталъ я...

— Ну хорошо. Въ среду придешь, такъ мы тебѣ дадимъ во что одѣться. Найдемъ. Мѣшокъ-то не забудь. Прощай... Впрочемъ, я тебѣ пособлю.

Я прошелъ въ столовую. Тамъ было полное разрушеніе. Но мой мѣшокъ остался цѣлъ. Какъ онъ стоялъ на стулѣ въ углу, такъ тамъ и остался.

— Погоди малость!..

Иванъ Терентьичъ разошелся. Его доброта не знала границъ. Хотѣлъ меня за мою музыку такъ отблагодарить, чтобъ я былъ вполнѣ доволенъ. Изъ груды, валявшейся на столѣ въ страшномъ безпорядкѣ, онъ что-то выискивалъ, завертывалъ и передавалъ мнѣ. Мѣшокъ уже былъ полонъ. Рядомъ образовался не меньшій свертокъ.

— Будетъ, Иванъ Терентьичъ...

Я связалъ мѣшокъ со сверткомъ, перекинулъ его черезъ плечо и пошелъ въ ту комнату, гдѣ я оставилъ свой халатъ. Зажегъ электричество. Видимо, въ этой комнатѣ-дѣтской за это время никого не было. Все было въ томъ-же порядкѣ, какъ я уходилъ. Кукла лежала на прежнемъ мѣстѣ. На полу разбитый образъ. Поднялъ его. Здорово ударилъ каблукъ. Не только сломался кіотъ, но и образъ надтреснулъ.

Снялъ шинель. Снова надѣлъ на себя свой ватный халатъ и колпакъ. Услыхалъ шумъ въ корридорѣ.

Мелкнула страшная мысль. Тотчасъ выбѣжалъ изъ комнаты. Голоса раздавались изъ конца корридора. Пользуясь тѣмъ, что кругомъ царилъ мракъ, я пробѣжалъ до конца корридора. Свернулъ.

Матросы находились здѣсь. Недалеко отъ комнаты старой княжны. Орали.

— Тутъ гдѣ-то она...

— Зажги электричество...

Шарили руками по стѣнѣ. Ударяли кулаками и бутылками то въ двери, то въ стѣны. Кричали что-то безсмысленное, несвязное.

— Нашелъ!

Показался издали еле замѣтный свѣтъ. Должно-быть матросъ зажегъ лампочку внутри какой-то комнаты, и этотъ свѣтъ, выбиваясь изъ щели, проникалъ въ корридоръ мутной струйкой. Различались только фигуры, какъ тѣни. Лицъ не было видно.

Я уже успѣлъ подбѣжать къ двери въ комнату нянюшки, гдѣ жила княжна. Всталъ около двери, прислонившись къ ней спиной.

Одинъ изъ матросовъ, не видя меня, хотѣлъ по двери ударить кулакомъ. Я поднялъ руку и отпарировалъ этотъ ударъ. Но онъ былъ настолько силенъ, что моя рука заныла. Больно.

— Тутъ кто-то стоитъ...

Поднялись руки.

— Кто?.. Отвѣчай, кто тутъ?

Я поднялъ руки. Крикнулъ сильнымъ голосомъ:

— Я! Ниспосланный Богомъ!..

— Что за чертъ!..

— Какой тамъ Богъ?.. Тащи его... Бей...

Я учелъ свои силы. Слава Богу, мускулы у меня были не изъ слабыхъ. Конечно, справиться съ ватагой въ шесть человѣкъ здоровыхъ матросовъ я не могъ. Но они были пьяны. Они еле стояли на ногахъ. Несмотря на мою усталость, я моментально почувствовалъ въ себѣ приливъ необычайной бодрости. Правда, мозгъ мой мутнѣлъ... По-

чему-то мнѣ вспомнился мой мѣщанинишка, который такъ долго мнѣ говорилъ о чудесахъ.

Чудо... чудо!

Каждая секунда была у меня разсчитана.

Матросы были пьяны. Они потеряли свой разсудокъ. Они не отдавали себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Я не былъ не только пьянъ, но даже выпивши, а между тѣмъ я походилъ на нихъ. Я дѣйствовалъ, какъ пьяный, какъ человѣкъ, потерявшій разсудокъ.

Сильнымъ ударомъ я свалилъ перваго матроса. Толпа насѣдала на меня. Удары, одинъ сильнѣе другого сыпались на нихъ...

Они отступали. Оттащили упавшаго. Снова бросились на меня. Свалилъ двоихъ. Одного удалось лѣвой рукой ударить по головѣ. Онъ вскрикнулъ и отскочилъ...

И я снова крикнулъ:

— Я, ниспосланный Богомъ!..

Смолкли. Растерялись. Уже никто не рѣшался подойти ко мнѣ...

Пользуясь наступившей тишиной, сказалъ тихо:

— Идите... Здѣсь вамъ не мѣсто... Я посланъ Богомъ, чтобы изгнать васъ отсюда.

Одинъ матросъ побѣжалъ вдоль корридора. Другіе въ страхѣ кинулись за нимъ.

Эта суматоха была мнѣ на руку. Я проскользнулъ мимо нихъ. Они, убѣгая, не замѣтили меня. Не замѣтили, что я пробѣжалъ въ дѣтскую.

Взвалилъ на себя мѣшокъ и пакетъ и пошелъ къ выходу. Хотѣлось посмотрѣть, что дѣлалось въ комнатахъ, но не рѣшился.

Когда спускался съ лѣстницы, двое матросовъ, безъ шапокъ пробѣжали, прыгая по ступенькамъ внизъ. Навѣрно, это были изъ тѣхъ, кого я огорошилъ чудомъ.

Одинъ изъ нихъ крестился, дѣлая на груди мелкія и быстрыя движенія.

Вышелъ на улицу. Чуть свѣтало. На улицѣ никого.

Только бѣжали матросы. Скрылись за угломъ. Или такъ пропали въ туманѣ ранняго утра.

Рѣзало плечо. Ныла рука. Здорово все-таки ударилъ меня первый матросъ. Сильный.

Опустилъ мѣшокъ на троттуаръ. Слегка поправилъ свой халатъ. Взглянулъ наверхъ. Одно окно открыто. Видимо, то самое, которое открыли матросы.

На троттуарѣ крови не было.

Взвалилъ опять мѣшокъ и съ трудомъ поплелся къ церкви Николы Морского.

Не хотѣлось мнѣ, чтобы кто-нибудь изъ оставшихся въ квартирѣ матросовъ увидѣлъ меня. Перешелъ на другую сторону. Туманъ какъ будто сильнѣе охватилъ меня. Туманъ дымной, сѣрый. Когда утренній свѣтъ разгонялъ дымъ, туманъ казался молочно-бѣлымъ.

Городъ спалъ. Приказъ дежурить у воротъ, видимо, исполнялся слабо. Только у одного дома на стулѣ сидѣлъ какой-то господинъ, закутанный, въ валенкахъ. Уткнулъ носъ въ шарфъ. Навѣрно, заснулъ. Другіе, можетъ быть, уже ушли домой съ наступленіемъ утра.

Домой я нескоро попалъ. Ограда была заперта. Пришлось ее обойти. Какъ будто съ противоположной стороны, гдѣ жило мѣстное духовенство и знакомый мой дьяконъ, была калитка.

Усталъ. Безумно усталъ. Еле двигался по ступенькамъ. Мѣшокъ уже несъ не на спинѣ, а, скорѣе, волокъ за собой. Поднималъ его со ступеньки на ступеньку. Темно. Ни зги не видать. Доплелся до площадки.

Будить отца дьякона не хотѣлъ. Пусть спитъ. Что рано будить? Послѣ не заснетъ. Служба его нелегкая. Итти къ ранней... Надо дать старому отдыхъ.

Поставилъ мѣшокъ и пакетъ на площадку, около верхней ступеньки лѣстницы. Сѣлъ на ступеньки, положилъ голову на мѣшокъ. И тотчасъ заснулъ...

— А вотъ я такъ спрячусь, что вы меня не найдете!

— Володя, не мѣшай. Когда старшіе говорятъ, нельзя перебивать.

Обидѣлся. Постоялъ. Взглянули на его розовыя, пухлыя щечки, обиженную мордашку. Хотѣлось смѣяться. Но удержались. Конечно, ему скучно. У старшихъ всегда какіе-то серьезные разговоры. Папа важный. Въ формѣ. Ордена на груди. И шашка. Военный. Выше его нѣтъ. Онъ самый главный. И мама, когда приходятъ гости, тоже важная.

— А я вотъ спрячусь—и вы меня не найдете. Я въ комнатахъ спрячусь. Въ кухнѣ и людскихъ не ищите. И вы меня не найдете. И ты, папа, не найдешь.

— Помолчи, Бога ради.

Володя смолкъ. Что-то обдумывалъ. Рѣшилъ.

— Я все равно спрячусь. Все равно вы будете меня искать... Сосчитайте до ста и ищите тогда.

Ушелъ.

Мы разговаривали. А вмѣстѣ съ тѣмъ Володя внушилъ намъ мысль искать его, и разговоръ какъ-то самъ собой упалъ. Всегда онъ настоитъ на своемъ. Ну и мальчишка.

Первымъ вскочилъ Осипъ.

— Ничего не подѣлаешь.

Мы всѣ встали и разбрелись по комнатамъ въ поискахъ Володи.

Передвигали кресла, заглядывали въ шкапы и подъ столъ. Отодвигали занавѣски. Нигдѣ.

Перебирали костюмы въ шкапу. Нѣтъ. Володи въ шкапу нѣтъ.

Осипъ, самый молодой изъ насъ, какъ ищейка, бѣгалъ по комнатамъ и искалъ Володю.

— Нѣтъ. Онъ самъ сказалъ, что не пойдетъ въ кухню.

Я прошелъ въ ванную. Зажегъ электричество. Виденъ каждый уголокъ. Висятъ полотенца и широкая, мохнатая простыня. Потрогалъ. За ними не было Володи.

Пошелъ въ столовую. Вотъ подали самоваръ. Заварили чай, а Володи все нѣтъ.

— Володя, чай пить... Ну будетъ тебѣ...

Ни звука. Отецъ ужъ начиналъ сердиться. Больше оттого, что не могъ найти Володи. Осипъ горячился. Сама

Коновницына улыбалась. Посидѣла въ ожиданіи за чайнымъ столомъ. Снова встала и приняла участіе въ общихъ поискахъ.

Я опять прошелъ въ ванну. Нѣтъ. А между тѣмъ, когда я не двигался, я чувствовалъ совершенно инстинктивно, что здѣсь, именно въ этой комнатѣ находится человѣкъ. Все на мѣстѣ. Все освѣщено. Виситъ простыня. Еще разъ потрогалъ ее. У стѣны на полу лежитъ скатанный коверъ. Заглянулъ за него. Нѣтъ. Туда онъ не могъ помѣститься. Ногой слегка придавилъ скатанный коверъ, чтобы удостовѣриться. Показалось страннымъ. Нога мало сдавила коверъ. Наклонился. И громко разсмѣялся.

Нашелъ. Нашелъ Володю!..

Я раскаталъ коверъ. Мѣста было въ ваннѣ не такъ много. Тянулъ за одинъ конецъ ковра и Володина головка вертѣлась. Хохотали отъ души. Такимъ образомъ онъ могъ расквасить себѣ носъ.

— Готово! Володя вскочилъ. Сталъ отряхиваться и поправлять свой костюмчикъ.

Насъ услыхали. Всѣ вбѣжали въ ванную. Самъ Коновницынъ, его жена и мой братъ Осипъ. Въ дверяхъ стояла горничная.

— Вымой руки и иди чай пить.

Кто-то потрогалъ меня за плечо. Открылъ глаза.

— А, отецъ дьяконъ.

— Ты что это тутъ валяешься?

— Не хотѣлъ васъ будить.

— А это что у тебя?

Указалъ на мѣшки.

— Богъ милости прислалъ.

— Не наворовалъ?

— Нѣтъ, отецъ дьяконъ. Я не изъ такихъ.

— Ну ладно. Иди, досыпай свой сонъ, а я тебя запру. Вернусь часа черезъ три... И что ты за человѣкъ. Не пойму тебя.

5. СКОРБНЫЙ ЛИКЪ.

— Я на отпѣваніе иду. А ты куда?

— Съ вами, отецъ дьяконъ.

— Не въ соборѣ отпѣвать будемъ. Въ соборѣ нельзя. А тутъ поблизости. Въ Эстонской.

Вышли вмѣстѣ. Отецъ дьяконъ шелъ хмурый. Часто и громко вздыхалъ. Хотѣлось поговорить, но сдерживался.

— Да... дѣла!

Опять помолчалъ. Все-же не могъ совладать съ собой.

— Покойную княжну я зналъ хорошо. Раньше, бывало, молебны у нихъ служилъ. А какъ война началась, больше панихиды. Ахъ, много горя принесла людямъ война...

— А теперь еще больше горя.

Отецъ дьяконъ не отвѣтилъ. Я уже давно понялъ, что о большевикахъ и о томъ, что происходило въ Россіи, онъ или совсѣмъ не говорилъ или осторожно отмалчивался.

И это была не трусость. А просто человѣкъ смолкъ. Зналъ, что словами, жалобами и вздохами ничего не подѣлаешь.

Все-же думы о княжнѣ его не оставляли.

— Вотъ, поди, и не зналъ человѣкъ, гдѣ найдетъ свою смерть. Что княжна за свой долгій вѣкъ пережила, и не передать, а тутъ... разъ и готово.

По всей вѣроятности, отецъ дьяконъ зналъ отъ самой нянюшки, при какихъ условіяхъ скончалась княжна, и меня это заинтересовало.

— А что было?

— Особеннаго ничего. Квартиру у нея реквизировали. И пирушку тамъ устроили. Помнишь, хотѣли въ церкви устроить? При тебѣ приходили...

— Помню. Какъ-же?

— Ну такъ вотъ... Сперва ничего было. Шумѣли только. А ночью, какъ напились всѣ, стали къ княжнѣ ломиться. А та только заснула. Напугалась стуку... вскочила... И вскрикнуть не успѣла. Такъ замертво и свалилась.

Дьяконъ вошелъ въ церковь. Лѣстница вела къ большой церкви наверху. Но мы свернули налѣво, къ темной двери. Я не зналъ, что здѣсь тоже церковь.

— Еще покойникъ, — сказалъ дьяконъ и прошелъ въ алтарь.

Служба еще не начиналась. Въ церкви почти никого не было. Только передъ алтаремъ былъ положенъ простой, наспѣхъ сколоченный изъ некрашенныхъ досокъ гробъ. Около гроба, наклонившись, стояло нѣсколько человѣкъ. Убирали покойницу. Какихъ-то двое. Одинъ пожилой, другой нѣсколько моложе, съ черной бородкой. И старухи. Или женщины въ черныхъ платкахъ, которыя мнѣ показались старухами. Дѣйствовали молча. Словно раньше сговорились. Кто чуть повернетъ голову покойницы, кто оправитъ саванъ. Когда изъ дому несли, голова чуть откинулась въ сторону. Поправили волосы, руки. Носки неровно торчали кверху. Ихъ поправили. Видимо, только-что внесли покойницу въ церковь. Убрали. Перекрестились и встали сзади гроба. Женщины простыя. Ясно, что покойница была изъ семьи мастерового.

Старшій смотрѣлъ мрачно, съ силой сжавъ ротъ. Глаза, полные злобы, перескакивали съ предмета на предметъ, но ничего не видѣли.

Еще вошли двѣ старушки. Одна съ уродливымъ, изъѣденнымъ какою-то болѣзнью лицомъ. Нищенка. Встали недалеко отъ меня. Пошептались.

— Кто говоритъ, что сама выбросилась изъ окна, а кто...

Добавила тихо, почти на ухо, но я разслыхалъ.

— А кто говоритъ, что матросы выбросили ее. На панели нашли... Мертвая. Чуть не съ пятаго этажа кинули... И вотъ что удивительно... Ни кровинки.

Маруся!

Я подошелъ къ гробу. Да, это была Маруся. Худенькая. Съ обострившимся носикомъ. Но лицо спокойное. Не видно ушибовъ.

Вышелъ на улицу. Всталъ около входа въ церковь.

Подморозило. День былъ солнечный, яркій. Ночью выпалъ снѣгъ, а къ утру морозомъ его стянуло. На немъ какъ-бы образовалась твердая, глянцевитая корочка. Отъ бѣлыхъ пятенъ рѣзало глаза. Хотѣлось подышать воздухомъ ранняго утра, чистымъ, насыщеннымъ лучами.

Улицы пустынны. Справа (я стоялъ спиной ко входу) тянулось по другой сторонѣ пересѣкающей улицы красное зданіе. Изъ воротъ вышло нѣсколько человѣкъ матросовъ и всѣ вмѣстѣ прошли въ другую сторону. Опять тишина. Безлюдье.

Торопливо пробѣжала въ короткой юбкѣ со стрижеными волосами, въ картузѣ, дѣвица. Несла портфель. Спѣшила. Лицо дѣловитое.

Кто-то потрогалъ меня за руку. Не замѣтилъ. Подошелъ ко мнѣ какой-то господинъ. Въ очкахъ. Въ шубѣ, но съ поясомъ. И въ валенкахъ. Сунулъ мнѣ въ руку бумажку. Прошелъ дальше.

Деньги!..

Когда я странствовалъ и шелъ изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, мнѣ не разъ подавали милостыню. То деньги, то хлѣбъ. И здѣсь нашелся сердобольный человѣкъ.

Вдали показались сани. Лошаденка шла медленно. Понуро. Какъ голодная. Около нея двигался извощикъ и машинально ее подстегивалъ. Она такъ уже привыкла къ легкимъ ударамъ кнута, что на нихъ не обращала никакого вниманія. На саняхъ лежалъ гробъ. Тоже простой. Изъ тоненькихъ досокъ. Только окрашенный охрой. Сзади гроба шла нянюшка.

Подъѣхали къ церкви.

Что дѣлать? Кто сниметъ съ саней гробъ и внесетъ его въ церковь? Нянюшка посмотрѣла направо, налѣво,

словно думая, что она кого найдетъ на улицѣ, и пошла, было, въ церковь.

— Вы, нянюшка, тутъ побудьте. Сейчасъ...

Нянюшка удивленно посмотрѣла на меня. Не узнала.

Во время пирушки матросовъ я у княжны сидѣлъ въ матросской шинели, а теперь былъ въ своемъ знаменитомъ халатѣ.

Подошелъ къ тѣмъ мастеровымъ, которые стояли около гроба Маруси.

— Помогите покойницу внести.

Обернулись ко мнѣ со злобными лицами. Старшій чуть тряхнулъ головой.

— Ладно. А сколько дадутъ?

Я протянулъ ему ту кредитку, которую далъ мнѣ проходящій господинъ, какъ милостыню.

— Маловато.

— Больше нѣтъ.

— Ну да ничего.

Вышли. Взяли гробъ. Четвертымъ былъ извощикъ. Внесли и поставили рядомъ съ гробомъ Маруси. Нянюшка хлопотала. Крышку отнесли въ сторону.

Почти тотчасъ началась служба.

Чтобы никого не смущать своимъ халатомъ, я отошелъ въ темный уголъ, за колонну и тамъ молился. Лица Маруси мнѣ не было видно. Княжна лежала на болѣе высокой подушкѣ. Я видѣлъ ея исхудалое лицо, величественное, красивое, съ волнами густыхъ сѣдыхъ волосъ. Она не измѣнилась. Словно спала.

Извощикъ вышелъ изъ церкви. Появилось еще нѣсколько человѣкъ въ церковь. Мастеровые съ озлобленными лицами стояли рядомъ. Какая-то женщина толкнула старшаго.

— Да перекрестись... Помолись за дочь.

— А ну тебя!

И онъ локтемъ толкнулъ женщину. Старушки молились тихо. Никто не плакалъ. У нянюшки было спокойное лицо.

Только заботливое. Она съ какимъ-то трепетомъ и благоговѣніемъ подходила къ княжнѣ и оправляла ее.

Я прислонился къ колоннѣ, уперся на палку руками и опустилъ голову. Не помню, сколько времени я такъ простоялъ. Услышалъ, какъ тяжелая дверь въ церковь отворилась. Кто-то вошелъ.

Я поднялъ глаза.

Мелькомъ взглянулъ на Ксенію. Смотрѣлъ на ея мать.

Этого лица я не забылъ. Когда на другой день послѣ матросской пирушки я вошелъ въ квартиру отца дьякона, я не тотчасъ легъ спать. Отецъ дьяконъ меня заперъ, никто не могъ мнѣ помѣшать. Я вынулъ свой образокъ и долго всматривался въ черты Богородицы.

Конечно, между ликомъ Богоматери и лицомъ этой дамы — матери Ксеніи, не было особаго, рѣзко замѣтнаго сходства. Было что-то отдаленное... Но не сами глаза, а ихъ выраженіе было одно и то же.

Это ожившая Богоматерь. Это ея скорбный ликъ!

У меня въ головѣ такъ сильно связались эти два впечатлѣнія, что мнѣ невольно казалось, будто этотъ образокъ былъ портретомъ незнакомой мнѣ дамы. Тѣмъ портретомъ, когда художнику удастся передать не линіи глазъ, губъ, овала лица, но главнымъ образомъ характеръ человѣка, его душу, его мысли. Его скорбь.

Я смотрѣлъ на даму. Она меня не видѣла, не чувствовала моего взгляда. Наклонилась къ Ксеніи. Что-то сказала.

— Ну? — рѣзко и громко огрызнулась Ксенія.

Одна изъ женщинъ, стоявшихъ около гроба Маруси, повернулась. Посмотрѣла на Ксенію. Поклонилась.

Ксенія чуть покраснѣла и еле замѣтно кивнула головой.

— Это моя подруга... Помнишь, у меня была нѣсколько разъ?

Ксенія прошла впередъ. Заглянула на покойницу и тотчасъ вернулась къ матери.

— Да. Она. Я тебѣ разсказывала, что она изъ окна выбросилась.

Мать что-то тихо сказала.

— Глупости. Ерунда... Ничего подобнаго. Насплетничали. Это она сама. Она всегда дура была...

Дама хотѣла пройти къ гробу княжны. Позвала дочь.

— Не пойду я туда. Что мнѣ тамъ дѣлать?

Нянюшка прошла черезъ церковь. Что-то сказала старостѣ, который продавалъ свѣчи. Тотчасъ вернулась. Но увидала даму. Поклонилась. Подошла къ ней. Тихо о чемъ-то поговорили и вмѣстѣ прошли къ гробу княжны.

Ксенія осталась одна. Двигала плечиками. Оборачивалась. Дулась. Нетерпѣливо переминалась съ ноги на ногу. Хотѣла, по всей вѣроятности, уйти изъ церкви. Но не рѣшалась. Увидала скамейку. Какъ разъ около меня. Прошла къ ней, стуча каблучками, и сѣла.

Опять нетерпѣливо дергалась. Оправляла платьице. Шнурокъ у ботинки развязался. Положила ногу на ногу и стала перевязывать шнурокъ. Не ладилось. Сильно наклонивъ голову, возилась съ ботинкой. Высокой, изящной, новенькой.

— У, чортъ, — тихо выругалась она.

Снова распустила шнурокъ. Стала дергать. Оборвался. Ксенія чуть не заплакала.

— Дайте, я вамъ помогу.

Подняла на меня голову. Тотчасъ узнала. Ея глаза забѣгали. Не знала, что сказать. Откинула головку и нервно болтала ногой.

Я наклонился. Спокойно потащилъ шнурокъ. Связалъ концы. Такъ, что узла совсѣмъ не было видно. Онъ уходилъ за край кожи. Потомъ зашнуровалъ всю ботинку до самаго верха и затянулъ концы.

Ксенія опустила ногу. Постукала о полъ.

— Спасибо.

— Не стоитъ.

Я отошелъ на прежнее мѣсто. Замѣтилъ, что Ксенія изрѣдка посматривала на меня.

Прошло съ полчаса. Дама отошла отъ гроба княжны и стала оглядываться.

Ксенія тотчасъ наклонилась, почти легла на лавкѣ. Старалась скрыться отъ матери. Но та ее увидала. Подошла.

— Если ты не хочешь здѣсь оставаться, то лучше уходи.

Ксенія огрызнулась.

— Куда. Картошку чистить? Спасибо. Лучше я здѣсь посижу.

— Какъ хочешь...

Дама хотѣла отойти.

— Мама!.. А я сейчасъ замѣтила. У меня на чулкѣ опять дырка.

— Заштопай.

— Ну вотъ еще!.. Стану я штопаные носить... Я твои возьму.

— У меня рваные.

— Не ври, пожалуйста. Я сама видѣла у тебя на столѣ.

— Это мнѣ поручили продать.

— Ну вотъ еще. Много съ нихъ наживешь. Лучше мнѣ отдай.

— А на что мы жить будемъ?

— А какое мнѣ до этого дѣло?

Ксенія отвернулась и заболтала ногами. Добавила, ворча себѣ подъ носъ.

— Не дашь, все равно достану... Мнѣ подарить обѣщали. Шелковые.

— Кто?

— А не скажу...

Помолчала. Неожиданно вскочила съ лавки и выбѣжала изъ церкви.

Дама не двинулась. Сидѣла на скамьѣ. Глаза смотрѣли въ одну точку. Капнула слеза.

Maria dolorosa!

Вдругъ вздрогнула. Смотрѣла на меня. Глаза большіе, удивленные.

Почему она такъ смотритъ на меня? Неужели я забылся и заговорилъ вслухъ?

Сила... Большая въ тебѣ сила. Не плачь!.. Не скорби. Не угашай своего духа... Ты мать... Ты начало великой правды... Это война безъ героевъ. Нѣтъ ихъ. Не откуда ждать спасенія... Нѣтъ людей. Ходятъ сѣрыя тѣни. Безъ души... У нихъ пепелъ вмѣсто души. Все сгорѣло. Все истлѣло, какъ ихъ тѣло и одежды... Они взяты изъ праха и обратятся въ прахъ... Но вся сила въ тебѣ. Ты мать. Скорбь у тебя велика. Но не унывай. Не теряй напрасно ни одной твоей слезы. Такъ надо, чтобы люди прошли черезъ огонь. Такъ надо, чтобы княжна умерла отъ страха, Марусю выкинули въ окно, чтобы твоя дочь Ксенія забыла Бога и родную мать. Испытай и это. Перенеси еще большее горе... Но не плачь. Помни одно. Вся сила въ тебѣ. Богоматерь родила Іисуса, который спасъ людей. А теперь вы всѣ Богоматери... Вы должны дать міру тѣхъ людей, которые предвозвѣстятъ правду. И все темное истлѣетъ... обратится въ землю... А хорошее, чистое останется. Человѣчество возликуетъ. И будетъ благословлять мать, спасшую ихъ. Оно въ Кремлѣ построитъ памятникъ... Памятникъ позора... Памятникъ позора! Пусть эти года будутъ на немъ высѣчены золотыми буквами. Пусть на памятникѣ красуются головы людей, предавшихъ родину. Тѣ, кто жилъ въ эти года, будетъ проходить мимо этого памятника и краснѣть. Они не были сынами родины. Они были предателями. Вошли чужіе люди, и они имъ отдали родину на посмѣяніе... пусть этотъ памятникъ будетъ виденъ со всѣхъ концовъ Россіи. И новое поколѣніе, то, которое возрастишь ты, будетъ указывать на насъ... На всѣхъ насъ, и съ ужасомъ отворачиваться. А одна ты... Мать... будешь стоять и съ улыбкой смотрѣть на своихъ дѣтей. И мы всѣ преклонимся передъ тобой... Передъ твоей великой скорбью... Будемъ молиться и созерцать твой скорбный ликъ, который скоро засіяетъ свѣтомъ правды...

И я поклонился. Палъ на землю. Взялъ кончикъ платья и поцѣловалъ его...

— Мы будемъ цѣловать слѣды твоихъ ногъ...

Дама встала. Она была, какъ въ бреду. Я видѣлъ, что она дрожала отъ охватившей ее лихорадки.

— Кто вы?..

Я тоже поднялся.

— Кто я? Вы хотите знать, кто я?.. Развѣ вы не видите, что я юродивый?.. Они били меня по головѣ... Я лежалъ въ больницѣ. Въ домѣ для умалишенныхъ... И я бѣжалъ. А теперь я состою таперомъ на матросскихъ вечеринкахъ... Не смотрите на меня такъ... не смотрите... Я каждый день молюсь за васъ... У меня есть вашъ портретъ. Не вѣрите?.. А вотъ онъ. Въ рукѣ... Честное слово. Хотите, покажу?

И я протянулъ руку съ образкомъ.

Дама его взяла. Посмотрѣла и тотчасъ вернула мнѣ.

— Я давно васъ искалъ. Я пришелъ изъ Сибири только для того, чтобы увидать васъ... И нашелъ... Я даже знаю, что ваша фамилія Мансурова... Да? Вѣрно? Видите, я все знаю. И гдѣ вы живете, знаю... Я къ вамъ зайду? Въ не боитесь меня? Нѣтъ?

— Почему мнѣ васъ бояться? Заходите...

— Юродивый... Ну а теперь идите. Помолитесь за княжну. И за Марусю помолитесь. Обѣ онѣ убіенныя... Но помните. Не надо скорби, не надо слезъ. Все, что есть, все должно быть... Идите.

Дама поклонилась мнѣ. Только чуть нагнула голову и прошла къ гробу княжны.

Я схватился за голову... Опять этотъ шумъ... Этотъ хаосъ воспоминаній... Сновъ, бреда, дѣйствительности. Старался думать объ одномъ, чтобы одна мысль заполнила мозгъ и вытѣснила этихъ непрошенныхъ гостей — воспоминанія.

— А куда нянюшка дѣнется?

Куда она пойдетъ, когда похоронитъ свою госпожу? Куда? Она не вернется въ свою квартиру. Не пустятъ. Матросы ея не пустятъ. За эти дни они, навѣрно, уже разорили всю квартиру. Образа всѣ и кресты...

Какіе кресты? О нихъ упомянулъ Симонъ Исаичъ... Ахъ да!.. Я видѣлъ, что одинъ кіотъ стоялъ пустой. Но внутри было околочено темно-лиловымъ бархатомъ и тамъ было углубленіе въ формѣ креста. Рѣдко бываютъ иконы въ видѣ креста. Но есть. Видимо, такіе кіоты были въ семьѣ княжны.

Это все увезли въ квартиру Перзона. Навѣрно, разломали ящики у столовъ, разломали сундуки и все повытаскали.

Въ головѣ блеснула мысль:

— Хорошо, если-бы нянюшка переѣхала жить къ отцу дьякону.

И, дѣйствительно, эта мысль отогнала всѣ другія и я на ней сосредоточился.

Надо ей потомъ сказать. Отецъ дьяконъ согласится. Дровъ я достану. Подходя къ Петербургу, видѣлъ не мало деревьевъ спиленныхъ и разрубленныхъ на части. Буду за ними ходить. Сани достану. И пайка намъ всѣмъ хватитъ. Говорили, что матросскій паекъ лучше другихъ. За одинъ вечеръ чего только мнѣ не дали. Съ отцомъ дьякономъ разбирались.

Сперва хмурился. Не хотѣлъ брать. Послѣ уговорилъ. Даже смѣялся. Вытаскивалъ изъ мѣшка и ставилъ на столъ. Иванъ Терентьичъ всякій кусочекъ въ бумагу завертывалъ. Вотъ кусокъ ветчины. Что-то мясное. Развернули. Икра. Вытащилъ чашку. Съ гербомъ. Отъ цѣлаго сервиза. Нашелъ рюмку. Кусокъ хлѣба. Селедку. Сахаръ и кусками, и мелкій. Папиросы. Опять хлѣбъ. Леденцы въ бумажкахъ и безъ бумажекъ. Соль. Чуть-было не смѣшалъ съ сахаромъ. Стали осторожнѣе. Тыкали пальцами и пробовали на вкусъ. Кое-что было завернуто въ салфетки. Тоже съ гербами. Вытащилъ и брюки, которыя мнѣ пожертвовалъ господинъ Перзонъ. Большой кусокъ телятины. Запачкалъ руку. Попалъ въ какой-то соусъ. Тутъ же вмѣстѣ съ ѣдой были положены двѣ вилки и ножъ. Было много неожиданностей.

Отцу дьякону я сказалъ просто. Игралъ у матросовъ,

и они мнѣ дали. Почему-то онъ не догадался, что я игралъ именно на томъ вечерѣ, на которомъ произошелъ скандалъ.

— Я еще принесу въ среду.

— А можно будетъ отнести отцу Александру? Но только одинъ хлѣбъ. Больше ничего.

— Конечно.

Служба кончилась. Сперва мы, то-есть опять мастеровые, я и сторожъ изъ церкви, вынесли гробъ княжны, а потомъ я вернулся и помогъ вынести гробъ Маруси. Къ этому времени подъѣхали другія сани, много лучше нашихъ, и гробъ Маруси положили на нихъ.

Двинулись. Намъ было не по дорогѣ. Марусю повезли на Смоленское кладбище. Княжну хоронили въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. У нея было уже давно куплено особое мѣсто.

Шли мы медленно, долго. Кляча тихо прелась. За гробомъ шли только я да нянюшка. До угла проводили два священника, отецъ Александръ и священникъ изъ эстонской православной церкви, да отецъ дьяконъ.

Похоронили. Уже наступалъ вечеръ. Почти весь день отняли похороны. Нянюшка устала. Сговорилась съ извощикомъ, и тотъ взялся насъ довезти до дому. Сидѣть на саняхъ, которыя довезли до кладбища гробъ, было неудобно. Извощикъ стоялъ впереди. Санки были настолько низкія, что опустить ноги мы не могли. Волочились по землѣ. Долго усаживались. Кое-какъ примостились. Двинулись. Мнѣ приходилось нянюшку придерживать. Иначе на крутыхъ поворотахъ она могла вывалиться.

Ѣхали тихо. Шли какіе-то парни. Посмотрѣли на насъ и громко разсмѣялись.

На мосточкѣ около церкви Николы Морского мы слѣзли. Увидалъ фигуру Ивана Терентьича. Я его окликнулъ. Обрадовался. Пожалъ руку.

— Куда, товарищъ?

— Да вотъ, Иванъ Терентьичъ... Не пройдете-ли вы съ нами на квартиру... Старушка тамъ жила. Ей не ве-

лѣли туда возвращаться. Просила, нельзя-ли кое-что взять.

Согласился. Иванъ Терентьичъ добрый. И ко мнѣ почувствовалъ особую симпатію.

Поднялись по лѣстницѣ. Дверь въ квартиру была открыта. Въ залѣ кто-то ударялъ по клавишамъ рояля. Ходили. Стучали.

— Порядокъ велѣли навести. Сегодня новый рояль привезли. Старый весь испортили. Много добра отсюда увезли. Комиссаръ все распредѣлилъ. Письменный столъ въ канцелярію...

Увидалъ черезъ открытую дверь комиссара. Онъ суетился и распоряжался. Я подошелъ къ нему.

— Пришла старушка...

— Ничего... ничего не позволю. Надоѣла мнѣ она съ своими панихидами да просьбами. Сказалъ, чтобы больше не приходила. Велѣлъ ее гнать. И ничего ей не дамъ. И жить здѣсь не допущу.

— Пустяки она возьметъ... Жалко что-ли?

— А вы тутъ при чемъ?

— Такъ зашелъ сюда... Да ее встрѣтилъ... Она больше сюда носу не покажетъ. Что старухѣ надо?.. Цѣннаго не унесетъ...

— Ну чортъ съ ней... Товарищъ Черноруковъ... посмотрите тамъ. Пусть свое возьметъ и убирается...

— Ладно.

Мы втроемъ прошли въ комнату нянюшки. Тамъ царилъ полный хаосъ. Не успѣли утромъ вынести тѣло княжны, какъ туда проникли матросы и все перерыли, На полу валялись одѣяла, подушки, разныя вещи.

Нянюшка быстро развернула одѣяло, стала туда складывать свой скарбъ. Иванъ Терентьичъ молча стоялъ и наблюдалъ. Многаго нянюшка не взяла. Только самое необходимое.

Не скупилась. Не жалѣла. Понимала, что это была только удачная минута. Не будь ея, она лишилась-бы всего.

Когда на одѣялѣ появилась горка, Иванъ Терентьичъ ушелъ. Хотѣлъ позвать комиссара, чтобы тотъ посмотрѣлъ, какія вещи взяты.

Нянюшка волновалась. Что-то искала, шарила, запускала руку подъ матрацъ.

— Господи... Господи! — твердила она. — Помоги мнѣ.

— Вы что ищете?

— Картоночка такая. Барыня всегда говорила: пусть все заберутъ, а это сохрани. Ничего не надо, только картоночку пуще глаза береги.

— Какую картоночку?

— Вотъ такую.

Указала руками, какой величины была картоночка.

— Перевязана на крестъ. Сургучная печать. Нарочно безъ надписи. Говорила: избави Богъ, увидятъ. Боялась, что найдутъ. И каждую минуту прятала ее въ разные углы. То туда сунетъ, то сюда... А куда въ тотъ вечеръ заткнула, я не видала.

Въ комнатѣ было такой хаосъ, что найти что-нибудь было невозможно. Я помогалъ искать. Ничего!

— Взяли... нашли,—чуть не стонала нянюшка.—А при томъ матросѣ нельзя было искать. Отнялъ-бы...

Послышались въ корридорѣ шаги. Я невольно осмотрѣлъ комнату и замѣтилъ, что подъ салфеткой на угловомъ столикѣ что-то возвышалось. Стащилъ салфетку. Картоночка!

— Она?

— Она самая. Спрячьте вы ее себѣ.

Сунулъ за пазуху.

Странно, какъ ея не замѣтили! Навѣрно, подумали, что тамъ хламъ.

Вошелъ Иванъ Терентьичъ и комиссаръ. Онъ былъ не въ духѣ. Злой. Раздражительный.

— Ну чего тамъ?

— Вотъ все, что я взяла. Если что лишнее, берите.

Комиссаръ ткнулъ носкомъ въ узелъ.

— Серебра или драгоцѣнностей нѣтъ?

За нянюшку отвѣтилъ я.

— Нѣтъ. Я самъ за всѣмъ смотрѣлъ.

— Тутъ все равно ничего не было.

— Ну чортъ съ тобой. Бери. Подавись. Знаю я васъ... У княжны въ прислугахъ жила. Угождала барынѣ... Это еще хуже, чѣмъ бариномъ али барыней быть... Я-бы тебя съ лѣстницы спустилъ... Видишь. Вотъ насъ всѣ жуликами, да злыми зовутъ. А я тебѣ даю. Бери. Но только посмѣй еще разъ прійти сюда.

— Не приду больше.

— Ну то-то... Вѣдь, знаю. Все равно скоро издохнешь, какъ твоя барыня.

— Скоро... скоро помру...

Иванъ Терентьичъ что-то шепнулъ комиссару.

— Да ладно.

И ушелъ.

Иванъ Терентьичъ взялъ меня за руку и провелъ въ другую комнату. Въ ней стояли только шкапы.

— Сюда пока не входили, — сказалъ онъ. — Комната-то была заперта. А я ключъ нашелъ. Какъ никого не было, прошелъ и все осмотрѣлъ. Вотъ что...

Говорилъ тихо. Торопливо.

— Я сказалъ комиссару, что нашелъ шкапъ съ платьемъ. Такъ просилъ разрѣшеніе тебѣ выдать. Вотъ тутъ мужскіе костюмы. Выбирай, что тебѣ надо. И сапоги есть. А я вотъ тутъ что нашелъ... Дамскія платья. Да какія. Мнѣ-то вынести неудобно. Комиссаръ строго запретилъ что брать. А мнѣ больно охота для Машки взять... Одно черное. Шелковое, а другое цвѣтное. Бери себѣ скорѣе, а эти вложимъ въ твои... Не увидятъ...

Торопилъ меня.

Съ моимъ мѣшкомъ я не разставался. Я вынулъ изъ шкапа какой-то пиджакъ, брюки, сапоги. Все это хотѣлъ запихать въ мѣшокъ, но Иванъ Терентьичъ раньше этого сунулъ туда платья, отобранныя для Машки.

— Еще что вложить?

И онъ еще что-то вынулъ изъ шкапа и сунулъ мнѣ.

— И ты бери. Все равно комиссаръ себѣ увезетъ...

Нянюшка насъ ждала. Я помогъ ей связать концы дѣяла. Взвалилъ этотъ узелъ и мой мѣшокъ на плечи. Пошли черезъ черный ходъ.

На улицѣ насъ догналъ Иванъ Терентьичъ и пошелъ сзади насъ, словно ему до насъ не было никакого дѣла. Около дома, гдѣ жила Машка, я съ нимъ вошелъ во дворъ. Нянюшка осталась насъ ждать на улицѣ.

Пришлось почти все вытащить изъ мѣшка, чтобы достать платья. Снова все втиснули въ мѣшокъ.

— Завтра приходи въ клубъ. Попляшемъ.

Ушелъ въ квартиру, гдѣ жила Машка. Я опять взвалилъ на плечи мѣшокъ и узелъ нянюшки.

Какъ разъ вечерня кончилась и отецъ дьяконъ шелъ домой.

— Вотъ, отецъ дьяконъ. Новую жилицу вамъ привелъ.

Дьяконъ удивился. Я ему въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Это хорошо придумалъ. Только холодно у меня. Комнаты-то зимой не топилъ. А дровъ нѣтъ.

— Вы не безпокойтесь. Все будетъ...

— Чудной ты человѣкъ.

Какъ ни устала нянюшка, какъ ни протестовали мы, но она кое-что прибрала, поставила самоваръ. У меня еще много оставалось изъ того, что я принесъ съ вечеринки. Въ особенности сластей, и мы послѣ тяжелаго дня съ наслажденіемъ пили чай. Тѣмъ болѣе настоящій, дорогой, который мнѣ положилъ Иванъ Терентьичъ въ мой мѣшокъ.

Послѣ мы осмотрѣли всѣ вмѣстѣ комнаты. Выбирали каждому мѣсто. Нянюшка просила разрѣшить спать ей въ кухнѣ. Мы съ этимъ вполнѣ согласились. Въ большой комнатѣ было холодно. Отецъ дьяконъ остался жить въ кабинетѣ, который одновременно служилъ и столовой. Я помѣстился въ сосѣдней небольшой комнатѣ.

Отецъ дьяконъ былъ доволенъ. Сказалъ ему про квар-

тиру княжны и какимъ образомъ мнѣ достались костюмы. Узелъ я отнесъ въ кухню.

Удивлялся я только тому, какъ нянюшка могла такъ легко работать. Сколько было у нея силы пережить эти ужасные для нея дни. Представлялъ себѣ, какъ хлопотала она эти дни, стараясь похоронить свою госпожу по христіанскому обряду. Сколько она должна была перенести оскорбленій, издѣвательствъ. И все это, не говоря уже о личномъ горѣ, она перенесла стойко.

Когда отецъ дьяконъ улегся спать, нянюшка унесла лампу къ себѣ въ кухню. Убиралась. Даже слегка почистила кухню и приготовила себѣ кровать.

Я вынулъ изъ мѣшка костюмъ, который взялъ изъ квартиры княжны, и тотчасъ убѣдился, что сдѣлалъ громадную ошибку. Вмѣсто темнаго пиджака, который я хотѣлъ себѣ взять, я, торопясь, не посмотрѣлъ, что беру, и взялъ новый, роскошный, на шелку смокингъ. Вмѣстѣ съ брюками. И сапоги.

Примѣрилъ. Впору.

Мѣнять было неудобно. Повѣсилъ на гвоздикъ костюмъ.

Придется имъ только любоваться.

Взялъ картонку княжны и пошелъ въ кухню.

— А вотъ, нянюшка, ваша картоночка.

— Спасибо, баринъ... Мнѣ барыня строго наказала: какъ, говоритъ, ты схоронишь меня, въ тотъ-же день посмотри, что тамъ. Только береги... Не хорошо это, баринъ, вскрывать въ такой день?

— Разъ просила, значитъ, нужно.

Подошли къ лампѣ, которая стояла на плитѣ. Столъ былъ сломанъ. Мы побоялись на него ставить лампу.

Я осторожно снялъ печать, стряхнулъ остатки сургуча, развязалъ веревочку. Тамъ была картонная коробка величиной въ большой почтовый листъ бумаги и вышиной въ три пальца. Картонка была еще связана бичевкой. Ея я нарочно не рвалъ, а осторожно распуталъ узелъ. Снялъ крышку. Легкая папиросная бумага. Снялъ ее. Сверху

пакетъ, опять перевязанный шелковой тесемочкой. Полотняный пакетъ. Не запечатанный. Вынулъ документы. На нѣсколько сотъ тысячъ бумаги военнаго займа. Пропали. Еще бумаги займа свободы. Тоже хоть оклеивай ими стѣны. Выигрышные билеты. И они не представляли никакой цѣнности. Расписка государственнаго банка, рента...

— Теперь это не имѣетъ, няня, никакой цѣнности, Только можно ими топить печку. А вотъ это... Это цѣнное. Документъ о взносѣ въ англійскій банкъ двухсотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Всѣ бумаги. Еще конвертъ меньшаго размѣра. Письма. Только письма. Ихъ можно потомъ прочесть. Въ третьемъ конвертѣ лежали разные домашніе документы: метрическія и брачныя свидѣтельства, приказы по службѣ и т. д. На самомъ низу коробки въ особыхъ бумажкахъ лежали драгоцѣнности.

Это была изумительная роскошь. Чего стоило одно старинное колье изъ крупныхъ брилліантовъ. Перстни. Кольца, серьги. Кромѣ брилліантовъ, жемчуга, рубины.

— Вотъ, нянюшка, какая вы богатая.

— А куда мнѣ все это? Умру, съ собой не возьму. Родственниковъ у барыни не было. Почитай, всѣ перемерли. А, если какой дальній и найдется, зачѣмъ ему отдавать? Баринъ милый. Вижу, что вы человѣкъ хорошій. Спрячьте все это. Подержите пока у себя. А помру, такъ сами будете знать, кому отдать.

Было около девяти часовъ вечера.

— Меня просилъ зайти Иванъ Терентьичъ, — вспомнилъ я.

Спряталъ коробку съ документами и драгоцѣнностями подъ матрацъ нянюшки, взялъ свой неразлучный мѣшокъ.

— Постучите. Я мигомъ вамъ отопру.

Вышелъ. Направился въ квартиру, такъ недавно принадлежавшую княжнѣ. Тамъ уже собралось нѣсколько человѣкъ. Были барышни и въ томъ числѣ Ксенія. Почему-то ея кавалера, прыщеватаго матроса, не было.

Иванъ Терентьичъ встрѣтилъ меня съ восторгомъ.

— Тебя только дожидались. Барышнямъ танцовать охота. Но комиссаръ отмѣнилъ всякое угощеніе. Чай, леденцы и бисквиты. Больше ничего. Прошлый разъ большое безобразіе вышло... А это такъ собрались. Только потанцовать.

Я сѣлъ за рояль. Гдѣ-то достали новый.

Начались танцы. Болѣе скромные и чинные. Танцовалъ комиссаръ. Даже Ладновъ. Но онъ не умѣлъ танцовать. Топтался на мѣстѣ. Краснѣлъ и виновато улыбался.

Замѣтилъ, что къ Ксеніи никто не подходилъ. Ея прежній кавалеръ, матросъ, принявшій іудейскую вѣру, какъ-то избѣгалъ ее. Тогда Ладновъ очутился около Ксеніи и почти весь вечеръ не отходилъ отъ нея. Видимо, какъ кавалеръ, онъ былъ для нея скученъ. Она хотѣла его нѣсколько развеселить и расшевелить, но напрасно. Въ другое время Ксенія даже не взглянула-бы на Ладнова, но теперь ей приходилось съ нимъ мириться.

Во время перерыва Ксенія убѣжала въ другую комнату. Недалеко отъ меня сѣли Ладновъ и другой матросъ—іудей.

Ладновъ началъ первый.

— Нашли тоже квартиру для клуба...

— А что?

— Чертъ ее знаетъ, какая... По корридору идешь. Тамъ въ глубинѣ темно... Слушай, а какъ ты думаешь... кто это тогда былъ?

— Почемъ я знаю.

— Только не человѣкъ. Кто, кромѣ насъ, могъ быть. Всѣхъ провѣрили. Одни матросы остались. Да вотъ этотъ музыкантъ. Онъ въ той комнатѣ былъ, что напротивъ... А тамъ однѣ старухи... Какъ онъ дастъ... Рука-то мягкая, а шибко ударилъ. Тебѣ попало?

— Свалилъ меня.

— То-то-же... Это чортъ былъ.

— Чортъ? Чортъ не сталъ-бы говорить такъ. Я, говорить, отъ Бога... Мы на него всѣ лѣземъ, а онъ одному... Другому. Всѣхъ насъ разогналъ... Ты испугался?

— Да... Такъ страшно стало, бѣда. Бросился бѣжать, а самъ крещусь.

— Крещусь?.. Ты, вѣдь, жидъ.

— По привычкѣ.

Ладновъ обратился ко мнѣ.

— Вотъ что было... И понять нельзя... Слышалъ?

— Да, говорили мнѣ.

— А какъ ты это объясняешь?

— Не знаю.

— А мнѣ и посейчасъ жутко.

Посмотрѣлъ на Ладнова. Настоящій здоровый мужикъ. Грубый. Сильный, какъ Голіафъ. Ему, видимо, ничего не стоило схватить худенькую Марсую и поднять ее кверху. Какъ Разинъ свою красавицу.

А теперь онъ казался слабымъ, трусливымъ, испуганнымъ и обезсилѣвшимъ. Впечатлѣніе о томъ, что произошло въ корридорѣ, видимо, у него осталось сильное.

Старался перемѣнить разговоръ. Даже осклабился.

— А дѣвица эта, Ксенія, славная... Мала только.

— Ну ее.

— Что такъ?

— И говорить не охота.

Подошелъ ко мнѣ комиссаръ и Иванъ Терентьичъ. Комиссаръ какъ будто повеселѣлъ немного. Хотя еще былъ хмурый.

— Вы бы, товарищъ, сняли съ себя этотъ халатъ. Какъ-то того... Вамъ-же дали костюмъ. Что вы его продали что-ли?

— Нѣтъ. Онъ у меня. Только онъ оказался парадный. Не надѣнешь такъ. Мнѣ-бы что попроще. Потомъ въ смокингѣ на улицу не выйдешь. Холодно...

— Это вѣрно. Придумайте что-нибудь. Мы не поскупимся для васъ.

Я снова сыгралъ нѣсколько танцевъ. Но веселились не долго. Комиссаръ сказалъ, что ему нужно уходить, и велѣлъ запереть квартиру.

Выходили всѣ вмѣстѣ. Ксенія шла съ Ладновымъ. О чемъ-то шептались. Я только разслыхалъ:

— Нѣтъ... Я домой.

Около дома осталось нѣсколько человѣкъ. Говорили и не торопились уходить.

Неожиданно раздался гудокъ и подкатилъ автомобиль.

— Стой, — кричалъ Насухинъ.

Махалъ рукой. Его подождали. Съ трудомъ вылѣзъ изъ автомобиля. Ясно, что былъ пьянъ.

— А мы на танцы пріѣхали.

— Все кончено. И квартиру заперли.

— Наплевать. Отпереть. Чтобы никакихъ.

Комиссаръ сталъ его уговаривать. Насухинъ еще болѣе разбушевался. Увидалъ Ксенію. Расхохотался. Бросилъ ей въ лицо грубое, отвратительное слово.

Ксенія испугалась. Невольно отстранилась, схватила меня за рукавъ. Спряталась за халатъ.

Насухинъ еще болѣе разошелся. Обратился къ комиссару.

— А ты знаешь, кто со мной?... А... не знаешь?...

И съ гордостью крикнулъ:

— Лапошинъ!.. Вотъ!..

Повернулся къ автомобилю.

— Вылѣзай, товарищъ... знакомься...

Видимо, имя Лапошина было хорошо всѣмъ извѣстно. Я это понялъ изъ того, что всѣ отнеслись къ нему съ особымъ уваженіемъ.

Разсмотрѣть мнѣ его не удалось. Грубая и сильная фигура.

— А у меня тамъ еще одинъ есть... Это, братъ, штучка... Гвардейскій офицеръ бывшій... Честное слово!.. Въ гвардіи служилъ, а теперь нашъ... Красный!... Вышколили мы его здорово. Шелковый сталъ... Вылѣзай и ты... гвардеецъ...

Почти вслѣдъ за Лапошинымъ изъ автомобиля выскочилъ бывшій гвардеецъ. При слабомъ свѣтѣ улицы я

все же разглядѣлъ костюмъ гвардейца. Необычайно парадный. Красная звѣзда и нашивки.

Офицеръ галантно со всѣми поздоровался.

— Дѣлать нечего. Поѣдемъ въ другое мѣсто. Ксенія, поѣдешь съ нами?

— Хорошо.

Я стоялъ въ сторонѣ. Конечно, не знакомили меня и самъ ни съ кѣмъ не знакомился.

Офицеръ повернулся ко мнѣ, на голосъ Ксеніи.

Я чуть не вскрикнулъ:

— Сережа!

6. СЕСТРА.

За эти нѣсколько дней, какъ я пришелъ въ Петербургъ, въ моей жизни... (хотѣлось-бы сказать, въ моей душѣ) столько произошло событій, что мнѣ необходимо было сосредоточиться, спокойно все обдумать и дальнѣйшіе шаги дѣлать по намѣченному плану.

Я уже держалъ въ рукѣ нить, по которой я дойду до моего брата Осипа. Первое, я узналъ то, что въ прошломъ году, во время обыска у Коновницыныхъ, онъ былъ въ Петербургѣ. Затѣмъ я встрѣтилъ Сережу, моего племянника, который, несомнѣнно, видѣлъ Осипа и, можетъ быть, зналъ гдѣ онъ сейчасъ находится. И я не торопился. Сережу я изъ виду не потеряю.

Насухинъ сильно разбушевался, но его успокоили тѣмъ, что онъ можетъ провести вечеръ и даже ночь въ одной частной квартирѣ. Хозяйка этого дома, жена бывшаго чиновника, пускала въ свою квартиру парочки, давала угощеніе и даже устраивала тайную картежную игру и танцы. Предложили Насухину проѣхать къ этой дамѣ.

Онъ согласился, но ѣхать втроемъ не хотѣлъ. Ему хотѣлось провести ночь въ большомъ обществѣ.

Уговорили ѣхать вмѣстѣ съ его компаніей еще Ксенію и Ладнова. Насухинъ настаивалъ на томъ, чтобы и я примкнулъ къ ихъ компаніи, но я рѣшительнымъ образомъ отказался. У меня былъ хорошій предлогъ. Именно, мой костюмъ. Въ немъ никуда не покажешься.

— Я тебѣ заплачу! — кричалъ Насухинъ.

Но я такъ и настоялъ на своемъ. Вернулся домой.

День я рѣшилъ провести такъ, чтобы моимъ думамъ никто не мѣшалъ.

Я всталъ рано. Нянюшка и отецъ дьяконъ еще спали.

Еще вчера я заготовилъ два большихъ гвоздя и веревку. Хотѣлъ было достать сани, но это мнѣ не удалось. Отправился «на охоту». Еще нѣсколько дней тому назадъ въ одномъ изъ отдаленныхъ переулковъ, совершенно глухомъ, я замѣтилъ, что на панели около канала были сложены большіе чураки, каждый длиной не менѣе трехъ аршинъ. Они были покрыты снѣгомъ. Должно быть, были заготовлены въ свое время, а потомъ забыты. Это было весьма возможно, такъ какъ большевики очень часто переѣзжали изъ одного дома въ другой и оставляли старыя квартиры на произволъ судьбы.

Я прошелъ черезъ этотъ переулокъ, упирающійся въ каналъ, вколотилъ въ концы чураковъ гвозди и, зацѣпивъ ихъ, вытащилъ изъ общей массы. Не скажу, чтобы это было легко, но, обладая большой силой, я все-же достигъ того, что вскорѣ «запрягся» и волочилъ за собой два здоровыхъ чурака. Притащилъ ихъ къ крыльцу дома и черезъ минуту снова отправился на охоту.

Въ это утро мнѣ удалось притащить восемь такихъ чураковъ. Къ этому времени отецъ дьяконъ и нянюшка встали, и я какъ разъ поспѣлъ во время къ тому моменту, когда они пили чай. Вчера мнѣ Иванъ Терентьичъ насыпалъ въ мѣшокъ нѣсколько пригоршней леденцовъ, наложилъ бисквитовъ, и все это я предложилъ своимъ друзьямъ.

— Куда ходилъ утромъ?—мрачно спросилъ меня дьяконъ.

— По дѣламъ.

Покачалъ головой и посмотрѣлъ на меня съ укоризненнымъ видомъ.

— Странный ты человѣкъ. Не поймешь тебя.

Нянюшка молча и сосредоточенно пила чай.

— Ключъ-то второй отъ двери нашелся, только я тебѣ боюсь давать.

— Какъ хотите, отецъ дьяконъ. Будетъ заперта дверь, и на лѣсенкѣ посижу.

— А ты опять куда идешь?

— Да.

Все-же сунулъ мнѣ въ руку ключъ.

— А я къ барынѣ на могилу схожу, — сказала нянюшка.

Мы вышли всѣ вмѣстѣ. Отецъ дьяконъ, увидѣвъ около своего крыльца чураки, удивился.

—Отцу Александру что-ли привезли?...Гм.Ему не откуда.

Помоталъ головой и ушелъ.

У сторожа я попросилъ одолжить пилу и топоръ. Сторожъ долго разспрашивалъ меня, зачѣмъ мнѣ понадобилась пила. Пошелъ взглянуть самъ.

— Откуда это?

— Видите, лежатъ... А откуда — не все-ли вамъ равно?

Сталъ торговаться. Пилу онъ дастъ. И топоръ тоже. Но чтобы ему за это далъ одинъ чуракъ. А ежели я ему два дамъ, то онъ поможетъ мнѣ распилить остальные. Пришлось согласиться.

— Хлѣба-бы вотъ еще мнѣ. За рубку особо. А коли еще въ квартиру снесть, то особо.

Обѣщалъ ему дать хлѣба. Благо, сегодня я долженъ былъ получить паекъ.

Мы живо распилили чураки и нарубили дровъ. Сторожъ полѣнивался. Почти безъ его помощи я нарубилъ дровъ и снесъ ихъ въ квартиру дьякона. Сложилъ ихъ частью въ кухнѣ, частью въ гостиной.

Пришелъ сторожъ.

— Ты тутъ что-ли живешь?—спросилъ онъ, что-то соображая.

— Временно.

— И старуха тутъ?

— Да. И она. Некуда ей дѣться.

— Зналъ я ихъ.

Опять подумалъ. Почесалъ затылокъ.

— А это не годится, — сказалъ онъ рѣшительно... — Это недопустимо. Нонче это запрещено... Строгости большія. Отвѣтъ придется держать.

Я уже зналъ, къ чему онъ велъ.

Оставилъ его въ кухнѣ. Собралъ остатки хлѣба, разной провизіи и леденцовъ. Далъ ему.

— У меня этого добра будетъ много. Я знаю, съ кѣмъ дѣлиться. И тебѣ дамъ... если заслужишь.

— Оно, собственно... отчего и не поспособствовать?

— Ну то-то же!... А вотъ я слышалъ, что ты ни отцу Александру, ни отцу дьякону не хочешь помогать.

— Отказался!.. А чего для нихъ работать, коли у нихъ у самихъ ничего нѣтъ? Отецъ Николай съ голоду умеръ... Они нонче не въ почетѣ. А у меня жена. Ребенокъ махонькій. Какіе мои доходы?.. Раньше было другое дѣло. Бывало, придешь къ отцу Николаю съ праздникомъ поздравлять, онъ тебѣ и денегъ дастъ и всего, что полагается. Его попадья мнѣ всегда сама куличъ дѣлала, а этось пришелъ я. Они только поблагодарили. Сами поздравили. А мнѣ ничего не дали.

— Да у нихъ у самихъ ничего не было.

— Про то я и говорю. Такъ съ чего мнѣ имъ и помогать.

— А когда ребенка твоего они крестили, ты имъ далъ?

— Ну вотъ... Они даромъ обязаны крестить. За исповѣдь и причастіе теперь не полагается давать.

— Такъ на что они жить-то будутъ?

— На что?.. На то они и попы, чтобы жить.

Дверь отворилась, и вошла его жена. Сразу набросилась на мужа.

— Ты чего это тутъ? Эка вздумалъ... Дьякону дрова пилить? Съ чего это ты?..

Потомъ набросилась на меня.

— А это что за человѣкъ? Замѣтила я его. Много разъ тутъ проходилъ... Ты еще съ нимъ связался.

— Сударыня, — началъ было я.

— Я тебѣ не сударыня.

— Гражданка...

Обидѣлась.

— Я ему законная жена. Въ церкви вѣнчали...

— Такъ вотъ что я вамъ скажу. Кто я, на это есть у меня документикъ.

— Покажь... покажь. А то я давно хотѣла о тебѣ сказать, кому слѣдуетъ.

Оба взяли мою бумагу, выданную мнѣ комиссаромъ. Вертѣли ее, читали. Ничего не поняли.

— Видите: печать есть, подпись комиссара есть.

— Оно правильно.

— Дрова сегодня получили отъ меня.

— Дрова? Какія дрова?

— Онъ далъ.

— Это вотъ вамъ и хлѣбъ и леденцы и еще тутъ есть кое-что...

Я прошелъ въ свою комнату. Досталъ брюки, подаренныя мнѣ Перзономъ. Въ это время сторожъ о чемъ-то шептался съ женой. Когда я вернулся, уже картина была иная. И сторожъ и его жена сразу измѣнили ко мнѣ отношеніе. Женщина уже улыбалась, а сторожъ снялъ шапку и чесалъ затылокъ.

— Вотъ тебѣ брюки...

Долго ихъ разглядывали, щупали матерію. Сторожъ приложилъ ихъ къ своему животу. Рѣшили, что брюки будутъ какъ разъ впору.

Удивлялись.

— И откуда это все у тебя? Да самъ-то ты откуда?

— И еще будетъ много.

Добавилъ рѣзкимъ тономъ.

— Но только смотрите. Если отцу Александру, дьякону, старушкѣ и мнѣ что сдѣлаете худо, то берегитесь: худо вамъ будетъ. Читали предписаніе?..

И я опять помахалъ бумажкой въ воздухѣ.

— У меня и другая есть.

— Да ужъ покорно благодаримъ. Ужъ вы не безпокойтесь...

— А теперь идите.

Стали складывать хлѣбъ.

— Да вотъ еще что?—обратился я къ женѣ сторожа.— Приходи сейчасъ. Я тебѣ бѣлье дамъ постирать...

— А какъ стирать-то? Ни дровъ, ни мыла.

— Все будетъ.

Ушли.

Я замѣтилъ, что у отца дьякона грязное бѣлье лежало въ платяномъ шкапу. Вынулъ его, пересчиталъ, добавилъ къ нему свое. Сложилъ это въ одну кучу.

Тотчасъ принялся за уборку комнатъ и кухни. Мусору накопилось много. Все тащилъ въ кухню и бросалъ въ печь. Вскорѣ пришла жена сторожа, я ей передалъ бѣлье и почти тотчасъ пошелъ за пайкомъ.

Въ большой комнатѣ, гдѣ выдавался паекъ, я встрѣтилъ Ивана Терентьича. Мы такъ условились, что въ извѣстный часъ встрѣтимся.

— Ну что Маша, довольна?

— Ой какъ!.. Шикарно... Ужъ я думалъ какъ-бы еще что, да теперь поздно. Все вывезли. И ту комнату открыли. Нашъ комиссаръ съ Симонъ Исаичемъ былъ.

— Куда-же они увезли все?

— Не знаю. А богатство тамъ было какое!.. Не приведи Богъ. А мы тебѣ и костюмъ заготовили. Все какъ есть. Теперь хорошо будетъ... Только-бы вотъ ты постригся малость... И комиссаръ говорилъ.

— Артисты всѣ длинные волосы носятъ.

— Это правильно.

Иванъ Терентьичъ уже получилъ свой паекъ. Въ двухъ мѣстахъ: въ пекарнѣ и здѣсь.

— Хлѣба-то я оттуда, сколько хочу, беру. У меня весь хлѣбъ Симонъ Исаичъ скупаетъ. Теперь Машку тоже я въ пекарню опредѣляю. Хлѣба хоть отбавляй. Ты какъ нибудь приходи. Когда я на дежурствѣ. Дамъ тебѣ. Подъ пальто легко пронесешь.

Паекъ я получилъ такой, какого не ожидалъ. Мнѣ почему-то высчитали не со дня моего зачисленія на службу, а за цѣлый мѣсяцъ впередъ.

Про себя улыбнулся. Повезло...

— Ты гдѣ живешь-то?

— Да гдѣ придется. У одного пріятеля часто ночую... А что?

— Да вотъ. Говорили, что на Масляной большой вечеръ будетъ. Не у насъ, а у другихъ... О тебѣ тамъ слышали. Такъ говорили, чтобы и ты приходилъ.

— Я каждый день къ вамъ заходить буду.

— Вотъ оно и хорошо.

Дома еще никого не было. Я тотчасъ разобралъ весь мой паекъ. Досталъ мыло. Отдѣлилъ часть пайка и отнесъ женѣ сторожа. Вошелъ, положилъ на столъ. И ужъ не смотрѣлъ, какъ та радовалась.

— Только бѣлье вымойте поскорѣе.

Пришелъ къ себѣ. Первымъ долгомъ затопилъ плиту. Потомъ вынулъ провизію. Одновременно убиралъ комнаты и готовилъ обѣдъ. Рѣшилъ сдѣлать щи. И мясо, и капуста, и картошка у меня были.

Все до мелочей мнѣ удавалось прекрасно.

То я собиралъ изъ комнатъ мусоръ, то подходилъ къ плитѣ и смотрѣлъ за щами, то мелъ полъ. Затопилъ печку въ комнатѣ отца дьякона. Работа у меня спорилась. Думалъ я о другомъ, а работалъ словно механически. Это мнѣ не мѣшало сосредоточиться на моей мысли.

Устроился я хорошо. Вполнѣ обезпеченъ. Зналъ, что могу жить спокойно. И спокойно начать свои поиски. Возможно, что Осипа въ Петербургѣ нѣтъ. Но за то моя

сестра, навѣрно, животъ въ Петербургѣ съ дочерью и сыномъ Сережей. Ея мужъ былъ разстрѣлянъ. Сережа, видимо, устроился у большевиковъ. Надо было только узнать его адресъ. Видѣлъ, когда получалъ паекъ, мотроса Ладнова, но не рѣшился его разспрашивать. Онъ былъ сонный, усталый. Должно-быть, покутили хорошо.

Весь вопросъ состоялъ въ томъ, какимъ образомъ я могъ-бы встрѣтиться съ госпожей Мансуровой, матерью Ксеніи. Тотчасъ, какъ она меня позвала къ себѣ, итти къ ней считалъ неудобнымъ. Необходимо было или выждать нѣсколько дней или опять ждать случая.

Повторяю: мнѣ повезло. Казалось, что Господь послѣ моихъ долгихъ испытаній послалъ мнѣ радость и удачу въ моихъ дѣлахъ. Я еще никуда не ходилъ дальше нашего участка. Не видалъ Петербурга, какимъ онъ сталъ за эти годы царствованія большевиковъ. Вертѣлся только на блюдечкѣ, а между тѣмъ за это время, за эти дни (а не недѣли) мнѣ пришлось столкнуться со многимъ, чего я не ожидалъ.

Итакъ слѣды брата Осипа уже мной найдены. Я видѣлъ «Мать». Значитъ, моя родина не погибла. Это знаменіе свыше. И теперь я спокойно пойду къ своей цѣли. Той, о которой мы такъ много говорили до того, какъ разстались. Меня вышибли изъ колеи. Я противъ воли очутился гдѣ-то въ Сибири. Лежалъ въ больницѣ, сидѣлъ въ тюрьмахъ. Если Осипъ начнетъ наше дѣло одинъ, то онъ погибнетъ. Необходимо, чтобы я и принялъ участіе. Это было моею мыслью.

Если позоръ стеръ совершенно съ лица родины все, что было на ней намъ дорогого, то лучше всего бѣжать. Скрыться. Забыть о той странѣ, гдѣ ты родился. Но если хоть что-либо осталось отъ прежняго, то тогда стоитъ жить...

И это прежнее осталось. Осталась «Мать».

Въ этомъ словѣ сказано все. Довольно только одного слова.

И тогда я смѣло иду къ намѣченной цѣли:

Уничтожить тѣхъ, кто погубилъ и губитъ родину.

Ни у меня, ни у брата не дрогнетъ рука направить дуло револьвера на врага родины.

Убить!..

Но я даже не сталъ дальше думать объ этомъ. Пока я только долженъ искать брата.

Я не довѣрялъ себѣ. Я боялся останавливаться надъ этой мыслью. А вдругъ я проговорюсь ночью. Вдругъ снова охватитъ меня этотъ мой постоянный бредъ. Бредъ изъ воспоминаній. Я могу говорить вслухъ. Это со мной бываетъ, какъ было прошлый разъ, когда я смотрѣлъ на мать Ксеніи...

И вдругъ я скажу это слово? Какой ужасъ. Я могу предать брата, предать самого себя и погубить все дѣло.

Какъ, почему я дошелъ до этой мысли, я не буду говорить. Она родилась во время моего бреда, во время моего сумасшествія. Когда я шелъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ къ Петербургу, я отлично сознавалъ, что меня заставляетъ итти, но я словно забылъ объ этой цѣли и думалъ о другой.

Я найду своего брата Осипа.

Я долженъ увидѣть «Мать».

Если я уничтожу своихъ враговъ. Тѣхъ главныхъ, что съ милліонами пріѣхали къ намъ, въ нашу Россію, и продали ее... Если я уничтожу этихъ гадинъ, я знаю, въ чьи руки перейдетъ страна.

Въ руки русской женщины... въ руки матери!

Но надо забыть на время это. Никогда не произносить этого. И когда наступитъ время, то голосъ родины мнѣ скажетъ:

— Убей!

Пока молчаніе... Полное молчаніе!

Больше я не произнесу ни слова.

Когда я принялся за уборку квартиры, мнѣ казалось, что я въ нѣсколько дней не уберусь, но часамъ къ тремъ дня у меня было сдѣлано очень много. Надо-бы полы вымыть... Какъ-нибудь заставлю это сдѣлать сторожиху.

Дьяконъ послѣ службы въ церкви засидѣлся у отца Александра и пришелъ только къ тремъ часамъ. Къ этому времени вернулась и нянюшка.

Я не въ силахъ описать, что происходило съ отцомъ дьякономъ и нянюшкой, когда они увидали, что мною безъ нихъ было сдѣлано.

Отецъ дьяконъ только въ одной фразѣ сказалъ все.

— И что ты за человѣкъ, понять не могу.

Нянюшка вздыхала. Качала головой. Ей было стыдно, что всю работу, которую она сама должна бы исполнить, за нее сдѣлалъ я.

— Ну, нянюшка, вамъ, милая, теперь не до этого.

— А что мнѣ теперь? Уложила я свою княгинюшку спать. Спокойненько лежитъ она. По крайности, не видитъ ничего. А что въ страхѣ-то жить? Только Бога гнѣвить. При жизни въ аду побывала... А теперь ея душенька въ раю. А сама я... доплетусь кое-какъ до царствія Божьяго... Вотъ и плетусь. Душа-то у меня давно тамъ...

Мы рѣшили къ обѣду пригласить отца Александра. Дьяконъ за нимъ пошелъ, и тотчасъ они оба появились въ нашей квартирѣ.

Я подошелъ подъ благословеніе.

— Слышалъ я о тебѣ, слышалъ...

— И что за человѣкъ, понять не могу,—вставилъ опять отецъ дьяконъ.

— Самый обыкновенный, отецъ дьяконъ.

— Словно Богомъ къ намъ ниспосланъ.

Я слегка вздрогнулъ.

— Говорилъ я отцу дьякону: будь ты поосторожнѣе. Можетъ, коммунистъ какой... тайный чекистъ. Всѣ въ бѣду попадемъ. Только такихъ дѣловъ я что-то отъ коммунистовъ не видалъ. Они все себѣ берутъ. Все, говорятъ, наше...

— Отецъ Александръ...—замѣтилъ дьяконъ.—Не будемъ о нихъ говорить.

— Это ты вѣрно. Лучше нашему брату не только не

говорить, но и не думать о нихъ. Ниспослано Богомъ намъ великое испытаніе. И будемъ его терпѣть до конца.

Нянюшка тоже попросила у отца Александра благословенія.

Мы прошли въ комнату дьякона. Мною уже были приготовлены тарелки и ложки. Я пошелъ, было, за щами, но нянюшка сама несла кастрюлю.

— Хорошія щи вышли.

Нянюшка ни за что не хотѣла съ нами сѣсть.

— Что останется, я тамъ, въ кухнѣ, поѣмъ.

Я все-же налилъ ей въ тарелку щей съ кусочкомъ мяса и отнесъ.

— И откуда это все у васъ? — поинтересовался отецъ Александръ.

Я ему объяснилъ совершенно откровенно.

— Играю на вечерахъ у матросовъ. Они мнѣ за это и платятъ.

— Что-же? Коли такъ, это ничего... Тутъ предосудительнаго ничего нѣтъ,— согласился отецъ Александръ.

Надо отдать справедливость, ѣли они хорошо. Съ большимъ аппетитомъ. Отецъ дьяконъ бралъ въ руки буханокъ и отрѣзалъ куски хлѣба.

Я замѣтилъ, что отецъ Александръ нѣсколько разъ пытался меня пораспросить, кто я, откуда, гдѣ былъ, но вполнѣ понятное его любопытство мнѣ не нравилось. Просто потому, что о себѣ я не хотѣлъ никому говорить ни слова. Отецъ Александръ производилъ на меня весьма хорошее впечатлѣніе. Это былъ настоящій священникъ, глубоко вѣрующій, почитающій церковь со всѣми ея обрядами, глубоко убѣжденный человѣкъ. И только слегка, чисто внѣшне въ немъ сказывалась свѣтскость съ присущими ей недостатками. Чуть лишняя болтливость. Отецъ дьяконъ былъ грубѣе его, непосредственнѣе, проще, но я сказалъ-бы, что чуткость в немъ была развита сильнѣе, чѣмъ у священника. Отецъ Александръ часто не выдерживалъ. Жаловался и осуждалъ то, что происходитъ.

Упомянулъ о сторожѣ и его женѣ. Много они оба принесли горя. Грубы они. Непочтительны. Но это еще не бѣда. Сторожъ сталъ воровать. И свѣчи, и образки.

— Грѣхъ осуждать человѣка, а это никто, какъ онъ, унесъ изъ церкви мою новую рясу. Савелій не возьметъ. А этотъ... вижу я... воровать сталъ. А воръ, что ни захватитъ, все ему мало.

Отецъ дьяконъ молчалъ, когда разговоръ переходилъ на упреки, жалобы и осужденія. Такъ вообще онъ былъ словоохотливъ. Любилъ поговорить, но больше или на отвлеченныя темы или на простыя, жизненныя.

Сталъ говорить о томъ, какъ жила княжна, о молебнахъ въ ея квартирѣ, объ ея семьѣ.

— Богатая была, — замѣтилъ отецъ Александръ. — Дома-то была какая роскошь. Описать трудно. И жили широко. Церковь не забывала. Молилась усердно и жертвовала много. А теперь все ея богатство прахомъ пошло... Слышалъ я, будто всѣ иконы какой-то еврей взялъ.

Нянюшка предупредила меня насчетъ картонки, чтобы я никому про нее не говорилъ. Дала мнѣ на сохраненіе. Я обѣщалъ ей время отъ времени показывать ее. Должна убѣдиться, что все находится въ цѣлости.

— Не надо... Не надо, баринъ... Я и такъ вѣрю. Сами были человѣкъ, поди, богатый. Вамъ это не въ диковинку А умру, такъ берите себѣ все. Мнѣ что? Мнѣ не надо. А вамъ можетъ пригодиться.

— Мнѣ тоже, нянюшка, не надо.

— Ну кому. захотите, тому отдайте. По своему усмотрѣнію. Только-бы этимъ разбойникамъ не попало... Со всѣхъ квартиръ они все богатство посбирали... А кто?.. Видала я, кому наши иконы попали... Повѣрьте мнѣ, баринъ, они скоро и церкви оберутъ. Все ограбятъ.

— А я какъ разъ, нянюшка, думалъ всѣ эти вещи въ церковь пожертвовать.

— Не такое теперь время. И я-бы туда отдала, да боюсь. Доберутся они и до нашихъ святыхъ иконъ и церковнаго

богатства. Всего лучше у себя сохраните, а тамъ самому видно будетъ...

Такъ на томъ и рѣшили.

Послѣ обѣда мы всѣ разошлись. Отецъ Александръ ушелъ въ себѣ на квартиру, нянюшка прошла въ кухню, а я, надѣвъ постарому свой халатъ и колпакъ, собрался изъ дому. День у меня былъ свободный, и я рѣшилъ пройти на Морскую улицу.

Рѣшилъ, если удастся, то справиться на старой квартирѣ сестры, гдѣ она теперь живетъ. По нѣкоторымъ соображеніямъ мнѣ не особенно хотѣлось, чтобы она знала обо мнѣ.

Два слова о сестрѣ. Она была замужемъ за извѣстнымъ генераломъ Полозовымъ, который особенно выдвинулся на войнѣ. Его геройскій подвигъ сталъ даже общенароднымъ. Въ газетахъ вспоминали и его отца — героя турецкой войны и дѣда. Это была чисто военная семья съ ея традиціями и законами, можетъ быть, своеобразными, но крѣпкими и чтимыми въ семьѣ. У сестры было двое дѣтей: Сережа, блестящій офицеръ, тоже отличившійся на войнѣ, и дочь Елена, хорошенькая барышня, талантливая піанистка. Въ началѣ большевизма у Полозовыхъ сдѣлали обыскъ. Отняли золотое оружіе дѣда. Полозовъ сталъ протестовать. Его отвезли на Гороховую, а потомъ разстрѣляли вмѣстѣ съ другими «преступниками».

Это было незадолго до того, какъ мы всѣ разстались. Я попалъ въ Сибирь и потерялъ изъ виду Осипа. Изъ нашей компаніи Володю убили на его квартирѣ, а Сережа, какъ я видѣлъ, служилъ въ красной арміи.

Я прошелъ площадь Маріинскаго театра. Театръ былъ украшенъ флагами. Кажется, въ этотъ вечеръ давали спектакль для какихъ-то пріѣхавшихъ въ Петербургъ латышскихъ коммунистовъ. Казармы. На углу былъ наклеенъ номеръ газеты съ каррикатурами на тему: религія — опіумъ для народа. Каррикатуры были на священниковъ. Толстые, съ большими животами, пьяные. Въ рукахъ кресты, на головѣ съѣхавшія на сторону камилавки и митры.

На одномъ рисункѣ была изображена кровать, на которой спалъ священникъ съ огромнымъ животомъ. На полу валялись крестъ и евангеліе. Подъ кроватью стояла чаша для причастія.

Несомнѣнно, художникъ былъ подлъ, но талантливъ. Фамиліи его, къ сожалѣнію, не было напечатано. Онъ именно умѣлъ, что называется, понять грубость и угодить ей. Въ этомъ я убѣдился. Эту газету или, вѣрнѣе, листокъ читали вслухъ красноармейцы и хохотали отъ души.

— Смотри... Смотри, товарищъ, чаша-то гдѣ...

— Здорово... Молодчина.

Я стоялъ вмѣстѣ съ ними и читалъ стихи, напечатанные подъ картинками.

Одинъ изъ красноармейцевъ, еще мало похожій на солдата, видимо, недавно взятый на военную службу, обернулся ко мнѣ. Оглядѣлъ.

— Что, товарищъ, не нравится? — ехидно спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ. Очень хорошо, — отвѣтилъ я спокойно.

— А ты самъ не попъ?

— Нѣтъ.

— Можетъ, бѣглый попъ?

— Нѣтъ...

— А по виду не то попъ, не то... чортъ тебя знаетъ что.

Я продолжалъ читать. Справа была напечатана статья или, скорѣе, разсказъ о томъ, какъ вскрывали мощи въ Москвѣ и будто бы нашли тамъ тряпки, вату и жестянки изъ-подъ консервовъ.

— Почитай-ка намъ, что тамъ написано?

— Охотно.

И я прочелъ всю статью вслухъ. Красноармейцы хохотали. Прерывали мое чтеніе криками и замѣчаніями. Вставляли разныя «словечки» весьма скабрезныя. Я спокойно прочелъ до конца.

— Это что, товарищи, — сказалъ я. — А вотъ я тутъ недазно одну книгу читалъ. Тамъ описано, какъ Христа

по щекамъ били да губку съ уксусомъ ему въ ротъ толкали... Вотъ потѣха. Прочтите. Смѣяться будете. Евангеліе называется.

Красноармейцы смолкли. Зло посмотрѣли на меня.

— Да ты самъ-то кто? Православный что-ли?

— Нѣтъ. Я той-же вѣры, что и вы.

— Какой такой?

— Басурманской...

И я, повернувшись, медленно пошелъ вдоль казармъ къ мосту.

Слышалъ, что красноармейцы о чемъ-то горячо спорили.

Шелъ вдоль канала. Торцы сгнили. Во многихъ мѣстахъ были пустыя дыры. Проѣхать экипажу было трудно. Въ каналахъ торчали потонувшія баржи, полныя мусора. Частью было все покрыто снѣгомъ, частью торчало черными выступами изо льда. Грязь и мусоръ выкидывались въ каналы.

Заколоченные магазины. На уцѣлѣвшихъ домахъ развѣвались красныя знамена. На дверяхъ висѣли картоны съ надписями. Клубы, разныя учрежденія.

Народу на Морской было много. Масса автомобилей, мотоциклетокъ, экипажей съ красноармейцами вмѣсто кучеровъ. Изъ какого-то дома выносили мебель, клали ее на воза. Прямо на панели, мокрой отъ снѣга, валялись дорогія и цѣнныя книги. Цѣлая библіотека.

Я вошелъ въ ворота знакомаго мнѣ дома. Того, гдѣ жила сестра. Сталъ подниматься по черной лѣстницѣ. Всюду грязь. Даже мнѣ въ валенкахъ и то приходилось пробираться осторожно.

Какъ разъ дверь въ квартиру сестры была открыта. Заглянулъ. Кухня. У плиты стояла какая-то женщина. Надъ плитой красиво извивался паръ. Притворилъ за собой дверь, чтобы не шелъ холодъ. Кашлянулъ. Женщина обернулась.

Удивилась.

— Скажите... Тутъ раньше жили Полозовы?...

— Они и посейчасъ тутъ живутъ. Только сейчасъ никого дома нѣтъ. А вамъ кого надо?

— Мнѣ все равно...

— А зачѣмъ?

— Насчетъ рояля.

— А!.. — протянула женщина. — Ну такъ подождите. Лидія Александровна сейчасъ вернется. Я велѣла ей луку купить. Садитесь тамъ.

Я рѣшилъ лучше не откладывать своихъ поисковъ въ дальній ящикъ. Пусть сестра узнаетъ, что я здѣсь, въ Петербургѣ. Это ничего. Мнѣ только-бы отыскать брата. Она, навѣрно, имѣетъ о немъ свѣдѣнія.

Нарочно сѣлъ такъ, чтобы сестра, когда войдетъ въ кухню, не сразу меня увидала. Даже не снялъ съ головы своего колпака. Женщина готовила обѣдъ и вся ушла въ свое дѣло. У нея кипѣлъ супъ. На желѣзномъ листѣ лежали пирожки, которые она вдвинула въ печь. На столѣ лежали ощипанные рябчики. Кушали, должно быть, хорошо.

Когда кухаркѣ приходилось уходить изъ кухни, она нѣсколько разъ оборачивалась къ мнѣ, подозрительно меня осматривала.

— Не бойтесь, я ничего не возьму.

Въ кухню вошли два красноармейца. Блѣдные, въ рваныхъ сапогахъ и въ шиняхъ, настолько износившихся, что мѣстами на нихъ были большія дыры.

— Вамъ чего?

Сняли фуражки.

— Да вотъ... Работы нѣтъ-ли какой?

— А какой вамъ работы-то?

— Пилить дрова, можемъ... И нарубимъ.

— Дѣлать-то вамъ нечего, — огрызнулась кухарка.

— Да мы, собственно, изъ за хлѣба. У насъ порцію сократили. Въ субботу выдали, а теперь вотъ который день не жрамши сидимъ. Нѣтъ, говорятъ. И безъ васъ хлѣба мало... Хорошо еще, что кое-гдѣ работа есть. Вчера рубили. Хлѣба дали намъ. По куску. А сегодня такъ разсчитывали,

что паекъ дадутъ. Съ утра за нимъ поѣхали, а до сихъ поръ не вернулись. Брюхо-то и пучитъ.

— Ладно. На дворѣ подождите. Коли Сергѣй Валерьяновичъ пріѣдетъ, я ему скажу.

— А скоро онъ?

— Не знаю.

Зачесали затылки.

— А тутъ-бы посидѣть, погрѣться.

— Нечего вамъ тутъ дѣлать. Нашли, гдѣ грѣться. Въ казармы идите. Тамъ согрѣетесь.

— Согрѣешься? Тамъ хуже, чѣмъ на улицѣ.

— Ну... ну... ну! — грозно крикнула кухарка. — Нечего вамъ тутъ разговаривать.

Пошли. Опечаленные, унылые. Одинъ обернулся.

— Можетъ, хлѣба впередъ дашь? Отработаемъ...

— Идите... идите. Знаю я васъ... Попрошайки. Лучше завтра приходите.

Красноармейцы ушли. Кухарка съ сердцемъ захлопнула за ними дверь. Бурчала.

— Ишь, нищіе какіе...

Шумѣла. Что-то взбивала. Пробовала супъ. Высоко держа руку надъ кострюлей, солила супъ. Я сидѣлъ молча, опершись руками на палку и опустивъ голову на руки.

Вошла сестра. Какъ я и расчиталъ, она меня сразу не замѣтила. Измѣнилась. И я-бы ее не сразу узналъ. Осунулась. Похудѣла. Когда-то она одѣвалась очень изящно. Теперь на головѣ простой теплый платокъ, подвязанный у подбородка. Шубка та, которую я видалъ раньше на ней, но сильно испачканная и не почищенная. Завязанная шарфомъ въ таліи. Въ валенкахъ. И манеры не тѣ.

— Вотъ, Анна Васильевна, я лукъ принесла... —

Показала корзинку.

— Не знаю, понравится-ли только вамъ... Ужъ я выбирала... выбирала...

Анна Васильевна взяла луковку въ руку, осмотрѣла ее. Помяла. И бросила снова въ корзину.

— Куда поставить-то?

— На окно что-ли.

— А вамъ, Анна Васильевна, не помочь-ли въ чемъ? Не устали-ли вы? Можетъ быть, отдохнули-бы? Комнаты-то я сегодня прибрала... Подмела...

— Сынъ любитъ, чтобъ все чисто было.

— Ужъ какъ могла, Анна Васильевна...

— А васъ тутъ дожидаются.

— Кто?

Я всталъ.

— Что вамъ угодно?

— Меня насчетъ инструмента сюда прислали.

— Какого инструмента?

— Насчетъ рояля. Поправить его...

— Можетъ быть... можетъ быть, — заволновалась сестра, — а вы настройщикъ?

— Да.

— Это возможно... Дочь говорила, что рояль разстроенъ. Вы-бы лучше утромъ пришли.

— Сегодня только посмотрѣть пришелъ... Можно?

Сестра обратилась къ кухаркѣ.

— Можно, Анна Васильевна?

— Пусть смотритъ.

Мы прошли черезъ корридоръ.

— Вотъ сюда, пожалуйста...

Отворила дверь. Прошла впередъ въ хорошо знакомую мнѣ гостиную. Я тотчасъ закрылъ дверь. Снялъ съ головы колпакъ.

— Не узнаешь меня, Лида?

Сестра вскрикнула. Отступила.

— Коля!.. ты?..

— Ни слова... Ты не должна знать, что я здѣсь... Никто не долженъ знать.

Сестра побѣлѣла. Губы стали синими. Она дрожала. Видно было по ея пальцамъ.

— Ты мнѣ только скажи, гдѣ Осипъ?

— Не знаю.

— Неправда! Ты должна знать...

— Осипъ здѣсь... въ тюрьмѣ.

— Его не разстрѣляли?

— Нѣтъ... Впрочемъ, почему ты меня спрашиваешь? Почему я должна знать?

— Потому что Сережа...

Сестра опустила глаза.

— Сережа служитъ въ красной арміи... Сережа, бывшій гвардейскій офицеръ.

Лида немного пришла въ себя.

— Коля! Ты напрасно упрекаешь. Увѣряю тебя... Ты ничего не знаешь. Многіе перешли въ красную армію... И тамъ очень хорошо... Знаешь, когда ближе познакомишься съ ними...

— Коммунистами?

— Хотя-бы коммунистами... Они вовсе не такіе... Есть между ними прекрасные люди и... они очень идейные. Они такъ любятъ Россію... народъ... Мужъ Лели...

— Какъ, Леля замужемъ?

— Да...

— Когда-же была свадьба?

— Видишь-ли?.. Ея мужъ... Вотъ ты видѣлъ въ кухнѣ... Это его мать. Онъ самъ комиссаръ...

— Навѣрно, еще чекистъ?

Сестра замялась.

— Какъ тебѣ сказать?.. Очень возможно...

— Значитъ, Леля сошлась съ нимъ гражданскимъ бракомъ?

— А не все-ли это равно?

— Ну не будемъ спорить.

— Ахъ, Коля, — вздохнула сестра, — какой ты право... Ты всегда былъ страннымъ. Тебя не переубѣдишь...

Заволновалась.

— Ты ужъ меня извини... У насъ сегодня къ обѣду одна барышня приглашена. Сережа съ ней недавно познакомился...

— Ксенія Мансурова?

Сестра удивилась.

— А ты почемъ знаешь?..

— Знаю. Но, Лида, не бойся. Больше я къ тебѣ не приду...

— Я-бы тебя угостила, да... неловко...

— Не надо...

— Мы всѣ вмѣстѣ живемъ... А я съ Анной Васильевной...

Я не дослушалъ. Мнѣ не было никакого дѣла до Анны Васильевны... Сестра стояла растерянная, сконфуженная. Повернулся.

— Прощай.

— Такъ какъ-же, Коля, такъ?.. Какъ-же я о тебѣ узнаю?

— Услышишь!

7. ВЪ ПОДВАЛѢ.

Сестра была такъ поражена моимъ визитомъ, что не пошла меня проводить, а осталась въ гостиной. Я простился съ Анной Васильевной и сталъ спускаться съ лѣстницы. Вышелъ на улицу. Шелъ, по обыкновенію, медленно. Тѣмъ болѣе, что торопиться мнѣ было некуда. Темнѣло. Кое-гдѣ зажгли электричество. Наклеили какое-то воззваніе. Какъ разъ около лампочки. Я его прочелъ и пошелъ дальше.

Услыхалъ за собой мягкіе, торопливые шаги. Кто-то торопился. Тяжело дышалъ.

— Коля!

Обернулся — Сестра!..

— Коля!.. Мнѣ тебя очень нужно... Намъ необходимо поговорить. Ахъ, какъ я боялась, что ты уйдешь, и я тебя больше не увижу. Я, вѣдь, не знаю твоего адреса. А мнѣ необходимо... необходимо съ тобой поговорить.

Она была какъ въ лихорадкѣ. Испуганно озиралась, смотрѣла на меня. То шла неподалеку отъ меня, словно

случайно проходила рядомъ со мной, то подходила близко.

— Не уходи... Бога ради останься... Господи! Гдѣ-же намъ поговорить? Тутъ даже переулка нѣтъ... Меня могутъ увидѣть... Что дѣлать?

— Иди за мной.

— Нѣтъ... нѣтъ. Что ты?.. Я должна скоро вернуться. Удивятся, куда я пошла... Я черезъ кухню такъ прошмыгнула, что меня Анна Васильевна даже не замѣтила... Но мнѣ надо такъ много тебѣ сказать, а здѣсь даже негдѣ... Боже.. Боже! Что дѣлать?..

— Почему ты такъ боишься?

— Ахъ, ты ничего не знаешь... У насъ такъ строго.. Наше положеніе очень тяжелое...

— Но вы всѣ такъ хорошо устроились?

— Это ты про рябчики?.. Это случайно... Скажи, а почему ты зналъ, что у насъ сегодня будетъ Мансурова?.. Впрочемъ, это не важно... Ахъ!..

Сестра остановилась.

— Иди за мной, но сзади... Я знаю, гдѣ намъ поговорить.

Она повернулась. Торопливо пошла опять къ своему дому. Я не упускалъ ея изъ вида. Вошла въ ворота. На дворѣ ждала меня.

— Коля... Тамъ въ углу... во дворѣ есть подвалъ. Туда бревна сложили... И тамъ ихъ распиливаютъ. Туда теперь никто не войдетъ...

— Прекрасно.

Мы прошли въ уголъ двора. Двѣ ступеньки вели внизъ, къ двери. Засыпано снѣгомъ. Онъ попалъ и въ подвалъ. Темно. Ощупью нашли сложенныя бревна. Сѣли.

— Ну вотъ что, Коля... Ахъ, мнѣ такъ много надо сказать. Не знаю, съ чего начать... такъ все путается въ головѣ... Вѣдь, я думала, что тебя давно нѣтъ въ живыхъ... Мы о тебѣ часто вспоминали. Но боялись даже вслухъ произносить твое имя... Тебя ищутъ.. Впрочемъ, это не то... Нѣтъ. Мы были увѣрены, что ты убитъ. Помнишь, тогда?

— Я ничего не помню.

— Ну объ этомъ потомъ... Вотъ что, Коля, неужели ты не бросилъ... Неужели ты хочешь опять?.. Это безуміе. Я тебѣ говорю, что тебѣ ничего не удастся сдѣлать. Я хорошо это знаю... Въ чрезвычайкѣ такъ отлично поставленъ сыскъ...

— Ты мнѣ что-то хотѣла сказать болѣе важное?

— Это тоже очень важно... Но вотъ, если ты мнѣ дашь слово, что ты больше...

— Я тебѣ никакихъ обѣщаній дать не могу.

— Не говори такъ... Я тебѣ сейчасъ докажу, что ты только можешь навредить...

— Не надо, Лида...

— Но если ты мнѣ дашь слово, что бросишь свою затѣю, я тебѣ скажу, гдѣ Осипъ.

Я вздрогнулъ.

— А, такъ ты меня обманула?..

— Но ты самъ сейчасъ убѣдишься, что иначе я не могла сказать.

Хорошо, что было темно и я не видалъ лица сестры.

Она лгала!

— Ты мнѣ скажешь, гдѣ Осипъ, безъ всякихъ условій.

— Да... да. Конечно, скажу, но только... Ты знаешь, что всѣхъ, кто былъ въ заговорѣ, ищутъ... Главнымъ образомъ Осипа. Тебя они считаютъ убитымъ... Это я такъ сказала... Володя попался случайно... Его при обыскѣ убили...

— Знаю. Его ихъ кухарка, Машка, предала.

— Ты все знаешь...

Сестра въ отчаяніи ломала руки...

— Всѣхъ арестовали и разстрѣляли... всѣхъ до одного. Это мнѣ узнала Леля... Осипъ бѣжалъ... Спасся чудомъ. Онъ всегда былъ очень ловокъ... И вотъ они имѣютъ свѣдѣнія, что тамъ былъ одинъ офицеръ... Не могутъ ни узнать его фамиліи, ни напасть на слѣдъ...

— Сережа?

— Молчи, Бога ради... Если узнаютъ, онъ пропалъ... И мы всѣ пропадемъ...

— Вотъ почему ты такъ боишься со мной встрѣчаться?

— Какой, Коля, ты странный... Кромѣ того, Сережа такъ преданъ...

— Вотъ какъ?

— Онъ идейный... Онъ очень увлекается... Онъ говоритъ, что необходимо создать армію... О немъ уже слышалъ самъ Троцкій... Сережа на виду... Ты, Коля, этого не поймешь...

— Нѣтъ, Лида, я все понимаю...

Сестра еще больше волновалась. Она поискала, гдѣ моя рука. Нашла ее и крѣпко сжала.

— Ты знаешь, я тебя всегда очень любила... Больше, чѣмъ Осипа... Мы съ тобой были такъ дружны...

— Я понимаю... понимаю. Тебѣ очень опасно со мной встрѣчаться... Это Сережѣ въ его карьерѣ можетъ очень повредить...

— Ну зачѣмъ такъ, Коля... Я бы хотѣла, чтобы ты устроился. Жилъ хорошо...

— Съ какимъ бы удовольствіемъ я бы съѣлъ сейчасъ рябчика.

Сестра отняла руку. Заплакала.

— Слушай, Лида, я тебя хорошо понимаю. Ни ты меня не убѣдишь, ни я тебя. Ты мою идею считаешь безуміемъ. Основываешь это на томъ, что я всегда былъ странный. Пусть будетъ такъ. Я смотрю на поступокъ Сережи и Лели, какъ на предательство, какъ на измѣну родинѣ. Мы съ тобой никогда не столкуемся и на этомъ покончимъ. Даю тебѣ честное слово, что о нашемъ родствѣ никто не будетъ знать. Я васъ ничѣмъ не скомпрометтирую. Тѣмъ болѣе, что я здѣсь живу подъ чужой фамиліей.

— Ахъ Коля... Коля!..

— Теперь ты мнѣ скажи, гдѣ Осипъ?

Сестра молчала.

— Лида, я это требую!

— Онъ... Онъ служитъ на желѣзной дорогѣ...

— На какой?

— На Николаевской.

— Ты меня не обманываешь?

— Честное слово.

— Кѣмъ?

— Смазчикомъ... Больше я ничего не знаю...

— Подъ какой фамиліей?

— Ей Богу, Коля, я больше ничего не знаю...

— Ну хорошо. Я вѣрю тебѣ. Если ты обманула меня или скрыла, пусть это будетъ на твоей совѣсти...

— Нѣтъ... нѣтъ. Клянусь Богородицей...

Я хотѣлъ уйти. Сестра поймала меня. Ухватилась за мой халатъ.

— Постой... постой. Еще одно слово... Ты за нами слѣдишь?

— Нѣтъ.

— А какъ ты узналъ, что у насъ сегодня будетъ Ксенія Мансурова?

Разсмѣялся.

— Очень просто. Я вчера видѣлъ, что они катались на автомобилѣ.

— Это, кажется, очень хорошая семья?

— Повидимому. Мансуровы — старинный дворянскій родъ. Это все, что ты хотѣла мнѣ сказать?

— Подожди минуту... подожди. Я услышу, когда Сережа пріѣдетъ. У него свой автомобиль... Въ сущности, онъ принадлежитъ Гаврилѣ Анисимычу...

— Это еще кто такой?

— Мужъ Лели... Знаешь, они очень хорошо живутъ. Онъ такой семейный... У всѣхъ теперь, у нихъ есть... ну, знаешь?..

Невольно вздохнулъ. Стало больно на душѣ.

— Эхъ, Лида, Лида... Боишься вслухъ сказать слово «любовница». Какъ еще прочно въ тебѣ сидитъ твое воспитаніе. Это слово считалось не только неприличнымъ произнести, но даже чѣмъ-то ужаснымъ. Ну что-же? Я радъ, что она счастлива...

— Леля старается его и образовать... и научить хорошимъ манерамъ... Занимается съ нимъ по французски... И какіе они способные!.. Вотъ, если-бы, Коля, ты поближе съ ними сошелся, ты увидѣлъ-бы, что это за люди... Они такъ преданы...

— Не чета твоему покойному мужу, генералу Полозову, котораго они... эти вотъ Гаврилы Анисимычи разстрѣляли...

Сестра хотѣла что-то сказать. Какъ-то странно двинулась и соскользнула съ дровъ на полъ. Я наклонился. Съ ней былъ обморокъ. Поднялъ ее. Обнялъ. Хотѣлъ согрѣть. Гладилъ ее по головѣ. Приложилъ руку ко лбу.

— Тяжело, Лида... Очень тяжело. Не мнѣ, а тебѣ...

Сестра очнулась. Тяжело дышала. Поймала мою руку и поцѣловала.

— Коля... а сколько ты пережилъ?

— Я?.. Ровно ничего. Я, какъ никогда, бодръ,спокоенъ. И открыто тебѣ скажу: у меня на душѣ хорошо. И свѣтло...

— Ты о себѣ ничего не сказалъ.

— А я о себѣ ничего не знаю... Честное слово... Какъ я очутился въ Сибири, я до сихъ поръ не могу понять. Что было со мной?..

— Неужели не знаешь?

— Разскажи. Это интересно...

— Я тоже точно не знаю. Мнѣ говорилъ Смѣлковъ...

— А онъ гдѣ?

Разстрѣлянъ. Вмѣстѣ со всѣми...

— Я его очень любилъ...

— Такъ вотъ, Коля... Ты шелъ по Ямской улицѣ...

— Да... да. Это я вспоминаю.

— Тамъ произошла стычка. Ловили бывшихъ офицеровъ, которые прятались въ одномъ домѣ... И, должно-быть, тебя кто-то ударилъ по головѣ, и сильно избилъ. Ты лежалъ безъ сознанія. Потомъ тебя нашли въ подвалѣ ближайшаго дома. Ты былъ въ полномъ безпамятствѣ. Тогда тебя отправили въ больницу. Въ частную лечебницу для умалишенныхъ... Я все это узнала потомъ, а, когда насту-

палъ Юденичъ, то эту лечебницу эвакуировали... Какъ говорили, посадили всѣхъ въ вагоны и увезли... Куда, я даже не знаю... А что было съ тобой дальше?

— Я ничего не помню, Лида... Я и сюда дошелъ въ полномъ бреду. Я пришелъ сюда нѣсколько дней тому назадъ.

— Зачѣмъ? — съ испугомъ спросила сестра.

— Отыскивать брата Осипа...

— Но какъ ты его найдешь?

— По бородавкѣ...

Недалеко отъ насъ раздался гудокъ и шипѣніе автомобиля. Сестра вздрогнула. Еще крѣпче прижалась ко мнѣ. Мы смолкли.

Слышно было, какъ автомобиль остановился у воротъ. Голоса гулко раздавались подъ сводомъ воротъ.

— Безобразіе! Парадной никакъ не могутъ открыть...

— Это мужъ Лели, — шепнула мнѣ сестра.

— Оно, конечно... Я это хорошо понимаю. Какая у насъ публика! Срамъ сказать... Идутъ по улицѣ, увидятъ, парадная отперта.. Швейцара нѣтъ, ну они въ парадной и устраиваются... На весь домъ вонища. Прошлый разъ велѣлъ я товарищамъ убрать... Цѣльный день возились. Мыли, мыли, а все пахнетъ...

Вставилъ слово не совсѣмъ удачное для слуха не только моего и сестры, но и Сережи и Лели и Ксеніи Мансуровой.

Съ ними-ли она?

— Сюда, барышня, проходите...

Ага! Съ ними.

— Эта Ксенія очень хорошенькая... — сказалъ я.

Компанія прошла, какъ мы услыхали, въ крыльцо черной лѣстницы. Голоса смолкли.

Сестра встала. Она послѣ обморока была еще слаба. Покачнулась. Я взялъ ее за руку. Сдѣлали нѣсколько шаговъ.

— Теперь я сама дойду. Прощай...

Остановилась. Посмотрѣла мнѣ пристально въ глаза. Тихо благословила меня.

— Только, Коля, не на дурное дѣло я благословляю тебя. Спаси тебя пресвятая Богородица.

— Прощай, Лида.

Поцѣловалъ у сестры руку. Обнялись.

Прощай...

Мы разстались. Я незамѣтно дошелъ до дому. Нянюшка еще возилась съ уборкой комнатъ. Въ комнатѣ отца дьякона кто-то былъ.

Сторожъ?

— Будьте благонадежны, отецъ дьяконъ... Ежели что пособить, я всегда съ удовольствіемъ...

Сторожъ поклонился и ушелъ. Отецъ дьяконъ сидѣлъ хмурый. Качалъ головой.

— И что это съ нимъ, никакъ не пойму... Самъ пришелъ ко мнѣ. Ежели, говоритъ, помочь надо, то съ великимъ удовольствіемъ...

— Въ каждомъ почти человѣкѣ есть магазинъ. Что хочешь, то и купишь. У кого дешевая распродажа, а у кого съ запросомъ.

— Другимъ мнѣ всегда казался человѣкъ. До старости дожилъ, а оказывается, не зналъ я человѣка-то... Вотъ ты, къ примѣру взять... Кто ты?.. Мнѣ кажется, что наши святители такіе-же были раньше, какъ ты... Ты отчего въ монахи не пострижешься? Тебѣ тамъ самое подходящее мѣсто... Ты ходишь да добро сѣешь... А гдѣ?.. Не дозволяется это теперь говорить, а земля наша проклята... На проклятой землѣ только одно и думаешь. Кровью наша земля вся упитана. Да какой? Истинно русской. Православной, чистой... И должно на ней вырости великое...

Вздохнулъ. Помолчалъ. Хотѣлъ свою мысль окончить про себя. Но не выдержалъ.

— Вотъ сегодня одинъ господинъ повстрѣчался со мной. Скоро, говоритъ, конецъ всему будетъ. И первымъ долгомъ, говоритъ, погромы будутъ. Всѣхъ евреевъ вырѣжутъ. А меня страхъ взялъ... Какъ эта наша русская земля да эту кровь будетъ принимать... Смѣшается съ какой? Съ царской... Съ кровью Корнилова...

Вдругъ махнулъ рукой. Отвернулся.

— А, не будемъ объ этомъ говорить... Не охота... Да и обѣтъ далъ молчать... И хорошо!.. Въ молчаніи сила, а въ словахъ пустота.

Къ вечернѣ мы пошли всѣ втроемъ. Я нарочно всталъ недалеко отъ входа. Мой костюмъ меня къ этому обязывалъ. Постепенно стали собираться молящіеся. Меня немного удивило, что въ этотъ день собралось болѣе, чѣмъ обыкновенно.

Вошелъ въ темномъ одѣяніи, сильно рваномъ, священникъ. Но безъ креста на груди. Онъ всталъ рядомъ со мной и протянулъ руку. Кто входилъ, невольно обращали на насъ вниманіе. Подавали намъ. Я тоже бралъ милостыню и кланялся.

— Что, отецъ, сегодня такъ много народу? — тихо спросилъ я.

— Въ газетахъ утромъ былъ помѣщенъ списокъ убіенныхъ. Въ этотъ день всегда народу больше бываетъ.

Я стоялъ спокойно, зная навѣрняка, что никто изъ моихъ знакомыхъ не придетъ въ церковь. Но въ своихъ разсчетахъ ошибся. Увидалъ, что прошелъ Ладновъ. Это меня поразило.

Странно. Ладновъ крестился. Я осторожно пробрался направо и всталъ за колонну. Такъ, чтобы меня никто не видѣлъ.

Машка съ Иванъ Терентьичемъ! Это чудо... Машка, какъ большинство простыхъ женщинъ, дѣлала быстрые кресты и тотчасъ кланялась. Одѣта было скромно. На головѣ вязаная черная косынка.

Служилъ отецъ Александръ. Раньше я бывалъ иногда въ соборѣ Николы Морского и помнилъ отца Александра. Любилъ его манеру служить. Въ ней было много искренности, простоты и глубокой вѣры. Его мягкій голосъ гулко и ясно разносился по церкви. Около нищаго священника встала нищенка съ изуродованнымъ лицомъ. Псаломщикомъ былъ одинъ докторъ. Онъ не пропускалъ ни одной службы. Зналъ все наизусть.

Передъ тѣмъ, какъ хоръ долженъ былъ запѣть «Царю небесный, Утѣшителю», отецъ дьяконъ всталъ передъ алтаремъ, лицомъ къ молящимся и запѣлъ самъ, давъ знакъ рукой.

Всѣ молящіеся похватили и запѣли.

Послѣ службы я вышелъ изъ церкви вмѣстѣ съ нищимъ священникомъ. О чемъ-то его спросилъ. Онъ указалъ рукой на горло. Чуть слышно сказалъ:

— Голосу нѣтъ...

Калитка въ садъ была почему-то противъ обыкновенія отперта. Я замѣтилъ, что на скамейкѣ сидѣла женская фигура. Мнѣ показалось, что это Мансурова. Всѣ деньги, которыя я получилъ отъ молящихся въ церкви, я быстро сунулъ въ руку нищему священнику и направился къ Мансуровой.

Поздоровался.

— Что же вы?.. обѣщали ко мнѣ зайти... — съ легкимъ упрекомъ сказала она.

— Побоялся.

— Какой вы... странный. Вы были въ церкви? А я не могу молиться. Не дошла... Я здѣсь сидѣла. Сѣла, такъ и осталась. Я думала почему-то о васъ. Я ни съ кѣмъ не говорю. А мнѣ именно съ вами хотѣлось поговорить. Я бы васъ къ себѣ пригласила... Дочь сегодня уѣхала куда-то... Да я обѣдъ не готовила... У меня сегодня ничего нѣтъ. Даже чаю...

— Это, конечно, пустяки.

— Но вы послѣ вечерни устали. Навѣрно, хотите чаю.

Я улыбнулся.

— Сознаюсь. Очень хочу. Вотъ что я вамъ предложу? Пойдемте пить чай къ одной старушкѣ... Вы ее знаете. Тамъ и потолкуемъ. Намъ никто не помѣшаетъ...

— Ну что вы?

— Да ужъ довѣрьтесь мнѣ.

— Какая старушка-то?

— А нянюшка княжны.

— А!.. Я думала о ней, куда она дѣлась.

— Она вамъ рада будетъ.

Мансурова согласилась.

Удивительно, какія иногда бываютъ невѣроятныя совпаденія. Послѣ вечерни я хотѣлъ пройти прямо домой. Но меня заинтересовалъ нищій священникъ. Кромѣ того, я давно рѣшилъ отдать ему собранныя мной деньги. И я вышелъ за нимъ съ тѣмъ, чтобы проводить его до воротъ ограды. И послѣ этого тотчасъ вернуться домой. Нянюшка, зная, что и отецъ дьяконъ, и я послѣ церкви, навѣрно, придемъ домой пить чай, все заготовила. Накрыла на столъ, налила въ самоваръ воды, наложила углей. И тогда только успокоилась, когда все было ею сдѣлано.

Когда я постучалъ въ дверь и нянюшка мнѣ отперла, она не сразу узнала Мансурову. Потомъ обрадовалась. Хотѣла даже поцѣловать у нея руку.

— Барыня... милая. Да какъ это вы?

— Вотъ меня уговорилъ...

Замялась. Взглянула на меня и улыбнулась.

— Павелъ Васильевичъ, — подсказалъ я.

— Вотъ Павелъ Васильевичъ меня уговорилъ навѣстить васъ.

— Ужъ какъ хорошо это придумали-то... Вотъ ужъ хорошо.

Отецъ дьяконъ вышелъ изъ своей комнаты посмотрѣть, кто пришелъ.

— Вы, кажется, знакомы?

— Да. Имѣю такое удовольствіе. Милости просимъ. Павелъ Васильевичъ васъ и чайкомъ угоститъ.

— А почему не вы? — улыбаясь, спросила Мансурова.

— Это его все благодѣяніе... Мы у него кормимся. Такія щи умѣетъ варить, что даже меня въ грѣхъ ввелъ. И что это за человѣкъ, никакъ я не пойму.

Нянюшка принесла чашку. Самоваръ притащилъ я. Я съ нянюшкой условился. Она никогда не будетъ носить самовара. Ей тяжело, а для меня пустяки. Съ трудомъ согласилась. Позвали къ чаю и нянюшку. Сѣсть рядомъ съ нами не хотѣла. Усѣлась опять, какъ при княжнѣ, въ

сторонкѣ и пила чай отдѣльно. Поговорили о покойной княжнѣ. Вспомнили ея семью.

— Я у нихъ бывала. Знала всю семью.

— А дочка-то ваша, барыня, гдѣ?

Мансурова поблѣднѣла. Но силой воли сдержала себя.

— На обѣдъ приглашена.

— Эхъ, — вздохнула нянюшка и покачала головой. — Ужъ не къ матросамъ-ли опять?

— Нѣтъ...

— Видала я ее... Съ матросами гуляла. И какъ это вы ея не остановите... Долго-ли до грѣха... Дѣвочка еще малая. Неразумная. А имъ что?.. Простая-ли какая, али изъ дворянской семьи...

— Нѣтъ, она сказала, что ее пригласилъ какой-то Полозовъ.

Какъ страшно было слышать, когда произносили фамилію мнѣ лично очень близкую. Фамилію моей сестры.

— Я о Полозовыхъ слышала. Это очень почтенная семья. Самъ Полозовъ разстрѣлянъ. Осталась вдова съ сыномъ и дочерью... Вотъ они и пригласили Ксенію...

— Ну это хорошо. Только-бы не съ матросами вела знакомство.

Отецъ дьяконъ, выпивъ два стакана чаю, поднялся.

— Вы куда? — спросилъ я.

— Можетъ, вы поговорить хотите, такъ я къ отцу Александру пройду. Съ нимъ побесѣдую.

Я сказалъ, что мы можемъ пройти въ сосѣднюю комнату, ко мнѣ, но отецъ дьяконъ настоялъ на своемъ. Ушелъ. Нянюшка прошла въ кухню.

— Только не будемъ говорить о мелочахъ личной жизни. Кто вы — мнѣ все равно. Вамъ жаловаться на мою судьбу я не хочу. И скучно и не для чего. Только малодушные люди жалуются, пока не достигнутъ благополучія. Я мать. Была счастлива, что у меня ребенокъ. А теперь это мое горе. Мой упрекъ, что я не сумѣла воспитать его. Мнѣ Ксенія говорила, что вы на вечерахъ играете на

роялѣ. Разсказывала, какъ вы ей башмаки завязывали... это вы напрасно... Она смѣялась надъ вами.

— Мнѣ все равно...

— Не знаю, даже не буду васъ разспрашивать, какъ она вела себя на этихъ вечерахъ. Я уже довольно перестрадала. Скажите, Павелъ Васильевичъ, почему вы мнѣ близки? Что вы мнѣ сказали тогда въ церкви, на похоронахъ княжны. Вѣдь это бредъ?.. У васъ былъ какой-то странный экстазъ... Говорили о памятникѣ позора... О томъ, что я, мать, должна спасти родину. Какая я мать, когда единственной своей дочери не смогла вложить самыхъ основныхъ понятій о чести, о долгѣ... о простой порядочности? Я долго думала надъ вашими словами... Не сердитесь. Но это былъ бредъ...

— Я и теперь вамъ повторю то же самое...

Я сидѣлъ противъ Мансуровой. Слушалъ ее молча. Вникалъ въ каждое ея слово. Говорила она просто. Именно какъ съ близкимъ человѣкомъ. Смотрѣла ясными, открытыми глазами.

— Какъ вы мнѣ близки.

Посмотрѣла на меня и вдругъ улыбнулась. Видимо, ей въ голову пришла странная мысль.

— У меня паническій страхъ при видѣ юродивыхъ, кликушъ, сумасшедшихъ, но... почему вы себя считаете за юродиваго?

— Я сейчасъ только узналъ, почему я сталъ такимъ...

— Да. Въ вашей жизни произошло что-то очень большое?

— А мнѣ кажется, что, не будь этого, я все равно былъ бы такимъ. У сна своя логика и свое мышленіе. Но я просыпаюсь тѣмъ, чѣмъ я былъ вчера. Хотя сонъ, какъ видѣніе, имѣлъ на меня нѣкоторое дѣйствіе... Мой мозгъ боленъ. Я это знаю. Я мыслю, чувствую какъ будто разумно, но я не могу своимъ мозгомъ опредѣлить, правильна-ли моя мысль?.. Я сознавалъ, что я нелѣпо одѣтъ. Всѣ надо мной смѣялись... И я вмѣстѣ съ ними. Я мечталъ обриться и надѣть смокингъ. Но тогда я буду мыслить

иначе, а этого я не хочу. Я-бы не сказалъ вамъ той рѣчи, какую сказалъ въ церкви, если-бы я былъ въ смокингѣ... А теперь я говорю все, что хочу... И мнѣ легче. Но когда я скажу: пора! Когда я заряжу револьверъ и пойду туда, куда меня обязываетъ долгъ... О! Тогда я сперва возьму ванну... надѣну бѣлоснѣжное бѣлье... Повяжу изящный галстукъ... Я обрею бороду. Расчешетъ меня лучшій парикмахеръ... Я надушусь... Вставлю въ глазъ монокль... И именно такъ одѣвшись, я пойду на подвигъ... Я не скажу врагу ни слова... О, никто не услышитъ отъ меня громовой рѣчи, разоблачающей его съ головы до ногъ... Нѣтъ. Рѣчь излишня. Я столкнусь с нимъ и, отступя два шага, всажу ему пулю въ лобъ. И пусть она войдетъ въ его мозгъ, какъ камень, брошенный въ жидкую грязь...

— Павелъ Васильевичъ! Вы бредите!

— Нѣтъ. Я говорю вполнѣ разумно. И я это сдѣлаю для васъ.

Мансурова встала. Блѣдная. Это не страхъ согналъ у нея краску съ лица. Она не знала страха. Его могли переживать такіе ничтожные люди, какъ моя сестра. Но не Мансурова. Это была сила... Мансурова была изваяніе той женщины, которая, потерявъ все въ жизни, всѣхъ близкихъ людей, стояла на грудѣ труповъ, костей, череповъ и высоко держала руку, сложивъ пальцы въ крестное знаменіе.

— Господи! Я перенесла всѣ испытанія, которыя Ты мнѣ ниспослалъ.

— Ты увидишь и великую радость!.. Ты обрѣла Христа и тебѣ я вручаю скипетръ и корону. Предъ тобой преклонится все человѣчество, которое черезъ твое горе познаетъ Бога.

Я взялъ ее за руку.

— Слушайте меня. Такъ надо было... Такъ нужно, чтобы все горе испытали вы... Вы еще много претерпите, пока человѣчество не опомнится...

Пристально, какъ-бы изучая мое лицо, она смотрѣла на меня. Видѣлъ, что въ ней происходитъ большая борьба.

Понимала, что эта минута была значительной. Заговорила мягко и вмѣстѣ съ тѣмъ властно. Ея взглядъ гипнотизировалъ меня. Проникалъ глубоко въ мою душу. Я понялъ, что сейчасъ сила была на ея сторонѣ. Я подчинялся ея мысли.

— Сядьте... Будемъ говорить спокойно. Обдуманно. Разъ вы мнѣ довѣрили то, что не довѣряете даже самому себѣ, намъ необходимо обсудить все... я должна знать все. Если это безуміе, если это вашъ бредъ, я вамъ прямо скажу, какъ здоровый человѣкъ, я-бы сказала «посторонній», но это не совсѣмъ такъ. Какъ вы пришли къ этой мысли?

Я разсказалъ Мансуровой о нашемъ заговорѣ еще до моей болѣзни, о томъ, какъ меня нашли въ подвалѣ и отправили съ больными въ другой городъ.

— Я лежалъ. Не зналъ даже, въ какомъ городѣ. У меня мелькнуло сознаніе. Господи! Я не могу отдѣлить сознаніе отъ бреда. Почему я называю этотъ моментъ сознаніемъ? А потому, что я вспомнилъ о братѣ. Если я выбитъ изъ строя, значитъ, онъ одинъ идетъ на нашего врага. О, онъ не отступитъ отъ намѣченной нами цѣли. Я его знаю... Одинъ... Но я долженъ ему помочь. Я долженъ выступить рядомъ съ нимъ. Я не допущу, чтобы онъ одинъ погибъ... Я видѣлъ, что мы оставались одинокими. Наша группа рѣдѣла... Однихъ ловили и убивали, другіе переходили на сторону врага. Но пусть... пусть мы останемся одни... О, это намъ не страшно. Съ нами правда. Съ нами наша Богоматерь!.. Предвозвѣстница правды.. Если во всемъ мірѣ мы остались только вдвоемъ, то мы все же будемъ бороться. Нѣсколько выстрѣловъ — и врагъ палъ. Какая цѣна безмысленной толпѣ безъ тѣхъ немногихъ, которые создали девизъ: «Пусть злая сила возьметъ верхъ надъ правдой! Все позволено!..» То, что теперь происходитъ, ясно. Говорить я объ этомъ не буду. Это всѣмъ извѣстно... И вотъ съ этой цѣлью бросить на землю общаго врага я пошелъ сюда. Здѣсь я отыщу своего брата и...

Я дольше не могъ продолжать. Опять мой мозгъ сталъ мутнымъ. Опять словно вѣдьмы въ сѣрыхъ халатахъ, что-то нашептывая, проникли въ мой мозгъ... я схватилъ голову обѣими руками, крѣпко ее сжалъ, облокотился о столъ. Я не знаю, говорилъ я или только думалъ.

— Но мнѣ нужна увѣренность въ томъ, что я иду по правильному пути. Что, если я убью врага, то на этомъ мѣстѣ не будетъ пустоты... Кто... кто спасетъ родину?..

Какъ свѣтло... Это свѣтитъ звѣзда... Она довела до яслей, гдѣ родился Христосъ. Она стояла надъ нимъ со своимъ скорбнымъ ликомъ. И художникъ запечатлѣлъ эти черты лица. Эти глаза... Maria Dolorosa... Нѣтъ! Это неизвѣстный художникъ... Это монахъ. Онъ сидѣлъ въ своей кельѣ и рисовалъ икону. Маленькую, овальную. Онъ тщательно ее отдѣлалъ... На маленькой овальной дощечкѣ... Риза и кругомъ ободокъ... Ее кто-то купилъ... повѣсили на улицѣ... Тамъ, на углу Садовой. И люди проходили мимо нея. Многіе видѣли только большую икону. А маленькій образокъ съ ликомъ Богоматери не всѣ видѣли. Только избранные... И лучъ мнѣ указалъ на него. Большую икону разбили. Вытащили дерево... Оно для нихъ было дерево. Они его сожгли. Топили печь, чтобы пирожки, которыя дѣлала Машка, подрумянились... въ печь она, Машка... бросила икону. А можетъ быть, это сдѣлалъ Иванъ Терентьичъ... Вы знаете? Они были въ церкви и молились... Впрочемъ, я не то говорю... И я шелъ къ этому свѣту... И я нашелъ маленькую, овальную икону... А... Такъ вотъ кто будетъ моей поддержкой! Эта икона... Этотъ скорбный ликъ! Да вѣдь это мать!.. Въ ней спасеніе родины. Но зачѣмъ она пришла на пирушку матросовъ?.. За дочерью... Она уронила свою слезу на порогѣ... А тамъ дочь веселилась. Среди страшныхъ людей. У нихъ руки зеленыя... въ липкой зеленой грязи... Эти руки бросали героевъ родины черезъ бортъ... Они выбросили Марусю изъ окна. Они убили старуху княжну...

Пришла нянюшка и отецъ дьяконъ. Меня укладывалъ въ кровать мѣщанинишка. Наклонится и своей бородкой

щекочетъ по моему лицу. Подтыкаетъ со всѣхъ сторонъ одѣяло. Чтобы не продуло и я не простудился.

Развѣ я боленъ? Что?..

А красноармейцы ушли?.. Они приходили для того, чтобы прикладами ружей бить меня. Одинъ сильно ударилъ меня по головѣ...

Я говорилъ, чтобы имъ дали рябчиковъ. Тогда они не били-бы меня. Хлѣба?.. Дайте хлѣба. Купите ихъ... Все можно купить...

— А тебѣ, мѣщанинишка, сколько дать?

— Ничего.

— Врешь, милый мой... честныхъ людей нѣтъ. Одинъ честенъ до серебрянаго двугривеннаго... тотъ до рубля. Этого не убѣдишь, если не скажешь: сто!.. Какъ вы думаете, лысаго лектора не купишь? Ого!.. Онъ за селедку побѣжитъ къ матроснѣ...

— Товарищи!..

— Нѣтъ. А какъ онъ былъ счастливъ, когда актеры получили царскіе подарки и ему дали запонки и булавочку въ галстукъ.. Вотъ этого, длинноволосаго, не купишь. Сѣдого?.. Вы смѣшны. Онъ самъ первый пришелъ продаваться. Буду, говоритъ, писать, что пожелаете... Но графа не подкупишь... сотнями. Вали тысячи. Ему тысячи надо. У него ботинки одни чего стоятъ. Онъ священную чашу подъ кровать поставилъ. А ты, проклятый мѣщанинишка, ты за грошъ будешь у нихъ подошвы лизать... Смѣшно небось?..

Мѣщанинишка сѣлъ на край моей кровати.

— Ты имъ не деньги давай, а чудо покажи...

— Чудо, ты говоришь? Да ты посмотри кругомъ. Развѣ ты не видишь чудесъ?.. Ты вникни въ жизнь. Присмотрись къ ней. И ты увидишь чудо... Да все чудо... Все!.. Отецъ дьяконъ, развѣ это не правда? Вотъ помолитесь и сейчасъ свершится чудо... всѣ на колѣни!.. Вотъ передъ этимъ образкомъ.

А! И Ладновъ всталъ. Это ты выкинулъ Марусю изъ окна. И ты, принявшій іудейскую вѣру...

Милая Ксенія... Ну что, теперь поправила свой башмачокъ? Хорошо. Встань и ты на колѣни... Встань.

Ну такъ и есть... Развѣ это не чудо? Отецъ дьяконъ, нянюшка и Мансурова Богу молятся. А вы... вы посмотрите, кому вы молитесь?

Я хохоталъ. Они стояли на колѣняхъ. Съ ними была и Машка. И комиссаръ. И онъ пришелъ... И еще...

— Вы посмотрите хорошенько... Да это портретъ того господина, который вы сами повѣсили въ залѣ. Курчавые волосы, сдавленная, какъ у идіота, голова, приплюснутая сверху внизъ, и черная бородка торчитъ впередъ...

— Но прочь. Вы мнѣ надоѣли... Не здѣсь вамъ мѣсто.

Со мной остались только нянюшка, Мансурова и отецъ дьяконъ.

Мѣшанинишка опять пришелъ. Принесъ мнѣ горячаго чаю. Положилъ на голову мокрое полотенце. Заставилъ съѣсть кусочекъ хлѣба.

— Не могу больше.

Мнѣ стало трудно лежать. Вообще я не былъ боленъ. Для чего они меня уложили въ кровать? И всѣ ушли.

Я мигомъ вскочилъ съ кровати, одѣлся. Надѣлъ снова свой ватный халатъ, колпакъ и вышелъ на улицу.

Славный морозъ. Вчера снѣжокъ выпалъ, а теперь холодъ. Скоро, навѣрно, снѣгъ пачнетъ таять. Это послѣдній морозъ. Онъ пришелъ такъ только. Сказать, что еще зима поборется съ весной. Хотя самъ знаетъ, что уступить ему придется. Пришелъ только, какъ говорятъ мужики, для прилику.

Пройти развѣ на Николаевскій вокзалъ и тамъ поискать брата Осипа?

Но темно. Вечеръ или ночь?..

Всего лучше на вокзалъ итти завтра. Только надо будетъ переодѣться. Надѣть тотъ костюмъ, который мнѣ выхлопоталъ Иванъ Терентьичъ.

Но какъ я буду искать Осипа? Если онъ тамъ работаетъ въ качествѣ смазчика, то, навѣрно, часто уѣзжаетъ въ

Москву. Не знаешь ни его фамиліи, ни его опредѣленной должности. Тамъ этихъ смазчиковъ масса.

Сестра узнала все-же о немъ. Можетъ быть, она не все сказала. Она уже мнѣ въ самомъ началѣ соврала. Клялась, что потомъ сказала правду.

А какъ она боялась!.. Что, если опять придти къ ней и поразспросить о братѣ?

Эта мысль мнѣ понравилась. Я рѣшилъ сдѣлать такъ. Навѣрно, сестра встаетъ рано, чтобы идти въ лавку и встать тамъ въ очередь. Вотъ въ это время ее и поймать... А пока дожидаться.

Пошелъ черезъ Офицерскую. Такъ ближе. Темно. Народу нѣтъ. Ни одного человѣка.

— Стой!..

Обернулся. Ко мнѣ подошелъ милицейскій. Ружье на веревочкѣ.

— Куда идешь?

— А такъ.

— Развѣ не знаешь, что ночью запрещено ходить?

— Не знаю. Я только недавно пришелъ въ Петербургъ.

— Паспортъ есть?

— Есть. Пока бумага изъ учрежденія.

— Прочти.

Послушался. Прочелъ.

— А ты правильно читалъ, что тамъ есть?

— Правильно.

— Ну идемъ...

— Куда?

— Узнаешь.

Пошли вмѣстѣ. Милицейскій молчалъ. И мнѣ не хотѣлось говорить. Не о томъ думалъ.

Ввели въ какой-то домъ. Въ квартиру перваго этажа. За столомъ сидѣлъ человѣкъ въ черной курткѣ. Было еще два-три человѣка. Какіе-то странные люди.

— Кто такой?

— Музыкантъ.

— Ну завтра разберемъ. Пусть до утра тамъ посидитъ.

Кто-то ко мнѣ подошелъ, взялъ за руку. Вывелъ изъ комнаты въ корридоръ. Прошли въ самый конецъ. Толкнулъ носкомъ въ дверь, сильномъ ударомъ кулака по спинѣ втолкнулъ меня въ темную комнату. Тотчасъ заперъ дверь. Я слышалъ, какъ снаружи щелкнулъ замокъ. Слышалъ удаляющіеся шаги.

Сталъ осматриваться. Ни зги не видно. Протянулъ руки впередъ. Сдѣлалъ шагъ. Еще... Уперся въ стѣну. Шаря по ней, дошелъ до угла. Двигался по другой стѣнѣ. Ничего нѣтъ: ни лавки, ни стула.

Мнѣ показалось, что въ комнатѣ какъ будто кто-то есть. Кто-то словно дышитъ... У самыхъ моихъ ногъ. Наклонился.

Облизнула руку.

А, собачка!..

Погладилъ. Маленькая, гладкая. На очень высокихъ по сравненію съ ея ростомъ ножкахъ. И мордочка острая. Это не простая дворовая собаченка. Это, видимо, очень рѣдкой породы...

На портретѣ Екатерины Второй нарисована левретка около ея ногъ. Вотъ именно это такая-же собаченка.

И какая ласковая.

Какъ она очутилась здѣсь?..

Я обошелъ всѣ стѣны. Шаркая нарочно ногами, помялся посреди комнаты.

Сперва сѣлъ на полъ. Собачка вскочила мнѣ на колѣни. Хотѣлось ей поцѣловать меня.

Чуть развязалъ свой халатъ.

Эхъ, подлая собаченка... Знаетъ, гдѣ ей будетъ тепло. Въ этой комнатѣ, какъ въ подвалѣ, холодно.

Я легъ на полъ. Собачка залѣзла за пазуху. Высунула только кончикъ мордочки.

Покойной ночи!

8. ВЪ НОВОМЪ КОСТЮМѢ.

Спалъ, какъ убитый. Безъ сновъ. Если что и видѣлъ во снѣ, то къ утру забылъ.

Показалось, что кто-то отперъ дверь. Щелкнулъ замокъ. Въ темную дыру чулана, гдѣ я спалъ, всунулась голова.

— Тутъ кто есть?

Не успѣлъ я приподняться, отвѣтить... не успѣла собачка залаять, какъ голова исчезла.

Собачка заворчала. Я ее погладилъ. Успокоилъ. Не спуская ея съ рукъ, всталъ. Выглянулъ въ корридоръ. Никого!

Спокойно прошелъ по корридору. Двери... двери... Цѣлый рядъ дверей. Одни изъ нихъ открыты. Въ одной комнатѣ кто-то сидѣлъ за столомъ и крѣпко спалъ. Въ другой было много народу. Прошелъ мимо.

Около подъѣзда сидѣлъ милицейскій. Осмотрѣлъ меня.

— Изъ ночныхъ?

— Да.

— Опрашивали?

— Да.

— Паспортъ показалъ?

— Да.

— Отпустили?

— Да.

Эти четыре «да» его вполнѣ удовлетворили.

— Ну тогда иди!

Въ это утро у меня было очень хорошее настроеніе духа. Не знаю почему, но мнѣ было весело. Радовала меня собачка. Она такъ славно приласкалась ко мнѣ. Часто изъ за пазухи высовывала свою кукольную мордочку и хотѣла лизнуть мнѣ лицо. Я понялъ, что ночь насъ сблизила и мы стали друзьями. Далеко отойдя отъ участка, я опустилъ ее на землю. Бѣжала за мной.

Я шелъ къ Николаевскому вокзалу.

Ну и Невскій! Узнать его было трудно. Несмотря на кра-

сные флаги и тряпки, всюду наколоченные, и различные надписи и плакаты, это были мертвые дома, умершіе въ бѣдности. Они даже пріобрѣли особый запахъ тлѣна, гнили. И на улицѣ, словно на кладбищѣ. На кладбищахъ всегда ходятъ люди съ печальнымъ видомъ, молчаливые, хмурые. Ходятъ словно на цыпочкахъ, говорятъ шепотомъ, какъ-бы боясь разбудить покойниковъ. Такіе люди шли и по Невскому. Каждый что-то тащилъ, словно муравьи съ соринками въ переднихъ лапкахъ. Вывѣски напоминали надписи въ музеяхъ. Здѣсь когда-то было то, тамъ то. Нотаріусъ, давно разстрѣлянный. Банкъ, обращенный теперь или въ сарай или въ новое учрежденіе. Купецъ, торговавшій иконами и золотыми вещами, нынѣ умирающій отъ голода.

Памятникъ Императрицѣ Екатеринѣ Второй. Во время первыхъ дней революціи кто-то влѣзъ на памятникъ и въ руку статуи вставилъ красный флагъ. Теперь матерія сгнила, развѣяло ее вѣтромъ, а палочка осталась.

Около Аничкова дворца стояла старушка въ старомъ шелковомъ капотѣ. Кто-то толкнулъ меня въ руку. Обернулся. Молодая дѣвушка. Простая, румяная, съ улыбкой во все лицо.

— Здравствуй, бабушка.

Старушка подняла голову и всматривалась. Не могла узнать, кто ее окликнулъ. Но тоже улыбнулась.

— Здравствуй, — сказала она, щуря глаза.

Дѣвушка посмотрѣла на меня. Громко расхохоталась.

— Фрейлина это. Княжна. Прежде жила во дворцѣ. Лошади свои были. Богатѣйшая старуха была...

И дѣвушка прошла впередъ.

По рельсамъ шагала милиціонерка. Въ темномъ короткомъ платьѣ, въ кофтѣ, довольно теплой и въ беретѣ. Черезъ плечо висѣло на веревочкѣ ружье.

Мнѣ навстрѣчу шелъ какой-то господинъ. Посмотрѣлъ на нее, потомъ на меня. Зло усмѣхнулся.

— И!.. Одна осталась. Остальныхъ всѣхъ разобрали.

Около Николаевскаго вокзала творилось нѣчто невѣроятное. Безпорядочно топталась на одномъ мѣстѣ толпа.

Одни изъ толпы вылѣзали, другіе втискивались. Крики. Ругань. Жалобы.

— Ахъ, мерзавцы... Соль-то отняли. Полгода я копилъ. Хотѣлъ обмѣнять на что. Повезъ. Отняли...

Въ одномъ мѣстѣ толпа образовала воронку. На меня никто не обращалъ вниманія. Тискали, толкали, почему то ругали. Я невольно попалъ въ круговоротъ и подчинился толпѣ. Она швыряла меня изъ стороны въ сторону. И я попалъ въ эту воронку. Въ самый центръ.

Стояла баба. Выла. Около нея сани. На нихъ кто-то лежалъ. Покойникъ!.. Почти голый...

— Поставила здѣсь сани съ гробомъ и покойникомъ... Мужа везла на Волково... А самой надо было зайти на вокзалъ. Кумъ тутъ сторожемъ. Ему только сказать, что мужъ-то померъ... Кума не нашла. Вернулась. А гробъ-то стащили. Покойника такъ бросили... Окаянные. Еще православными называются...

На дворъ Николаевскаго вокзала пропускали всѣхъ, но выпускали только послѣ тщательнаго осмотра.

— Куда итти? Гдѣ искать брата?

Собачку въ толпѣ чуть было не раздавили. Я ее держалъ за пазухой, но насъ такъ сдавили, что, не пусти я въ ходъ локти, я бы могъ и самъ пострадать.

Спустилъ собачку на землю. Она тоже остановилась и ждала, посматривая на меня, куда я пойду.

Я хорошо понималъ, что найти брата было бы большимъ чудомъ. Гдѣ могутъ быть смазчики? Можетъ случайно пройти по двору. Но не въ тотъ моментъ, когда я пришелъ его отыскивать? Я пошелъ вдоль длинныхъ амбаровъ. Ходилъ безцѣльно по рельсамъ, по двору, между строеніями. Да... мнѣ попадалось не мало служащихъ на желѣзной дорогѣ. Но развѣ я могъ ихъ разспрашивать, указывая только на одну примѣту—бородавку на щекѣ.

Кто проходилъ мимо меня, не обращая никакого вниманія на мой странный костюмъ, кто осматривалъ меня и, пройдя нѣсколько шаговъ, оглядывался.

Зашелъ куда-то далеко. Сложены бревна, вышиной

много больше человѣческаго роста. Усталъ. Оперся о бревна и смотрѣлъ въ глубь двора. Далеко двигались люди.

Почудилось мнѣ или нѣтъ? Кто-то сзади меня говоритъ. Сзади? Но тамъ безконечные ряды бревенъ.

— Господи! Богородица, заступница, помилуй насъ... Сохрани насъ отъ всяческаго врага... Помоги намъ. Царица небесная. Упокой душу государя нашего, мученика, убіеннаго Николая... Господи! Господи!..

Кто-то молится. Голосъ мужской. Не старческій...

Боясь спугнуть молящагося, я осторожно отошелъ отъ бревенъ и направился въ другой конецъ двора.

Мнѣ очень хотѣлось увидать лицо молящагося. Издали я обертывался и слѣдилъ, не выйдетъ-ли кто изъ пролета между сложенными бревнами.

Дождался. Вышелъ кто-то и осторожно, озираясь, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Потомъ, удостовѣрившись, что его никто не видалъ, пошелъ дѣловой походкой вдоль двора. Но лица мнѣ его не удалось разсмотрѣть. Онъ былъ во всемъ темномъ. Не разглядѣлъ даже, была-ли у него борода. Исчезъ...

Странно. Меня потянуло къ тому мѣсту, гдѣ онъ молился. Здѣсь не было никого, и я свободно и спокойно подошелъ къ бревнамъ. Между бревнами очень узкое пространство. Мнѣ въ моемъ широкомъ, ватномъ халатѣ было пробраться не особенно легко. То и дѣло цѣплялся за сучки. Въ концѣ этого узкаго корридора было нѣчто вродѣ кельи. Пространство не болѣе двухъ аршинъ, закрытое со всѣхъ сторонъ. На стѣнахъ висѣли портреты Императора Николая Второго и Наслѣдника. Отъ снѣга листы пожелтѣли и смялись. На выступѣ бревна лежалъ большой деревянный крестъ, и надъ нимъ висѣла икона Божьей Матери, въ мѣдной ризѣ.

Я снова осторожно вылѣзъ и опять сталъ безцѣльно ходить по безконечному двору.

Нѣсколько разъ мнѣ попадался одинъ и тотъ-же служащій. Въ формѣ. Въ круглой желѣзнодорожной барашковой шапочкѣ. Онъ подозрительно на меня посматривалъ.

Я сѣлъ на какой-то ящикъ. Рѣшилъ, что всего лучше такъ ждать. Буду смотрѣть на проходящихъ мимо меня. И отдохну и, можетъ быть, скорѣе достигну цѣли. Собачка вскочила мнѣ на колѣни.

Человѣкъ въ желѣзнодорожной формѣ нѣсколько разъ прошелъ мимо меня. Замѣтилъ, что онъ вдругъ какъ-то рѣшительно свернулъ по мосткамъ и исчезъ въ крыльцѣ дома. Я этому не придалъ значенія. Сидѣлъ смирно.

Вдругъ изъ дома вышло съ служащимъ три человѣка. Одинъ былъ съ винтовкой. Твердо ударяя каблуками о деревянные мостки, подошли ко мнѣ.

— Что за человѣкъ?

Удивленно на нихъ посмотрѣлъ. Что имъ было отъ меня нужно? Пожалъ плечами.

— Человѣкъ, какъ человѣкъ.

— Кто такой?

— Музыкантъ.

— Паспортъ есть.

Вынулъ свой документъ, выданный мнѣ комиссаромъ. Прочли. Тотчасъ вернули.

— Зачѣмъ здѣсь?

— А вотъ одного пріятеля жду. Сказалъ, что я его всегда здѣсь найду.

— Кто такой?

— По лицу его знаю... Вмѣстѣ съ нимъ ѣхали. Служащій здѣсь. А кто такой — не спросилъ хорошенько. Фамилію сказалъ, да я забылъ. Зовутъ Иваномъ.

Повѣрили. Даже стали сочувственно распрашивать. Только всего болѣе ихъ смущалъ мой видъ. Я объяснилъ, какимъ образомъ вмѣсто пальто, на мнѣ былъ ватный халатъ.

— А все-же, пойдемъ-ка въ управленіе.

Повели. Дѣлать было нечего, пошелъ за ними. Попалъ въ какое-то учрежденіе. Канцелярія. Пришлось подняться въ третій этажъ. Указали на скамейку.

— Сиди здѣсь.

Ушли. И, должно-быть, забыли. Мимо меня то и дѣло ходили то служащіе, то барышни. Стало даже рябить въ глазахъ. Отъ нечего дѣлать я смотрѣлъ на лица и думалъ, кто изъ нихъ молился за бревнами.

Этотъ? Нѣтъ. Этотъ не можетъ такъ усердно молиться. Тотъ?... Ну тотъ скорѣе на висѣлицу пойдетъ, чѣмъ станетъ молиться. Лицо злое, упорное...

Видимо, прошло болѣе часу.

— Тебѣ, товарищъ, кого?

Я объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Сейчасъ.

Прошло опять съ полчаса. Наконецъ, вошелъ тотъ служащій, который меня замѣтилъ и хотѣлъ арестовать. Махнулъ мнѣ рукой. Я всталъ. Пошелъ за нимъ.

Въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ сидѣлъ рабочій. Почему я назвалъ мысленно его рабочимъ, я не знаю. Простое, грубое и наглое лицо. Широкое съ плохой растительностью. Но одѣтъ онъ былъ шикарно. Новая куртка. Крахмальный воротничекъ и галстукъ съ большой брилліантовой булавкой. Тщательно, съ шикомъ подстриженъ. Даже пахло отъ него духами. Всѣ пальцы въ перстняхъ. Я никогда не видалъ ни у кого такого количества колецъ.

Недалеко отъ него сидѣла барышня, тоже пышно и богато одѣтая. Тоже руки въ кольцахъ. При видѣ меня, она разсмѣялась. Захохотала громко. Шикарный рабочій посмотрѣлъ на нее. Сперва улыбнулся, а потомъ и самъ разсмѣялся. Кто-то еще хихикнулъ. Какой-то служащій, сидящій за другимъ столомъ. Смѣхъ заразилъ всѣхъ.

— Охъ, не могу, — охала барышня...

— Ужъ очень вы, товарищъ, смѣшной.

Барышня взвизгнула.

— И собачка съ нимъ!..

Почему-то это вызвало новый взрывъ смѣха.

— Зачѣмъ его ко мнѣ привели?

— На дворѣ шлялся.

— Уведите его... Вотъ чучело гороховое...

При выходѣ со двора на площадь меня опять затерли. Потомъ пошелъ въ контроль. Стали ощупывать. Велѣли халатъ распоясать.

— Можетъ зашилъ гдѣ?..

— Да ничего у меня нѣтъ.

Сзади стали торопить.

— Некогда намъ. Вали скорѣе. Ну, отведи его въ сторону. Потомъ съ нимъ займешься, ежели подозрительный.

Все-же мое хорошее расположеніе духа не прошло. Меня не смущало то, что я ничего не добился, ничего не узналъ о братѣ. Трудно было сразу ожидать успѣха въ моихъ поискахъ. Надо только ждать случая. Но я считалъ себя изъ числа счастливыхъ людей и глубоко былъ увѣренъ, что такъ или иначе отыщу брата. Одно меня нѣсколько смущало: я уже больше не могъ показаться на Николаевскомъ вокзалѣ. Меня замѣтили, въ особенности мой странный костюмъ. Волей-неволей придется мнѣ съ нимъ разстаться.

Трудно передать, что было дома. Нянюшка охала. Хотѣла, чтобы я непремѣнно тотчасъ улегся въ кровать. Даже требовала. Грозила.

— Вотъ я сбѣгаю за Марьей Романовной. Она вамъ велитъ лечь. Впрочемъ, все равно она мнѣ наказала, чтобы какъ только вернетесь, ее оповѣстить.

Вышелъ и отецъ Кириллъ. Онъ уже собрался идти въ церковь. Хмуро и долго смотрѣлъ на меня.

— Гдѣ пропадалъ?

— Въ участокъ забрали.

— Гм... А чего, вчера, глядя на ночь, ушелъ?

— Прогуляться захотѣлось.

Покачалъ головой. Посмотрѣлъ на собаченку, которая въ незнакомомъ домѣ, среди незнакомыхъ людей, сконфузилась, терлась у моихъ ногъ и принюхивалась.

— Это что за Филька?

— Вмѣстѣ въ участкѣ спали.

— Хорошей породы.

Нянюшка, какъ оказывается, чуть не всю ночь жда-

ла меня. У нея все было заготовлено, чтобы меня, какъ я только вернусь, напоить «горяченькимъ» и накормить.

Дьяконъ ушелъ въ церковь.

Вообще я чувствовалъ себя превосходно. Ѣлъ и пилъ съ большимъ аппетитомъ. Смѣялся. Пробовалъ даже развеселить немного и нянюшку. Узналъ, что ее звали Ѳедосьей Финогеновной. Поѣла и Филька. Сперва она къ нянюшкѣ отнеслась съ большимъ недовѣріемъ. Заворчала на нее, когда та подошла ко мнѣ, чтобы разстегнуть воротникъ у халата. Но вскорѣ поняла, что нянюшка дѣлала все ради заботы обо мнѣ, и успокоилась. Прыгнула на диванъ, свернулась около меня въ клубочекъ и закрыла глаза. Но чувствовалось, что она не спала. Она все-же зорко наблюдала за тѣмъ, что происходило вокругъ нея, и изрѣдка посматривала на нянюшку, боясь, что она чѣмъ-нибудь обидитъ меня.

У меня была опредѣленная цѣль, то есть распредѣлено на весь день, что я долженъ былъ сегодня сдѣлать.

Первымъ долгомъ надо было зайти въ канцелярію, гдѣ, какъ мнѣ сказалъ Иванъ Терентьичъ, былъ заготовленъ для меня новый костюмъ. Я прошелъ въ канцелярію и получилъ пакетъ. Это заняло не болѣе получаса.

Подошелъ къ зеркалу. Борода... Богъ съ ней. Пусть остается. Она у меня росла не въ ширь, а внизъ. Какъ у философа В. Соловьева. Борода длинная. Внизу слегка раздѣлялась надвое. На щекахъ были рѣдкіе волосы. Но на головѣ волосы такъ отросли, что спадали даже на плечи. Немного вились. Волосы и придавали мнѣ видъ духовнаго лица.

Какъ я замѣтилъ, я часто, думая о чемъ- либо, говорилъ свои мысли вслухъ. Раньше, до болѣзни, этого со мной не было. Зналъ, что это опасно. Хотѣлъ отъ этого отучиться. Нѣсколько разъ ловилъ себя и внушалъ себѣ, что больше этого не должно быть.

— У матросовъ есть свой парикмахеръ... Только теперь они у него не стригутся. Предпочитаютъ стричься у заправскаго парикмахера. Еще острижетъ подъ скобочку,

или на голо. Въ городѣ парикмахерскихъ нѣтъ. Можетъ быть, и есть гдѣ, да не дождешься. И денегъ для этого нѣтъ...

— А что, баринъ, я-бы васъ постригла,—сказала нянюшка.—Я у княжны жила, сама всѣхъ дѣтей стригла. Какъ въ парикмахерской ни чисто, а все-же боялась я туда дѣтей водить.

Ножницъ дома не оказалось. Я сбѣгалъ къ сторожу и взялъ ножницы у его жены. Кстати, наше бѣлье было готово, и я его захватилъ съ собой. Обѣщалъ за бѣлье особо заплатить изъ пайка.

Съ нянюшкой мы разложили бѣлье въ комодѣ. Я затопилъ ванную. Въ гостиной, гдѣ были сложены дрова, я усѣлся передъ большимъ зеркаломъ. Нянюшка завязала мнѣ шею полотенцемъ и приступила къ стрижкѣ.

— Знаю... знаю. Какъ у музыкантовъ. Вотъ такіе волосы. И дѣтей такъ стригутъ.

На полъ скатывались мои кудри. Нянюшка расчесывала мою голову осторожно. Поднимала гребенкой прядь кверху и кончикъ ея срѣзала. Правда, дѣйствовала она медленно, стригла меня по меньшей мѣрѣ съ часъ, но все-же, когда я всталъ и ближе подошелъ къ зеркалу, мы оба остались довольны. Длинные волосы лежали вполнѣ хорошо и, если спадала прядка, то это было даже красиво.

Нянюшка къ обѣду уже все заготовила и ушла въ церковь. Я подмелъ полъ. Въ ваннѣ вода уже нагрѣлась. Все было готово къ тому, чтобы мнѣ приступить къ самому главному, то есть переодѣться въ новый костюмъ. Разложилъ на стулѣ новые широкіе штаны и куртку. Почистилъ высокіе сапоги. На гвоздѣ висѣла новая шинель и фуражка. Когда я передъ стрижкой смотрѣлъ на себя въ зеркало, то невольно сравнилъ себя съ Робинзономъ Крузо.

Вымылся. Взявъ ванну, я еще подбросилъ дровъ, чтобы и для отца Кирилла была горячая вода. Переодѣлся.

Стоялъ у зеркала. Очень хорошо. Прилично. Въ особенности послѣ моей хламиды, но мнѣ стало какъ-то грустно.

О, съ какимъ-бы удовольствіемъ я надѣлъ на себя крах-

мальный воротникъ. Одѣлся-бы въ пиджакъ. Вообще походилъ-бы на самого себя, а не на какую-то безцвѣтную, сѣрую личность.

Съ мытьемъ и передѣваньемъ я провозился весь день до обѣда. Вернулся отецъ дьяконъ. Былъ всѣмъ доволенъ. Не повѣрилъ, что у него чистое бѣлье.

— Хорошо-бы и отцу Александру вымыться, — замѣтилъ онъ, поводя рукой о круглую печь ванны.

Нянюшка тоже меня похвалила. Согрѣла приготовленный для насъ обѣдъ. Отнесла обѣдъ и для отца Александра. Между прочимъ мнѣ сказала:

— Я къ Марьѣ Романовнѣ на минутку забѣгала. Рада, что вы нашлись. Только у нея мужъ захворалъ.

— Мужъ? — удивился я.

Я о немъ ничего не слыхалъ.

— Просили васъ зайти какъ-нибудь.

— Хорошо, нянюшка... зайду.

Послѣ обѣда я прошелъ къ матросамъ. Въ канцеляріи никого не было. Узналъ только, что черезъ часъ будутъ выдавать паекъ. Тогда я отправился къ Ивану Терентьичу въ пекарню. Онъ былъ занятъ пріемкой выпеченныхъ хлѣбовъ.

— Сядьте, товарищъ, тутъ. Подождите...

Все-же осмотрѣлъ меня и остался моимъ видомъ очень доволенъ.

— Это хорошо!.. Сразу видать, что музыкантъ.

Когда произошелъ перерывъ въ пріемкѣ хлѣбовъ, онъ еще разъ осмотрѣлъ меня.

— Какъ разъ впору!

Одернулъ мою шинель.

Иванъ Терентьичъ далъ мнѣ два большихъ буханка чернаго, еще горячаго хлѣба. Спряталъ ихъ подъ шинель и благополучно прошелъ черезъ контроль. Снесъ домой и отправился за пайкомъ.

Встрѣтилъ Ладнова.

— Комиссаръ васъ искалъ. Онъ у себя.

Комиссаръ мнѣ сообщилъ, что всю Масляную недѣлю я занятъ. Каждый день балы въ разныхъ мѣстахъ. У нихъ въ среду и въ субботу. Записанъ я и другія учрежденія, куда я долженъ идти.

Потолковалъ и съ другими матросами, которые отъ нечего дѣлать толкались въ канцеляріи. У меня со всѣми создались самыя лучшія отношенія. Всегда встрѣчали меня съ улыбками. Похлопывали по плечу.

— Молодецъ!

Почему-то каждый считалъ себя обязаннымъ поощрить меня этой похвалой.

На этотъ разъ я опять получилъ по случаю наступленія Масляной какой-то усиленный паекъ. Дома я все распредѣлилъ. Нянюшка и отецъ Кириллъ слѣдили за мной.

— Правильно... — иногда вставлялъ отецъ дьяконъ.

Выдалъ нянюшкѣ. Отложилъ для отца Александра. Въ сторону собралъ все, что предполагалось для сторожа.

— А Савелій-то умираетъ.

— Какой Савелій?

— А другой сторожъ. Съ голоду. И жена его тоже. Я сегодня заглянулъ къ нему. Плохо... Отнесъ имъ кое-что, да не могутъ и пищу принять... Пособоровать-бы?..

Я о Савеліи слышалъ мелькомъ. Мнѣ никто не сказалъ, что онъ и его жена больны.

Пошелъ его навѣстить.

Онъ жилъ въ томъ-же церковномъ домикѣ, гдѣ и первый сторожъ. Входъ былъ одинъ, только въ квартиру перваго сторожа была дверь изъ маленькой передней направо, а къ Савелію налѣво.

Дверь была не заперта. Я вошелъ.

Квартира была совершенно такая-же, какъ у перваго сторожа. Три комнатки и передняя. Первымъ долгомъ обратилъ вниманіе на то, что въ комнатахъ было совершенно пусто. Какъ въ квартирѣ, изъ которой только-что выѣхали. Некуда даже было положить свертокъ съ пайкомъ, который я принесъ для перваго сторожа. Если не ошибаюсь, его звали Иваномъ.

Окна пусты. Все сорвано съ гвоздей. На полу валялись рваныя бумажки и всякая никуда не годная ветошь, какъ соръ. Отрѣзокъ не больше двухъ вершковъ длины ярко-желтой ленточки. Въ слѣдующей комнатѣ то же. Я уже чуть было не ушелъ назадъ, думая, что въ этой квартирѣ никого нѣтъ.

Заглянулъ въ слѣдующую. Кровать. На ней было что-то навалено. Возвышалась груда. Темная. Словно на кровать были сложены пальто и одѣяла.

Кто-то тяжело дышалъ.

Наклонился. Осторожно откинулъ одѣяло. Сторожъ зашевелился. Съ трудомъ двинулъ головой. Взглянулъ на меня, и снова его голова скатилась на сторону.

Я началъ осторожно снимать съ него какую-то рвань. Мнѣ хотѣлось осмотрѣть больного. Онъ лежалъ въ своемъ пальто. На ногахъ большіе рваные валенки. За нимъ, ближе къ стѣнкѣ, лежала еще какая-то фигура. Сторожъ лежалъ къ ней близко, лицомъ, словно старался согрѣться.

Сталъ разворачивать и вторую фигуру. Женщина. Это его жена. Когда я снялъ съ ея головы платокъ, я понялъ, что женщина мертва.

Прикрылъ обоихъ. Быстро прошелъ въ квартиру Ивана. Его жена сидѣла съ ребенкомъ за столомъ и пила чай.

— Скорѣе сбѣгайте за отцомъ Александромъ и дьякономъ.

— Куда я съ ребенкомъ-то пойду?

— Савелій умираетъ.

— А ну его!

Обозлилась.

— Надоѣлъ онъ мнѣ... Умираетъ... умираетъ. И умиралъ-бы, коли охота... Что я обязана что-ли его содержать?.. Что онъ мнѣ? Кумъ, али братъ... Всю свою мебель, какая была, сжегъ... Не могъ дровъ достать... Такъ мебелью истопилъ... А жена на рынокъ ходила. Продавала, что у нихъ было... А вамъ за паекъ вашъ и служи всѣмъ, и бѣлье стирай...

— Не хотите, такъ и не надо...

Я вышелъ. Взялъ изъ комнаты Савелія пакетъ и пошелъ было за отцомъ Александромъ. Сторожиха, когда я проходилъ мимо ихъ двери, выглянула.

— А это что у васъ?

Уцѣпилась за мой рукавъ.

— Ну такъ-бы и сказалъ...

Стала съ жадностью развертывать...

— Успѣете. Никто у васъ не возьметъ. На Масляной я много получу...

Сунула ребенка въ кровать. Мигомъ побѣжала. Я сѣлъ около ребенка. Онъ, было, запищалъ. Потомъ уставился на меня. Забылъ, что хотѣлъ плакать.

Пощелкалъ надъ нимъ пальцами. Улыбнулся и протянулъ ко мнѣ руки.

Что дѣлать? Чѣмъ помочь Савелію? Все равно — поздно. Лежитъ почти безъ сознанія.

Ахъ, если-бы было вино. Это сразу придало-бы ему силы.

Положилъ подушки такъ, чтобы ребенокъ не свалился. Налилъ въ чашку горячаго чаю. Положилъ сахару. Размѣшалъ. Взялъ кусочекъ хлѣба.

Прошелъ къ Савелію. Старался поднять голову и дать чаю. Съ трудомъ сдѣлалъ глотокъ. И тотчасъ голова безжизненно свалилась на тряпье.

Вскорѣ пришелъ отецъ Александръ, дьяконъ и нянюшка. Сторожиха ушла къ себѣ.

– Она уже умерла — шепнулъ я отцу Кириллу.

Отецъ Александръ облачался. Дьяконъ стоялъ хмурый.

— Грѣхъ какой... — сказалъ онъ мнѣ. — О себѣ подумалъ а о другомъ нѣтъ. И какъ то просмотрѣлъ? Вчера утромъ Савелія видѣлъ. Брелъ по двору. Спросилъ о женѣ. Ничего, говоритъ, лежитъ. Доктора все равно не позовешь. Говорю: а ты самъ-бы легъ. Какое? Не хочетъ. Работа, говоритъ, есть. А ужъ я вижу, надорвался человѣкъ. До твоего прихода мы всѣ голодали. Только Иванъ богатѣлъ. Я не разъ говорилъ Ивану, чтобы онъ помогъ Савелію. Черезъ него вчера я Савелію супъ послалъ. Надо-бы было

самому зайти... Я и не зналъ, что Савелій все продалъ, да истопилъ. Какъ-то спросилъ Савелія, не надо-ли ему что? Не надо, говоритъ. Теперь каждый о себѣ долженъ заботиться. Отецъ Николай, говоритъ, повыше меня, да и тотъ отъ голоду померъ. Вотъ ты поди и разсуди человѣка...

Отецъ Александръ подошелъ къ кровати. Откинулъ тряпье, которое лежало на головѣ Савелія и его жены. Началъ читать молитву.

Тихо и монотонно раздавались ея слова въ пустой комнатѣ. Я стоялъ съ нянюшкой рядомъ и молился.

Вбѣжала сторожиха. Шумно. Со злобнымъ лицомъ. Обратилась ко мнѣ:

— Ты куда чашку-то дѣлъ?

Спросила громко, нарушая общее настроеніе. Я показалъ на окно. Сторожиха схватила чашку съ окна. Уходя, громко стучала, ворча подъ носъ.

— Еще новости какія!.. Мою чашку взялъ.

Отецъ Александръ на шумъ и крики сторожихи не обернулся. Продолжалъ молитву. Потомъ наклонился надъ Савеліемъ и долго на него смотрѣлъ. Быстро подошелъ и я. Тоже наклонился. Дотронулся до лба. Взялъ его руку.

— И онъ померъ...

Я замѣтилъ, что въ дверяхъ кто-то кашлянулъ. Стояла женщина. Безъ платка. Сильно взволнованная.

Я подошелъ. Женщина шепнула мнѣ:

— Автомобили подъѣхали къ церкви. Это съ обыскомъ пріѣхали. Надо сказать отцу Александру.

Я пробѣжалъ къ себѣ. Женщина (какъ оказалось, это была жена отца Александра) еле поспѣвала за мной. Мигомъ схватилъ завѣтную коробку княжны, снова вышелъ во дворъ. За угломъ дома нашелъ какой-то обрывокъ желѣза. Тотчасъ сталъ рыть землю. Выгребалъ землю руками, этой желѣзкой. Слышалъ за оградой шумъ, голоса, шипѣнье автомобиля. Работа у меня кипѣла. Но дѣйствовалъ я осторожно. Закопалъ картонку, засыпалъ землей, утопталъ и набросалъ на это мѣсто снѣгу. Конечно, если среди чекистовъ найдется ловкій сыщикъ, онъ можетъ

сразу узнать, что въ этомъ мѣстѣ что-то зарыли. Я рисковалъ.

— Судьба, — подумалъ я.

Шмыгнулъ въ дверь и поднялся къ себѣ. Успѣлъ шепнуть нянюшкѣ, что коробка находится въ надежномъ мѣстѣ. Отецъ дьяконъ былъ спокоенъ.

— Пусть приходятъ. У меня все равно ничего нѣтъ. Я о Савеліи скорблю. На мнѣ это грѣхъ... Вотъ мы эти дни хорошо ѣли, а онъ съ голоду помиралъ...

Мнѣ съ трудомъ удалось успокоить отца Кирилла. Ясно, что онъ по добротѣ своей всю вину взваливалъ на себя. Все равно, спасти Савелія и его жену было невозможно. Поздно.

Нянюшка тоже покорно сидѣла въ кухнѣ и словно ждала своей судьбы.

Когда начался обыскъ у отца Александра, къ нашей двери поставили красноармейца съ ружьемъ.

— Рано что-то пріѣхали. Обыски они всегда по ночамъ дѣлаютъ, — сказалъ отецъ дьяконъ.

Смолкъ. Помолчали. Было тоскливо сидѣть безъ дѣла.

— Чайку что-ли попьемъ?

Я прошелъ въ кухню. Поставили вмѣстѣ съ нянюшкой самоваръ. То и дѣло проходили мимо красноармейца. Онъ стоялъ съ выраженіемъ полной преданности своему дѣлу. Простое солдатское лицо. Скуластое, почти безъ признаковъ растительности. Свѣтлый блондинъ. Смотрѣлъ на насъ, какъ на враговъ, попавшихся въ плѣнъ. Въ особенности, когда видѣлъ отца Кирилла. Я замѣтилъ, что онъ даже плюнулъ при видѣ духовнаго лица. Хорошо, что этого не замѣтилъ отецъ Кириллъ.

Принесъ самоваръ. Нянюшка все приготовила. Отецъ Кириллъ налилъ лишнюю чашку. Даже положилъ туда сахару.

— Пусть и онъ попьетъ.

Красноармеецъ, когда мы всѣ вошли въ комнату отца Кирилла, всталъ въ передней такъ, что ему было все видно, какъ мы пили чай. Отецъ Кириллъ самъ подошелъ къ красноармейцу съ чашкой.

— Чайку не хотите-ли выпить? Съ сахаромъ...

— Спасибо.

Отецъ Кириллъ взялъ у красноармейца ружье, чтобы оно ему не мѣшало.

— Горячо!..

Подулъ въ чашку.

— Можетъ съ хлѣбцемъ? Нянюшка! Отрѣжьте ему хлѣбца.

Красноармеецъ стоялъ. Жевалъ хлѣбъ и запивалъ его сладкимъ чаемъ. Около красноармейца стоялъ отецъ Кириллъ съ ружьемъ, нянюшка съ ломтемъ хлѣба и я. Филька тоже соскочила съ кресла и пришла посмотрѣть на красноармейца. Ворчала. Видимо, ей не нравилось, что мы столько вниманія оказывали какому-то незнакомому человѣку.

— Что это вы вздумали обыскъ сдѣлать? — спросилъ отецъ Кириллъ.

— Доносъ былъ.

— На насъ?

— Не велѣно говорить... Ничего не скажу. Не лѣзьте.

Почему-то красноармеецъ послѣ того, какъ выпилъ чаю, сразу сталъ необычайно грубъ.

— Проходи къ себѣ. И молчи! — Тономъ приказа сказалъ онъ.

Черезъ полчаса въ передней послышался шумъ. Это къ намъ шли съ обыскомъ. Мы вышли имъ навстрѣчу.

Было шесть человѣкъ. Офицеръ во главѣ. По манерамъ, выправкѣ, наконецъ, по лицу было видно, что это былъ кадровый офицеръ прежняго времени, надѣвшій теперь красную звѣзду. Рядомъ съ нимъ въ какой-то странной полувоенной формѣ, тоже съ револьверомъ, молодой еврей. Курчавый. Розовыя пухлыя губы. И маленькій носикъ съ типичнымъ горбомъ. Несмотря на свой маленькій ростъ, онъ смотрѣлъ очень гордо и высокомѣрно. Съ ними молоденькая дѣвушка въ фуражкѣ и короткой теплой кофтѣ. Юбка длинная. Остальные были простые красноармейцы

и рабочіе. Меня удивило, что съ ними была жена церковнаго сторожа Ивана.

Никто съ нами не поздоровался.

— Начать съ этой комнаты, — указалъ офицеръ на ту комнату, гдѣ мы только что пили чай.

Обыскивали еврей, дѣвушка и рабочій. Офицеръ только распоряжался. Красноармейцы стояли въ дверяхъ. Никто, конечно, шляпы не снялъ.

— Кто такой?

Отецъ дьяконъ кротко посмотрѣлъ на офицера.

— Протодіаконъ собора во имя Святого Николая.

— Документы!

— Они у меня въ столѣ...

— При себѣ надо носить... Ищите пока. Кто такой?

Это относилось ко мнѣ. Я молча вынулъ документъ, выданный мнѣ комиссаромъ, и передалъ его офицеру. Тотъ прочелъ.

— Этого мало... Трудовая книжка гдѣ?

— Еще не выдали.

Нянюшка тоже передала свою книжку. Офицеръ ко всему придирался. Кричалъ. Требовалъ, чтобы все было по закону, что мы должны были тамъ-то еще зарегистроваться, имѣть еще какіе-то документы...

— Обыскать ее!

Нянюшку увели дѣвушка въ фуражкѣ и жена Ивана. Меня и дьякона поставили у стѣны и не велѣли двигаться. Начался обыскъ. Рабочій первымъ долгомъ выдвинулъ ящикъ комода. Еврей рылся въ немъ, ощупывая каждую вещь и бросая ее на полъ.

— Зачѣмъ здѣсь дамское бѣлье?

— Это покойной моей жены.

— Забирай!..

Отобралъ дамскія принадлежности туалета и бросилъ ихъ красноармейцу.

— А гдѣ вы деньги храните?

— У меня нѣтъ ихъ.

— Разсказывайте... Могу я вамъ повѣрить? О, сколько у русскихъ поповъ было денегъ... О, какъ они сытно ѣли... Кто не знаетъ о поповскомъ брюхѣ...

Добродушно разсмѣялся. Фыркнули и красноармейцы. Только офицеръ смотрѣлъ на все, что происходило, строго.

Еврей быстро, ловкими пальцами вытаскивалъ изъ комода бѣлье. Дамскія панталоны онъ вынулъ двумя пальцами и высоко ихъ поднялъ.

— Какая-же франтиха была ваша жена!.. Ой!.. Съ кружевами!.. Какъ у балерины... Хотите, я вамъ ихъ могу оставить на память?.. Я человѣкъ добрый... Ну?.. Берите себѣ...

Когда онъ кинулъ панталоны въ сторону дьякона, тотъ не шевельнулся. Не протянулъ руку, чтобы ихъ поймать. Панталоны упали у его ногъ. Я наклонился, взялъ ихъ, аккуратно сложилъ.

Все, что было въ комодѣ, частью лежало на полу, въ полномъ безпорядкѣ, частью было отложено красноармейцами отдѣльно, на стулѣ.

Еврей все болѣе и болѣе увлекался обыскомъ. Выдвинули ящики письменнаго стола, рылись въ каждой коробочкѣ, въ каждомъ пакетикѣ.

Еврей посмотрѣлъ книги. Откинулъ ихъ.

— Тоже насчетъ книгъ приказъ былъ, — замѣтилъ красноармеецъ.

— Ну эти книги для спасенія души... Ну-ка, товарищи, начнемъ съ мебели...

Солдаты взяли ружья на перевѣсъ. Еврей ихъ остановилъ и обернулся къ намъ.

— Вы знаете, что я вамъ скажу? Что ваши попы сдѣлали? Они разныя церковныя украшенія... жемчуга, брилліанты, золотые кресты... все это они утащили изъ церквей. И что они съ ними сдѣлали?.. Часть къ себѣ спрятали, а часть на рынкѣ продали. Это, вы скажете, хорошо?

— Этого никогда не было и быть не могло, — тихо сказалъ отецъ Кириллъ.

— Я-же вамъ говорю... Мнѣ товарищъ говорилъ, что у одного попа нашли кресты въ мебели... Посмотримъ, что у васъ тамъ попрятано?.. Ну-ка, товарищи?

Красноармейцы, подбодренные евреемъ, стали штыками тыкать въ кресла и диванъ. Филька залаяла. Красноармеецъ хотѣлъ было ее ударить ружьемъ, но я ловко схватилъ Фильку и взялъ ее къ себѣ на руки.

Одинъ красноармеецъ вытащилъ большой финскій ножъ, всадилъ его въ обивку дивана и сдѣлалъ въ немъ большой и глубокій надрѣзъ. Какъ хищные звѣри надъ трупомъ, они рвали обивку, зачѣмъ-то сдернули занавѣски, отодвинули шкапъ и комодъ. Перевертывали стулья.

— Въ полу поищите, — сказалъ офицеръ.

Красноармеецъ воткнулъ штыкъ въ квадратъ паркета и удачно его приподнялъ. Другой наклонился и руками отодралъ кусокъ дерева...

— Господа, — обратился къ нимъ отецъ Кириллъ. — Это вы все напрасно. Ничего у меня нѣтъ. Ничего не спрятано. Только добро понапрасну портите. Добро-то ваше. Умру, съ собой не возьму, будь оно цѣльное или ломаное. Свое вы портите... Россія-то вѣдь вся... съ этой мебелью.

— Помолчи, — крикнулъ офицеръ.

— Царя-то припряталъ! — злорадно крикнулъ рабочій. Нашелъ портретъ Государя.

— Отвезти-бы надо за это.

Офицеръ спокойно взялъ портретъ Государя и медленно разорвалъ его на мелкія части. Собралъ ихъ въ ладонь и, неторопясь, ими посыпалъ полъ. Еврей самъ влѣзъ на столъ и снялъ икону.

— Оставь! — крикнулъ отецъ дьяконъ. — Не оскверняй святыни.

— Я-же все знаю... Я знаю, что ты за своего святого деньги спряталъ... Фу!.. Пусть онъ ихъ тебѣ спрячетъ...

Сорвалъ икону. Открылъ кіотъ и оттуда тотчасъ выпалъ золотой.

— Ну что я говорилъ?.. Что?

— Это покойный нашъ митрополитъ Палладій подарилъ мнѣ на зубокъ, когда у меня родился сынъ.

— Разсказывай!.. Мы знаемъ эти сказки.

Еврей снялъ съ иконы ризы, отодралъ бархатъ.

Вернулась дѣвушка, жена Ивана и нянюшка.

— Нашли что?

— Нѣтъ.

Еврей серебряную ризу бросилъ красноармейцамъ въ общую кучу. Икону швырнулъ на полъ.

Покончивъ съ одной комнатой, перешли въ другую. Особое подозрѣніе вызвалъ мой халатъ. Тюфякъ распороли. Въ гостиной перебрали дрова.

Обыскъ продолжался до поздней ночи. Осмотрѣли всѣ вещи до послѣдней коробочки. Отложили себѣ бѣлье кое-какое, серебряныя ризы и три чайныхъ ложечки.

Мы всѣ утомились. Вспомнилъ княжну. И у меня появилось брезгливое чувство къ этимъ людямъ, ворвавшимся въ чужую квартиру. Если-бы забрались въ домъ воры и все перерыли, это было-бы не такъ омерзительно, какъ набѣгъ, узаконенный самими большевиками.

Офицеръ, еврей, рабочій, какая-то дѣвица...

Дѣлали свое «правое» дѣло. Не сознавали, какъ они были далеки отъ понятія: «человѣкъ».

Человѣческая падаль!

То и дѣло звали отца Кирилла. Я сидѣлъ въ темной комнатѣ на стулѣ и дремалъ.

Кто-то вошелъ въ переднюю. Подозвалъ сторожиху. А! Это ея мужъ. Иванъ. Стали шептаться.

— Ну что?

— Здорово ихъ... Попомнятъ теперь насъ. Не будутъ говорить, что мы изъ церкви воруемъ.

— Кабы у насъ не было обыска.

— У насъ не будетъ! — увѣренно отвѣтила сторожиха.

И эта предала, какъ Машка.

9. ФАЙФЪ О КЛОКЪ.

Иванъ Терентьичъ мнѣ передалъ, что у господина Персона въ четвергъ, въ пять часовъ вечера, будутъ гости и что онъ велѣлъ придти мнѣ. Обѣщалъ за это накормить ужиномъ и заплатить.

Я пришелъ немного раньше. Парадное крыльцо было открыто и вычищено. Но я прошелъ съ чернаго хода.

Въ кухнѣ Машка и Иванъ Терентьичъ.

— Тутъ посидите. Пока еще гости только собираются. Сегодня Симонъ Исаичъ угощаетъ комиссара, и гостей позвалъ.

Машкѣ было не до разговоровъ. Она вся ушла въ работу. Напекла груду кренделей, пироговъ, печеній разныхъ сортовъ, кэксовъ. Иванъ Терентьичъ помогалъ ей, чѣмъ могъ. Подкладывалъ дрова въ печь, вынималъ желѣзный листъ съ печеньями изъ духовки, наливалъ воду въ кастрюли, ставилъ самоваръ, вытиралъ посуду. Работа у нихъ кипѣла.

Машка раскраснѣлась, но была довольна, что ей все удавалось.

Вспомнилъ, какіе вкусные крендели я ѣлъ у Коновницыныхъ. Пекла ихъ та же Машка. Только тогда я сидѣлъ въ гостиной, гдѣ сейчасъ принимаетъ своихъ гостей Симонъ Исаевичъ Перзонъ.

Хотя Машка и распоряжалась, но въ комнату своего барина она не входила. Для разныхъ услугъ была приглашена дѣвушка. Веселая. Очень недурненькая. Евреечка. Роза. Она уносила испеченные крендели и булочки. Бѣгала торопливо. Всегда съ радостной улыбкой.

Вышелъ въ кухню и самъ Перзонъ. Кивнулъ мнѣ головой.

— Маша, дайте ему чаю и... всего... Булочки... кусочекъ кренделя.

— Чего еще! Я рѣзаный что-ли на столъ-то подамъ?

— Роза! Принеси ему со стола кусочекъ кренделя. А потомъ вы можете играть. Что-нибудь тихое... Это очень хорошо, когда во время чая играетъ музыка...

Машка заегозила. Запѣла:

— А какъ вышли кренделя?

Она знала, что они ей удались, но ей хотѣлось слышать похвалу изъ устъ самого барина.

— Очень... очень хороши.

Ушелъ. Роза притащила мнѣ кусокъ кренделя и сладкаго пирога. Въ кухнѣ всѣ столы были заняты печеньями, и я примостился около окна, поставивъ чашку съ чаемъ и блюдце съ печеньемъ на подоконникѣ.

Какъ я узналъ, господинъ Персонъ выселилъ Машку изъ столовой. Отвелъ ей комнату за кухней. Правда, онъ ее отдѣлалъ, поставилъ хорошую (сравнительно, конечно) мебель, сдѣлалъ занавѣску. Въ эту же комнату снесъ все, что, по его понятіямъ, портило парадныя комнаты. Главнымъ образомъ темныя картины. Это были старинныя, весьма цѣнныя картины, которыми всегда такъ гордился самъ Коновницынъ.

Прибѣжала Роза.

— Вамъ велѣно туда теперь идти.

Провела меня въ гостиную. Тамъ никого не было. Всѣ гости сидѣли въ столовой. Доносился оживленный разговоръ, звонъ посуды.

Роза побѣжала сказать обо мнѣ Симону Исаичу. Тотъ вышелъ.

— Ну садитесь... Играйте что-нибудь такое... пріятное.

И тотчасъ вернулся въ столовую. Я сѣлъ за рояль. Запасъ у меня былъ большой. Въ одинъ вечеръ я не могъ бы сыграть того, что я зналъ наизусть. Музыкальной памятью я обладалъ изумительной. Легко игралъ по нотамъ. Посмотрѣлъ на вертушку съ нотами, которая стояла около фортепьяно. О, мнѣ всѣ эти тетрадки были хорошо знакомы. Не разъ я игралъ у Коновницыныхъ. Аккомпанировалъ Володѣ. У него былъ пріятный баритонъ. Зналъ эти переплеты, папки, тетрадки съ оборванными обложками.

Всегда говорили, что ихъ необходимо переплести, но такъ это и не удалось.

Игралъ я легко. Если что забывалъ, я свободно импровизировалъ. У меня были большія способности къ музыкѣ. Я любилъ играть, но никогда музыку не ставилъ цѣлью моей жизни. Она только украшала ее. Заполняла пустыя минуты. А теперь она стала моимъ спасеніемъ.

Я могъ играть многое, почти не смотря на клавиши. Дверь въ столовую была раскрыта и, когда я поворачивалъ голову налѣво, я видѣлъ почти всѣхъ, кто тамъ былъ.

Симонъ Исаичъ не садился. Онъ ходилъ вокругъ стола и угощалъ. Наливалъ вино. Къ кому-нибудь наклонялся и что-то говорилъ. Было много знакомыхъ лицъ. Комиссаръ, который велъ особую дружбу съ Симонъ Исаичемъ.

Ясно, конечно, что изъ «хамья» (я въ этомъ словѣ только угадываю мысль самого Персона) былъ очень мало кто. Чуть-ли не одинъ комиссаръ и то только потому, что онъ занималъ высокую должность. Не пригласитъ-же господинъ Персонъ къ себѣ за столъ Машку или Ивана Терентьича? Или кого-нибудь изъ «матросни»? Симонъ Исаичъ слишкомъ важенъ для того, чтобы унизить свое достоинство. Меня, интеллигентнаго человѣка, но музыканта, онъ не пригласилъ къ столу и велѣлъ дожидаться на кухнѣ, пока не прикажетъ играть.

А! И другой комиссаръ здѣсь. Тотъ, который былъ женатъ гражданскимъ бракомъ на моей племянницѣ Лелѣ. Значитъ, не одинъ «хамъ», а уже двое есть. Это дѣлаетъ честь Симону Исаичу.

Лели не было. Сережа сидѣлъ въ парадной формѣ рядомъ съ Ксеніей. Влюбился въ нее мальчикъ. Это сейчасъ видно. Все время говорилъ съ ней. Передавалъ печенье. Взялъ ея чашку и попросилъ Розу налить еще... Противъ Ксеніи, какъ мнѣ показалось, сидѣла спиной ко мнѣ Марья Романовна. На углу стола усѣлись два господина. Оба почтенные и по возрасту и по внѣшности. Одинъ еврей. Видимо, очень богатый, такъ какъ на его пальцѣ красо-

вался перстень съ большимъ бриліантомъ. Другой былъ одѣтъ весьма скромно. Поношенный сильно пиджакъ выцвѣтшаго лиловаго цвѣта и синія лоснящіяся брюки. Воротничекъ мягкій, лѣтній, изрядно помятый. Цвѣта кремъ. Казался просто грязнымъ. Еврей сидѣлъ на стулѣ прямо, сложивъ руки на животѣ. Другой господинъ сидѣлъ, слегка согнувшись въ сторону еврея, какъ будто слушалъ его съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, съ какимъ слушаютъ, боясь упустить слово. Въ немъ было много жалкаго, непріятно и слегка-смѣшного. Смѣшная трусость.

Пока только я обратилъ вниманіе на этихъ гостей. Остальные частью были для меня мало интересны, частью я еще ихъ не видѣлъ, такъ какъ они выходили изъ моего поля зрѣнія.

Игралъ я съ перерывами. Бралъ съ вертушки ноты и просматривалъ ихъ. Иногда забывалъ, что я сижу у Симона Исаича. Казалось, сейчасъ выйдетъ самъ Коновницынъ, его жена, Володя. И Осипъ съ ними.

Осипъ не могъ спокойно сидѣть на мѣстѣ. Тотчасъ затѣвалъ возню съ Володей. Но эти моменты воспоминаній были коротки. Сейчасъ-же дѣйствительность прогоняла мечты о прошломъ. Гости Персона вели себя чинно, какъ слѣдуетъ въ высшемъ обществѣ.

Какимъ образомъ попала сюда Марья Романовна? Изъ за Ксеніи? Но та вообще ходила въ гости и на танцульки къ матросамъ безъ матери. Навѣрно, здѣсь и мужъ Марьи Романовны. О немъ мнѣ она ни разу не сказала ни слова. И я былъ далекъ отъ мысли, что она живетъ съ мужемъ. Сейчасъ мнѣ подумалось, что она умышленно о немъ не говорила. Интересно посмотрѣть, что онъ изъ себя представляетъ. Видимо, она еще не знаетъ, что я приглашенъ таперомъ къ Симону Исаичу. Мнѣ все-же было почему-то непріятно видѣть Марью Романовну въ этомъ обществѣ.

Меня очень занимала мысль, какъ встрѣтится со мной Сережа? Ясно, что сестра разсказала ему о нашей встрѣчѣ, то есть, вѣрнѣе сказать, о моемъ визитѣ къ ней и бе-

сѣдѣ въ подвалѣ. Навѣрно, упомянула и о томъ, что я далъ слово ничѣмъ не выдавать нашего родства. Иначе мы могли оба погубить себя. Я смерти не боялся. Мнѣ не хотѣлось умирать только потому, что я еще не выполнилъ своей задачи. Я доведу ее до конца!

Сережа наоборотъ. Онъ боялся за свою шкуру. Онъ очень удачно избѣжалъ разстрѣла. Узнай они, что онъ принималъ участіе въ заговорѣ вмѣстѣ съ нами, то есть со мной, Осипомъ, Володей, Смѣлковымъ и многими другими, ему-бы не простили прошлаго, какъ-бы онъ ни хотѣлъ загладить свою вину.

Во главѣ заговора стоялъ извѣстный офицеръ Волкъ. Центральный пунктъ связи былъ на Фонтанкѣ, недалеко отъ Невскаго къ Чернышеву переулку, съ лѣвой стороны, если идти отъ Невскаго. Въ первомъ этажѣ. Но кромѣ того, мы собирались въ другихъ квартирахъ. Большей частью у меня и у Смѣлкова.

Однажды насъ накрыли. Конечно, по допосу. Какъ мы сразу догадались, предалъ насъ бывшій денщикъ Смѣлкова, Василій Тучкинъ, получившій на войнѣ Георгія. Онъ былъ раненъ въ ногу, но рана была настолько безопасна, что скоро вполнѣ онъ отъ нея излѣчился. Этотъ денщикъ казался намъ преданнымъ человѣкомъ, и мы всѣ были далеки отъ мысли, что онъ такъ поступитъ съ нами. Въ квартиру Смѣлкова вошло человѣкъ десять вооруженныхъ солдатъ. Мы не слыхали, какъ имъ открыли дверь. Ясно, что впустилъ ихъ Тучкинъ.

Какъ только мы увидали вошедшихъ солдатъ, мы тотчасъ открыли па нимъ стрѣльбу. Это было что-то невообразимо дикое. Солдатамъ съ ихъ ружьями было гораздо труднѣе драться съ нами, чѣмъ намъ съ револьверами. Во главѣ ихъ отряда былъ молодой офицеръ. Онъ первый выстрѣлилъ въ насъ и убилъ наповалъ одного изъ нашихъ друзей. Мы отвѣтили дружнымъ залпомъ. Солдаты вскрикнули. У двоихъ выпали ружья. Одинъ съ воемъ убѣжалъ изъ комнаты. Всего лучше стрѣляли Осипъ и Володя. Осипъ двоихъ солдатъ уложилъ на мѣстѣ. Володя ранилъ

офицера въ голову. Сила была на нашей сторонѣ. Моментально мы бросились въ рукопашную. Не хотѣлось жертвъ. Сережа ударомъ кулака сбилъ офицера. Сѣлъ на него верхомъ. Я крикнулъ солдатамъ, чтобъ они отдали ружья. Они ихъ тотчасъ побросали. Самъ Смѣлковъ притащилъ веревки, и ими мы всѣхъ перевязали. Денщика и одного солдата не хватало. Денщика я нашелъ въ передней. Онъ спрятался за шинель.

— Предатель!

— Вашескородіе, простите...

Я былъ внѣ себя. Схватилъ его за шиворотъ и такъ тряхнулъ, что тотъ ударился объ уголъ и раскровянилъ себѣ високъ.

— Спасайся! — крикнулъ Володя.

Мы всѣ бросились изъ квартиры вразсыпную. Изъ парадной двери выбѣжалъ я, Осипъ, Сережа, Володя и Смѣлковъ. Мигомъ я вытащилъ ключъ изъ двери и, уходя, заперъ квартиру. Не успѣли мы сбѣжать съ лѣстницы, какъ услыхали шумъ и крики. Тотчасъ всѣ забѣжали за лѣстницу и спрятались въ комнатѣ, гдѣ когда-то жилъ швейцаръ. Новый отрядъ быстро пробѣжалъ наверхъ. Мы слышали, какъ стучали въ дверь.

Что дѣлать? Моментъ былъ рискованный. Мы были въ рукахъ нашего врага. На улицѣ стояла толпа. Я осторожно вышелъ изъ засады. Толкнулъ дверь въ нижнюю квартиру. Дверь отворилась. Мы прошли въ переднюю. Въ швейцарскую стали набираться любопытные. Это насъ спасало. Когда въ швейцарской и даже на нижнихъ ступенькахъ лѣстницы набралось много народу, мы незамѣтно вышли изъ за дверей и, потолкавшись для вида, одинъ за другимъ пробрались на улицу. Къ нашему горю, тѣхъ кто спускался по черной лѣстницѣ, всѣхъ переловили.

Осипъ, несмотря на рискованный моментъ, успѣлъ захватить наши бумаги. Если-бы они достались большевикамъ, ненужныхъ жертвъ было-бы несчислимое количество. Попались-бы многіе, совершенно непричастные къ

договору. У насъ было много адресовъ лицъ, которымъ мы предполагали послать наше воззваніе.

Вскорѣ я узналъ, что Смѣлкова накрыли. Всѣхъ нашихъ друзей съ нимъ во главѣ разстрѣляли. Это происходило въ то время, когда арестовали офицера Волка, выкололи ему глаза, долго водили по Невскому и затѣмъ сбросили въ Фонтанку съ Аничкова моста.

Для меня до сихъ поръ остается тайной, почему насъ, то есть меня и брата, усиленно искали, а не могли узнать фамилій тѣхъ двухъ офицеровъ, которые были съ нами во время стычки. Одинъ изъ нихъ былъ Володя, нынѣ покойный, другой Сережа. Ихъ хорошо зналъ нашъ денщикъ. Я узналъ, что офицеръ, который пришелъ съ отрядомъ насъ арестовать, и денщикъ Василій Тучкинъ умерли. Всего вѣроятнѣе, что кто нибудь изъ солдатъ зналъ меня и брата въ лицо и служилъ въ томъ полку, въ которомъ были мы во время войны.

Сережа спасся чудомъ. О Володѣ не знали, что онъ былъ въ заговорѣ. Его, какъ я говорилъ, убили въ этой квартирѣ, по предательству Машки. Я и Осипъ безслѣдно скрылись. Такимъ образомъ изъ всей нашей компаніи осталось въ живыхъ только трое, а преданныхъ нашему дѣлу двое.

— Ну что-же вы не играете? Задумались.

— Простите.

— Ничего... ничего, — отвѣтилъ Персонъ покровительственно. — И вотъ что, всѣ сейчасъ перейдутъ въ залъ, и вы сыграйте какой-нибудь маршъ.

Эта затѣя всѣмъ понравилась. Смѣялись. Впереди выступалъ еврей съ бриллiантомъ въ перстнѣ, его супруга, ихъ «дите» и нѣкоторые гости.

Говоръ переливался на разные голоса. То слышался густой басъ, то смѣхъ дѣвушки, то хриплый голосъ старухи и веселый, молодой голосъ Сережи.

Я къ гостямъ не повернулся. Продолжалъ играть маршъ, сильно ударяя по клавишамъ, потомъ заигралъ тише, нѣжнѣе и перешелъ на легкую мелодiю, подходящую къ

настоящему моменту. Одни изъ гостей усѣлись на диванъ и въ кресла, другіе стояли въ сторонѣ и разговаривали. Конечно, я ни съ кѣмъ не поздоровался.

Симонъ Исаичъ подошелъ съ комиссаромъ къ роялю и, похлопавъ меня по спинѣ, сказалъ:

— Молодчина!

Кѣмъ я восхищался, это Марьею Романовной. Она прошла мимо меня. Даже не взглянула. Не видѣть меня она не могла. Я догадался. Ей хотѣлось провѣрить себя. Не ошибалась-ли она, что это былъ дѣйствительно я. Въ новомъ костюмѣ она меня не видала. И кромѣ того, дала мнѣ понять, что согласна съ моимъ рѣшеніемъ ни съ кѣмъ не говорить и никого не узнавать. Ксенія меня тотчасъ узнала, но, высокомѣрно поднявъ свою хорошенькую головку, не сказала мнѣ ни слова, считая, должно-быть, неприличнымъ вести знакомство съ какимъ-то таперомъ.

Около рояля встали еврей съ перстнемъ и его сосѣдъ по чайному столу. Конечно, все, что они говорили, я слышалъ .

— Ахъ, Боже мой, — говорилъ сосѣдъ. — Они придрались къ тому, что я дѣйствительный статскій совѣтникъ. Я имъ говорю, что я никогда не признавалъ этого чина. Зачѣмъ онъ мнѣ нуженъ? Я профессоръ... И знаете, я всегда былъ лѣвымъ. Я очень сочувственно...

Дальше я не разслышалъ, что онъ говорилъ. Въ гостиной становилось шумно. Говорилъ онъ, какъ будто въ чемъ-то извиняясь.

— Я имъ говорю. Хорошо, я буду съ удовольствіемъ вамъ читать лекціи. Но имъ не нужно римское право. Что же я могу подѣлать, если я по образованію юристъ? Я имъ показалъ всѣ мои сочиненія. Нарочно все собралъ и имъ принесъ... А они даже не обратили на это вниманія. Вы знаете, я нарочно читаю каждый день ихъ газету и точно исполняю всѣ ихъ декреты. Сижу у воротъ, колю ледъ. Я вполнѣ лойяленъ. Да... да... Я забылъ вамъ сказать, что когда они запретили имѣть двѣ пары сапогъ, я имъ самъ отнесъ свои новые, а старые оставилъ себѣ.

— Ну это вы напрасно...

— Я имъ хочу доказать, что...

Опять не разслышалъ. Громко смѣялась Ксенія. У меня пальцы разошлись, и я игралъ, не переставая, почти машинально.

Тотъ продолжалъ жаловаться. Расказывалъ, какъ онъ съ семьей жилъ богато, какъ все потерялъ и что теперь имъ приходится очень трудно.

Теперь онъ служитъ въ какомъ-то учрежденіи, не то Рабкринъ, не то Кринрабъ — я позабылъ.

— И отлично, почти безъ ошибки пишу по новой орѳографіи. У насъ тамъ служитъ сенаторъ Рагозинъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Чаплинъ... Жалованія теперь давно не платятъ. Но все-же я получаю паекъ... Все-же я у нихъ на службѣ, и они не должны ко мнѣ придираться. Но мы очень голодаемъ...

Опять перерывъ. Я радовался, когда не слыхалъ его голоса, надоѣлъ. Все одно и то же.

— Папа!

Къ этому господину подошла Ксенія. Я былъ далекъ отъ мысли, что этотъ господинъ былъ мужемъ Марьи Романовны. Даже вздрогнулъ.

— Я могъ бы по бухгалтеріи... Постой, Ксенія. Не мѣшай. У насъ дѣловой разговоръ.

Но еврей воспользовался тѣмъ, что къ его собесѣднику подошла дочь, и отошелъ. Видимо, и ему наскучилъ этотъ господинъ со своими жалобами и просьбами.

Ксенія задала какой-то незначительный вопросъ. Хотѣла уйти. Отецъ остановилъ ее:

— Ксенія, скажи матери, чтобы она была полюбезнѣе съ Симонъ Исаичемъ.

— Хорошо.

Мансуровъ остался одинъ. Тоскливо, съ какой-то униженной улыбкой смотрѣлъ на гостей. Не зналъ, къ кому ему подойти. Я слышалъ о Мансуровѣ. Это былъ видный юристъ. Если не ошибаюсь, онъ состоялъ юрисъ-консультомъ при какомъ-то министерствѣ. Составилъ себѣ репу-

тацію крайняго монархиста, и чуть-ли даже студенты на одной изъ его лекцій не устроили ему скандалъ. Но его книги, какъ я зналъ, все-же признавались и считались цѣннымъ вкладомъ въ науку. Говорили также о немъ, какъ о выдающемся ораторѣ.

Онъ долго стоялъ одиноко.

— Можетъ быть, вы хотите отдохнуть? — предложилъ мнѣ *Симонъ Исаичъ. — Пройдите въ столовую.*

— Благодарю васъ.

Въ столовой не было никого изъ гостей. Роза и Машка убирали посуду. Роза предложила мнѣ чаю. Налила стаканъ и поставила сливки. Отъ вина я отказался.

Роза очень мило заботилась обо мнѣ. Даже Машка пододвинула мнѣ тарелку съ печеньемъ.

— Кушайте.

Я молча пилъ чай. Было скучно. Отъ нечего дѣлать я осматривалъ знакомую комнату, и мой взглядъ случайно упалъ на окно. Тамъ лежалъ знакомый мнѣ альбомъ.

Какой ужасъ! Тамъ были портреты мои, Осипа и Володи. Какъ никто не догадался ихъ посмотрѣть? Когда Машка и Розочка ушли изъ столовой, я быстро подошелъ къ окну, взялъ альбомъ и сталъ его перелистывать. Такъ и есть!.. Ловко вытащилъ карточки изъ альбома и спряталъ въ карманъ. Больше тамъ никого не было изъ тѣхъ, чьи карточки могли-бы навести на нашъ слѣдъ. Сѣлъ снова на свое мѣсто.

Конечно, меня можно было узнать съ трудомъ. Я былъ снятъ въ штатскомъ костюмѣ. Худое, продолговатое лицо, выбритое. Волосы тоже были коротко острижены, съ проборомъ. Я тогда походилъ, какъ и братъ мой Осипъ, на англійскаго дэнди въ хорошемъ смыслѣ этого слова. Такія лица попадались у русскихъ въ дворянскихъ семьяхъ. Въ нихъ была породистость, но стараго времени, которая затѣмъ постепенно исчезала. Меня могли выдать одни глаза. Хотя за время болѣзни они у меня сильно пострадали.

Я гдѣ-то досталъ очки и теперь могу только въ нихъ свободно читать. Не носилъ я ихъ постоянно потому, что

сломался ободокъ и я принужденъ былъ ихъ связывать ниточкой.

Кто-то вошелъ въ столовую. Я почувствовалъ, что это Сережа. Головы пока нарочно не поднялъ. Далъ ему нѣсколько минутъ для того, чтобы онъ успѣлъ удивиться, вздрогнуть, поблѣднѣть и обдумать, что ему надлежитъ дѣлать. Подумалъ: ну, теперь довольно.

Поднялъ голову и спокойно, не мѣняя ни позы, ни выраженія лица, совершенно безразличнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на него.

Разсчиталъ я не совсѣмъ вѣрно. Сережа не только не успѣлъ за эти секунды успокоиться, но у него еще не прошли ни испугъ, ни мертвенная блѣдность.

Я зналъ, что онъ былъ въ моей власти. Я могъ потерять только свою жизнь, а онъ свое благополучіе. О, какъ оно было для него дорого!

Сережа посмотрѣлъ направо, налѣво. Словно что-то искалъ.

— Вамъ что? — спросилъ я его.

— Н... нѣтъ... Ничего... Я хотѣлъ спросить... Тамъ жарко... Захотѣлъ пить.

— А вы позвоните...

— Благодарю васъ.

Начались танцы. Объ томъ, что всѣ желаютъ повеселиться, сообщилъ мнѣ Симонъ Исаичъ.

Я заигралъ вальсъ. Ни на кого не смотрѣлъ. Только зналъ навѣрняка, что Марья Романовна не танцовала. Возможно, что ее уговаривали. Убѣждалъ даже ея мужъ, но она категорически отказалась.

Она не могла танцовать!

Она не могла танцовать, когда въ домѣ былъ покойникъ.

Я оправдывалъ ее, что она пришла въ гости къ Симону Исаичу. Возможно, что она изъ-за дочери должна была придти. Но она нигдѣ не могла танцовать.

Нигдѣ, ибо въ родномъ ея домѣ былъ покойникъ.

— Что такое? Про какого покойника вы говорите?

Симонъ Исаичъ смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

Я тотчасъ опомнился. Улыбнулся. Даже слегка разсмѣялся.

— Я про себя напѣвалъ мотивъ и сталъ воспоминать, какія рифмы на ойникъ... подойникъ, повойникъ, покойникъ...

— Ахъ да!.. Вотъ что...

Онъ тоже разсмѣялся и отошелъ.

Конечно, я не очень остроумно вывернулся изъ глупаго положенія, въ которое случайно попалъ, но оказалось, что цѣль была достигнута. Все кончилось благополучно. Могло быть хуже.

— Сыграйте что-нибудь такое...

Оказалось, что еврей съ перстнемъ хотѣлъ показать, какъ танцуетъ его маленькая дочка. Я давно замѣтилъ дѣвочку, но она сидѣла до этой минуты въ сторонѣ, съ своей мамашей и въ общихъ танцахъ не принимала участія.

Теперь дѣвочку вывели на середину гостиной. Я, смотря на дѣвочку, заигралъ, и она, поднявъ ручки, стала выступать и дѣлать па.

Родители и гости были въ восторгѣ.

— Почему вы вдругъ такой разстроенный?

— О нѣтъ. Я сегодня въ очень хорошемъ расположеніи духа.

Сережа и Ксенія прошли мимо меня, и я разслышалъ только эти двѣ фразы.

Перзонъ былъ изъ людей мало находчивыхъ. Ни онъ, ни гости не знали, что имъ дѣлать, тѣмъ болѣе, что общество было смѣшанное. Собрались люди съ разными интересами и разными взглядами на жизнь. Какое дѣло было еврею до того, что какой-то профессоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ голодалъ, что могло быть общаго между Гаврилой Анисимычемъ и Марьей Романовной.

Легокъ на поминѣ. Гаврила Анисимычъ, гражданскій мужъ моей племянницы подошелъ ко мнѣ. Даже взялъ и сѣлъ рядомъ.

— Ну, молодецъ... Ты, товарищъ, настоящій музыкантъ.

Вотъ это я понимаю... Это я понимаю. И какъ у тебя все выходитъ... Какъ ты все ведешь... Сережа!..

Подошелъ Сережа.

— Вотъ, я говорю, какъ это онъ все здорово... Вотъ моя жена тоже большая музыкантша... Евоная сестра... Отлично играетъ. И громко умѣетъ. Но все не то... Она по нотамъ жаритъ. По нотамъ что... Это ужъ какая музыка. Выучилъ ноты и жарь... По нотамъ словно на шарманкѣ. Тамъ только ручкой вертятъ, а тутъ руками водятъ... А у тебя, значитъ, прямо... Играй, что хочешь. Это совсѣмъ иное. Жаль, очень жаль, что она не пришла... Она теперь беременна. Ходить по лѣстницамъ опасно. Дома сидитъ. А вотъ-бы она тебя послушала...

Я показывалъ видъ, что весьма польщенъ, слыша такой отзывъ о моей игрѣ. Сережа тоже старался показать видъ, что его заинтересовалъ этотъ незнакомый ему таперъ. Подошелъ и господинъ Перзонъ. Онъ гордился тѣмъ, что нашелъ такого музыканта, который угодилъ его гостямъ. Около меня стала образовываться группа. Какая-то дама спросила, умѣю-ли я аккомпанировать, и подъ мой аккомпаниментъ пропѣла романсъ Чайковскаго.

Просили спѣть еще и еще. Перзонъ взялъ пачку нотъ, положилъ ихъ на рояль и отбиралъ тѣ романсы и музыкальныя пьески, которыя ему почему-то казались наиболѣе интересными.

Я не могъ не созорничать и тутъ. Заигралъ «Хаве». Евреи запѣли хоромъ. Въ дверяхъ показалась Машка, затѣмъ Роза и сзади нихъ Иванъ Терентьичъ.

Мою шутку могъ понять только одинъ Сережа. Когда онъ приходилъ къ Володѣ въ гости и у нихъ былъ я съ Осипомъ, то лучшимъ нашимъ номеромъ было исполненіе «Хаве». Я игралъ на рояли, а они втроемъ изображали евреевъ. Уткнувъ большіе пальцы подъ мышки, они выдѣлывали различныя комическія движенія, па, гримасы въ этой-же самой гостиной.

Евреи пѣли торжественно, «съ аппетитомъ», какъ невольно пришло въ голову мнѣ это сравненіе. Я повернулъ

голову въ сторону Сережи. Онъ стоялъ блѣдный. Кусалъ губы. Почти тотчасъ сталъ прощаться. Гаврила Анисимычъ, Перзонъ и Ксенія «умоляли» его остаться.

Но все равно. Пора было уже расходиться. Симонъ Исаичъ сообщилъ, что онъ получилъ сегодня ложу въ Маріинскій театръ.

— На Шаляпина...

Онъ пригласилъ въ ложу комиссара, Гаврилу Анисимыча, Ксенію и Сережу.

— Тамъ шесть человѣкъ. Можетъ быть, вы не откажетесь съ нами поѣхать?—предложилъ онъ Маріи Романовнѣ.

Она поблагодарила, но предложенія этого не приняла.

Я тоже собрался уходить. Перзонъ торопливо вынулъ изъ бумажника нѣсколько бумажекъ... потомъ подумалъ. Еще приложилъ двѣ и торжественно при всѣхъ вручилъ мнѣ деньги.

Какъ разъ Розочка проходила черезъ гостиную, унося шелуху отъ яблоковъ.

— Роза, — крикнулъ Перзонъ, — возьми со стола что-нибудь такое и сдѣлай ему пакетъ.

— Идемте, — шепнула мнѣ милая Розочка.

Она вынула изъ буфета торты, печенье и другія чайныя прелести, всего отложила не скупясь и аккуратно сложила въ большую картонку, которая валялась на буфетѣ.

Былъ уже восьмой часъ. Хотя день и прибавлялся, но это было мало замѣтно. Чуть стало теплѣть, и легкій туманъ согрѣвалъ, какъ вата, землю.

Еврей съ перстнемъ уѣхалъ на автомобилѣ. Гости шли группами. Шли не по троттуару, а посреди улицы. Вышли и Мансуровы. Шли отдѣльно. Я замедлилъ шаги и какъ-бы случайно очутился около нихъ. Марья Романовна это замѣтила.

— Федоръ Игнатьичъ, позволь тебя познакомить съ Павломъ Васильевичемъ Вольтеръ.

— Очень пріятно.

Сказалъ это машинально. Машинально было протянулъ

руку, но, увидѣвъ меня, оторопѣлъ. Быстро отнялъ руку. Поморщился.

Мансуровъ былъ въ драповомъ пальто, завязанномъ, какъ кушакомъ, простой веревочкой. На немъ былъ шарфъ.

— Вы простите, Павелъ Васильичъ, — обратилась ко мнѣ Марья Романовна,—мой мужъ очень близорукъ, и онъ умѣетъ только различать коммунистовъ и евреевъ.

— Я тебя прошу такъ со мной не говорить... И потомъ нельзя-ли потише. Тебя могутъ услышать... Вообще ты очень неосторожна. Ты должна помнить, что здѣсь слышатъ даже стѣны домовъ.

Онъ взялъ Марью Романовну за руку и чуть отвелъ ее въ сторону. Я только слышалъ:

— А ты знаешь, съ кѣмъ ты меня знакомишь?

— Я тебя еще не поблагодарила за знакомство съ господиномъ Персономъ.

— А что-же?..

Марья Романовна взглянула на меня. Я понялъ ея мысль. Она просила меня не уходить. И мы снова очутились вмѣстѣ.

— А что-же? Такихъ людей, какъ Персонъ, надо уважать. Помилуй, ему еще нѣтъ двадцати пяти лѣтъ, а какъ онъ хорошо устроился. Онъ такъ зарабатываетъ, какъ никто. Дѣлецъ. Настоящій дѣлецъ... И я предъ такими людьми преклоняюсь... Онъ такія большія дѣла дѣлаетъ... Я много про него слышалъ. И какъ хорошо, что мы были у него. Ты знаешь, онъ мнѣ сказалъ, чтобы я поговорилъ съ его компаньономъ... Ты видѣла? Толстый такой... И я уже закинулъ удочку. Очень можетъ быть, что онъ меня возьметъ къ себѣ въ контору... Надо только еще разъ напомнить Симону Исаичу, чтобъ онъ ему шепнулъ за меня словечко. Ты какъ думаешь? Можетъ быть, ты сама лучше скажешь обо мнѣ. Да... да... Я забылъ сказать, что я теперь очень хорошо пишу по новой ореографіи...

Марья Романовна молчала. Какъ будто она хотѣла, чтобы я вполнѣ узналъ ея мужа. Но мнѣ было достаточно и того невольно подслушаннаго разговора, который онъ велъ

съ евреемъ. Мужъ Марьи Романовны для меня былъ ясенъ, какъ груда навоза, которая лежала около троттуара и освѣщалась фонаремъ.

— А какое было вкусное у него печенье... Я давно такого не ѣлъ.

Мы подошли къ тому дому, гдѣ жили Мансуровы.

— Можетъ быть, Павелъ Васильичъ, вы не откажетесь ко мнѣ зайти? Вы свободны?

— Благодарю васъ... До девяти я свободенъ. Сегодня я опять играю на вечерѣ.

Мансуровъ былъ недоволенъ, но я этому не придалъ никакого значенія. Мы прошли черезъ дворъ. Стали подниматься по темной, грязной лѣстницѣ. Марья Романовна постучала въ дверь. Отперъ матросъ.

Пришлось идти колѣнчатымъ корридоромъ. Въ концѣ поднималась лѣстница ступенекъ въ десять. И тамъ на небольшой площадкѣ были другъ противъ друга двѣ двери. Устройство квартиры было до невѣроятности странное.

Марья Романовна отворила дверь налѣво.

— Вы тамъ снимите ваше пальто, а то здѣсь утащатъ. Я сейчасъ.

Она отперла правую дверь и скрылась.

Федоръ Игнатьичъ долго возился со спичками. Шаркалъ ими. Онъ брюзжалъ и ругался. Наконецъ, какая-то спичка загорѣлась, и ему удалось зажечь лампу.

Я снялъ пальто и повѣсилъ его на гвоздикъ около двери. Федоръ Игнатьичъ тоже снялъ свое пальто и бросилъ на кровать.

— Сперва мы всю квартиру занимали, а потомъ къ намъ вселили матросовъ. Говорятъ даже, что всѣхъ насъ отсюда выселятъ и этотъ участокъ передадутъ матросамъ. Ихъ тутъ много живетъ... У насъ они взяли парадныя комнаты, а намъ эти дали. Хорошо еще, что двѣ дали. Могли въ одну вселить. Тутъ двое живутъ. Одинъ холостой, другой съ семьей. Такъ они ничего себѣ. Надо только умѣть ладить съ ними... Много получаютъ. Хорошій у нихъ паекъ... Иногда продаютъ намъ. Жена держится съ ними немного

свысока. Они этого не любятъ... Я женѣ часто говорю, чтобы она держалась проще... Эхъ, женщины... женщины! Сегодня ни за что не хотѣла идти къ Симону Исаичу. А не понимаетъ того, какъ это важно для меня. О!..

И онъ поднялъ палецъ кверху. Потомъ улыбнулся.

— По крайней мѣрѣ, я сегодня поѣлъ всласть и покурилъ настоящихъ папиросъ...

Я вспомнилъ, что у меня въ карманѣ были папиросы. Вынулъ ихъ и предложилъ Мансурову.

Обрадовался.

— Не откажусь.

Сталъ закуривать надъ лампой...

— И эти очень хорошiя.

— Берите, я не курю.

— А зачѣмъ вы ихъ съ собой носите?

— Вмѣсто бумажника съ деньгами. На папиросу можно больше купить, чѣмъ на деньги.

— Это вѣрно... вѣрю, — поторопился сказать Мансуровъ, не понявъ моей мысли.

Я готовилъ для Федора Игнатьича ударъ. Незамѣтно перешелъ на пайки.

— Въ этомъ отношенiи я счастливъ.

— А что такое?

Я ему разсказалъ, какой паекъ я получаю за службу у матросовъ и какой получилъ дополнительно за первые четыре дня Масляной недѣли. Я не вралъ. Дѣйствительно, послѣ каждаго бала, гдѣ я игралъ, меня награждали такими пайками, что имъ-бы позавидовалъ любой комиссаръ. Каждый разъ я уносилъ съ вечера мѣшокъ. Я уже приловчился къ пайкамъ, и мнѣ нянюшка, когда я уходилъ на вечеръ, приготовляла мѣшечки для сахара, соли, крупы, сухихъ кореньевъ и бумажки для мяса, селедокъ и другой «мокрой» провизiи.

— А вотъ, если у васъ папиросъ много, такъ вы ихъ мнѣ уступите.

Федоръ Игнатьичъ размякъ. Когда я перечислялъ то, что получалъ, его глаза горѣли, онъ жевалъ губами и сладко

улыбался, представляя, что съ нимъ-бы было, если-бы онъ самъ получалъ такіе пайки.

— А вы знаете, какую ловкую штуку выкинулъ Симонъ Исаичъ. У него теперь конбаза... Это, значитъ, онъ держитъ лошадей... Это ему даетъ милліоны... И у него тридцать извозчиковъ. Онъ получитъ для нихъ паекъ, а имъ половину только выдастъ. Сколько онъ наживается. Вы подсчитайте только!.. Молодецъ. А тѣ, дураки, передъ нимъ шапку ломаютъ и его-же благодарятъ: отецъ ты нашъ... благодѣтель...

Разсмѣялся. Съ хохотомъ продолжалъ:

— А еще... Смотритъ, что перевозятъ... Самъ въ четыре утра встаетъ... Сколько онъ съ возовъ себѣ отвозитъ, передать трудно. Вотъ это я понимаю.

Потомъ начались обычныя жалобы, шепотомъ вспоминалъ прошлое и даже рѣшился спросить:

— А какъ вы думаете, долго они еще продержатся?

Я услышалъ, какъ будто кто-то пробѣжалъ по лѣстницѣ. Хлопнула дверь. Крикъ... А! Голосъ Ксеніи.

— Въ чемъ-же я пойду въ театръ?

Голоса Марьи Романовны почти не было слышно.

— Ты обязана... Что такое? Ты у меня поговори еще!

Обѣ они стояли на площадкѣ около нашихъ дверей. Я даже видѣлъ ихъ лица, освѣщенныя электрической лампочкой изъ корридора.

— А мнѣ наплевать, что посторонній... Ну?

Марья Романовна промолчала.

—У меня теперь коммунисты знакомые есть... Даже чекисты. Я самого Лапошина знаю. Вотъ я имъ скажу про тебя, какъ ты къ дочери относишься. Они тебя проучатъ. Посидишь на Гороховой. Погоди! Я не постѣсняюсь.

Федоръ Игнатьевичъ перепугался. Бросился къ дочери.

— Бога ради!.. Ксенія... Не говори имъ ничего. Еще узнаютъ, кѣмъ я былъ. Они меня погубятъ.

Марья Романовна ушла въ свою комнату. Затворила за собой дверь. Заперлась.

— А что она мнѣ за мать? Приду ѣсть, чортъ знаетъ, чѣмъ кормитъ. Прошу новые чулки... Нѣтъ, говоритъ. Вретъ!.. Для продажи!..

Погрозила кулакомъ въ дверь.

— Я и про это скажу...

— Молчи., молчи, Бога ради... Ну хочешь? Я знаю, гдѣ спрятаны эти чулки... я тебѣ одни возьму...

— Еще я съ ней поговорю.

И Ксенія стала визжать и колотить кулаками въ дверь.

— Отопри... А? Не хочешь?.. Сволочь!

Ксенія добилась своего, Марья Романовна отперла дверь.

— Что тебѣ надо, Ксенія? — мягко спросила она.

— Чулки.

Марья Романовна стояла въ дверяхъ. Ксенія подумала, что она ее не пускаетъ, и съ силой толкнула мать.

— Ксенія! Опомнись.

Протянула къ ней руку.

Ксенія со всего розмаха ударила мать по рукѣ.

— Вотъ тебѣ... получай...

Я бросился къ Мансуровой. Хотѣлъ ее защитить отъ второго удара. Это мнѣ удалось. Но Ксенія не разсчитала. Она одновременно съ ударомъ хотѣла пнуть въ мать ногой. Пнула въ воздухъ. Не удержалась. Свалилась на полъ.

Отчаянно завизжала.

— Помогите... помогите! Меня бьютъ.

Федоръ Игнатьичъ былъ въ отчаяніи. Прибѣжали матросы и какая-то баба.

Всѣ набросились съ руганью на Марью Романовну.

— Видано-ли это, чтобы мать родную дочь била.

— Не такія теперь времена.

Ксенія вскочила. Съ краснымъ, перекошеннымъ отъ злобы лицомъ, обратилась къ Марьѣ Романовнѣ. Сжала кулаки.

— Ну ты у меня теперь подожди только!.. Сволочь!..

И побѣжала. Федоръ Игнатьичъ бросился за ней.

— Ксенія... Ксенія!.. Бога ради...

Марья Романовна ушла въ свою комнату. Ушли и свидѣтели.

— Кажный день это у нихъ.

Я одиноко стоялъ. Не зналъ, что дѣлать. Побоялся, что Марьѣ Романовнѣ дурно. Въ ея комнатѣ было тихо.

Заглянулъ.

Марья Романовна стояла на колѣняхъ и молилась.

Я тихо подошелъ къ ней. Погладилъ ее по головѣ.

— Близкая вы моя!

10. БОЛЬШІЯ СОБЫТІЯ.

Насталъ Великій постъ. Я аккуратно посѣщалъ всѣ службы. Въ церкви народу набиралось довольно много. Мнѣ не хотѣлось попадаться знакомымъ, и я молился обыкновенно на клиросѣ, стоя за большой иконой. Приходила Машка съ Иваномъ Терентьичемъ. Бывалъ Ладновъ. Но самымъ непонятнымъ для меня было то, что очень аккуратно посѣщалъ церковь тотъ матросъ, который перешелъ въ іудейскую вѣру и даже далъ выполнить надъ собой обязательный ритуалъ. Это, какъ я слышалъ не разъ, было поводомъ для насмѣшекъ надъ нимъ, какъ со стороны товарищей, такъ и Ксеніи. Очень усердно молился и Федоръ Игнатьичъ. Но приходилъ онъ одинъ. Марья Романовна появлялась не съ нимъ вмѣстѣ и вставала отдѣльно. Въ сторонѣ. Ксеніи я не видѣлъ въ церкви ни разу.

Послѣ службы мы всѣ возвращались втроемъ домой и пили чай. Иногда нянюшка приглашала Марью Романовну. Отецъ Александръ почему-то очень стѣснялся къ намъ ходить. Отказывался отъ обѣдовъ, и съ большимъ трудомъ приходилось ему вручать хлѣбъ и часть моего пайка.

— И такъ проживемъ,—говорилъ онъ.—Да откровенно сказать, не изъ хорошаго мѣста этотъ паекъ. Вы работаете у нихъ, вы получаете за трудъ... Я не стану васъ осуждать. А я-то тутъ при чемъ? Это иная статья. Отецъ Кириллъ получаетъ съ васъ и пользуется вашими продуктами за то, что вы у него живете... какъ-бы за квартиру. А я съ чего стану принимать отъ васъ? Сдѣлаю что, заплатите... Ни слова не скажу. Ну хоть-бы дрова вамъ что-ли рубилъ...

— Потомъ отплатите.

— Когда это потомъ? Вотъ жена въ библіотекѣ работаетъ, кое-что получаетъ, мы и живемъ.

Онъ упорно стоялъ на своемъ. Иногда только бралъ леденецъ къ чаю.

— Это уже угощеніе...

Всего болѣе непріятностей намъ доставила сторожиха. Какъ я узналъ, она была обозлена на отца Александра за то, что тотъ прямо сказалъ ей про исчезновеніе изъ церкви ризы.

— Никто иной совершилъ этотъ грѣхъ, какъ Иванъ.

У отца Александра были прямыя къ тому доказательства. Послѣ пропажи ризы онъ болѣе цѣнныя церковныя вещи спряталъ въ другомъ мѣстѣ. Но въ этой-же церкви, только въ верхнемъ помѣщеніи. Иванъ, ничего не зная объ этомъ, залѣзъ было, опять въ сундукъ, чтобы что-нибудь стащить, но, ничего не найдя, заподозрѣлъ, что отецъ Александръ все взялъ себѣ. Тѣмъ болѣе, что онъ самъ видѣлъ, какъ тотъ выходилъ изъ церкви съ узломъ. Потомъ съ женой замѣтили меня. Ихъ поразило, откуда у меня такъ много и хлѣба и всякой провизіи, и они рѣшили, что отецъ Александръ все уноситъ изъ церкви, что болѣе цѣнно, а я это спускаю Перзону. Именно ему, потому что всѣмъ стало извѣстно, что всѣ иконы отъ княжны онъ взялъ себѣ. Кто-то видѣлъ, какъ я проходилъ во дворѣ того дома, гдѣ жилъ Перзонъ. Все это и вызвало мысль насъ накрыть, и сторожиха о насъ донесла, куда слѣдуетъ. Во время обыска она очень наста-

ивала на томъ, чтобы вскопали землю вокругъ дома, не зарылъ-ли я въ землѣ драгоцѣнности. Но такъ какъ чекисты у насъ ничего не нашли, что могло подтвердить доносъ сторожихи, то не стали рыть землю вокругъ дома, а только удовольствовались тѣмъ, что перепортили въ нашей квартирѣ мебель и вещи.

Сторожа Савелія и его жену мы схоронили и настолько прилично, что не казалось, что они умерли отъ голода и въ полной нищетѣ. Но съ Иваномъ и его женой у насъ началась глухая борьба. Почти тотчасъ, какъ только мы схоронили Савелія, въ его квартиру въѣхалъ матросъ, котораго жена Ивана называла кумомъ. Они почувствовали силу. Отношеніе къ намъ сразу измѣнилось и до крайности обострилось. Сторожиха уже не льстилась больше на мой паекъ.

— Наплевать мнѣ на вашъ паекъ, — однажды сказала она мнѣ.

Съ нами они не кланялись. Иванъ приходилъ въ церковь только тогда, когда вздумается ему. Къ своимъ дѣламъ относился небрежно. Нѣсколько разъ онъ пытался остаться въ церкви послѣ вечерни или всенощной, ссылаясь на работу, но послѣ того случая это ему не разрѣшалось. Или съ нимъ оставался кто-нибудь изъ насъ. Иванъ злился, но дѣлать было нечего. Ясно, что онъ воровалъ. Однажды отцу Александру показалось подозрительнымъ, что Иванъ долго возился въ церкви послѣ службы, и онъ заглянулъ туда. Иванъ ходилъ въ церкви въ шапкѣ и курилъ папиросу. Отецъ Александръ и отецъ Кириллъ долго бесѣдовали, обсуждая этотъ случай. Рѣшили уволить Ивана и лишить его квартиры, но они потерпѣли полную неудачу. За него вступился кумъ. Оказалось, что онъ былъ коммунистъ-чикистъ, и достаточно было одного слова, чтобы...

— Всѣ вы полетѣли къ чорту!

Иванъ часто водилъ этого кума въ церковь. И это мнѣ показалось подозрительнымъ.

Вообще Иванъ одержалъ надъ нами полную побѣду. Мы нашли человѣка, который помогалъ отцу Александру и

вообще исполнялъ обязанности сторожа, но Иванъ изводилъ его, какъ могъ. Это былъ гимназистъ, лѣтъ шестнадцати, какъ мнѣ казалось, изъ очень хорошей семьи. Звали его Васей. Мальчикъ приходилъ незадолго до службы къ отцу Кириллу и съ нимъ шелъ въ церковь. Работникъ онъ былъ изумительный. Тихо, почти не слышно онъ дѣлалъ свою работу, съ любовью относясь ко всему, что долженъ былъ исполнить. Жилъ онъ недалеко со своею матерью и сестрой. Я его кормилъ, поилъ чаемъ съ хлѣбомъ и каждый день выдавалъ ему часть изъ своего пайка. Вася былъ счастливъ. Любознательный, умненькій и необычайно конфузливый. Гимназію ему пришлось бросить, такъ какъ мать и сестра жили исключительно на его заработокъ. Мать его была очень болѣзненна, а сестра слишкомъ мала.

Такимъ образомъ складывалась наша жизнь. По внѣшнему виду эта жизнь казалась маленькой, сѣренькой, съ крохотнымъ благополучіемъ въ видѣ моего пайка.

Иванъ, его жена и кумъ считали себя хозяевами въ церкви и во всей оградѣ. Не знаю, насколько были правдивы угрозы ихъ, что, де, въ случаѣ чего кумъ скажетъ кому слѣдуетъ, что надо, но во всякомъ случаѣ мы чувствовали себя не совсѣмъ спокойно.

Мы не нуждались. Я позаботился и о дровахъ. Гдѣ-то Вася раздобылъ санки. Я съ Васей отправился за Николаевскій вокзалъ и тамъ, далеко за рельсами, взялъ бревна, уже разрѣзанныя, и привезъ ихъ. Дома мы съ Васей распилили ихъ и нарубили. Пилу и топоръ Вася приносилъ съ собой. Мы это продѣлали нѣсколько разъ съ большимъ успѣхомъ, хотя не скажу, чтобы эта поѣздка была изъ легкихъ. Санки были довольно тяжелыя, и мы приходили домой сильно измученные. Вася просилъ позволенія брать съ собой нѣсколько полѣньевъ. Онъ имѣлъ на это полное право.

Повторяю, что за Масляную недѣлю я столько нанесъ домой разной провизіи, что ея могло намъ хватить на долгое время. Большою радостью для насъ было то, что я принесъ въ пайкѣ бѣлой муки и даже бутылку краснаго вина.

За это большое спасибо Ивану Терентьичу, который досталъ эту бутылку исключительно для меня. Вино я передалъ отцу Александру для причастія, а нянюшка изъ муки испекла крохотныя просвирки. Это было большою радостью и для постоянныхъ прихожанъ собора.

По нѣкоторымъ моимъ соображеніямъ, я не вмѣшивался въ церковныя дѣла и стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ церковной жизни. Конечно, многіе меня видѣли, но никто не зналъ не только о томъ, какую роль я игралъ въ церкви, но даже о томъ, что я живу у отца Кирилла. Я просилъ объ этомъ не говорить. Да и вообще никому не разсказывалъ, кто я.

— И что ты за человѣкъ, никакъ тебя нельзя понять, — часто говорилъ мнѣ отецъ Кириллъ.

На Масляной недѣлѣ я возвращался съ баловъ иногда подъ утро. Въ этотъ годъ какъ-то особенно веселились. На многихъ большихъ вечерахъ я видѣлъ Ксенію, Сережу, моихъ знакомыхъ матросовъ. На одномъ вечерѣ была даже Машка. Разодѣлась она въ пухъ и прахъ. Иванъ Терентьичъ ходилъ около нее пѣтухомъ, съ гордой и счастливой улыбкой.

Марью Романовну я не видалъ. Къ намъ не заходила.

Идти къ ней послѣ скандала, который при мнѣ устроила Ксенія, мнѣ не хотѣлось. Кромѣ того, мнѣ было некогда. У меня много времени отнимали поѣздки за дровами и гулянье по Николаевскому вокзалу, двору и рельсамъ, гдѣ часто попадались служащіе на желѣзной дорогѣ. Я бывалъ въ разное время дня. Но всѣ мои поиски были все еще безплодными.

На третьей недѣлѣ Великаго поста, какъ-то рано утромъ, совершенно неожиданно для всѣхъ пришла весна.

Снѣгъ таялъ. Грязная вода то утекала, впитываясь въ землю подъ камнями и торцами, то образовывала лужи. Но онѣ походили на кастрюли съ водой, поставленныя на плиту. Надъ ними стоялъ паръ. Не видно было дворниковъ, которые раньше метлами угоняли лужи въ трубы. Единственный, кажется, человѣкъ исполнялъ строгій де-

кретъ объ очисткѣ улицъ, это Федоръ Игнатьичъ Мансуровъ. Онъ такъ усердно работалъ съ метлой, что даже не замѣтилъ меня. Но по его усердію и фигурѣ я прочелъ:

— Если «они» увидятъ, то похвалятъ.

Я и Вася занялись очисткой двора церковнаго и сада, чтобы церковь не утопала въ грязи и вонючихъ лужахъ. Иванъ, конечно, намъ не помогалъ.

Все шло тихо, но на четвертой недѣлѣ поста произошли большія событія, сыгравшія въ моей жизни очень значительную роль. Нѣкоторыя событія были важны сами по себѣ, важны для моихъ наблюденій, но... что говорить раньше времени?

Долженъ предупредить, что я чувствовалъ себя превосходно. За все это время у меня почти ни разу не было моего припадка. Голова работала вполнѣ хорошо. Я даже почувствовалъ приливъ силы, и физическій трудъ не утомлялъ меня. Несмотря на мои неудачи въ поискахъ брата Осипа, я не терялъ духа и упорно, съ выработаннымъ за послѣднее время спокойствіемъ, шелъ къ намѣченной цѣли.

Эта четвертая недѣля была для меня роковой. И событія, которыя совершенно не имѣли какъ будто никакого значенія, оказались впослѣдствіи весьма значительными. Наступила четвертая недѣля. Застала она меня за уборкой церковнаго двора. Я съ Васей очищалъ садъ отъ мусора и сухихъ листьевъ и не зналъ, что въ этотъ моментъ ко мнѣ приближалось. Такъ въ «Жизни человѣка» Леонида Андреева герой, мучаясь отъ голода, не зналъ, что въ этотъ моментъ люди, склонившись надъ столомъ, разсматривали его проэктъ, и завтра онъ будетъ знаменитъ, славенъ и богатъ.

И я не зналъ, что гдѣ-то, въ какой-то комнатѣ, нѣкто обсуждалъ свою мысль и пришелъ къ весьма важному и роковому выводу. Къ рѣшенію, отразившемуся на моей жизни.

Когда я очищалъ дворъ около нашего дома, мнѣ пришла въ голову мысль спрятать драгоцѣнности и бумаги, принадлежавшія нянюшкѣ, такъ, чтобы ихъ при самомъ тща-

тельномъ обыскѣ не могли найти. Переходя съ мѣста на мѣсто, я выбиралъ и останавливался на тѣхъ углахъ и ямахъ, гдѣ-бы всего удобнѣе можно было положить коробку. Я уже заготовилъ желѣзную коробку. Взялъ изъ церкви. Она тамъ была совсѣмъ не нужна и валялась зря со всѣми отслужившими свою службу вещами. Въ эту коробку, съ крышкой горбылемъ, складывались нѣкогда огарки отъ восковыхъ свѣчей. Воскъ облипалъ внутри коробки со всѣхъ сторонъ. Это было хорошо. Воскъ предохранялъ отъ воды и сырости. Затѣмъ я нашелъ тряпку, пропитанную масломъ. Значитъ, имѣлъ еще второй предметъ, который былъ важенъ для сохраненія бумагъ.

Удача шла за удачей. Я даже ничего не сказалъ нянюшкѣ раньше времени. Эту коробку я исправилъ, насколько могъ, и съ тряпкой внутри спряталъ въ пустомъ чуланчикѣ на лѣстницѣ. Думая о томъ, куда-бы схоронить эту коробку, я невольно поднялъ голову и безцѣльно посмотрѣлъ въ глубь сада. Изъ-за черныхъ, напитанныхъ водой стволовъ виднѣлся могильный крестъ.

У меня блеснула идея.

Воспользовавшись тѣмъ, что Вася возился гдѣ-то въ сторонѣ, я пробрался къ памятникамъ и внимательно ихъ осмотрѣлъ. Въ цоколѣ одного памятника боковой камень въ мѣстѣ скрѣпленія немного отставалъ отъ другого. Это я запомнилъ и снова принялся за обычную работу. Рѣшилъ ночью болѣе тщательно осмотрѣть этотъ камень.

Вечеромъ, послѣ вечерни пришла нянюшка съ Марьей Романовной. Я сразу обратилъ вниманіе на то, что въ ней произошла большая перемѣна. Перемѣна во всемъ. Она поздоровалась со мной очень мило, но такъ, какъ будто ей до меня не было никакого дѣла. Не то, чтобы она меня не замѣчала. Нѣтъ. Словно она была занята своею мыслью и упорно надъ ней думала, не видя ничего вокругъ себя. Кромѣ того, она за это время, какъ я съ ней не видѣлся, замѣтно похудѣла. Лицо было блѣдное. Не осунувшееся отъ какой-либо болѣзни или голода, а поблѣднѣвшее отъ сильной, охватившей ее думы. Это отражалось и въ глазахъ. Они

что-то видѣли, чего не видѣлъ я. Смотрѣли не на меня съ нянюшкой, а въ пространство, въ точку, которая была далеко отъ насъ. И во всей ея фигурѣ и манерахъ не было прежней красивой и гордой осанки, а она смѣнилась тихимъ и еще болѣе красивымъ смиреніемъ. Я тотчасъ опредѣлилъ это смиреніемъ и послѣ не разъ вспоминалъ этотъ моментъ нашей встрѣчи и мое впечатлѣніе.

Я очень обрадовался при видѣ Марьи Романовны, но тотчасъ понялъ, что выраженіе, хотя-бы малѣйшее, моей радости было неумѣстно.

— Я хотѣла-бы видѣть отца Александра,—сказала она.

— Онъ скоро придетъ.

Нянюшка готовила посуду къ чаю. Самоваръ она уже поставила.

Мы прошли въ комнату отца Кирилла.

— Вы торопитесь?

— Нѣтъ.

Какъ я замѣтилъ, Марья Романовна не особенно хотѣла вести обыденный разговоръ. Она понимала, что было-бы смѣшно намъ сидѣть молча. Съ нѣкоторымъ трудомъ она спросила меня о чемъ-то постороннемъ и задала нѣсколько незначущихъ вопросовъ. Замѣтила, между прочимъ, что я выгляжу въ новомъ костюмѣ совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

— Впрочемъ, вы мнѣ почему-то представляетесь всегда въ болѣе изящномъ костюмѣ. Или въ смокингѣ или въ формѣ.

Я прошелъ въ свою комнату и принесъ тѣ карточки, которыя я утащилъ у Перзона изъ его квартиры.

Марья Романовна оживилась. Даже на ея щекахъ чуть выступилъ румянецъ. Слегка улыбнулась.

— А!.. Это другое дѣло... Тутъ именно вы, какимъ я васъ представляю.

Долго, не мѣняя улыбку, смотрѣла на мой портретъ. Я далъ почему-то Марьѣ Романовнѣ и портретъ моего брата Осипа.

— Очень похожъ на васъ. Я-бы даже сказала, что это вы въ раннихъ годахъ, если-бы у васъ была бородавка.

Передала мнѣ карточки обратно, еще разъ взглянувъ на мой портретъ. Я взялъ карточки и хотѣлъ, было, ихъ разорвать. И тотчасъ сжечь въ печкѣ. Опасно было ихъ держать у себя. Но Марья Романовна тотчасъ поняла мой жестъ.

— Что вы дѣлаете?

Не успѣлъ я даже надорвать портреты, какъ она ловко схватила меня за руку.

— Отдайте мнѣ ихъ.

— Зачѣмъ?

— Отдайте ихъ мнѣ — произнесла она настолько властнымъ тономъ, что я выпустилъ портреты.

Марья Романовна тотчасъ спрятала оба портрета въ свою сумочку. Я не добивался больше, зачѣмъ Марьѣ Романовнѣ понадобились эти портреты. Рѣшилъ:

— Значитъ, такъ надо.

Какъ разъ пришелъ отецъ Кириллъ вмѣстѣ съ отцомъ Александромъ. Ему нянюшка уже успѣла сказать, что Марья Романовна хотѣла-бы его видѣть.

Марья Романовна подошла подъ благословеніе.

— Благословите, батюшка.

Поцѣловала руку.

— Вы хотѣли со мной побесѣдовать?

— Да.

— Пройдемте ко мнѣ,—предложилъ отецъ Александръ.

Марья Романовна стала возражать. Во первыхъ у нея не срочное дѣло, во вторыхъ у нея время свободное, и она никуда не торопится, а въ третьихъ, что самое главное, отецъ Александръ усталъ и долженъ сперва отдохнуть и попить чаю.

Наконецъ, рѣшили такъ: мы всѣ напьемся чаю и оставимъ въ кабинетѣ отца Александра вмѣстѣ съ Марьей Романовной. Пришелъ и Вася. Этотъ мальчуганъ такъ вошелъ въ роль церковнаго сторожа, что не находилъ удобнымъ даже сидѣть вмѣстѣ съ дьякономъ, а тѣмъ паче со священникомъ въ одной комнатѣ, за однимъ столомъ. Но Марья Ро-

мановна охватила его рукой за талію и посадила рядомъ съ собой.

Васѣ было шестнадцать лѣтъ, но онъ былъ такъ мало испорченъ, даже, вѣрнѣе сказать, совсѣмъ не испорченъ, что его трудно было называть юношей. Это былъ еще въ полномъ смыслѣ ребенокъ, мальчуганъ, мальчишка. Онъ не прочь былъ иногда пошалить, созорничать, но вполнѣ безобидно, пошутить съ нянюшкой, а главнымъ образомъ затѣять возню съ своимъ другомъ, Филькой.

Филька тоже его полюбила, но все-же не забывала и меня. Когда она увлекалась игрой съ Васей, она, навѣрно, думала, что я въ эти минуты страдаю отъ ревности, и, чтобы нѣсколько утишить мою боль и горечь, иногда на секунду подходила ко мнѣ. Лизнетъ руку или потрется бокомъ о сапогъ, и снова убѣжитъ къ Васѣ.

Мы напились чаю. Перешли всѣ въ кухню, оставивъ отца Александра съ Марьей Романовной.

Потомъ отецъ Кириллъ, я и Вася прошли во дворъ и гуляли около дома. Филька была довольна. Бѣгала, лаяла и встрѣчала весну очень оживленно.

Прошло болѣе часу. Марья Романовна вышла изъ подъѣзда и торопливо направилась къ выходу. Замѣтивъ насъ, она только ниже наклонила голову. Мы поняли, что спросить ее или даже сказать: «прощайте» была излишне.

Вернулись. Отецъ Александръ сидѣлъ въ креслѣ у стола. Рукой оперся о столъ и ладонь положилъ на лобъ. Рядомъ съ нимъ стояло кресло, на которомъ, повидимому, сидѣла Марья Романовна.

Сперва онъ не слыхалъ, какъ мы вошли. Потомъ повернулъ голову. Его вѣки были красны, и по щекамъ текли слезы. Другая рука съ платкомъ была опущена.

Онъ всталъ. Отеръ лицо платкомъ. Посмотрѣлъ на насъ и тихо проговорилъ:

— Благословитъ васъ Богъ.

Медленно пошелъ изъ комнаты. Я замѣтилъ, что у него снова текли слезы.

Такъ какъ отецъ Кириллъ и нянюшка Федосья Финоге-

новна привыкли къ тому, что я велъ неправильный образъ жизни, то возвращаясь ночью или къ утру, то уходя по ночамъ, (у меня былъ свой ключъ отъ квартиры), мой уходъ въ эту ночь не смутилъ ихъ.

Я прошелъ къ памятнику. Нашелъ замѣченный мною камень почти ощупью. Съ помощью топора мнѣ удалось его отдѣлить. За нимъ снова лежалъ камень. Я сталъ подрывать землю.

Работа была упорная, медленная. Все-же она шла довольно успѣшно. Не знаю, сколько я провозился за этой работой, но въ эту ночь я сдѣлалъ многое. Еще ночь и помѣщеніе для желѣзнаго сундучка будетъ готово. Конечно, я работалъ со всѣми предосторожностями. Закладывая мраморный камень, я убралъ всѣ слѣды моей работы такъ, чтобы ничто не могло вызвать ни малѣйшаго подозрѣнія. Землю унесъ. Затопталъ ногами мѣсто около памятника.

Въ свое учрежденіе я заходилъ почти ежедневно. Бесѣдовалъ, получалъ пайки и уносилъ ихъ домой. Уносилъ подъ полой хлѣбъ и масло отъ Ивана Терентьича изъ пекарни. Много отдавалъ Васѣ и отцу Александру. Мы съ нимъ очень сошлись за послѣднее время, и онъ уже не былъ такимъ щепетильнымъ, какимъ былъ раньше. Отецъ Кириллъ иногда, въ тѣ дни, когда я особенно много приносилъ хлѣба, просилъ меня дать ему «кусочекъ» и куда-то уносилъ. Потомъ онъ сказалъ:

— Бѣдной женщинѣ.

Послѣ обыска у насъ я попросилъ комиссара выдать мнѣ документы болѣе основательные во избѣжаніе непріятностей. Онъ на это охотно согласился. Тутъ произошло маленькое событіе, меня сильно поразившее по нѣкоторому совпаденію съ моими замыслами.

Во время моего разговора съ комиссаромъ, вошелъ какой-то матросъ.

— А что мы, товарищъ, нашли...

И онъ вынулъ изъ кармана совершенно новенькій браунингъ и передалъ его комиссару. Потомъ вытащилъ изъ кармана коробку съ пулями для этого браунинга. Въ это

время вошло еще нѣсколько человѣкъ. Стали браунингъ осматривать, хвалить. Одинъ матросъ посмотрѣлъ въ дуло.

— Еще не разу не стрѣляный.

Я стоялъ въ толпѣ. Видѣлъ, какъ комиссаръ положилъ его и патроны въ столъ.

— Идемте туда. Тамъ вамъ выдадутъ, — сказалъ комиссаръ.

Вышелъ изъ кабинета. За нимъ всѣ вышли. Я рѣшилъ во что-бы то ни стало украсть этотъ револьверъ.

Когда мы прошли нѣсколько шаговъ, я вернулся, проскользнулъ въ кабинетъ комиссара, открылъ ящикъ и взялъ револьверъ и патроны. Догналъ комиссара и, какъ ни въ чемъ не бывало, съ нимъ заговорилъ. Но все-таки я рисковалъ. Комиссаръ могъ вернуться въ кабинетъ. Онъ обязательно откроетъ первымъ долгомъ ящикъ. Не для провѣрки, тутъ-ли револьверъ, а чтобы еще разъ полюбоваться на него. Какъ только я получилъ свои бумаги и мнѣ сказали, чтобы я въ другой комнатѣ поставилъ печати, я снова вышелъ въ корридоръ и незамѣтно положилъ револьверъ и коробку съ патронами за окно. Оно было замазано бѣлой краской. Рама разбита. Это было фальшивое окно. Я чуть отодвинулъ раму и сунулъ внутрь револьверъ съ патронами.

Дѣйствительно, моя предосторожность меня спасла. Комиссаръ, какъ я и ожидалъ, тотчасъ поднялъ тревогу, что пропалъ револьверъ. Онъ кричалъ, волновался.

— Я того, кто укралъ револьверъ, застрѣлю, какъ собаку.

И онъ, навѣрно, привелъ-бы это въ исполненіе, если-бы поймалъ вора.

— Всѣхъ обыскать! Запереть двери.

Обыскъ продолжался часа два.

— Придется, товарищъ, и васъ обыскать, — обратился онъ ко мнѣ.

Былъ увѣренъ заранѣе, что у меня не было револьвера. Такъ понялъ я, взглянувъ ему въ лицо. Меня тщательно обыскали.

— Вотъ мерзавецъ! Вотъ негодяй, — ругался комиссаръ. — Неужели удралъ?

Конечно, револьвера не нашли. На другой день я, уходя изъ учрежденія, очень легко досталъ изъ-за рамы спрятанный мной револьверъ съ патронами и спокойно унесъ ихъ домой.

Въ эту ночь я долженъ былъ спрятать жестяной сундучекъ. Я его вынесъ во дворъ, аккуратно положивъ туда всѣ документы, драгоцѣнности и револьверъ. Завернулъ револьверъ особенно тщательно въ промасленную тряпочку, чтобы онъ не могъ заржавѣть и патроны отсырѣть.

Эта ночь была особенно теплая. Въ воздухѣ стоялъ густой паръ. Иногда выглядывала луна, и мнѣ казалось, что на туманѣ отражалась даже моя тѣнь. Было тихо. Городъ или, по крайней мѣрѣ, тотъ участокъ, въ которомъ жилъ я, спалъ тяжелымъ сномъ.

Съ сундучкомъ я подошелъ къ памятнику. Положилъ сундучекъ въ сторону, присѣлъ на корточки и отвалилъ кусокъ гранита. Сталъ втискивать въ пустую дыру свой сундучекъ. Немного мѣшала сверху сундучка придѣланная ручка. Но и она подалась, когда я сталъ его втискивать. Потомъ сундучекъ уже свободно прошелъ вглубь. Остановился. Уперся съ стѣнку. Я быстро засыпалъ входъ землей, втиснулъ камень и началъ вкладывать гранитъ. Я даже дома заготовилъ немного цемента. Замазалъ имъ щели.

Въ этотъ моментъ я услыхалъ что-то странное. Какой-то непонятный звукъ. Мнѣ показалось, что въ саду кто-то былъ. Треснула вѣтка... И раздался этотъ странный звукъ. Я не могъ понять, что именно тамъ происходило. Я былъ увлеченъ своей работой. Былъ неостороженъ и не прислушивался къ звукамъ ночи. Кромѣ того, я былъ очень далекъ отъ мысли, что въ саду и даже въ оградѣ кто-нибудь находится.

Раздался этотъ звукъ — и тотчасъ все смокло. Я сталъ прислушиваться (къ сожалѣнію, слишкомъ поздно),

но все смолкло, замерло. Кто, кромѣ меня, могъ быть ночью въ этомъ саду?

Я «похоронилъ» завѣтную коробку. Рѣшилъ объ этомъ сказать только нянюшкѣ. Если-бы я пропалъ, со мной пропала-бы и коробка.

Черезъ сколько лѣтъ, десятковъ лѣтъ, а можетъ быть, и столѣтій, могутъ ее найти?

Все готово. Я шелъ къ своему дому, а между тѣмъ странный звукъ, который меня нѣсколько вывелъ изъ моихъ напряженныхъ, сосредоточенныхъ на одномъ думъ, заставилъ меня подумать объ окружающемъ.

Этотъ звукъ походилъ на горловой.

— Ы...

И съ какимъ-то придыханіемъ.

Домой мнѣ сразу не хотѣлось идти. Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ влѣво, къ калиткѣ, которая выходила къ церкви.

Ясно увидѣлъ, что въ окнѣ церкви мелькнулъ огонекъ. Словно на стеклѣ отразилась искорка луннаго свѣта. Меня невольно потянуло дальше. Опять увидалъ мелькнувшій огонекъ.

Не трудно было догадаться, что въ церкви кто-то былъ. Я прошелъ мимо церкви и спрятался у забора съ другой стороны, гдѣ была дорога къ выходу и домику для сторожа. Былъ увѣренъ, что въ церковь забрались воры. Тамъ, несомнѣнно, былъ Иванъ. Возможно, что съ своимъ кумомъ. Надо было провѣрить.

Я ждалъ долго. Луна скрылась. Были едва видны только силуэты деревьевъ.

Тѣнь!

Догадался, что это шелъ не Иванъ. Я хорошо зналъ и фигуру и походку Ивана. Этотъ былъ много выше и крѣпче Ивана. Различилъ, что онъ что-то несъ. Большое, положенное на правую руку.

Совершенно инстинктивно, не отдавая себѣ отчета, не зная за секунду, что сдѣлаю, я далъ этой тѣни пройти мимо меня одинъ шагъ. Тотчасъ шагнулъ сзади и нанесъ ему

въ затылокъ такой ударъ, что онъ мигомъ свалился на землю. Упала его ноша. Звякнула выпавшая изъ узла кадильница. Мигомъ оттащилъ я человѣка въ сторону, сбросилъ съ дороги все, что упало у него изъ рукъ, и снова всталъ у забора. Человѣкъ зашевелился, но я пинкомъ сапога далъ ему еще ударъ, и онъ смолкъ.

Мнѣ не пришлось долго дожидаться. Крался Иванъ. Тоже съ узломъ. Съ Ивaномъ я еще легче справился. Отъ удара моего кулака онъ, какъ снопъ, свалился на землю.

Я тотчасъ пробѣжалъ мимо дома сторожа. Въ окнѣ виднѣлся свѣтъ. Вышелъ на площадку, свернулъ къ мосту и очутился на Садовой. Опасаясь опять попасться на глаза милиціонеру, я часть ночи провелъ на ступенькахъ амбаровъ, и, какъ только разсвѣло, пошелъ на Николаевскій вокзалъ.

Опять безцѣльно проблуждалъ по двору и вернулся домой только къ тремъ часамъ дня. То есть къ самому обѣду.

И нянюшка, и отецъ Кириллъ были чѣмъ-то сильно разстроены.

— Грѣхи... грѣхи! — твердилъ отецъ дьяконъ. — Вотъ вы дома-то не ночевали, а что у насъ въ эту ночь случилось, и разсказать трудно. Въ саду, недалеко отъ памятниковъ нашли повѣсившагося человѣка. Матросъ. Говорятъ, будто онъ принялъ іудейскую вѣру и... затосковалъ о православной религіи.

Такъ вотъ чей вздохъ я слышалъ, когда задѣлывалъ гранитъ.

Мнѣ вспоминалось его хорошенькое, молодое лицо, черные усики. Его улыбку, когда онъ говорилъ съ Ксеніей... И его конфузъ, когда Ксенія стала его дразнить.

Но этого мало. Отецъ Кириллъ разсказалъ мнѣ, что подъ утро нашли Ивана и его кума у забора въ обморочномъ состояніи. Около нихъ валялось много церковной одежды и утвари. Не было ни для кого сомнѣніемъ, что они обворовали церковь, но...

Далѣе разсказъ связывался съ самоубійствомъ матроса.

Кто могъ избить Ивана и его кума почти до полусмерти ночью? Кто могъ быть въ это время въ саду? Отецъ Александръ былъ человѣкомъ малосильнымъ, отецъ Кириллъ слишкомъ дряхлымъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ могъ нанести такой ударъ, что здоровякъ кумъ отъ него упалъ и долго не могъ притти въ сознаніе. Если-бы кто былъ другой, онъ навѣрно-бы съ собой унесъ ворованныя вещи. Между тѣмъ всѣ онѣ были на лицо. Всѣ лежали у дорожки, около калитки. Конечно, подозрѣніе пало на меня, но его тотчасъ опровергли. И отецъ Кириллъ и нянюшка показали, что я съ вечера ушелъ изъ дому и еще не вернулся. Сторожъ и его кумъ, кое-какъ придя въ себя, дошли домой, и теперь оба лежали. Конечно, удары въ голову были очень сильны, но больше всего на нихъ подѣйствовалъ испугъ. Когда-же почти одновременно съ ними замѣтили и повѣсившагося матроса, то у всѣхъ невольно сложилась весьма «правдоподобная» исторія.

Обоихъ ихъ исколотилъ матросъ. Болѣе скептическіе люди приходили къ заключенію, что матросъ, увидавъ ихъ идущими изъ церкви съ узлами, исколотилъ ихъ, а потомъ повѣсился. Другіе утверждали, что ихъ наказала душа удавленника. Послѣдняго мнѣнія держались всѣ наши: нянюшка, отецъ Кириллъ и Вася. По всей вѣроятности, въ этомъ увѣренъ былъ и отецъ Александръ.

Вѣсть о повѣсившемся матросѣ произвела на Ивана, его жену и кума ошеломляющее впечатлѣніе.

Когда я узналъ о томъ, что Иванъ и его кумъ чувствуютъ себя очень плохо, я вызвался навѣстить ихъ.

Иванъ лежалъ у себя въ комнатѣ на кровати. При видѣ меня, сторожиха отвернулась. Я осмотрѣлъ больного. Онъ не могъ поворачивать голову и стоналъ. Я видѣлъ, что его мучила и боль въ головѣ, и страхъ. Но онъ мнѣ ничего не сказалъ, кромѣ отвѣтовъ на вопросы, гдѣ именно у него болитъ. Сказалъ сторожихѣ, какъ слѣдуетъ лечить больного, то есть какъ прикладывать компрессы, и прошелъ къ матросу. Онъ уже успѣлъ обставить свою квартиру. Откуда-то привезъ довольно красивую мебель.

У матроса поврежденія были болѣе значительны. Ударъ въ затылокъ былъ настолько силенъ, что матросъ не въ силахъ былъ двинуть даже рукой. Кромѣ того, около его виска былъ сильный кровоподтекъ. Посовѣтовалъ сторожихѣ класть ея куму холодные компрессы.

Когда я уходилъ изъ квартиры сторожа, въ ворота выглянулъ мѣщанинишка. Громко разсмѣялся.

— Чудо!.. Чудо! — прокричалъ онъ и тотчасъ убѣжалъ.

По поводу похоронъ матроса приходили объясняться съ отцомъ Александромъ. Какъ его хоронить, по православному обряду или по еврейскому. Батюшка отвѣтилъ, что онъ беретъ на себя похоронить его по православному обряду. Но комиссаръ рѣшилъ иначе. Матроса торжественно съ красными флагами похоронили по гражданскому обряду, то есть безъ панихидъ и «поповъ».

За то я отслужилъ по немъ отдѣльно особую панихиду.

Въ пятницу я зашелъ въ церковь. Исповѣдовали двое: отецъ Александръ и еще священникъ, котораго часто приглашали совершать службу вмѣсто отца Александра. Тотъ очень уставалъ.

Церковь была полутемная. Тѣ, кто шелъ исповѣдоваться къ отцу Александру, проходили направо. Нѣсколько человѣкъ со свѣчками въ рукахъ сидѣли на скамейкахъ и дожидались своей очереди. Батюшка кого-то исповѣдовалъ очень долго. Остальные терпѣливо ждали. Почему-то я остановился недалеко отъ ожидающихъ и глубоко задумался. Мысли особенно ни на чемъ не останавливались. Думалъ больше о повѣсившемся матросѣ, о сторожѣ Иванѣ и его кумѣ.

Если они думаютъ или будутъ думать, когда у нихъ пройдутъ головныя боли, о томъ, что свершилось чудо и ихъ наказалъ Господь, то это было, по теоріи мѣщанинишки, очень хорошо. Во всякомъ случаѣ это было необычайное совпаденіе. Надо-же было матросу повѣситься именно въ эту ночь... Для нихъ было вполнѣ ясно, что ихъ наказалъ призракъ повѣсившагося матроса.

Отъ священника, отъ отца Александра, вышла Марья

Романовна. Она была необычайно блѣдна. Съ трудомъ шла. Казалось, вотъ, вотъ упадетъ.

Подняла глаза на меня. Двинулась въ мою сторону. Протянула руку.

— Ахъ, мнѣ васъ очень нужно...

Я вышелъ съ ней изъ церкви. Прошли въ садъ и сѣли на ту скамью, гдѣ однажды я ее уже видѣлъ.

— Марья Романовна, вы больны?

— Ахъ, нѣтъ... Я здорова.

— Но вы чѣмъ-то угнетены?

— Я? Напротивъ, у меня на душѣ такъ хорошо... Такъ ясно. Это все мелочи... Я не сплю. Я думаю. Но думы у меня бодрыя. Честное слово. Я не могу вамъ всего сказать, но я переживаю въ душѣ большую, большую радость...

Она взяла мою руку.

— Милый мой другъ. Вы мнѣ вѣрите. Я говорю это искренно. Я сейчасъ только исповѣдывалась. Я не могла-бы лгать. И въ особенности вамъ. Не огорчайтесь, что я вамъ ничего не говорю. Это не надо... Но только дайте мнѣ слово... Что бы ни случилось, вы должны быть за меня покойны... Если васъ будутъ обо мнѣ спрашивать, вы ничего не знаете... Могу только одно вамъ сказать. Я буду думать о васъ. Это вы должны всегда... всегда чувствовать.

Крѣпко сжала мнѣ руку. Посмотрѣла мнѣ въ глаза яснымъ, довѣрчивымъ взглядомъ.

— Хорошо?

Я поцѣловалъ ея руку.

— Ну, а теперь слушайте. Если-бы я васъ сейчасъ не встрѣтила, я все равно должна была къ вамъ зайти... Именно сегодня. Ну, въ крайнемъ случаѣ, увидала-бы васъ завтра во время причастія...

Она на минуту остановилась. Ей было трудно говорить... Вдругъ повернула голову вправо и чуть вздрогнула:

— Это тамъ повѣсился матросъ?

— Да, вонъ на томъ деревѣ.

— Скажите?.. Это правда, что онъ былъ близокъ къ Ксеніи? Вы часто бывали на балахъ у матросовъ.

— Я ихъ видѣлъ вмѣстѣ.

— Мнѣ Ксенія намекнула, что онъ... былъ ея первымъ поклонникомъ.

— Возможно.

Я разсказалъ о томъ днѣ, когда я впервые увидѣлъ Ксенію. Въ церкви, куда она приходила съ матросами сговариваться, чтобы церковь отдали подъ танцульку.

— Господи! Прости ее.

Мы помолчали.

— А теперь я вамъ скажу самое главное. Мнѣ еще не хотѣлось вамъ объ одномъ говорить. Рѣшила еще провѣрить себя. Но, кажется, я не ошиблась. Пройдите завтра утромъ на Сѣнной рынокъ, въ Горсткинъ переулокъ. Идите отъ Сѣнной по лѣвой сторонѣ. Я почти увѣрена, что тамъ бываетъ вашъ братъ, Осипъ. Я его видѣла два раза...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1. РѢЧЬ.

Ваше Превосходительство!

Милостивыя государыни и милостивые государи!

Граждане и гражданки!

Чувствую, что настало время сказать вамъ нѣсколько словъ. Выслушайте меня хорошо и внимательно. Ибо для этого я вошелъ на каѳедру, а вы наполнили этотъ залъ. Обыкновенно ораторъ мечтаетъ о томъ, чтобы по окончаніи его рѣчи раздались несмолкаемые апплодисменты. Я-же вамъ скажу вполнѣ откровенно, что я далекъ отъ мысли искать у васъ сочувствіе, расположеніе, восторгъ, бурю протеста и ненависти. Даже не интересуюсь вашимъ мнѣніемъ.

Наступитъ время и очень скоро, когда вы услышите обо мнѣ. И тогда, надѣюсь, что вы вспомните мои слова.

Итакъ, вниманіе и вниманіе.

О, однако въ моей аудиторіи набралось много. Я, по правдѣ сказать, этого не ожидалъ.

Моя рѣчь, предупреждаю васъ, будетъ нѣсколько оригинальна. Я буду говорить вамъ всѣмъ вмѣстѣ и одновременно, наряду съ этимъ буду обращаться къ нѣкоторымъ слушателямъ по отдѣльности. Но, конечно, такъ, чтобы слышали и другіе.

Можетъ быть, вы думаете, что я васъ буду въ чемъ-нибудь изобличать? Упрекать, насмѣхаться, унижать, бранить, выставлять въ невыгодномъ свѣтѣ, осуждать и т. д.? Глубоко заблуждаетесь. Я человѣкъ совершенно иного склада. Да вы, я думаю, хорошо узнали меня съ того момента, какъ я вошелъ въ Петербургъ и тамъ нашелъ самого себя.

Можетъ быть, вы думаете, что я буду вамъ говорить о тѣхъ, кто сидитъ на россійскомъ престолѣ и правитъ вами, о большевикахъ, о коммунистахъ, объ ужасахъ чрезвычаекъ, о томъ, какъ мужички жарили своихъ дѣтей и обгладывали ихъ косточки? Избави меня Богъ! Именно о нихъ мнѣ нечего сказать или добавить къ тому, что мы всѣ отлично знаемъ. Я-бы не могъ объ этомъ сказать такъ, какъ скажетъ исторія. Исторія всегда жестока по своей сухости изложенія фактовъ. А между тѣмъ есть люди, которые записываютъ каждую секунду въ жизни нашей родины. И ничто, ни одна мелочь не пропадетъ. Но разсказы о большевикахъ, вы сами въ этомъ сознаетесь, уже не производятъ никакого впечатлѣнія. Они намъ всѣмъ (я сужу по себѣ) до тошноты надоѣли. Насъ теперь уже ничѣмъ не удивишь. Умъ человѣческій оказался слабымъ по своей фантазіи передъ настоящей жизнью.

Моя жизнь вамъ не интересна. Я былъ однимъ изъ многихъ, а теперь я вижу, что я только одинъ. И вотъ съ тѣхъ поръ, какъ я въ сумасшествіи, въ бреду, лежа въ какомъ то госпиталѣ или тюрьмѣ, пришелъ къ одной мысли, я сталъ тѣмъ однимъ, на кого рокъ указалъ рукой. На кого палъ жребій. И съ того момента моя жизнь, мои шаги должны быть интересны всѣмъ. Обыкновенно барышни, читая романъ, смотрятъ на послѣднюю страницу.

— Ахъ, чѣмъ все это кончилось?

Если моя завѣтная мысль осуществится, вы будете знать сперва конецъ моего плана, а потомъ уже поинтересуетесь узнать, какъ я дѣйствовалъ съ момента зарожденія моей мысли до ея выполненія. Я все записываю.

И, пожалуй, мои записки будутъ имѣть историческое

значеніе уже потому, что я вполнѣ правдиво описываю бытовую сторону Петербурга въ эти годы. И даже настолько фотографически точно, что, если я описываю какую-нибудь сцену, то именно такъ, какъ я ее видѣлъ собственными глазами. Дѣло не въ фамиліяхъ, именахъ и отчествахъ, но все-же всѣ лица, которыхъ я здѣсь описываю, существуютъ, и вы ихъ легко можете узнать.

Вы, можетъ быть, скажете, что исторія о томъ, какъ желѣзнодорожный служащій втихомолку молился между бревнами за Царя мною сочинена? Нѣтъ. Даю вамъ слово, что это было именно такъ. Или о томъ, какъ у вокзала утащили гробъ изъ подъ покойника. Вы скажете, что я нарочно втиснулъ въ мои записки лысаго лектора, получающаго паекъ у матросовъ? Еще, пожалуй, не повѣрите въ существованіи Фильки? Я даже ей не измѣнилъ имя. Не выставилъ ее подъ прозрачнымъ псевдонимомъ. Эту собаченку, и я, и отецъ Кириллъ, и нянюшка, и Вася звали Филькой.

Но, предупреждаю васъ, въ моихъ запискахъ ошибки возможны. Я уже вамъ говорилъ, что во время моей болѣзни я потерялъ память. И я прошу прощенія, если вы гдѣ натолкнетесь на ошибку.

Здѣсь приведу слова одного моего пріятеля художника, нынѣ убитаго.

Онъ говорилъ:

— Можно допустить въ рисункѣ ошибку, но нигдѣ не должно-быть фальши.

Вотъ именно этой фальши у меня нѣтъ и крупинки. Приведу вамъ примѣръ. Если у васъ будетъ время, пройдите въ садъ собора Николы Морского и внимательно осмотрите памятники. На одномъ изъ нихъ вы увидите, что кусокъ гранита отколотъ и неровно, торопливо поставленъ на мѣсто.

Мы можете легко увидѣть даже тѣ квартиры, которыя я описываю. Тотъ подвалъ, гдѣ я бесѣдовалъ съ сестрой, разбитое окно, за которое я пряталъ револьверъ, ту квартиру, гдѣ происходила пирушка матросовъ, гдѣ умерла

княжна и была убита Маруся. Все это, возможно, существуетъ и сейчасъ.

Словомъ, я долженъ васъ предупредить, что въ моихъ запискахъ нѣтъ выдумки. Все было въ дѣйствительности.

Но простите... Я немного отошелъ въ сторону. Я какъ разъ о запискахъ моихъ не хотѣлъ говорить. Онѣ такъ ясны и точны, что не требуютъ объясненій. Я не о нихъ собирался говорить.

Скажу только нѣсколько словъ о себѣ.

Кто я? Во всякомъ случаѣ я не изъ тѣхъ людей, которые призваны обличать или угрызать чужую совѣсть. Меня на это никто не уполномочивалъ. Ни я самъ, ни свыше. Мнѣ даже хочется вамъ сказать:

— Господа, дѣлайте, что хотите, мнѣ рѣшительно все равно.

Я одинъ. Я не съ вами. И никто изъ васъ не пойдетъ за мной.

Но, можетъ быть, вы сами спросите:

— Да кто онъ такой? Почему онъ взялъ себѣ право такъ говорить съ нами. Это какой-то юродивый.

Вотъ... вотъ. Именно такъ. Вы глубоко правы. Я съ вами вполнѣ согласенъ. Я юродивый. Въ этомъ все сказано.

Я самъ чувствую, что я не вполнѣ тотъ обыденный, нормальный человѣкъ, который вообще считается, вполнѣ, во всѣхъ смыслахъ, за здороваго умственно человѣка. У меня послѣ удара въ голову прикладомъ происходятъ въ мозгу странныя явленія: бредъ мѣшается съ дѣйствительностью, память мнѣ измѣняетъ, мысли путаются. Я начинаю фантазировать, говорить вслухъ...

Развѣ то, что я говорилъ Маріи Романовнѣ не было бредомъ? Развѣ это говорилъ нормальный человѣкъ? Это говорилъ юродивый. Но современный. Болѣе тонкій и изысканный.

Такъ вы говорите, что я юродивый? Отлично. Помиримся на этомъ. Разъ мы такъ легко на этомъ сговорились, мнѣ легче будетъ говорить съ вами.

Господа! Не обличать я васъ буду, а мнѣ только вотъ что интересно: что вы дѣлали за это время?

Какъ вы вообще себя чувствуете при новомъ режимѣ?

Больно васъ били? Нѣтъ. Ну, слава Богу. Вы даже не сидѣли въ тюрьмѣ? Это еще лучше. Счастливые! А не правда-ли, какъ теперь легко живется? Сперва вамъ плевали въ лицо или сѣкли чуть-ли не сто разъ въ день, а теперь только разъ въ мѣсяцъ. Прелесть, что такое. Я за васъ доволенъ. Вотъ вы, лысый лекторъ... вы даже пополнѣли и порозовѣли на матросскомъ пайкѣ. И какъ хорошо вы улыбаетесь. Вы даже стали во главѣ государственнаго театра. Васъ цѣнятъ. Вамъ недавно большевики въ день вашего юбилея преподнесли званіе «почетнаго и заслуженнаго режиссера». Что? Развѣ васъ уже уволили?..

Ваше превосходительство, Федоръ Игнатьичъ, ну сами посудите, въ чемъ я буду васъ изобличать? Ну какое мнѣ дѣло до того, что вы, профессоръ, авторъ очень хорошихъ книгъ, подвязали себя веревочкой, взяли въ руку метлу и, согласно декрету, очищаете улицу отъ грязи? Все это такъ естественно и просто, и ничего въ этомъ нѣтъ дурного. Вы хотите, чтобы «они» на васъ обратили вниманіе. Вполнѣ понятно. Когда вы писали свои сочиненія, вы тоже хотѣли, чтобы на васъ обратили вниманіе. Тутъ и спорить не приходится. Что-же? Вы оказались человѣкомъ очень ретивымъ въ исполненіи своихъ обязанностей. И этотъ трудъ васъ ни капли не унижаетъ. Я даже подумалъ: раньше наши пресловутые дворники такъ усердно не счищали грязь съ улицы. Честное слово. Мнѣ просто хотѣлось прошлый разъ, когда я васъ видѣлъ за работой, воскликнуть:

— Да вы прирожденный дворникъ!

Больше того. Я упрекнулъ вашихъ родителей, что они васъ натолкнули на мысль выбрать себѣ карьеру ученаго. Это была ихъ основная ошибка въ воспитаніи.

Представляю себѣ, какимъ-бы идеальнымъ вы были ассенизаторомъ!.. Ну чтобы вамъ подумать о такой ка-

рьерѣ, которая, какъ говорятъ, очень высоко чтится большевиками и прекрасно оплачивается.

Развѣ вы такъ-бы страдали отъ страха, какъ страдаете теперь. Теперь васъ, какъ профессора, не признаютъ и позорятъ тѣмъ, что вы дѣйствительный статскій совѣтникъ. Вотъ пятно, котораго вамъ ничѣмъ не отмыть.

Боже, какое страданіе было на вашемъ лицѣ, когда вы меня нашли въ канцеляріи, взяли за рукавъ и отвели въ какой-то необитаемый уголъ.

— Марья Романовна... пропала!

— Что значитъ «пропала»?

— Я... я ничего не знаю. Пропала. Вотъ уже пятый день, какъ ея нѣтъ дома, я всюду ее ищу... Господи! За что?.. Что съ ней?

Я просилъ васъ тогда успокоиться и разсказать мнѣ все подробно... по порядку.

Господа! Вы не смущайтесь, что интимная сторона изъ жизни Мансуровыхъ стала всѣмъ вамъ извѣстна, несмотря на отсутствіе газетъ и вымершихъ старушекъ сплетницъ, бѣгающихъ изъ дома въ домъ.

Во первыхъ, Ксенія устраивала скандалы дома такъ публично, что о нихъ знали не только тѣ матросы, которые жили въ квартирѣ Мансуровыхъ, но и весь дворъ, а за нимъ и сосѣдскіе дворы. Зачастую окна были открыты (когда, конечно, было лѣто) и крики Ксеніи сбирали подъ окна всю публику, живущую въ этомъ домѣ.

— Здорово она ее лущитъ!

Эти скандалы всѣмъ нравились, такъ какъ Марья Романовна принадлежала къ буржуйкамъ и особенно этого не скрывала.

А во вторыхъ, Федоръ Игнатьичъ, огорченный, шелъ къ кому-нибудь изъ жившихъ во дворѣ или останавливался со встрѣчнымъ на дворѣ и долго ему разсказывалъ о томъ, какъ они раньше дружно и богато жили и какъ теперь жизнь стала безпокойной. При этомъ Федоръ Игнатьичъ жаловался не только на дочь, но и на Марью Романовну.

— Какъ это она не понимаетъ, что теперь настали другія времена и что съ дочерью надо иначе обращаться. Не даромъ девизомъ для гимназій избрали: нѣтъ плохихъ дѣтей, есть только дурные родители.

— Правильно,—отвѣчалъ газетчикъ Минковскій, съ которымъ Федоръ Игнатьичъ всего болѣе бесѣдовалъ о семейной жизни.

Помните, Федоръ Игнатьичъ, какъ однажды я проходилъ мимо вашего дома и, поздоровавшись, съ вами остался при продолженіи вашего разговора.

— Какъ-же?.. Какъ-же? Помню.

О, я васъ вполнѣ понимаю, что вамъ необходимо было передъ кѣмъ-нибудь излить вашу душу.

Такъ вотъ, ничуть не обвиняю васъ, что вы дѣлились своими переживаніями съ людьми вамъ близкими и потому ваша семейная исторія стала достояніемъ чуть-ли не всего околодка. Наконецъ, Ксенія такъ часто жаловалась на мать своимъ друзьямъ матросамъ и коммунистамъ, что даже, какъ я случайно узналъ, совѣтскій мужъ моей племянницы Лели хотѣлъ лично зайти къ Марьѣ Романовнѣ и объясниться съ ней.

Но это объясненіе не состоялось. Во первыхъ потому, что Леля родила дѣвочку, а во вторыхъ, какъ разъ въ это время исчезла Марья Романовна.

Я видѣлъ, какъ вы глубоко страдали. Поймали меня въ церкви, отвели въ сторону и шепотомъ спросили:

— Ея до сихъ поръ нѣтъ. Какъ вы думаете, она не арестована? Нѣтъ?.. Я не сплю ночи. Все жду, что у меня будетъ обыскъ. Вы знаете, Марья Романовна была очень неосторожна. Она, не стѣсняясь, говорила такія вещи.. Наши жильцы могли ее слышать... Да, навѣрно, и слышали...

Бѣдный Федоръ Игнатьичъ. Будь вы не профессоромъ, а ассенизаторомъ, не пришлось-бы вамъ такъ страдать.

— Развѣ я не правъ?

Что я могъ вамъ отвѣтить? Я ничего не знаю. Возможно, что Марья Романовна попалась на улицѣ и сидитъ въ тюрьмѣ.

Предлагалъ вамъ справиться.

— Можетъ быть, Ксенія справится? Мнѣ неудобно. А у нея есть знакомые коммунисты и чекисты. Она какъ-нибудь можетъ черезъ нихъ осторожно справиться.

Такъ вотъ, милѣйшій Федоръ Игнатьичъ, въ чемъ-же я могу васъ разоблачать? Я очень хорошо понимаю васъ, всѣ ваши страданія и, напротивъ, глубоко вамъ сочувствую.

Если я, какъ вамъ сейчасъ неизвѣстно, но станетъ извѣстнымъ, когда вы прочтете мои записки, иногда дерусь, то это вовсе не изъ желанія «проучить». А такъ... Именно «такъ». Кстати сказать, это только у русскихъ есть «такъ». И этимъ они очень сильны.

— Ты за что его убилъ-то? — спросилъ я разъ по дорогѣ въ Петербургъ одного солдата.

— А такъ.

И я все понялъ. Всю его психологію. Вѣдь, и я самъ часто дѣйствую:

— А такъ...

Вотъ увидалъ, какъ Иванъ и его кумъ тащили изъ церкви свörованныя вещи. Какое мнѣ дѣло разоблачать ихъ, что это не хорошо и по прежнимъ законамъ считается за святотатство? Если-бы я сталъ ихъ изобличать и держать къ нимъ рѣчь, они или-бы убили меня или-бы назвали юродивымъ.

А я имъ взялъ, да разбилъ головы. Оба лежатъ по по своимъ квартирамъ, по сосѣдству съ другъ другомъ. И стонутъ. У обоихъ головы разбиты. Только сторожиха бѣгаетъ отъ одного къ другому и примочки ставитъ.

По крайней мѣрѣ, они за это время подумаютъ. Это не мѣшаетъ. Я увѣренъ, что мой мѣщанинишка не разъ забѣгалъ и шепталъ:

Чудо... Это повѣсившійся. Удавленникъ васъ наказалъ.

Выздоровѣютъ, интересно съ ними поговорить. Я ихъ

навѣщаю, хочу самъ, чтобы боли скорѣе прошли. Все-же, думается, для нихъ обоихъ даромъ эти поврежденія головы не пройдутъ...

Думается мнѣ, что мой мѣщанинишка сыгралъ нѣкоторую роль въ жизни матроса, покончившаго съ собой. Когда этотъ матросъ шелъ къ двери, за которой жила княжна, ударъ въ темнотѣ произвелъ на него тоже впечатлѣніе чуда... Онъ первый съ визгомъ бросился въ другую сторону. А мѣщанинишка не преминулъ шепнуть ему потомъ:

— Чудо!

Возможно, что онъ напугалъ его чортомъ. Чортъ, де, стоялъ у двери. Тотъ и не догадался, что черти не сталибы защищать княжну.

О, они, эти Машки и Иваны, вѣрятъ въ свое чудо, а не въ наше. Въ настоящее чудо.

Вы знаете, Федоръ Игнатьичъ, я вамъ больше скажу. Если-бы я васъ ударилъ по щекѣ въ темномъ корридорѣ, вы-бы тоже, пожалуй, приняли бы это за чудо.

И это хорошо. Значитъ, у васъ совѣсть есть, если вы вѣрите въ чудо.

А вотъ то, что я нашелъ образокъ, какъ входилъ въ Петербургъ, что я встрѣтилъ Марью Романовну и узналъ, что братъ Осипъ живъ, развѣ это не чудо! Ну, да вамъ этого не понять. Когда Ксенія однажды пришла домой и за обѣдомъ выпалила:

— Бога нѣтъ!

Вы ничего не могли сказать. Не сумѣли отвѣтить на ея вопросъ:

— А ты его видѣлъ, папа?

Вы сами мнѣ это разсказывали.

Вамъ, Федоръ Игнатьичъ, и вамъ, господа, скажу, что не обличать я васъ хочу... Можетъ быть, во многомъ и вы-бы могли меня не только упрекнуть, но даже обличить, а только я разбираю мое личное переживаніе. Вы-же—ни болѣе, ни менѣе, какъ исторія. Не могу-же я описывать что-либо безъ времени и мѣста, это былъ-бы просто-на-просто фантастическій романъ. Нѣтъ, мнѣ нужны вы всѣ для фона.

Нравы ваши и ваши дѣйствія, — это подлинная исторія этихъ годовъ и потому я такъ мечтаю воздвигнуть въ Кремлѣ памятникъ позора. Не совсѣмъ, можетъ быть, удачное слово «памятникъ позора». Всего лучше просто: «историческій памятникъ». Или «памятникъ отцамъ».

Ну о памятникѣ сейчасъ еще говорить преждевременно.

Я вижу, милая Ксенія Федоровна, что вы надули губки и пожимаете плечиками. Вамъ кажется моя рѣчь не пріятной? Вы боитесь разоблаченій? Нѣтъ? Васъ не въ чѣмъ разоблачать. Вы совершенно правы. Я и не буду заниматься этимъ неблагодарнымъ дѣломъ. Вы, можетъ быть, думаете, что я васъ стану поучать и приведу вамъ пятую заповѣдь:

«Чти отца своего и матерь свою, да благо ти будетъ и да долголѣтенъ будеши на земли».

Скажу вашей любимой фразой:

— Ничего подобнаго.

Но какая вы хорошенькая. Я, правда, не люблю, когда дѣти... а вы еще настоящій ребенокъ... пудрятся, подмазываютъ брови, рѣсницы и красятъ губы. У васъ такъ прекрасно лицо, что оно въ своей естественной красотѣ кажется болѣе красивымъ. Но это въ общемъ пустяки. Правда также, что васъ, милая дѣвушка, уродуютъ злой взглядъ вашихъ прекрасныхъ глазъ и презрительно надутыя губки. Это такъ не идетъ къ вашему очаровательному личику. Мнѣ сейчасъ, когда я смотрю на ваше личико, почему-то представляется, что въ другое время мы были-бы съ вами большіе друзья. Я увѣренъ, что вы встрѣчали-бы меня съ улыбкой. Можетъ быть... (я говорю: можетъ быть) даже вы влѣзали-бы ко мнѣ на колѣни, прижимались-бы ко мнѣ, смотрѣли на меня своими ясными голубыми глазками и съ ясной улыбкой ждали-бы отъ меня, что я вамъ разскажу нѣчто очень интересное .

Я говорю вполнѣ серьезно: къ вамъ очень не идетъ это злое выраженіе глазъ и складка около губъ.

Вотъ и поймалъ! Это на зло мнѣ вы вынули изъ сумочки въ металлическомъ футлярчикѣ губную помаду,

подышали слегка на нее и провели по губамъ. И ваши губки стали сразу ярко-пунцовыми.

Скажите, милая Ксенія (я васъ такъ могу называть: вы настолько моложе меня), почему вы ко мнѣ подошли на вечеринкѣ у матросовъ и спросили:

— Вы ничего не знаете о мамѣ?

Да почему именно я долженъ что-то знать? Что вы уловили изъ моихъ отношеній къ Марьѣ Романовнѣ?

Вы думаете, что я долженъ все знать. Ничего я не знаю. Ни про Марью Романовну, ни про васъ.

Конечно, мнѣ васъ очень жаль, я не знаю, какъ вы теперь, когда куда-то скрылась ваша мама, справляетесь со всѣмъ. Вашъ папа приходитъ со службы усталый, голодный. Вы возвращаетесь домой поздно. Кто вамъ дѣлаетъ обѣдъ, кто ставитъ самоваръ, кто моетъ бѣлье и его штопаетъ? Это все легло на вашу обязанность.

Ничуть не бывало.

Вы ничего не дѣлаете. Гдѣ вашъ папа кушаетъ, вамъ до этого нѣтъ дѣла. Но за то вамъ лично приходится тяжело. Очень тяжело. Я это понимаю. Я знаю, что вы иногда цѣлые дни проводите не только безъ ѣды, но даже безъ чаю. За то иногда васъ угощаютъ хорошими обѣдами.

Мнѣ вашъ папа разсказывалъ, какая исторія у васъ произошла. Вы принесли домой кусокъ хлѣба и положили на столъ. А папа этотъ кусокъ съѣлъ. Вотъ ему досталось!.. Не приведи Богъ. Пришли матросы-жильцы и чуть-ли его не избили. Заставили папу идти и достать хлѣба, гдѣ онъ хочетъ.

И что-же?

Пошелъ и гдѣ-то раздобылъ.

О, я хорошо знаю, какими обѣдами васъ угощали. И у Сережи обѣдали много разъ, и матросы васъ кормили. А когда открылись кафэ и столовыя, то вы тамъ часто бываете.

Хорошо, что Насухинъ опять сталъ за вами ухаживать. Онъ часто васъ выручалъ изъ бѣды.

Только я, какъ человѣкъ, знающій медицину, дамъ вамъ

маленькій совѣтъ. Послѣ голодныхъ дней не набрасывайтесь особенно на ѣду и вино. Послѣдствія иногда бываютъ ужасныя. Вы, навѣрно, слышали, какъ одинъ молодой человѣкъ, сынъ чуть-ли не бывшаго министра, попалъ къ большевикамъ на обѣдъ, набросился на ѣду и вино и тутъже за столомъ отдалъ душу Богу.

Хорошо, что прошлый разъ вамъ помогли матросы. Довели васъ до дому. Вы не разсчитали и поѣли много, а главное, вино сильно подѣйствовало вамъ на голову. Въ общемъ это такъ некрасиво. Тогда многіе на улицѣ оглядывались на васъ. Когда васъ вели пьяные матросы посреди улицы, и вы не могли ступать.

Бѣдный Федоръ Игнатьичъ тогда такъ перепугался, что чуть самъ не захворалъ.

Что говорить, мадера, ликеры и шампанское — вещи очень пріятныя и иногда даже полезныя. И пирожки поѣсть пріятно. Но въ мѣру, дорогая моя дѣвочка.

О, избави Богъ, я васъ ни въ чемъ не упрекаю. Я вамъ скажу больше. Будь прежнія времена, вы были-бы нужны, какъ извѣстная опредѣленная величина, вѣрнѣе, единица въ жизни, а теперь вы нужны для другого. Именно кто-то указалъ перстомъ на васъ, и вы дѣлаете именно то, что вамъ полагается. Не будь васъ — исторія-бы сложилась иначе. Дѣти въ исторіи страны тоже играютъ роль.

Сережа! И ты такую-же роль играешь. И ты тоже избранникъ для совершенія того, что такъ необходимо для исторіи. Я съ этимъ считаюсь. Если-бы, господа, нѣкоторые герои великой войны не пошли-бы въ услуженіе къ большевикамъ, была-бы другая исторія, можетъ быть, совсѣмъ не нужная въ жизни народовъ.

Кто писалъ про васъ въ эмигрантской прессѣ, что вы предатели, что вы шли на своихъ-же братьевъ, что вы помогали разорять родину?

А я про васъ ничего не скажу. Не стану упрекать. Ибо на васъ свыше было указано перстомъ:

— Иди!

И вы пошли.

Правда, тяжелое испытаніе вы перенесли. Васъ били и справа и слѣва. Но этотъ искусъ вы пережили. Васъ раньше пороли за преданность родинѣ, въ недавніе годы ежедневно, теперь вы сами радуетесь, что много лучше стало:

— Сѣкутъ только разъ въ мѣсяцъ.

И, если ты преклоняешься передъ Симономъ Исаичемъ, то я только поглажу тебя по головкѣ. Именно, ты долженъ ему оказать почести, а не кто нибудь другой. Ты!..

Прошлый разъ я какъ-то утромъ зашелъ по дѣлу къ Симону Исаичу. И вижу, что Марья Евстигнѣевна (не могу, понять, почему я ее всегда въ мысляхъ звалъ Машкой?) идетъ изъ спальной Симона Исаича и выноситъ его ночную посуду.

Машка ему служитъ и служитъ добросовѣстно, я бы сказалъ, «съ аппетитомъ».

А, Марья Евстигнѣевна, и вы здѣсь? Вы, кажется, упрекаете меня въ томъ, что, когда я пью чай или сижу за обѣдомъ съ отцомъ Кирилломъ, нянюшка не садится при насъ. Это буржуйныя привычки.

Нѣтъ. Разрѣшите мнѣ оправдаться. Я по старинкѣ, придерживаюсь нѣкоторыхъ вѣковыхъ традицій. Я, напримѣръ, всегда уступлю мѣсто дамѣ и встану передъ старшимъ. Въ этомъ я для себя не вижу униженія. Такъ и нянюшка. Она сама выполняетъ вѣковыя традиціи и не считаетъ себя оскорбленной. Ей это нужно для самой себя.

А Машку я самъ не посажу за общій столъ, потому, что у Машки есть свое мѣсто. А вотъ, когда она кое-что изъ жизни «уразумѣетъ», тогда милости просимъ. Я знаю исторію Россіи. Знаю, какое значеніе имѣла въ ея жизни русская женщина, даже крестьянка, и я преклонюсь передъ ней, а не только посажу рядомъ съ собой, но у Машки есть свое дѣло.

И за этимъ дѣломъ я ее засталъ.

Кстати сказать, вы, Симонъ Исаичъ, отъ этой Машки въ восторгѣ? Ну и слава Богу. Все благополучно. Все идетъ такъ, какъ должно быть.

И пусть гости Симона Исаича и даже вы, Федоръ Игнатьичъ, подаете ей руку для пожатія.

Какъ, Федоръ Игнатьичъ, было у васъ хорошо на душѣ, когда вы въ первый разъ пожали руку Машкѣ. Словно вы совершили нѣчто великое. Я видѣлъ этотъ елей въ вашихъ глазахъ.

Но вы, Симонъ Исаичъ, вы стоите на недосягаемой высотѣ. Да развѣ кто въ ваши года достигалъ такого высокаго положенія? Я думаю, что никто. Это что, богатство ваше! Это природная ловкость. Будь ловчѣе Федоръ Игнатьичъ, и онъ-бы могъ приспособиться, какъ вы ему не разъ совѣтовали. Но только онъ приспособился-бы къ мелочамъ. Урывалъ-бы понемногу, а вы сразу захватили кусокъ отъ Польши до Японіи. И вы слѣдуете русской пословицѣ: даютъ бери, а въ шею бьютъ, бѣги!

Вамъ дали, вы и взяли. Вотъ и все!

Вы улыбаетесь? Вы сами отлично знаете, что васъ-то... Особенно васъ я винить ни въ чемъ не буду. Вы и чуда не испугаетесь. Какъ мѣщанинишка ни шепчи вамъ:

— Чудо!.. Чудо!

Васъ это не тронетъ.

Вы хотите уйти?.. Ахъ нѣтъ, я глубоко ошибся. Вы улыбнулись Ксеніи. Захотѣли съ ней сѣсть?

Сережа! Уступи мѣсто Симону Исаичу. Такъ. Молодецъ. Все полно. Мѣсто Симона Исаича въ первомъ ряду. Ты туда не сядешь. Не доросъ. Ну, голубчикъ, постой. У окошка встань.

Молодецъ!

Ты правила вѣжливости хорошо изучилъ.

Ваше превосходительство, милостивыя государыни и милостивые государи! Итакъ, я кончаю. Вы видите, что я совершенно безобидный человѣкъ. Ни одного изъ васъ я не тронулъ пальцемъ. Напротивъ, каждому изъ васъ я отдалъ должное.

Вы пришли послушать юродиваго? Слушайте. Юродивые бываютъ двухъ сортовъ. Одни изъ нихъ громятъ и имъ дозволяется говорить правду. Юродивые и царямъ го-

ворили въ глаза правду. Это были своего рода обличители... За послѣднія столѣтія они вывелись и ихъ замѣнили... газеты. Въ особенности подпольныя. Они говорили «правду». Другіе юродивые говорили то, чего никто не могъ понять. Ихъ рѣчей всѣ боялись, но ихъ изреченія были такъ загадочны, что каждый могъ думать, что угодно. Обыкновенно они пугали тѣмъ, что «придетъ часъ». А дальше ничего нельзя было разобрать.

Стрѣлка на часахъ двигается. И, конечно, когда-нибудь часъ придетъ. Пришелъ-же къ намъ часъ, когда всѣ воскликнули:

— Было намъ плохо, да будетъ еще хуже!

И опять какой-то часъ придетъ.

Вотъ я вамъ и скажу, что этотъ часъ въ моихъ рукахъ. Вы не знаете этого. Никто изъ васъ не догадывается, что въ моемъ мозгу уже созрѣла мысль. Вы мирно бесѣдуете, курите папиросы... Но вы далеки отъ мысли, что передъ вами стоитъ тотъ, кого вы называете юродивымъ. А между тѣмъ въ моихъ рукахъ все, чтобы въ одну секунду повергнуть вашего кумира въ прахъ..

Ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не знаетъ, что въ памятникѣ около собора Николы Морского есть такая коробочка, гдѣ спрятанъ браунингъ. Вѣдь только стоитъ нажать курокъ— и вся ваша постройка полетитъ къ чорту.

Вашъ кумиръ упадетъ на землю, и изъ его виска потечетъ прогнившая сукровица. И тогда вы увидите, кому вы молились, кому служили. Но Христосъ...

Что?.. я не слышу изъ-за вашихъ криковъ, что вы хотите сказать?

Вы по моему адресу бросаете браныя слова? А, это вы, Ладновъ, схватили стулъ и бросили въ меня?

Что?.. Что? Машка такъ визжитъ, что я ровно ничего не слышу. Она выпустила когти и хочетъ выцарапать мнѣ глаза. Сережа! Осторожнѣе. Ты прижалъ къ стѣнѣ Симона Исаича. Видишь. Онъ запачкалъ объ стѣну сюртукъ? Но хорошо, что ты стряхнулъ съ него пыль...

Господа! Вы за что-то на меня обидѣлись? Все было такъ хорошо — и вдругъ такой скандалъ.

Симонъ Исаичъ, почему вы плюетесь?

Честное слово, я былъ далекъ отъ мысли оскорбить васъ.

Симонъ Исаичъ, вы даже хотите уйти?

Сережа! Подай калоши Симону Исаичу. Машка, вытри ихъ своимъ платкомъ. Ничего, что онъ новый. Постираешь.

Дорогу Симону Исаичу!

Ахъ, почтенный профессоръ... зачѣмъ вы подлѣзли подъ стулъ? Вамъ стало страшно? Ничего. Вы подъ защитой Симона Исаича. Видите, онъ выпустилъ нижнюю губу, улыбнулся Ксеніи и предложилъ ей руку. Сережа семенитъ за ними. Думаетъ:

— А позоветъ онъ меня къ себѣ или нѣтъ?

Вотъ и вы, почтенный Федоръ Игнатьичъ, постарайтесь попасть въ милость къ Симону Исаичу. Онъ васъ пригласитъ къ себѣ, угоститъ папиросой. Онъ не предложитъ вамъ самому взять изъ его золотого портсигара папиросу, а самъ ее вынетъ и передастъ вамъ:

— Курите.

Дастъ чаю и булочку.

Машка уже бѣжитъ впередъ. Она догадалась, что Симонъ Исаичъ приведетъ къ себѣ въ гости барышню. Надо все заранѣе приготовить.

Кивнула Ивану Терентьичу. Чтобы онъ помогъ поставить самоваръ.

Скорѣе, скорѣе... Уже Федоръ Игнатьичъ подаетъ пальто Симону Исаичу.

Симонъ Исаичъ доволенъ Федоръ Игнатьичемъ. Тотъ весь день трудился, очищая дворъ.

Соображаетъ, пригласить-ли къ чаю Сережу и папашу Ксеніи. Наклонился къ ней.

Ксенія добрая дѣвочка. Она согласна, чтобы и ея папаша, и Сережа прошли къ Симону Исаичу.

А Симонъ Исаичъ... Онъ уже все понялъ. Они могутъ попить чайку и потомъ уйти. Онъ понялъ, что Фе-

доръ Игнатьичъ будетъ доволенъ. По крайней мѣрѣ будетъ сытъ въ этотъ день. Мало того. Онъ прошлый разъ восхищался тѣмъ, что у Симона Исаича въ спальнѣ на полочкѣ стояли духи. Больше дюжины. Какіе это были духи! Какіе пузырьки! Какія этикетки! Лучшія французскія фабрики. И завтра утромъ, когда Ксенія еще будетъ спать, вы, Федоръ Игнатьичъ, увидите у нея на столикѣ одинъ (а можетъ быть и два!) изъ этихъ пузырьковъ.

Но тебѣ, милый мой племянникъ Сережа, придется, послѣ чаю у Симона Исаича, плестись домой пѣшкомъ.

А вѣдь я угадалъ, что ты влюбишься въ Ксенію.

Вотъ Сережа! Блестящій офицеръ. Онъ красивъ, что и говорить. А форма его еще болѣе краситъ.

Помню, какъ онъ съ восторгомъ расказывалъ, что онъ былъ на смотру и видѣлъ Государя Императора.

Что это? Моя аудиторія пуста. Всѣ ушли...

Но почему?

Никого...

На минуту высунулся изъ за двери мѣщанинишка. Грозитъ мнѣ.

— Что-же случилось? Что я сказалъ?

Качаетъ головой.

— Какъ что? Да развѣ можно было упоминать слово «Христосъ»...

И тотчасъ исчезъ.

Я опомнился. Провелъ рукой по холодному лбу. Понялъ, какую я сдѣлалъ ошибку...

— Надо молиться Христу, а не говорить о немъ.

— Нянюшка, милая, это вы часто говорите, что помолиться надо и все хорошо будетъ... Ахъ да! Я вспомнилъ. Вы сегодня настойчиво говорили мнѣ, чтобы я обязательно сходилъ въ церковь... именно въ женскій монастырь...

Хорошо. Я схожу туда... Да вотъ я сейчасъ могу идти туда. У меня вечеръ свободный.

И я пошелъ. Сознаюсь, я часто любилъ, когда одиноко бродилъ по городу, говорить съ воображаемой аудиторіей.

Словно подготовлялся къ рѣчи, хотя самъ зналъ навѣрняка, что никакой рѣчи я говорить не буду.

Вотъ и теперь. Такъ рѣчи своей и не окончилъ. Даже ея и не начиналъ. А какъ много мнѣ хотѣлось сказать!

Я только хотѣлъ спросить, что вы, господа, дѣлали за это время? Только разобраться.

Ахъ, все не то... не то!

Улица... я ея не помню. Не могу даже разобрать надпись. Гдѣ я? Каменный домъ. Окна нижняго этажа съ тяжелой рѣшеткой. Ярко освѣщены. Но что происходитъ внутри — разобрать нельзя. Видны только точки огней...

Они мелькаютъ. Это свѣтъ не электрическихъ лампочекъ, а свѣчей.

Поднялъ голову. Въ второмъ этажѣ высокія окна. Выше какъ будто возвышеніе съ куполомъ и крестомъ сверху. Въ родѣ маленькой колокольни.

Тотчасъ ударили въ колокола. Но тихо, какъ-будто ихъ пробовали. Давали странныя сочетанія звуковъ. Ударъ.. потомъ послѣ паузы два удара сразу... и не въ тонъ. Опять тихій ударъ... Какъ при похоронахъ.

Я вошелъ въ ворота. Въ воротахъ слѣва дверь въ церковь. Освѣщена. На темномъ фонѣ ночи ярко-оранжевый квадратъ двери. Послѣ этого свѣта, все кажется еще болѣе темнымъ. Ночь гуще, чернѣе.

— «Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ».

Идутъ черезъ дворъ темныя фигуры. Вижу ихъ потому, что онѣ двигаются. Онѣ слились въ одно съ темной ночью.

Около двери онѣ, эти фигуры освѣщаются. Всѣ фигуры одинаковыя. Всѣ кажутся одного роста. Въ черныхъ одѣяніяхъ. Подъ чернымъ покровомъ не видно лицъ. Идутъ тихо. Даже не колышатся ихъ платья. Идутъ попарно.

И поютъ:

«Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ».

Среди молодыхъ голосовъ слышится старческій, но густой, какъ басъ.

Эти фигуры, входя въ дверь, поднимаются на двѣ ступеньки и исчезаютъ.

Какъ ихъ много. Сзади идутъ болѣе торопливыя фигуры и меньше ростомъ. Дѣвочки...

Я прошелъ въ церковь. Она ярко освѣщена. Монахини встали въ ряды. Крестились и кланялись, сгибаясь низко. Нѣкоторыя ходили по церкви. Ставили свѣчи. Одна читала.

Посреди церкви гробъ.

Какъ я узналъ, скончалась мать игуменья. Очень преклонныхъ лѣтъ. Холодное, строгое лицо. Смерть такъ обтянула лицо покойницы, что на немъ не было морщинъ.

Службу совершалъ старичекъ монахъ. Низенькій, сгорбленный. Онъ кадилъ надъ гробомъ и его голова дрожала. Говорилъ тихо, но внятно.

— Новопреставленная Серафима...

Постороннихъ, кромѣ меня, никого не было. Но врядъ-ли кто изъ монахинь меня замѣтилъ. Я незамѣтно прошелъ въ церковь и всталъ за колонну.

Усердно молился.

Служба тянулась долго. Я достоялъ до конца. Видѣлъ, какъ монашенки опять попарно тихими шагами вышли изъ церкви.

Изъ алтаря вышелъ монахъ, который совершалъ службу. Всталъ передъ царскими вратами. Помолился. Благословилъ усопшую. И тоже ушелъ, что-то сказавъ одной монахинѣ.

Въ церкви остались только три монахини. Одна, поставивъ аналой около усопшей, стала читать, другая убирала церковь, третья стояла въ сторонѣ на колѣняхъ и усердно молилась. Это была не монахиня, а послушница.

Я не уходилъ изъ церкви. Усталъ. Я такъ долго шелъ.

Шелъ машинально. Зналъ направленіе и этого было достаточно, чтобы я пришелъ въ ту улицу, гдѣ былъ женскій монастырь.

Все было здѣсь обыденно. Почему нянюшка посовѣтовала мнѣ притти сюда?

Но я не раскаивался. Тихое церковное пѣніе успокоило

меня, и я забылъ о томъ, что меня волновало. Забылъ даже о моей рѣчи.

Монахиня дотронулась до плеча послушницы и что-то ей сказала. Та тотчасъ встала. Выслушала и направилась въ мою сторону.

Лицо послушницы было почти закрыто чернымъ платкомъ. Проходя мимо меня, она лишь поклонилась.

— Марья Романовна!..

Я не уходилъ изъ церкви. Я простоялъ всю ночь. До тѣхъ поръ, пока утромъ не началась служба и Марью Романовну не смѣнила другая монахиня.

Подойти къ ней я не рѣшился. Она исполняла все то, что ей было сказано такъ, какъ будто меня не было въ церкви.

И только, когда она должна была уйти, она прошла мимо меня и опять, первая низко поклонилась.

Я вышелъ изъ церкви вслѣдъ за ней. Около двери остановился. Видѣлъ, какъ черная фигура медленно удалялась. Исчезла въ дверяхъ дома, выходящаго во дворъ.

Мысли мои путались. Я вспомнилъ слова Марьи Романовны, когда мы встрѣтились съ ней послѣ ея исповѣди. Теперь мнѣ становилось яснымъ ея рѣшеніе.

И меня одно только радовало и заставляло ближе и сильнѣе видѣть жизнь и ее любить.

— Помните, что я всегда буду думать о васъ.

Но она не знала, что происходило въ моей душѣ. Не знала, что я хочу ей сказать. Хочу сказать:

— Люблю!

2. БРАТЪ.

Передъ Пасхой было на рынкахъ особое оживленіе. Сперва торговля сосредоточивалась въ нашемъ районѣ около церкви на Садовой и около разрушеннаго рынка.

Около троттуара располагались торговцы. Тутъ стояли съ лотками, носили товары въ рукахъ, раскладывали на столы. На нѣкоторыхъ столахъ стояли горячіе самовары, за другими брили и стригли. У стѣнъ съ зіяющими дверьми и окнами, а въ особенности за этими грудами кирпичей, было столько всякихъ отбросовъ, что на троттуаръ стекала вонючая, жидкая грязь. Проходя по рынку, нельзя было дышать. Здѣсь была цѣликомъ вся человѣческая жизнь съ розами для куличей, съ горячими чаемъ и булками, и съ отхожимъ мѣстомъ.

Но вся эта толпа поминутно пугалась и вздрагивала. При первомъ крикѣ, всѣ бросались въ разныя стороны...

Налеты происходили постоянно.

И вотъ будто-бы вышло разрѣшеніе торговать не на мѣстѣ стараго рынка, а на Горсткиной улицѣ. Сѣнной рынокъ опустѣлъ. Сперва тысячи сапогъ, ботиночекъ и валенокъ уносили по каплямъ всю грязь, или втаптывали ее въ землю. Теперь на навозѣ и грязи торчали кирпичи, и все это тонуло въ вони.

Я почти ежедневно ходилъ на Горсткину улицу и искалъ брата. Стоялъ часами около того мѣста, на которое мнѣ указала Марья Романовна.

Безуспѣшно. Полная неудача.

Усталый возвращался домой.

Пошелъ я и въ субботу Лазаря передъ Страстной недѣлею.

Буквально вся улица была запружена народомъ. Къ Сѣнной никого съ лотками не допускали, но на набережной Фонтанки многіе расположились съ лотками и столами съ разными товарами, по большей частью кожевенными. Тутъ-же пили горячій чай, ѣли и стриглись. Фонтанка услужливо принимала въ свои берега всѣ отбросы.

Крики... Что такое? Какая-то женщина съ лоткомъ прошла къ Сѣнной. Какъ разъ на нее набросились два красноармейца. Одинъ что есть силы ударилъ женщину въ спину. Она упала, и ея пирожки покатились передъ ней по мосто-

вой. Она несла эти пирожки горячими, покрывъ ихъ полотенцемъ.

Даже не заплакала. Поднялась на локоть.

— Эхъ... ничего я сегодня дѣтишкамъ не принесу.

Красноармейцы подняли пирожки, подули на нихъ и стали ѣсть.

— Скусныя... Старая чертовка.

— Смотри: другая.

Бросились на пожилую женщину.

— Что несешь подъ фартукомъ?

— Не твое дѣло.

— Щупай.

— Да у меня ничего нѣтъ.

Красноармейцы стали пальцами тыкать старуху.

— Ишь, какая толстая!..

— Да что вы, кровопiйцы, пристали?..

— Что?..

— Пустите.

Произошла нѣчто чрезвычайно глупое, безсмысленное, позорное. Женщина куда-то хотѣла итти, ее почему-то не пускали. Не пускали ни вправо, ни влѣво. Ругались. Толкали ее.

— Да пусти, чортъ.

Размахнулась. Хотѣла ударить красноармейца. Но тотъ отбилъ ударъ. Женщина завыла. Потомъ, не помня себя, бросилась на красноармейцевъ. Они ее теребили. Она рвалась. Неистово визжала. Не знаю, она сама упала или свалилъ ее на землю красноармеецъ, только женщина очутилась на землѣ. Схватила красноармейца за шинель. Тотъ отбивался. Тыкалъ въ нее носкомъ сапога. Но женщина не унималась. Лежа на землѣ, въ лужѣ, она била ногами.

— Бери ее за ноги.

Красноармейцы схватили ее за ноги. И поволокли по землѣ. Голова ударялась о камни. Юбка загнулась до пояса. Виднѣлись сѣрые, темные чулки и панталоны. Красноармейцевъ это разсмѣшило.

— Вези дальше.

Крики женщины привлекли публику. Молодежь гоготала. Красноармейцы, ободряемые криками, тащили обезумѣвшую женщину.

— Это что, твоя мать что-ли? — спросилъ я одного красноармейца.

— Какая мать?

— Твоя родная мать.

Бросилъ ноги. Бросилъ и другой. Обозлился.

— А ты чего лѣзешь? Я те морду исколочу... Мать?.. Да еще родная. Моя мать въ деревнѣ... И евоная тоже... ну что, взялъ?..

Женщина поднялась и стала оправляться.

— Они и матери не пожалѣютъ.

— Ну, поговори еще. Мало тебѣ. Ты лучше почеши з... А будешь еще говорить, такъ вотъ я тебя, какъ собаку...

И красноармеецъ наклонился и поднялъ увѣсистый булыжникъ.

— Ну, товарищъ, брось ее, — сказалъ я успокоительно. — Чего старуху пугаешь. Ей и такъ досталось.

— Придетъ домой, не скоро, поди, опомнится...

— Вѣрно. Получила, что нужно... А вотъ что, товарищъ, лучше... Попадешь ты этимъ камнемъ... вонъ туда.

— Куды?..

— А вонъ на углу стѣны стекло... Оно уже разбито.

— Стекло?.. Да ты не видишь, что тамъ образъ...

— Ну не все-ли равно... Кидай.

— А ты думаешь, не кину?

— Нѣтъ, не кинешь, товарищъ.

— А вотъ кину. И это мнѣ нипочемъ.

— Побоишься.

— Кого еще? Не тебя-ли?..

— Ну, кидай...

— Да кидай ты, — послышалось изъ кучки людей, которая насъ окружала. — Кидай...

Красноармеецъ покраснѣлъ. Его глаза горѣли и бѣгали отъ одного лица къ другому...

— Ну... ну?.. — подзадоривали его.

— А вотъ!..

И онъ, размахнувшись, что есть силы , бросилъ камень въ сторону образа.

— Малость не попалъ!..

Я уже отходилъ отъ толпы. Я зналъ, что образъ останется цѣлъ. У красноармейца все-же дрогнетъ рука. И дрогнула. Но онъ, видимо, еще больше разозлился. Онъ поднялъ булыжникъ и бросилъ въ меня. Булыжникъ шлепнулся у моихъ ногъ.

Втиснулся опять въ толпу. Слѣва была рѣшетка, тамъ въ относительномъ порядкѣ расположились продавцы. Даже устроили нѣчто въ родѣ ларьковъ.

Я вглядывался въ толпу. Мелькали всевозможныя лица. Но брата не было... Меня толкали. То выкидывали на середину улицы, то приходилось съ трудомъ пробираться около разставленныхъ на ребрѣ троттуара лотковъ.

Вдругъ толпа сразу вся вздрогнула. Шарахнулась въ одну сторону. Тотчасъ попятилась назадъ. Раздалось страшное слово:

— Облава!

Началось нѣчто дикое. Со стороны Фонтанки и съ другого конца Горсткиной улицы появились верховые красноармейцы и телѣги. За ними отряды пѣшихъ красноармейцевъ. Они съ двухъ сторонъ сдвинули толпу.

Втискивались въ толпу, дѣйствуя прикладами. Все, что было на рынкѣ, бросалось на телѣги. Летѣли пальто, яблоки, рыба, сапоги. Ссыпались въ груду съ лотковъ ленты, иголки, нитки. Кидали мясо. Крупа разсыпалась и сбѣгала съ телѣги на землю. Воза быстро наполнялись.

Кого арестовывали, кому просто давали прикладомъ по спинѣ и выбрасывали на набережную. Тѣ, кто половчѣе, спасались бѣгствомъ. Другихъ ловили и жестоко избивали.

Я отдѣлался только тѣмъ, что мнѣ порядкомъ помяли бока. Кое-какъ выбрался къ набережной Фонтанки и, стоя на мосту, наблюдалъ за всѣмъ тѣмъ, что творилось на Горсткиной улицѣ. Толпа замѣтно рѣдѣла. Провезли два

воза, полные отъ брошеннаго на нихъ товара. Подъѣхало еще двѣ пустыхъ телѣги.

Кого-то вели два красноармейца. Безъ шапки. Въ темномъ пальто. Блеснули на немъ мѣдныя пуговицы.

— Это Осипъ... Это, несомнѣнно, онъ!..

Я сбѣжалъ съ моста. Видѣлъ, какъ двое красноармейцевъ держали его за руки. Шли посреди набережной въ обратную сторону, къ Невскому. Къ Александровскому рынку. Публики на улицѣ было сравнительно мало.

О, я отлично зналъ походку брата. Сомнѣній у меня не было. Надо посмотрѣть, куда его ведутъ. Шли вдоль набережной.

Я обратилъ вниманіе, что по троттуару шла дѣвушка. Одѣта просто. Въ платкѣ. Мнѣ бросилась въ глаза одна мелочь. Она шла не обыденнымъ шагомъ. Шагомъ или гуляющей, или идущей по дѣлу. Нѣтъ. Ея ритмъ и скорость совпадали съ моими. Я свой шагъ соразмѣрялъ съ шагами красноармейцевъ. Если они задерживали шаги, то и я невольно шелъ тише. Это было вполнѣ понятно, такъ какъ я слѣдилъ за братомъ. Дѣвушка шла именно такъ, какъ я, какъ красноармейцы и братъ. Мнѣ показалось невольно, что она какъ-то связана съ этимъ арестомъ.

У Александровскаго рынка красноармейцы свернули налѣво, къ мосту. Почему-то отняли руки. Видимо, знали, что арестованный теперь не можетъ убѣжать. Онъ шелъ съ ними въ ногу и шелъ спокойно, даже покорно.

Замѣчу, что у меня съ братомъ былъ условленный свистъ. Очень простой. Никто-бы не могъ на него обратить вниманія, но я и братъ знали его особенность. Мы всегда могли различить то въ свистѣ, что у другого не вызывало вниманія.

И въ тотъ моментъ, какъ красноармейцы повернули налѣво и отняли отъ него руки, я свистнулъ.

Свистнулъ исключительно для того, чтобы дать брату знакъ о самомъ себѣ. Что я здѣсь. Въ Петербургѣ. Онъ, навѣрно, считаетъ меня погибшимъ давно. Пусть онъ знаетъ, что я живъ. И исключительно ради этого я свистнулъ.

Прошло послѣ моего свиста не болѣе минуты. Осипъ какъ-то прыгнулъ. Ударилъ руками сразу обоихъ красноармейцевъ и прежде, чѣмъ они успѣли опомниться, бросился бѣжать къ рынку.

Барышня вскрикнула. Остановилась на мѣстѣ и, поднявъ руки, обѣими ладонями закрыла лицо.

Началась безпорядочная стрѣльба.

Братъ прибѣжалъ почти мимо насъ. Юркнулъ въ ворота рынка и тотчасъ скрылся. Красноармейцы бѣжали. Стрѣляли на ходу. Тоже вслѣдъ за нимъ бросились въ ворота.

Ну, теперь онъ спасенъ.

Я быстро подошелъ къ дѣвушкѣ.

— Не бойтесь. Не попадется.

Она отняла руки и съ нѣмымъ ужасомъ смотрѣла на меня. Вся дрожала.

— Уходите. Скажите ему только: у дьякона собора Николы Морского.

Не поклонившись, не взглянувъ даже на дѣвушку, я свернулъ направо и пошелъ вдоль рынка, мимо заколоченныхъ магазиновъ букинистовъ, по Вознесенскому проспекту.

Все было мирно, тихо. Шли люди, какъ всегда. Безучастные, сѣрые, скучные, какъ дома, облѣзшіе и сѣрые. Одни умирающіе, другіе покойники. Въ душѣ чувствовалось, что наступала Пасха, но пугливая, загнанная. Признанная немногими изъ оставшихся въ городѣ.

Всѣ помолились и вернулись домой усталые. Я сидѣлъ съ отцомъ Кирилломъ и Васей и пилъ чай. Около меня лежала на стулѣ Филька и дремала.

Чаепитіе для нашей маленькой обывательской семьи составляло большое удовольствіе и удовлетвореніе.

День всѣми нами переживался тяжело. Впечатлѣнія дня были ужасны. Нянюшка искала утѣшеніе въ томъ, что молилась. Больше за упокой души княжны, чѣмъ за себя. Она не пропускала ни одной службы, ходила въ Новодѣвичій монастырь. Носила на могилу княжны цвѣты. Остальное время она возилась въ кухнѣ. Чтобы обѣдъ для насъ

подавался во-время, она все заранѣе заготовляла и, когда возвращалась изъ церкви или съ кладбища, уже ничто ея не задерживало. Когда у меня было свободное время, я ей помогалъ, но какъ только на нашемъ горизонтѣ появился Вася, онъ въ нашей жизни принялъ живое участіе. Кололъ дрова, щепалъ полѣнья для затопки самовара. Чистилъ картошку и подметалъ полъ. Конечно, наши обѣды были не затѣйливы. Приходилось довольствоваться тѣмъ, что я получалъ. На Страстной недѣлѣ мы ѣли всѣ постное. Мясо отдавали Васѣ для его матери, которой необходимо было поправиться.

Вася къ намъ очень привязался. Онъ работалъ у насъ и бѣжалъ тотчасъ домой, чтобы помогать и тамъ. Уносилъ съ собой обѣды, облегчая этимъ трудъ матери.

Отецъ Кириллъ, несмотря на свой возрастъ, былъ достаточно еще силенъ. Онъ за послѣднее время поправился и не такъ уставалъ послѣ службы, какъ раньше.

Въ нашемъ домѣ царилъ миръ и благодать.

Постоянно сталкиваясь съ прихожанами, дьяконъ узналъ отъ нихъ всѣ новости и приносилъ ихъ намъ. Мы читали даже газеты. Но политическія событія насъ мало интересовали. Въ общемъ было все одно и то же. Читали, что все было очень хорошо, а на самомъ дѣлѣ было все худо. Въ газетахъ была явная ложь, а правды мы не знали. Только отецъ Кириллъ разсказывалъ намъ, что такой-то разстрѣлянъ, тотъ-то убитъ, тотъ умеръ отъ голода. Почти ежедневно мы слышали о смерти кого-нибудь изъ знакомыхъ отца Кирилла.

— Вотъ и мать-игуменья Серафима представилась.

Какъ разъ нянюшка стояла у стола и слушала отца Кирилла. Взглянула на меня. Я понялъ ея взглядъ. И я отвѣтилъ на этотъ взглядъ.

— Знаю. Я былъ на панихидѣ.

Нянюшка мнѣ сказала, чтобы я побывалъ въ монастырѣ. Значитъ, сообщила, гдѣ находится Марья Романовна. Я отвѣтилъ, что былъ на панихидѣ по матери-игуменьи Се-

рафимѣ. Значитъ, я видѣлъ Марью Романовну. Оба поняли другъ друга.

Теперь я рѣшилъ по ночамъ не уходить и ждать брата. Не надо было ходить и на рынокъ. Времени у меня было много. Къ счастью, на Страстной недѣлѣ, послѣ долгихъ обсужденій и споровъ, были у матросовъ отмѣнены всѣ вечера. Хотѣли устроить вечеринку закрытую, но я сказалъ, что не могу, такъ какъ у меня болитъ рука. Изъ за меня почти-что разстроился вечеръ у Симона Исаича. Въ четвергъ на Страстной недѣлѣ онъ задумалъ опять собрать гостей. Это былъ капризъ Ксеніи, которой хотѣлось блеснуть между знакомыми Симона Исаича. У нея было новенькое, чудное платье, ботиночки, теплая кофточка и пр. Въ домѣ Персона она стала своимъ человѣкомъ. Обѣдала у него, завтракала и пила кофе. Персонъ возилъ ее на своихъ лошадяхъ, бывалъ съ ней въ театрахъ. Дома бывала рѣдко. Но иногда радовала отца, когда приносила ему папиросъ. Штуки три, а иногда и пять. Эту порцію установилъ самъ Персонъ. Когда та уходила отъ него домой, онъ бралъ изъ коробки три штуки папиросъ и говорилъ:

— Это вашему отцу.

Федоръ Игнатьичъ понемногу приспособлялся къ жизни. Сталъ самъ рубить дрова. Помогалъ вытаскивать балки съ разобранной баржи на Крюковомъ каналѣ и получалъ за это свою порцію. Самъ ихъ распилилъ. И эта крупица держалась у него долго, одинъ разъ онъ даже позволилъ у себя истопить печь. Онъ получилъ какое-то мѣсто съ пайкомъ. Кромѣ того, жена матроса, жившаго съ нимъ въ одной квартирѣ, помогала ему и онъ одѣлялъ ее вещами, оставшимися послѣ ухода Марьи Романовны изъ дома.

Все это онъ мнѣ самъ разсказалъ, когда однажды я его опять встрѣтилъ у воротъ, и даже повторилъ фразу Ксеніи:

— Навѣрно, она думаетъ, что мы безъ нея пропадемъ.

Она — это, конечно, Марья Романовна.

Словомъ, понемногу жизнь подчинилась режиму большевиковъ, обыватели тоже понемногу стали приспособля-

ться, и всѣ въ одинъ голосъ говорили, что теперь стало жить много лучше, чѣмъ прежде.

«Человѣкъ не свинья, ко всему привыкнетъ».

Когда на Страстной недѣлѣ слегка поправившіеся Иванъ и его кумъ вышли посидѣть въ садикъ съ завязанными головами, мнѣ стало смѣшно.

Искренно смѣшно. Почему-то не было-бы смѣшно, если-бы одинъ былъ съ разбитой головой, но когда двое съ разбитыми головами, это невольно вызываетъ смѣхъ. Словно они оба стукнулись лбами и заболѣли.

Оба они были и жалки, и смѣшны.

Я немного забѣгаю впередъ, но скажу, что оба они не рѣшились исповѣдываться и причащаться на Страстной недѣлѣ. Только Иванъ пришелъ къ отцу Александру и велъ съ нимъ долгую бесѣду. Въ чемъ она заключалась, отецъ Александръ не сказалъ.

Отецъ Кириллъ разсказалъ намъ интересную повѣсть, жизнь игуменьи Серафимы, бывшей графини. Мы всѣ слушали ее съ большимъ вниманіемъ. Вся ея жизнь была великимъ подвигомъ. И разсказъ отца Кирилла произвелъ на всѣхъ насъ большое впечатлѣніе.

Пора было спать. Вася ушелъ. Отецъ дьяконъ затворилъ за собой дверь. Нянюшка пожелала намъ спокойной ночи. Поплелась въ свою кухню. Я легъ на кровать, не раздѣваясь. И тотчасъ крѣпко заснулъ.

Мнѣ почудился знакомый свистъ.

Фю-ить фить!

Тотчасъ вскочилъ. Бросился къ окну. Отворилъ форточку и прислушался. Черезъ большой промежутокъ времени свистъ повторился. Я отвѣтилъ.

Погладилъ Фильку, чтобы она не ворчала. Вышелъ.

Яркая лунная ночь. Какъ разъ луна подошла къ кресту на колокольнѣ и ровно окружила крестъ своимъ золотымъ дискомъ. Черныя деревья давали такой густой узоръ на землѣ, что казалось, будто сами деревья лежали на землѣ. Страшно даже было ступить на эти тѣни. Хотѣлось черезъ нихъ перепрыгивать. Отъ земли, отъ стволовъ деревьевъ,

отъ дома и церкви пахло весной. Лужи уже подсохли и земля парилась, дышала, наполняла воздухъ весеннимъ запахомъ. Вотъ скоро земля позелѣнѣетъ, лопнутъ почки. появятся листья и тогда этотъ запахъ станетъ сильнымъ, густымъ, солнечнымъ. А теперь онъ какъ-бы спрятанъ и чуть сочится.

Я смотрѣлъ въ садъ. Вдали у дерева стояла тѣнь. Чуть сдѣлала знакъ рукой.

— Коля!

— Осипъ!

Мы обнялись. И я безъ стыда скажу: мы оба заплакали. Подъ ногами былъ небольшой холмикъ. Мы опустились на него. Поняли, что, если-бы мы сѣли на скамейку, насъ могли-бы увидать. Здѣсь, на холмикѣ, у дерева, въ его тѣни было безопаснѣе.

Обнялись. И плакали. Осипъ взялъ мою руку. Цѣловалъ ее. Цѣловалъ мое лицо. Гладилъ мои волосы, бороду.

Мы ничего не могли сказать въ этотъ моментъ.

— Ты живъ... живъ!

Онъ былъ глубоко увѣренъ, что я погибъ. Искалъ меня, но все, что онъ могъ узнать, подтверждало его подозрѣніе о моей смерти.

— Живъ... живъ! — твердилъ онъ.

— А у меня, Осипъ, было предчувствіе, что ты спасся. Я началъ говорить, но оборвался... Не могъ.

— Милый мой мальчикъ... милый мой... родной..:

Казалось, что это было далекое дѣтство, и я ласкаю моего маленькаго братишку.

Долго не могли успокоиться. Начинали говорить про себя. Перескакивали съ одного предмета на другой, задавали вопросы. Все-же изъ обрывковъ фразъ Осипъ узналъ все про меня. Про всѣ мои мытарства и странствованія.

Осипъ былъ необычайно ловокъ, находчивъ и остроуменъ, и это его спасло. Онъ былъ изобрѣтателенъ на всевозможныя выдумки и умѣлъ огорошить человѣка неожиданнымъ вопросомъ или выходкой. Въ этомъ отношеніи онъ былъ геніаленъ. Даже славился въ гимназіи. Все, что

я о немъ узналъ, трудно передать. Это могло составить томы приключенiй не хуже майнъ-ридовскихъ.

Послѣ знаменитаго налета въ квартиру Стрѣлкова онъ бѣжалъ. Попалъ въ красную армiю. Двигался на югъ. Другого исхода у него не было. Во время одной стычки, былъ убитъ не то кочегаръ, не то смазчикъ. Осипъ воспользовался этимъ моментомъ. Моментально переодѣлся въ костюмъ этого смазчика. Въ карманѣ у него оказался паспортъ. Это все, что нужно было Осипу. Красные послѣ стычки нашли паровозъ. Захватили его вмѣстѣ со смазчикомъ и пустили его въ ходъ.

Онъ тогда еще не зналъ обо мнѣ и рѣшилъ меня или найти или что-либо узнать. Осипъ имѣлъ возможность уйти съ бѣлыми, но рѣшилъ, что удрать изъ Россiи онъ всегда можетъ. Онъ считалъ безчестнымъ уходить, не исполнивъ своего долга и оставивъ меня на произволъ судьбы. Свое дѣло онъ изучилъ быстро и ему удалось попасть на Николаевскую желѣзную дорогу.

Вотъ въ главныхъ чертахъ то, что я узналъ про Осипа, но вся эта на видъ безхитростная исторiя была полна такихъ невѣроятныхъ приключенiй, что мнѣ казалось многое неправдоподобнымъ. Казалось, что Осипъ выдумываетъ.

— Я имъ одинъ разъ устроилъ такое крушенiе, что они его не забудутъ. А теперь, Коля, надо дѣйствовать сообща.

— Это моя цѣль. Только, Осипъ, дай мнѣ слово, что мы, пока всего не обсудимъ и не обдумаемъ, какъ слѣдуетъ, не будемъ ничего дѣлать, чтобы не вызвать подозрѣнiй.

— Даю.

Онъ мнѣ разсказалъ, что онъ былъ на краю смерти, то есть разстрѣла. Его обвинили въ убiйствѣ одного чекиста, *который былъ найденъ убитымъ на полотнѣ желѣзной дороги. Арестовали. И долго томили на Гороховой и потомъ* на Шпалерной.

По словамъ Осипа, дѣло происходило такъ. Онъ былъ назначенъ провожать товарный поѣздъ. Сидѣлъ на платформѣ послѣдняго вагона. На одной изъ станцiй, ночью, какъ

разъ къ его вагону подошелъ чекистъ, а за нимъ красноармейцы вели какого-то молодого человѣка, совсѣмъ еще юношу. Оказалось, что поймали бѣлаго офицера, бѣжавшаго изъ тюрьмы.

— Я самъ его довезу до слѣдующей станціи, — сказалъ чекистъ.

Юношу заставили влѣзть па ту платформу, на которой сидѣлъ Осипъ. За нимъ полѣзъ и чекистъ. Вскорѣ поѣздъ тронулся. Осипъ прилегъ на брезентъ и притворился спящимъ. Юноша сидѣлъ смирно, какъ пойманный мышенокъ. Чекистъ все время слѣдилъ за нимъ и держалъ руку на кобурѣ револьвера. Но юношѣ терять было нечего. Все равно онъ долженъ быть разстрѣлянъ черезъ полчаса, часъ... Осипъ видѣлъ черезъ узкую щель вѣкъ, какъ вдругъ юноша вскочилъ и бросился на чекиста. Онъ прямо схватилъ его за горло и опрокинулъ навзничь. Чекистъ сдѣлалъ выстрѣлъ, но такъ какъ юноша лежалъ почти на чекистѣ, рука его оказалась за юношей. Началась упорная борьба. Поѣздъ шелъ какъ разъ довольно быстро. Заднихъ вагоновъ не было. Одинъ мигъ—и они могли оба свалиться съ платформы. Осипъ выждалъ удобный случай и, когда чекистъ былъ спиной къ краю платформы, такъ сильно толкнулъ чекиста, что тотъ упалъ на рельсы навзничь и, какъ видѣлъ Осипъ съ удаляющагося поѣзда, не всталъ. Онъ осторожно спустилъ потомъ юношу, а самъ перелѣзъ въ одинъ изъ первыхъ вагоновъ. Оказалось потомъ, что чекистъ разбился на смерть. Юноша бѣжалъ. Но всѣ служащіе, бывшіе на этомъ поѣздѣ, были арестованы. Въ томъ числѣ и Осипъ. На допросѣ онъ очень ловко доказывалъ, что ѣхалъ въ переднемъ вагонѣ и этому повѣрили. Но все-же его держали въ тюрьмѣ болѣе полугода.

— А Сережа узналъ, что я въ тюрьмѣ, очень просто. Однажды ему было приказано насъ, арестантовъ, сопровождать. И онъ узналъ меня. Узналъ даже, что я числюсь подъ фамиліей Ильи Чиркина.

Сестра скрыла отъ меня имя и фамилію брата.

Это было одно изъ незначительныхъ приключеній брата.

Все-же его въ концѣ концовъ освободили, и онъ снова служилъ на желѣзной дорогѣ.

Я передалъ Осипу, какимъ образомъ я отыскалъ его.

Разсказалъ и про Марью Романовну.

— Я обратилъ вниманіе, что нѣсколько разъ подходила къ намъ и смотрѣла товаръ какая-то дама. Очень похожа на ту, которую ты описалъ.

— Она ничего съ тобой не говорила?

— Нѣтъ. Интересное лицо, а въ особенности глаза и ихъ выраженіе.

— Скорбный ликъ.

— Да... да. Ты правъ. Но я вскорѣ уѣхалъ за товаромъ и больше не видалъ ея.

Осипъ, служа на желѣзной дорогѣ, часто уѣзжалъ съ поѣздами и привозилъ изъ провинціи разную провизію. Въ Петербургѣ онъ сбывалъ ее на рынкѣ.

— Жаль, что все отняли. Много чего пропало.

— А кто эта дѣвушка?

— Дочь генерала Зарѣцкаго.

Все, что намъ необходимо было знать, мы знали. Передали другъ другу.

— Теперь необходимо рѣшить, что мы будемъ дѣлать?

Цѣль была намъ ясна. И я, и Осипъ шли къ одной цѣли.

— Кто съ нами?

— Никто. Мы двое.

— Это вѣрно. Нельзя никому вѣрить.

— И я тоже говорю.

— Сережа предатель.

Осипъ взялъ мою руку. Смотрѣлъ мнѣ въ лицо.

— А я знаю еще одного человѣка, кто будетъ съ нами, — сказалъ онъ.

— Кто?

— Марья Романовна.

Я удивился. Онъ ея совсѣмъ не знаетъ. Наконецъ, она въ монастырѣ.

— Тѣмъ лучше. Я ея не знаю. Я видѣлъ всего два раза, но мнѣ кажется, что это твой другъ.

— Я люблю ее, Осипъ.

— Ты могъ мнѣ не говорить объ этомъ. Я понялъ это изъ твоихъ словъ.

Конечно, въ этотъ моментъ трудно было что-либо рѣшить. Даже на черно. Слѣдовало все обсудить, обдумать, сговориться. Ясно было, что пріемы, которыми пользовались революціонеры-бомбисты во время царскаго правительства, должны быть отброшены. Сыскъ, переодѣванія, убійства изъ угла, все это не увлекало насъ. А кромѣ того, для такихъ выступленій требовалось много народа. Насъ было только двое. И мы рѣшили больше никого не привлекать, такъ какъ никому не могли вѣрить. Рисковать своей жизнью никто не хотѣлъ. Убійство Урицкаго и Володарскаго было у насъ на памяти. Ихъ замѣнили другіе Урицкіе и Володарскіе, а тѣхъ, кто были разстрѣляны, не воскресишь. Здѣсь отвѣтятъ только двое: я и братъ. Мы сумѣемъ доказать, что, если намъ и удастся убить главарей этой гнусной компаніи, то это было сдѣлано нами по личному убѣжденію и въ это дѣло никто не былъ замѣшанъ.

Случай для такого выступленія всегда можетъ подвернуться. Мы рѣшили, чтобы я сильно придерживался той компаніи, въ которую я попалъ. Знакомства съ комиссаромъ, съ Персономъ, съ Гаврилой Анисимычемъ и другими, были для насъ очень цѣнны.

Я легко могъ проникнуть въ какое-то Пто, гдѣ главную роль играла артистка М. Ф. Андреева и завести знакомство съ Горькимъ (это мнѣ совѣтовалъ комиссаръ Балтфлота), но Осипъ только поморщился.

Между прочимъ, братъ мнѣ далъ одинъ адресъ. Адресъ той квартиры, гдѣ жила его знакомая барышня. Та самая, которая была при его бѣгствѣ во время ареста. Дочь генерала, Зиночка Зарѣцкая.

Чуть стало свѣтать. Уже по троттуару прошла какая-то тѣнь. Тѣнь, рожденная не этой ночью, а вышедшая изъ дому, чтобы встрѣтить день.

Пора было расходиться.

— Вотъ что, старикъ—сказалъ Осипъ.— Теперь ты дол-

женъ отдохнуть. Намаялся ты не мало. Тебѣ искать меня уже не надо. Кстати, мнѣ предлагаютъ перейти въ ремонтное отдѣленіе. Это мнѣ было раньше невыгодно. Мнѣ давали много поѣздки. Но теперь, разъ ты здѣсь, я на это соглашусь. Значитъ, буду здѣсь постоянно жить. Гдѣ мы будемъ встрѣчаться и когда, я это мигомъ обдумаю и сообщу тебѣ. А ты живи тихо и смирно. Высыпайся. Набирайся силъ. Не броди по городу, въ особенности по ночамъ. Спи лучше. Не совѣтую даже тебѣ ходить въ монастырь.

Улыбнулся.

— Все что надо, за тебя будетъ сдѣлано. Ты нашу азбуку не забылъ?

— Нѣтъ.

— Ну такъ вотъ. Сейчасъ выберемъ мѣсто, куда я буду класть письма. Я или Зиночка. Такъ вотъ, придетъ Пасха, играй по прежнему на балахъ и вечерахъ. А пока ничего не предпринимай. Говорю, все, что надо, будетъ сдѣлано. Но очень придерживайся разныхъ комиссаровъ и Перзоновъ. Можетъ быть, услышишь что интересное или увидишь... Ладно?

Мы нашли подъ доской скамейки небольшую расщелину и условились, что это будетъ нашимъ почтовымъ ящикомъ.

Братъ обнялъ меня. Хотѣлъ поцѣловать. Въ это время со стороны Петропавловской крѣпости раздался залпъ. Залпъ и тотчасъ за нимъ нѣсколько одиночныхъ выстрѣловъ.

Мы вздрогнули. Крѣпче прижались другъ къ другу.

— Это пулеметы. Разстрѣливаютъ.

Молча стояли и прислушивались.

Городъ молчалъ. Онъ еще былъ погруженъ въ сонъ. Утомленные, обезсиленные люди спали и видѣли сны.

Снова раздался залпъ. Опять одиночные выстрѣлы.

— Это разстрѣливаютъ вторую партію. Одиночные выстрѣлы... Добиваютъ тѣхъ, кто только раненъ. Я знаю эти звуки хорошо... Пройдетъ еще четверть часа — и добьютъ третью партію.

Я не выдержалъ. Почему-то кинулся впередъ. Взмахнулъ руками. И крикнулъ. Крикнулъ, что было у меня силы.

— Спасите... Слышите вы?.. Русскихъ убиваютъ... нашихъ братьевъ...

Братъ догналъ меня. Обнялъ и прижалъ мою голову къ своей груди такъ, что я кричать не могъ. Я сразу смолкъ. Я бился, какъ въ лихорадкѣ. Дрожалъ...

— Постой, Осипъ... подожди. Одну минуту. Вѣдь я еще не кончилъ своей рѣчи. Видишь, публика нетерпѣливо ждетъ. Они пришли послушать меня. Я долженъ... долженъ имъ сказать. Слово... О, это великое слово. Они забыли о немъ. Правда!..

Что? Кто-то хочетъ тоже говорить? Прекрасно. Я послушаю. Я всегда держусь такой тактики. Пусть всѣ выскажутся. Я ихъ выслушаю. И я буду говорить послѣднимъ. Вотъ что: мы сядемъ здѣсь. Отлично. Рядомъ съ нами сядутъ Марья Романовна, Зиночка. А она славненькая. Ты въ нее влюбленъ, Осипъ? Это хорошо. У нея такіе славные глазки. Наивные, какъ у институтки. Чистые и свѣтлые. И нянюшка съ нами. Вася, садись тутъ... Вотъ такъ хорошо. Смѣшно. Я думалъ, что на стѣнахъ висятъ портреты. Ленина, Зиновьева, Горькаго... Нѣтъ. Это они сами сюда пришли... Они живые. Но какія у нихъ лица! Боже мой!.. Странно только, почему у нихъ зеленыя руки?

— Кровь-съ... Кровь-съ...

Я обернулся.

А, и ты, мѣщанинишка, тутъ. Очень хорошо. Я тебѣ очень радъ. И ты пришелъ послушать...

— Исключительно васъ.

— Очень лестно. Вообще ты умѣешь во время приходить. Я тобой доволенъ. Я люблю съ тобой побесѣдовать. Вотъ что, скажи мнѣ, пока не начали говорить... Скажи, отчего сейчасъ люди перестали стрѣляться, а живутъ въ этомъ ужасѣ.

— Изъ злобы мы живемъ-съ. Изъ злобы.

— Хорошо сказано. Но тише. Симонъ Исаичъ пришелъ

Смотри, какъ его чтутъ всѣ. Кланяются. А онъ киваетъ своей рыжей головой съ птичьимъ носомъ.

— Товарищи!..

— Начали. Молчи. Надоѣло... Это кто говоритъ? Я что-то не могу разглядѣть. У меня глаза чѣмъ-то заволокло.

— Великій писатель земли русской.

— Браво... браво!.. Слушай:

— Какого чорта? сволочь вы этакая, балерины проклятыя и синіе утопленники...

— Это онъ кого такъ?

— Хе... хе... насъ-съ:

— Пасха?.. А мнѣ наплевать на Пасху... И больше я знать ничего не хочу. И ничего не желаю. Я люблю только Ильича!

Плюнулъ и сѣлъ въ сторону.

На каѳедру вошелъ большой человѣкъ, бритый, жирный, съ кудрявыми волосами. На жирныхъ зеленыхъ рукахъ блестѣли красные рубины. Картавилъ.

— Товарищи!

Говорилъ онъ много и долго. Вся его рѣчь казалась походила на одну букву: у... Онъ все время держалъ голову, слегка закинувъ назадъ. Смотрѣлъ съ наглой усмѣшкой. Его рѣчь была плавная. Ни разу не остановился. Не подыскивалъ слова. Но обороты рѣчи были нерусскіе.

— Что такое Пасха? Развѣ кто изъ интеллигентныхъ людей можетъ повѣрить въ то, что человѣкъ, котораго распяли на крестѣ, могъ-бы ожить? Фи... это такая чепуха, отъ которой уши зажимаешь. И народъ этому вѣрилъ. Это все равно, что земля стоитъ на трехъ китахъ. Развѣ теперь кто можетъ этому повѣрить? А еще остались такіе, которые думаютъ, что всѣ эти сказки о какомъ-то Христѣ были правдой. Это ваши попы вбивали вамъ въ голову, и кто этому не вѣрилъ, того сѣкли. Его погребли. И онъ тамъ три дня лежалъ... Да три дня... И вы думаете, тамъ, гдѣ такъ тепло, онъ не разложился?.. Это надо имѣть глупость въ головѣ, чтобы всему этому вѣрить... Ну, хорошо. Кто скажетъ что-нибудь противъ?

— Пусть скажетъ юродивый.

Я вошелъ на каѳедру. Всѣ смолкли.

— Христосъ воскресе! — сказалъ я.

— Воистину воскресе! — крикнула вся толпа.

— Христосъ воскресе!

— Воистину воскресе!..

3. ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ.

— Христосъ воскресе!

— Воистину воскресе!

Я чувствовалъ, какъ вся толпа радостно и полная свѣтлыхъ надеждъ отвѣчала отцу Александру.

Онъ стоялъ передъ толпой, поднявъ крестъ. По его щекамъ катились слезы.

Хоръ запѣлъ:

— Христосъ воскресе изъ мертвыхъ...

Молящіеся подхватили пѣніе. И въ этой общей молитвѣ ожила прежняя жизнь. Ожила прежняя Русь.

— Смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ.

Молились. Мелькали руки. Обнимались. Поздравляли другъ друга и трижды цѣловались.

Народу было такъ много въ церкви, что я невольно отдавался этой толпѣ. Хотѣлось стоять, но тебя сдвигали съ мѣста. Хотѣлось пройти и приходилось толкаться на одномъ мѣстѣ. Но это ничего. Я привыкъ видѣть церковь пустой, и было хорошо на душѣ, что въ этотъ день люди не забыли свою церковь.

Меня оттѣснили къ выходу. Здѣсь толпа еще болѣе сгущалась. Пришлось стоять, не двигаясь. Слѣва около меня какая-то женщина молилась и, не отирая слезъ, смот-

рѣла на алтарь. Справа два матроса. Они о чемъ-то шептались.

— У тебя готово?

— Да. Онъ въ карманѣ. Я его держу.

— И я тоже. Я только всѣ пули выпустилъ.

— Начинать что-ли?

— Подожди малость.

Я сталъ прислушиваться. Мнѣ этотъ разговоръ показался подозрительнымъ. Въ чемъ дѣло? Что они затѣяли?

Когда я вмѣстѣ съ молящимися шелъ вокругъ церкви, я слышалъ частые выстрѣлы. Это палили матросы. Пугали. Отъ нечего дѣлать они бродили по улицамъ и, если встрѣчали кого, шедшаго въ церковь къ заутрени, они неожиданно стрѣляли надъ самымъ ухомъ. Ихъ потѣшалъ испугъ... Какъ вскрикивали. Шарахались въ сторону. Падали на землю.

И это невинное развлеченіе ихъ забавляло.

Прятались за угломъ. Выжидали жертву и, подкравшись, стрѣляли.

Громко смѣялись.

— Небось струсилъ, товарищъ?..

Конечно, выстрѣлъ въ церкви могъ напугать молящихся. Могла произойти паника. Какъ это предотвратить? Говорить съ ними было нельзя.

Вотъ уже матросъ вынулъ револьверъ. Матроса сжали такъ, что онъ не могъ поднять руки, чтобы выстрѣлить кверху, поверхъ толпы.

Я этимъ воспользовался. Нарочно устроилъ давку. Матросъ выронилъ револьверъ.

— Э, чортъ!..

Наклониться не могъ. Случай былъ благопріятный. Я тѣснилъ матроса. Публика меня давила, заполняла то мѣсто, съ котораго я сходилъ. И мы очутились далеко отъ того мѣста, гдѣ лежалъ револьверъ.

— Растетеха проклятая, — ругался второй матросъ.

Я ихъ оттѣснилъ къ самымъ дверямъ.

— Идемъ. Чортъ съ ними.

Они надѣли свои безкозырки и вышли изъ церкви. Я тоже вышелъ вмѣстѣ съ ними. Снова пройти въ церковь было невозможно.

Кромѣ насъ, около входа въ церковь стояло не мало народа. Виднѣлись матросскія фуражки.

— Револьверъ въ церкви потерялъ. Мы хотѣли тамъ пострѣлять.

— Лихо-бы было, — подхватили подошедшіе матросы.

— А у меня всѣ заряды вышли... Я сейчасъ заряжу.

— У меня есть тоже.

— Не втиснешься. Давай здѣсь.

И матросы дали дружный залпъ.

Но странно. Почти никто не обратилъ на это вниманія. Я прошелся около церкви. Тамъ и тутъ попадались фигуры. Ходили парочки. Обнявшись. Матросы. Они хотѣли весело провести эту ночь.

Зашелъ за церковь. Со стороны, гдѣ стоялъ домъ для сторожей. Разглядѣлъ двѣ фигуры. Бросились въ глаза бѣлыя повязки на головѣ, и бѣлое платье.

Сторожиха, Иванъ и кумъ.

— Побоялись войти въ церковь.

Обогнулъ церковь и безцѣльно всталъ въ сторонѣ.

— Милочка, куда?.. куда?..

Дѣвушка метнулась въ сторону.

— Эй, постой...

Матросъ бросился за дѣвушкой. Та пробралась, было къ церкви.

— Товарищи... Задержите ее...

Другіе матросы тотчасъ бросились впередъ и загородили дорогу дѣвушкѣ.

— Оставьте... Оставьте меня. Пропустите въ церковь.

— Успѣешь. Дай-ка на тебя полюбоваться.

— Ишь, какая красотка!

— Идемъ съ нами!

— Весело будетъ.

— Разговѣться, видимо, тебѣ надо... Еще постная.

Слова матроса покрылись дружнымъ смѣхомъ.

— Оставьте... Пустите.

Тѣ, кто стоялъ около двери, со страхомъ, но, молча, отступили.

— Господи... Господи! — шептала дѣвушка.

Никто не посмѣлъ ни заступиться, ни протестовать. Знали хорошо, что этимъ только еще больше подольешь масла въ огонь.

Дѣвушку схватили и поволокли отъ церкви. Я стоялъ вдали и не видалъ лица дѣвушки. Почему-то ея платокъ мнѣ показался знакомымъ, но это былъ только моментъ. Я тотчасъ объ этомъ забылъ.

— Стой! Что у нея въ рукѣ?

Вся ватага матросовъ остановилась. Это было въ двухъ шагахъ отъ меня. Дѣвушку не было видно за высокими фигурами матросовъ. Вдругъ всѣ замолчали. Показалось, что, образовавъ кругъ около дѣвушки, наклонили головы.

— У меня фонарь есть...

Внутри круга показался огонекъ.

— Это что такое?

— Я не знаю, — испуганно произнесла дѣвушка.

— Что тутъ написано?

Я тоже подошелъ. Приподнялся слегка на ципочки.

— Боже, это Зиночка... Неужели у нея была записка ко мнѣ отъ брата?

Конечно, въ этихъ цифрахъ, точкахъ и палочкахъ, въ нашей азбукѣ никто, кромѣ насъ двоихъ, разобраться не могъ. Кто-то подошелъ къ толпѣ, всталъ рядомъ со мной. Задѣлъ меня за рукавъ.

— Чудо... чудо..:

Недалеко раздался выстрѣлъ. Крики:

— Помогите... Помогите...

— Матроса убили-съ... Товарища-съ...

Толпа вздрогнула.

— Тамъ... у Крюкова канала-съ... Помогите, товарищи.

И всѣ матросы бросились въ разсыпную къ выходу изъ воротъ ограды.

Забыли о дѣвушкѣ.

— Зиночка!

Я взялъ ее за руку и повелъ въ другую сторону. Тотчасъ потонули въ темнотѣ. Мы вышли изъ калитки около дома сторожей.

Прошли небольшую площадь и свернули на мостъ. Съ него на Садовую.

— Пока молчите...

Попадались еще матросы. Противъ обыкновенія въ эту ночь по улицамъ ходило много народу.

Опять свернули въ переулокъ и вышли на Фонтанку.

Зиночка, не успѣвшая еще опомниться отъ ужаса, начала говорить съ трудомъ. Еле переводила дыханіе.

— Что могло быть! — со страхомъ сказала она.

— Могло, да не было, — бодро отвѣтилъ я, стараясь и Зиночкѣ внушить бодрость.

— Осипъ послалъ меня за вами... Если не найду, то должна была положить записку. Я знала куда.

— А что случилось?

— Я была у Марьи Романовны...

— А вы развѣ ее знаете?

— Познакомилась.

— Какимъ образомъ?

— Вашъ братъ сказалъ, гдѣ она. Я туда поѣхала и узнала ее по его описанію. Да я ее видѣла. На Горсткиной улицѣ. Я тамъ продавала. А она подходила. И она меня узнала. Я два раза у нея была въ монастырѣ. Была у нея въ кельѣ. Сегодня зашла. Мы съ ней во дворѣ сидѣли. И разговаривали. Вдругъ пріѣхали съ обыскомъ. Донесли, какъ я узнала, что у покойной матери-игуменьи будто-бы хранились какіе-то царскіе документы... Какая-то переписка. Или чьи-то записки... Все опечатали. Даже не позволили служить заутреню. Наѣхало много красноармейцевъ и чекистовъ. Мы съ Марьей Романовной незамѣтно вышли со двора на улицу. Я ее и привела къ себѣ. А у насъ вашъ братъ. Онъ тотчасъ меня и послалъ за вами.

— И чуть было не влопались, — разсмѣялся я.

— Вамъ хорошо смѣяться. А мнѣ каково?

— Прошлаго не страшно, когда все хорошо кончилось.

— Хорошо. А вотъ вашъ братъ говоритъ, что онъ за васъ боится, какъ-бы вы не надѣлали глупостей.

Я расхохотался надъ наивной фразой Зиночки.

— Я? Глупостей?

— Еще-бы. Онъ говоритъ, что отъ васъ всего можно ожидать. За вами нуженъ присмотръ.

— У меня нянюшка есть. Она за мной смотритъ. И кормитъ меня и спать укладываетъ.

Зиночка разсмѣялась.

— Вотъ вы какой. Кругомъ страшно, а вы смѣетесь.

— Я такой и есть. Не даромъ всѣ меня зовутъ юродивымъ.

Зиночка сдѣлала серьезное личико, подняла на меня глаза и пристально посмотрѣла на меня. Было темно, но я больше чувствовалъ ея взгляды, чѣмъ видѣлъ.

— Не говорите такъ. Вы не юродивый.

— А кто?

— Вы... Вы святой.

Намъ пришлось идти больше часу, несмотря на то, что мы шли довольно шибко и бодро.

Гудѣли колокола, но я имъ не вѣрилъ. Была Пасха, но теперь, въ данную минуту, ея не было. Это были только воспоминанія. И эти колокола, и горящія въ церквахъ свѣчи, и эти молящіеся. Ничего этого не было въ дѣйствительности. Это мое воображеніе рисовало мнѣ картины прошлаго, далекаго времени. Ничего не было. Некому было молиться. Некому было служить и возвѣщать народу «Христосъ воскресе!» Негдѣ было молиться.

Православные храмы были разорены. Я вижу только голыя, ободранныя стѣны. Я знаю, что иконами топили печи, все серебро, золото и драгоцѣнные камни въ рукахъ Симона Исаича.

Ясно. Развѣ я ошибаюсь? Развѣ это не онъ стоитъ въ своей гостиной со стамеской и клещами? Развѣ это не онъ изъ золотыхъ ризъ выковыриваетъ брилліанты и жемчуга

и, взвѣсивъ ихъ на ладони, откладываетъ въ особую коробочку.

И его старческое лицо, несмотря на то, что ему всего двадцать пять лѣтъ, улыбается, зубы складываются въ плотоядную улыбку. Нижняя толстая губа еще больше оттопыривается впередъ. Онъ доволенъ. О, сколько каратовъ въ этомъ камнѣ!

Онъ серебро бросаетъ въ сторону. Одна риза падаетъ на другую, издавая металлическій нѣжный звукъ. Тонкая, филигранная риза высунулась впередъ и звучитъ. Жалобно, словно плачетъ.

Это все серебро пойдетъ на сплавъ. Завтра хотѣлъ притти еврей Крубель. Онъ все скупитъ. У него много денегъ. У него есть, на что скупить серебро.

— Дайте мнѣ и камни. Я-же ихъ хорошо продамъ.

Голыя стѣны вмѣсто иконъ. Черныя впадины. Выбиты окна.

Я видѣлъ самъ, что въ казармахъ на Кирочной улицѣ разорили домашнюю церковь, и на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ алтарь, гдѣ стоялъ престолъ, теперь былъ поставленъ рояль. И какая-то еврейка жарила похабныя пѣсни, а красноармейцы подпѣвали.

— Еще разъ, товарищи... подпѣвайте.

Николашка берегись,
Дамъ тебѣ я въ.....

А кому совершать службу? Гдѣ духовенство наше? Одни разстрѣляны, другіе томятся въ тюрьмахъ, а третьи пишутъ уставы новой религіи подъ предсѣдательствомъ..

Я не помню именъ...

А гдѣ молящіеся? Есть народъ. Но онъ ушелъ на танцульки.

То, что я сейчасъ вижу, это воспоминаніе. Это свѣтъ отъ давно потухшей звѣзды. Этотъ свѣтъ я вижу, а звѣзды нѣтъ...

— Николай Васильевичъ...

— Что, милая Зиночка?

— Почему вы такъ пристально смотрите на небо?

— Я смотрю на звѣзды.

— Мы скоро придемъ. О чемъ вы задумались?

— Не знаю. Мнѣ хочется дѣтства.

— Братъ говоритъ про васъ, что у васъ дѣтская душа.

— У меня? Нѣтъ, Зиночка. Я людей убивалъ.

— Вы?

— Да.

— Неправда.

— Впрочемъ, не знаю. Я двоимъ размозжилъ головы. Но они остались живы. Я имъ только мозги встряхнулъ. Они стали иначе думать. Я имъ показалъ чудо.

— Вы вѣрите въ чудо?

— Конечно. Я его вижу на каждомъ шагу? Развѣ это не чудо, что я нашелъ икону. Развѣ это не чудо, что я иду съ вами? И я увижу Марью Романовну. Милая Зиночка, я такъ ее люблю.

— Но она монахиня.

— А я зналъ, что она въ монастырь пойдетъ. Я давно это зналъ. Теперь мать должна жить именно въ монастырѣ. Въ заточеніи. Передъ избраніемъ ея на всероссійскій престолъ. Какъ первый Романовъ... Михаилъ. Онъ до избранія на престолъ томился въ тюрьмѣ.

Остановился.

— А знаете, Зиночка, что? Вы знаете, кто долженъ войти теперь на всероссійскій престолъ? На него долженъ быть избранъ монахъ. Да... да. Обязательно монахъ Патріархъ... Онъ...

— Теперь можно возсоздать русскую землю только словомъ Божіимъ. Да... Пусть нашъ новый царь, царь монахъ, будетъ просить у Господа, чтобы Христосъ сошелъ на землю. Пусть Онъ только пройдетъ по пустынѣ, гдѣ была Русь. И осѣнитъ ее крестнымъ знаменіемъ. Не кровью надо искупить кровь, а великимъ покаяніемъ. И люди уразумѣютъ Бога... Пусть владычествуетъ надъ нами великій послушникъ Бога, монахъ. И пусть матери возрастятъ на землѣ, пропитанной кровью, новое, свѣтлое поколѣніе...

— Вотъ здѣсь мы живемъ.

Мы прошли во дворъ. Вошли въ темную дыру и ощупью стали подниматься по лѣстницѣ. Изъ одной квартиры отворилась дверь. На лѣстницу ворвался вмѣстѣ со свѣтомъ шумъ пьяныхъ голосовъ. Но дверь тотчасъ захлопнулась. Свѣтъ и шумъ исчезъ.

У одной двери Зиночка постучала. Почти тотчасъ послышались шаги.

— А, Коля? Ну вотъ, это хорошо. Идемъ... идемъ...

Въ небольшой комнатѣ за столомъ, поставленнымъ по серединѣ, сидѣла Марья Романовна въ черномъ одѣяніи послушницы и какой-то генералъ. Я тотчасъ догадался, что это былъ отецъ Зиночки. Меня поразило то, что онъ былъ въ полной парадной формѣ. Въ мундирѣ, съ эполетами и съ орденами на груди.

Марья Романовна при моемъ появленіи, тотчасъ встала.

— Христосъ воскресе!

Мы похристосовались. Я похристосовался съ генераломъ, Осипомъ и Зиночкой.

— Мы дорогой и забыли похристосоваться.

На столѣ, накрытомъ скатертью, стоялъ самоваръ. Была крохотная пасха, куличъ и два яичка, окрашенныхъ въ голубой цвѣтъ.

— Я, батенька мой, старый солдатъ и не хочу измѣнять привычкамъ русскаго человѣка. Можетъ быть, вамъ смѣшно, что я форму надѣлъ? А у меня отъ этого стало на душѣ хорошо. Ну, садитесь и разговляйтесь. Мы уже разговѣлись.

У Марьи Романовны было спокойное, хотя очень блѣдное лицо. Она пила чай, молча, опустивъ глаза.

Зиночка и я передали имъ все, что съ нами произошло. Осипъ волновался. Генералъ пожималъ плечами, качалъ головой.

— И это люди! Про матросовъ нельзя сказать, чтобы это былъ темный народъ. Они по своему развитію стоятъ много выше мужика. Но...

Зиночка тревожно посматривала на отца. Потомъ взяла его за руку.

— Папа, не будемъ объ этомъ говорить.

— Да... да, Зиночка... Ты права.

Когда Осипъ понесъ самоваръ, чтобы его подогрѣть, Зиночка ушла съ нимъ. Доносился ихъ шепотъ. Что-то говорила Зиночка.

Генералъ не могъ спокойно сидѣть. Хотѣлось ему говорить. Вспоминалъ прошлое. Изъ своей жизни въ бывшемъ Петербургѣ, разсказывалъ о войнѣ. Говорилъ о сынѣ. И грустно добавилъ:

— Замучили его большевики. Искололи штыками. И кто? Его-же солдаты. Тѣ, которые во время войны такъ любили его.

Вытеръ слезы.

— А вотъ я живу? Зачѣмъ? Видно Богу угодно, чтобы я самъ все видѣлъ. Своими старыми глазами. А вотъ, что я думаю. Много героевъ полегло на полѣ битвы. И всѣ умирали съ сознаніемъ, что они защищали свою родину. А какой это обманъ. Они не знаютъ, что пришло вслѣдъ за борьбой. Самъ-же народъ растерзалъ Русь на клочки и продалъ ее...

— Папа, ты опять?

Осипъ, принеся самоваръ, сѣлъ около меня и обнялъ.

Марья Романовна не принимала участія въ разговорѣ. Какъ будто ей все, что было вокругъ, казалось безразличнымъ и чужимъ. На ея лицѣ не отражались ни радость или улыбка при воспоминаніи о прошломъ, ни грусть, когда переходили къ дѣйствительности.

— Ты, папочка, усталъ? Прилегъ-бы...

Генералъ еще выпилъ стаканъ чаю и, простясь съ нами, ушелъ въ свою комнату. Его провожала Зиночка.

— А намъ уже спать не придется. Негдѣ, — весело сказалъ Осипъ. — Посидимъ. Потолкуемъ. Только, господа, ни генералъ, ни Зиночка не знаютъ то, что намъ извѣстно. Зиночка только догадывается. А генералъ далекъ отъ всякихъ подозрѣній.

-- Павелъ Васильевичъ... Хотя я знаю, что васъ зовутъ

иначе, но я привыкла къ этому имени... Скажу вамъ откровенно. Вы меня очень безпокоите.

— Чѣмъ, Марья Романовна?

— Я нарочно хочу объ этомъ поговорить въ присутствіи вашего брата.

— Да... да, Коля. Марья Романовна права.

— Въ чемъ дѣло, господа?

— Ты, Коля, боленъ. И серьезно боленъ.

— Нѣтъ. Я вполнѣ здоровъ.

— Вы не здоровы, Павелъ Васильевичъ.

— Господа! Вы, навѣрно, говорите о моихъ припадкахъ? Я имъ не придаю серьезнаго значенія. Удары по головѣ отразились на моемъ мозгу. Если хотите, это похоже на контузію. И я замѣчаю, что довольно быстро все идетъ на поправку. У меня даже нѣтъ головныхъ болей. Только иногда какъ-то странно у меня мысли путаются съ воспоминаніями и снами.

— Вы часто, не замѣчая, громко высказываете свои мысли, — вставила Марья Романовна.

— Да, это со мной бываетъ.

— Видишь, Коля, помимо этого ты долженъ поправиться. Отдохнуть, какъ слѣдуетъ. Успокоиться. Твои припадки могутъ тебя выдать.

— О, я стараюсь слѣдить за собой.

— Вотъ что. Намъ сейчасъ-же, сію минуту необходимо рѣшить, что мы должны дѣлать хотя-бы въ первый мѣсяцъ послѣ нашей встрѣчи. Это не заговоръ. Сейчасъ, какъ мы всѣ знаемъ, немыслимо ни одно выступленіе. Марья Романовна, я знаю, что вы въ нашемъ общемъ дѣлѣ не будете принимать никакого участія. Вы ни во что не посвящены. И мы васъ не втягиваемъ въ наши замыслы. Я только одно долженъ сказать. Я понялъ, что и Колѣ и мнѣ не достаетъ какого-то близкаго человѣка. Онъ не долженъ руководить нами. Нѣтъ. Это нашъ другъ. Мы должны слышать чей-то голосъ. Кто-то долженъ быть съ нами.

— Да, Марья Романовна, Осипъ вполнѣ правъ. Онъ это хорошо понялъ.

— Вы будете знать все. И вотъ вашъ голосъ, ваше участіе, какъ друга, дастъ намъ силы и увѣренность въ себѣ. Коля, несомнѣнно, боленъ. И то, что я не могу сдѣлать, сдѣлаете вы.

— Хорошо. Я такъ и понимала свою роль.

— Вы можете во время удержать его отъ безумнаго поступка. Вы можете успокоить его мозгъ, который живетъ не интересами дня, а прошлымъ и будущимъ сразу. И онъ самъ не можетъ отдѣлить фантазію отъ дѣйствительности. Обсудимъ, что же дѣлать?

Вернулась Зиночка. Осипъ смолкъ. Зиночка поняла, что она лишняя.

— Вы-бы, Зиночка, тоже прилегли.

— Хорошо. Только ненадолго.

Ушла.

Стала говорить Марья Романовна.

— Я кое о чемъ догадываюсь. Сочувствую я вамъ или нѣтъ, разрѣшите мнѣ не говорить. Но говорить прямо и искренно съ вами я могу. Я могу сочувствовать вамъ, какъ людямъ. И пока на этомъ остановимся. Не такъ-ли?

— О, да. Намъ только это и нужно.

— На то, какъ сложилась моя жизнь, не буду вамъ жаловаться. Вы сами все поймете. Павелъ Васильевичъ, навѣрно, понялъ все, когда только одинъ разъ увидалъ и моего мужа, и мою дочь. Но это пустяки. Это мелочь. Какъ личное, это ничто. Личнаго въ моей жизни не должно быть. Но изъ этого вышло нѣчто большое. Это заставило меня взглянуть просто на жизнь. И я, путемъ долгихъ размышленій, пришла къ неожиданному выводу. Я изъ этой жизни должна уйти.

Остановилась. Посмотрѣла на насъ обоихъ и чуть улыбнулась.

— Вы скажете, что покой предпочла борьбѣ?..

— Нѣтъ... нѣтъ, Марья Романовна... я начинаю васъ понимать.

— Какая можетъ быть теперь борьба? У нихъ все — въ полномъ смыслѣ все. Безсознательное войско, которое на-

смѣялось надъ трупомъ величайшаго героя и патріота Корнилова, и перешло на сторону Бронштейна-Троцкаго, для котораго Русь стала его бумажникомъ, а русскіе преданными холопами. У нихъ все оружіе. У нихъ въ рукахъ все богатство Россіи. Съ чѣмъ вы выступите противъ нихъ? О, у насъ, любящихъ родину и человѣчество, есть сила много могучѣй ихъ пулеметовъ и штыковъ. Но я не ханжа. Я не пойду противъ нихъ съ иконами. Не въ этомъ дѣло. Они заплюютъ наши иконы.

Марья Романовна опустила голову. На минуту она перестала говорить. Ея плечи слегка вздрагивали.

— Ахъ, во мнѣ еще много свѣтскаго. Я еще не вполнѣ умѣю владѣть собой.

— Говорите... говорите.

— Мы — женщины, мы — матери... Мы должны удалиться изъ этой жизни. Мы должны оставить ихъ. И въ этомъ наша борьба. Люди скажутъ: забылъ насъ Богъ. И они съ раскаяніемъ пойдутъ къ Нему. А я знаю, что Русь наша станетъ одинокой, когда изъ нея уйдутъ матери. Они убили тѣхъ, кто любилъ родину. Но мать осталась. Развѣ можетъ жить цѣлый народъ, когда они всѣ останутся безъ матерей. Мы должны на время уйти, чтобы искупить наши грѣхи, чтобы закалить наше тѣло, очистить нашу душу... Я оставила свою семью. Не потому, что дочь била меня. Не потому, что мужъ отдалъ все, что было у него святого, на служеніе темной силѣ. И, вмѣсто человѣка, онъ оказался пустымъ мѣшкомъ. Я отъ нихъ ушла не потому, что мнѣ больно было на нихъ смотрѣть. Нѣтъ. Я ушла ради общаго дѣла. Я укрѣпилась въ своей идеѣ, которую дали мнѣ вы... Павелъ Васильевичъ.

— Я?..

— Да. Тогда въ церкви. На похоронахъ княжны вы сказали мнѣ, что только мать можетъ спасти Россію... Вы нашли то слово, которое я искала. Какъ это все ясно. Какъ хорошо! Сколько въ этомъ великой правды. Я не оставила умирающее дитя. Я не ушла отъ него, чтобы найти личный покой. Нѣтъ. Я только ушла за лекарствомъ для боль-

ного ребенка. И оно излѣчитъ его отъ той отравы, которой отравляютъ его душу. Я отрѣшилась отъ всего земного. Отъ любви къ дочери...

Съ нетерпѣніемъ ждалъ еще слова. Она остановилась. Неужели она могла добавить... даже подумать. Сказать ей или нѣтъ:

— Отъ любви къ мужу.

Нѣтъ. Эта великая и сильная женщина не могла не видѣть, что представлялъ изъ себя Федоръ Игнатьичъ.

И вдругъ Марія Романовна густо покраснѣла. До слезъ. Я видѣлъ, какъ вдругъ ей стало тяжело.

— Мнѣ стыдно... моихъ ошибокъ въ жизни.

Она отвѣтила мнѣ на тотъ вопросъ, который пронесся въ моей головѣ.

Ей стыдно было за ея любовь къ мужу, за близость къ этому ничтожному человѣку.

Я понялъ все. Марья Романовна даже не взглянула на меня. Она сидѣла, опустивъ глаза. Дышала тяжело. Старалась забыть, загладить этотъ случайный намекъ на ошибку въ ея жизни. Неожиданно, съ большой силой воли, Марья Романовна гордо подняла свою голову.

— Теперь я не страдаю. У меня нѣтъ ни горя, ни радостей. У меня нѣтъ семьи. У меня нѣтъ даже знакомыхъ. Я никого не знаю. Кромѣ васъ... Какіе-бы ужасы вы мнѣ ни говорили про дочь, мужа... Я объ этомъ не слышу. Я слѣпа и глуха. Я задернула черную завѣсу. Я не знаю, что тамъ. Я знаю только, что мы, матери, ушли изъ той жизни. И вѣрю... глубоко вѣрю, что эта завѣса откроется, и мы войдемъ туда.

— Да... да... — крикнулъ я. — И всѣ запоютъ вамъ: Осанна!

Я вынулъ тотъ образокъ, который я нашелъ на улицѣ и съ которымъ никогда не разставался.

— Вотъ... вотъ это тотъ скорбный ликъ, который побѣдитъ врага. Который спасетъ нашу родину. Я ему молюсь Я преклоняюсь передъ нимъ... Смотрите, въ ея глазахъ нѣтъ горя, нѣтъ ужаса, а только великая скорбь!..

Марья Романовна взглянула на меня, сперва положила мнѣ руку на плечо, потомъ тихо провела по моимъ волосамъ. Она хотѣла успокоить меня.

Я опомнился. Взялъ ея руку и поцѣловалъ. Приложилъ къ щекѣ.

Братъ взялъ у меня образокъ. Долго и внимательно смотрѣлъ на него.

— И я вамъ скажу: не надо больше крови, мы побѣдимъ это зло. Я не могла остановить дочь отъ ея первой ошибки и не могу сейчасъ ея спасти. Она падаетъ все ниже и ниже... Настанетъ время, когда она позоветъ меня. Такъ и наша родина.

Осипъ волновался. Онъ сперва слушалъ Марью Романовну. Очень внимательно. Въ упоръ смотрѣлъ ей въ глаза, словно изучалъ ее, хотѣлъ запомнить, какъ она и съ какимъ выраженіемъ лица произноситъ каждое слово. Иногда онъ переводилъ взглядъ на меня. Тревожно смотрѣлъ. И я догадывался, что онъ боялся, какъ-бы эта тема не вызвала у меня припадка. Иногда ему хотѣлось перебить плавную и тихую рѣчь Марьи Романовны и сказать свое слово. Отъ нетерпѣнія онъ хватался за спинку стула. Видно было, съ какой силой онъ сжималъ перекладинку. Наконецъ, онъ дождался того момента, когда и ему можно было сказать свое слово.

— Марья Романовна!.. А ты, Коля. молчи... Ты слушай. Хорошо? И я тебя очень прошу не нервничать. А то ты опять начнешь говорить... И не то, какъ это часто съ тобой бываетъ... Такъ ты помолчишь? Ахъ, Коля, я тебя ужасно люблю. И Марью Романовну. Какъ-бы не разбудить генерала и Зиночку. Вотъ что. Я сяду около Марьи Романовны.

Онъ пододвинулъ стулъ къ Марьи Романовнѣ и сѣлъ около нея почти вплотную.

— Вы меня останавливайте... И посматривайте за Колей. Вотъ такъ, отлично. Знаете что? Вы пейте чай? Право. Это какъ-то успокоиваетъ, когда кто-нибудь пьетъ чай. Ложечка звенитъ, и кажется, что сидишь въ тихой и мирной семьѣ.

— Тогда и дѣти знаютъ, что имъ шалить не полагается.

— Вотъ...вотъ...Слушайте, Марья Романовна Я съ вами вполнѣ согласенъ. Въ вашей мысли много и ума, и сердца. Не даромъ васъ такъ искренно и горячо полюбилъ Коля.

Я замеръ. Что онъ говоритъ? Если я его остановлю, значитъ я слову «полюбилъ» придамъ особое значеніе. Пусть оно проскочитъ въ его фразахъ, какъ слово «дружба».

Но какъ къ этому отнеслась Марья Романовна? Я не рѣшился даже поднять глазъ въ этотъ моментъ. Онъ самъ не обратилъ вниманія на то, что произнесъ это слово, какъ будто о немъ Марья Романовна уже знала.

— Я съ вами даже не буду спорить. Все, что вы сказали, такъ ясно и просто, что и возражать нечего. Это для меня ново. То, что вы говорили... Но странно... чрезвычайно странно. Мнѣ теперь кажется, что я объ этомъ всегда думалъ... Но я скажу о себѣ, о Колѣ. А наша-то роль какова? Какъ? Намъ сложить руки и спокойно смотрѣть, что происходитъ. Вотъ не сегодня, завтра поведутъ нашего почтеннаго генерала на разстрѣлъ, а я буду, молча, здѣсь сидѣть?.. Нѣтъ... Я такъ не могу!.. Не могу!.. Мнѣ много разъ представлялся случай убѣжать изъ Россіи. Мнѣ, бывшему офицеру, бросить въ руки большевиковъ тѣхъ, кто имъ не передался... Нѣтъ, Марья Романовна... Это невозможно. Я считаю, что каждая минута въ моей жизни — преступленіе. Я долженъ прекратить эту вакханалію, этотъ гимнъ надъ трупомъ родины...

Осипъ говорилъ горячо. Срываясь. Часто увлекаясь, онъ говорилъ не по существу. Перебѣгалъ отъ одного къ другому.

— Вы говорите: не надо крови: Да ея теперь и не можетъ быть. Выбейте только двухъ, трехъ мерзавцевъ, усѣвшихся на царскій престолъ, и все зданіе сразу рухнетъ... Изъ нихъ не кровь потечетъ, а прогнившая слякоть, которую тотчасъ подлижутъ псы и склюютъ вороны... Крови не будетъ.

— Чудо... чудо будетъ. Всѣ увидятъ, что они поклоня-

лись не людямъ, которые стали для нихъ великими геніями, а погани, принявшей образъ человѣческій...

— Коля, не перебивай... Если никто изъ нихъ, ни наше офицерство, ни наше дворянство, ни наши крестьяне не заступились ни за Царя, когда его убивали, ни за церкви, которыя разрушали и оскверняли на глазахъ народа, то мы не должны вмѣстѣ съ ними клясть все, что было намъ дорого. Пусть мы одни. Но мы должны... это нашъ долгъ, это наша жизнь...Мы обязаны согнать съ нашего престола дьявола... И я клянусь, что, если только жизнь пощадитъ меня, я вотъ этой рукой сброшу въ помойную яму кого-нибудь изъ этихъ негодяевъ.

— И я клянусь. Пусть мы останемся одни. Намъ это не страшно. Я увѣренъ, что, если насъ тотчасъ выбьютъ изъ первыхъ рядовъ, то за нами встанутъ другіе... И мы, Марья Романовна, откроемъ эту черную занавѣску, про которую вы говорили, и мы позовемъ васъ...

— И я съ вами!

Мы подняли головы. Въ дверяхъ стояла Зиночка.

— Не сердитесь. Я не подслушивала. Я не могла спать и все слышала.

Мы замолчали.

Уже наступало утро. На стеклѣ оконъ появлялись необычайно нѣжные оттѣнки то розоваго, то голубого цвѣта. Зиночка заглянула въ комнату отца.

— Крѣпко спитъ.

Рѣшали, что намъ дѣлать и куда итти. Марья Романовна сказала, что она пройдетъ къ себѣ, въ монастырь.

— Я по пятницамъ могу уходить. Мнѣ разрѣшили.

Тогда мы сговорились, что будемъ встрѣчаться у Зиночки по пятницамъ. Если что-либо произойдетъ важное, то я получу записку.

И Осипъ, и Марья Романовна взяли съ меня слово, что я буду исключительно думать о своемъ здоровьѣ. По прежнему буду занятъ физическимъ трудомъ, то есть колоть дрова, чистить садъ и прочее и играть на вечерахъ у матросовъ и вообще тамъ, куда пригласятъ. Остальное все бе-

ретъ на себя Осипъ. Онъ обдумаетъ всю программу нашихъ дѣйствій и только тогда будетъ со мной совѣтоваться, когда я избавлюсь отъ припадковъ. Они, по его словамъ, могутъ погубить все дѣло.

Я ушелъ первымъ. Мнѣ надо было выспаться, такъ какъ предстояло провести безсонную ночь. Играть на балу у матросовъ.

Повторяю: нянюшка и отецъ Кириллъ привыкли къ тому, что я неожиданно уходилъ изъ дому, и не удивлялись, что я не разговлялся. Я только сказалъ нянюшкѣ:

— Марья Романовна вамъ кланяется.

Я все-же не забылъ съ ними похристосоваться, отвѣдалъ нянинаго кулича, поѣлъ пасхи, со всѣми посидѣлъ за столомъ. Пришелъ Вася. Зашелъ отецъ Александръ, и вмѣстѣ съ дьякономъ и Васей они пошли съ крестомъ. Нянюшка пошла на могилку княжны.

Филька, какъ всегда, мнѣ обрадовалась и, какъ только я легъ спать, она прыгнула ко мнѣ и тотчасъ такъ крѣпко заснула, словно не спала нѣсколько ночей.

Я проснулся какъ разъ во время. Къ обѣду. Успѣлъ вымыться, пріочиститься. Навелъ нѣкоторый порядокъ въ домѣ. Нянюшка не успѣвала все сдѣлать. Зашелъ на минуту къ отцу Александру. Поздравить съ праздникомъ. За обѣдомъ мирно бесѣдовали на отвлеченныя темы.

Потянуло на воздухъ. Я вышелъ въ садъ. Захватилъ съ собой Фильку. Смотрѣлъ на праздничную публику. Сравнивалъ ее съ той, которая раньше наполняла въ первый день Пасхи сады и улицы.

— Имѣю честь кланяться!

Я поднялъ голову. Передо мной стоялъ господинъ неопредѣленныхъ лѣтъ. Какъ будто знакомое лицо. Нѣтъ. Ошибся. Я его вижу въ первый разъ. Худое лицо съ расчесанной бородой. Одѣтъ онъ былъ вполнѣ по праздничному. Но такъ цвѣтисто, что напоминалъ собою попугая или пѣтуха. Желтое лѣтнее пальто, сиреневыя перчатки, какія-то голубые гетры. Лиловый пиджакъ, жилетъ съ

красной каймой, брюки синія и галстукъ съ пунцовыми букетами.

Неизвѣстный господинъ приподнялъ шляпу.

— Разрѣшите около васъ сѣсть-съ?

— Пожалуйста.

— А я въ сущности къ вамъ шелъ. Хотѣлось васъ навѣстить въ этотъ день... Какъ-же? Первымъ долгомъ подумалъ о васъ-съ. Пріятели пріятелями, а все слѣдуетъ помнить учтивость.

— Но кто это такой? — думалъ я, смотря на страннаго господина.

— Разъ ко мнѣ, тогда милости просимъ. Я вышелъ только подышать свѣжимъ воздухомъ.

— О, не безпокойтесь... пожалуйста. Приемемъ-съ это за то, что я былъ у васъ съ визитомъ-съ.

Я ни на минуту не отводилъ своего взгляда отъ сосѣда.

— Отдыхаете-съ?

— Да.

— Очень хорошее-съ занятіе...

Помолчалъ. Потомъ какъ-то вскрикнулъ.. Взвизгнулъ, словно ему пришла необычайно геніальная мысль.

— Скажите... Вы совершенно свободный человѣкъ?

— Вполнѣ. Я только по вечерамъ занятъ.

— Такъ-съ. Такъ вотъ что я вамъ-съ предложу. Не пожелаете-ли вы-съ со мной совершить маленькое путешествіе-съ?

— Куда?

— Недалеко. Только по Петербургу или, какъ теперь говорятъ, по Петрограду. О, я-бы вамъ показалъ такія достопримѣчательности... Вы его не знаете, чѣмъ онъ сталъ за эти года-съ... Я все знаю-съ... все..

Какъ только я повернулся, я сразу понялъ, кто былъ со мной.

Мой мѣщанинишка!

— Вполнѣ.

— Очень хорошо-съ. Извините. У васъ пушокъ на плечикѣ-съ.

Насъ ждалъ автомобиль.

Мѣщанинишка предложилъ мнѣ первому влѣзть въ автомобиль и даже двумя пальчиками придержалъ меня за локоть. Затѣмъ онъ быстро впрыгнулъ и, опустившись на кожаное сидѣнье, положилъ ногу на ногу и крикнулъ.

— Товарищъ, въ Зимній дворецъ.

Мы ѣхали быстро, но пришлось колесить, такъ какъ торцы были мѣстами разобраны. Образовались на мостовой впадины, и нашъ шофферъ опасался того, чтобы мы не испытали непріятныхъ ощущеній.

Мѣщанинишка указалъ пальцемъ на шоффера и тихо шепнулъ:

— Когда-то у него свои были автомобили. Извѣстный богачъ. На гонкахъ призы бралъ. Въ пріятельскихъ отношеніяхъ былъ съ министрами.

И небрежно добавилъ:

— Пусть теперь пріучается... Теперь по своей глупости сталъ пролетаріемъ. Смотрите... Смотрите... Вонъ идетъ бывшій господинъ и несетъ мѣшокъ на спинѣ. Знаю я его. Писатель-съ. Паекъ тащитъ. Несчастный, какъ измучился. Это тоже теперь пролетарій отъ глупости.

— Чьей глупости?

— Общечеловѣческой-съ. И своей собственной. Соціализмомъ увлекался. Всѣ, говоритъ, должны быть равны. Вотъ и приравнялъ себя. Только далеко зашелъ. Если, говоритъ, всѣмъ быть равными, то отчего этотъ знакъ равенства... двѣ такія маленькія линіи не провести между мной и осломъ. А равно Б. А — это онъ, а Б — оселъ. И провелъ. Вотъ, что получилось. Идетъ и думаетъ. Я, думаетъ, теперь улицы подметаю, а дворникъ Толстолобовъ

сидитъ теперь за моимъ письменнымъ столомъ и пишетъ критическій разборъ о книгѣ Волынскаго «Балетъ».

Мы проѣхали мимо писателя. Напугали его. Онъ шарахнулся въ сторону. Мѣшокъ перетянулъ его, и онъ упалъ.

— Здорово-съ, — проговорилъ мѣщанинишка и захохоталъ.

Шофферъ обернулся къ намъ и тоже хихикнулъ.

Мы подъѣзжали къ дворцу.

— Вотъ рѣшетка-съ... Была и не стало. Разломали и бросили на набережную. Это товарищъ Зиновьевъ какъ-то сплюнулъ: не надо рѣшетокъ. Хочу, говорить, чтобы городъ украшенъ былъ по нашему. Ну рѣшетку и сломали. Всѣхъ бывшихъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ нагнали. Мѣсяцъ ее разбирали.

У крыльца, мнѣ когда-то хорошо знакомаго, нашъ автомобиль остановился. Сошли.

Залы... колонны. Золоченая мебель...

Въ пріемной масса народу. Просители. Какой-то человѣкъ бѣгалъ отъ двери къ столу, отъ стола къ двери. Кричалъ что-то, то и дѣло вставляя слово «товарищи».

— Занятъ, товарищи. По очереди...

Стояла группа мужей съ бородами. Въ очкахъ. На головахъ у всѣхъ были надѣты красные колпаки.

— Это красные профессора-съ, — шепнулъ мнѣ мой мѣщанинишка и почтительно раскланялся передъ профессорами.

Я замѣтилъ, что въ углу сидѣлъ Федоръ Игнатьичъ. Онъ былъ сильно удрученъ. А между тѣмъ, поглядывая на всѣхъ со страхомъ, онъ потихоньку облупливалъ маленькимъ ножичкомъ позолоту па креслѣ и кусочки пряталъ себѣ въ карманъ.

Въ большой залѣ, гдѣ дожидались просители, приходили разныя депутаціи, делегаціи, какіе-то выборные и просто просители. Вошла дама со стрижеными волосами и папироской въ зубахъ. Она, не докладывая о своемъ при-

ходѣ секретарю, прямо прошла въ кабинетъ, передъ которымъ стояли чающіе кого-то увидѣть.

Послышался чей-то хриплый голосъ:

— Вотъ прямо прошла. А мы третью недѣлю ходимъ, ничего добиться не можемъ.

— Она завѣдуетъ всѣмъ просвѣщеніемъ народа. Правая рука у Анатолія Васильича.

Къ счастью, мы попали какъ разъ во время, а именно къ выходу какого-то Анатолія Васильевича.

— Идетъ... идетъ, — раздалось въ толпѣ.

Дождались! Оказывается, за это время, какъ они дожидались, много воды утекло. Но для нихъ, ожидающихъ какого-то Афанасія Петровича... или какъ его тамъ?.. жизнь въ залахъ дворца остановилась. Они безъ пищи и питья исхудали, осунулись...

Дверь распахнулась. Сперва вытащили изъ кабинета нѣсколько пулеметовъ. Поставили ихъ дугой. Около каждаго пулемета встало по красноармейцу. Выбѣжали чекисты и по три человѣка встали около каждаго просителя. Потомъ вышелъ отрядъ милиціонеровъ съ ружьями на веревочкахъ.

Это было цѣлое шествіе. Шли писатели во главѣ съ писателемъ-пролетарскимъ, который сосалъ палецъ и высасывалъ изъ него оды Ильичу. За ними шли публицисты во главѣ съ какимъ-то лохматымъ человѣкомъ. Всѣ были съ лентами черезъ плечо, на которыхъ было написано по новой орѳографіи: «пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь». За ними шли какія-то дѣвушки разныхъ возрастовъ съ такими-же лентами и надписями: «женщины всѣхъ возрастовъ соединяйтесь».

Всѣхъ шествующихъ описать было трудно. Такъ велико было шествіе. Я замѣтилъ только, что впереди всѣхъ актеровъ шла какая-то дама очень эффектная, шикарно одѣтая по послѣдней модѣ, съ рыжими крашеными волосами. Она была очень счастлива. Я прочелъ въ ея глазахъ.

— Ахъ, какъ они меня всѣ любятъ!

По правую сторону, немного отступя, шелъ тотъ лысый лекторъ, который на балу у матросовъ читалъ о Горькомъ. По лѣвую сторону шла стриженая дама, очень полная и, держа въ рукахъ кусокъ хлѣба, откусывала его и усиленно жевала.

Въ процессіи, шествующей не менѣе часа, я видѣлъ много знакомыхъ лицъ. Знакомыхъ актеровъ, писателей, профессоровъ, музыкантовъ, ораторовъ, общественныхъ дѣятелей.

Когда всѣ размѣстились по своимъ мѣстамъ, въ публикѣ вдругъ произошло движеніе.

— Самъ... самъ...

Быстрой походкой вышелъ самъ. Онъ былъ почему-то въ шапкѣ и въ широкой скунсовой шубѣ съ чужого плеча. Ему хотѣли, было, красные профессора устроить овацію, но онъ сразу началъ рѣчь:

— Товарищи! Долой всѣхъ читающихъ! Они мерзавцы и подлецы. Буржуи! Вы небось, сволочи, читаете книгу у себя дома? Да!.. Въ комнатѣ? Сядете такъ около теплаго камина въ мягкое кресло, поставите ногу на скамеечку, чтобы удобно было. Каминъ трещитъ. Огоньки бѣгаютъ по коксу. И посылаютъ вамъ теплые лучи. Около васъ электрическая лампочка съ абажуромъ, чтобы не рѣзало вамъ глаза. На васъ теплая пижама, съ шелковыми шнурами. На столикѣ около васъ стоитъ чашка съ горячимъ кофе. Тутъ и сливочки и печенье... Въ рукахъ у васъ хорошая гаванская сигара. Идетъ сѣро-голубой дымокъ и, завиваясь въ кольчики, поднимается къ потолку. Вы держите въ рукахъ книгу и читаете ее. Не такъ-ли, подлецы?

— Такъ... такъ, Анатолій Васильевичъ! Совершенно вѣрно.

— И для этого вы пишете книги? Для этихъ мерзавцевъ, которые читаютъ ваши ученые труды, ваши романы и стихи, ваши оды Ильичу, ваши статьи о религіи, какъ объ опіумѣ для народа.. Нѣтъ. Вы знаете, что вамъ нужно дѣлать?.. Вѣдь вы, бараньи головы, не понимаете того,

что изъ ста человѣкъ русскихъ пролетаріевъ двѣсти семнадцать съ третью неграмотныхъ. Теперь всѣ эти теплыя комнаты уже реквизированы пролетаріемъ. Онъ, пролетарій, хоть и сядетъ у камина, но все равно читать не можетъ. Онъ не знаетъ еще ни одной буквы. Онъ не понимаетъ еще, что значитъ точка. Такъ какъ-же онъ будетъ читать ваши книги? Эхъ, дурачье, дурачье!.. Я васъ, товарищи, научу, что надо дѣлать. Вы, ученые и писатели, поэты и публицисты... Вы должны выходить на большія площади и тамъ, собравъ милліонную толпу, читать имъ свои произведенія. И не по книгѣ, а такъ... вотъ какъ я говорю. Вы тутъ-же на площади сочиняйте и читайте. Поняли? Тогда не нужно будетъ книгъ, тогда не нужно будетъ обучаться грамотѣ. Каждый будетъ обязанъ подъ страхомъ смерти идти на площади, слушать васъ и обучаться...

Раздались апплодисменты. Кто не хлопалъ, чекисты того щекотали подъ мышками. Тотъ кричалъ и усиливалъ шумъ восторга.

Мѣщанинишка слегка дотронулся до меня. Я понялъ по его губамъ, что онъ сказалъ, хотя нельзя было разслышать не только его словъ, но услышать звукъ шепота.

— Одна глупость-съ.

Я вполнѣ съ этимъ согласился.

— На ней все и держится-съ.

Рѣчь длилась добрыхъ три часа, (я взялъ, конечно, лишь ея смыслъ). Мы устали. Вышли на свѣжій воздухъ.

Я молчалъ. Говорилъ мѣщанинишка.

— Отчего не взять то, что даютъ? Отчего не говорить глупости, если всѣ ее со смакомъ слушаютъ? Я вотъ слышалъ рѣчь того комиссара, который завѣдуетъ выдачей обуви. Онъ рѣшилъ такъ-съ. Сапоги носятся годъ, скажемъ. Такъ-съ. И чтобы сапоги носились два года, онъ рѣшилъ, чтобы каждый гражданинъ одинъ годъ скакалъ на лѣвой ногѣ, а другой на правой. Геніально-съ? И что-же?.. Послушались. И съ умиленіемъ теперь скачутъ. А комиссаръ теперь разжился, какъ Лукуллъ-съ.

— Крезъ, вы хотите сказать?

— А мнѣ все равно, кого ни назови. Теперь это въ модѣ. Называй, кого хочешь, повѣрять.

Мы проѣхали по пустынной улицѣ съ длиннымъ названіемъ «Проспектъ семнадцатаго Нахамкеса», потомъ промчались по Литейному проспекту, который тоже именовался какъ-то иначе. Проѣхали мостъ и стали кружиться по маленькимъ уличкамъ.

Странный домъ. Странныя ворота. Дворъ. Рѣшетка. Мы очутились въ большой комнатѣ. За письменнымъ столомъ сидѣла очень молодая дама. Даже по виду скорѣе барышня. Довольно миловидная. Она была причесана просто, но не безъ кокетства. Отдѣлялась прядка, слегка завитая, и это къ ней шло. Розовое, съ чуть припухлыми, какъ бываетъ у дѣтей, чертами, личико.

Она взглянула на насъ. Чудные голубые глазки, наивные и свѣтлые. Она облизала языкомъ свои губы, чуть высунувъ кончикъ языка. И это было у нея очаровательно. Словно съѣла вкусную конфетку.

— Садитесь, товарищи, — мягко сказала она съ нѣжной улыбкой.

Мы сѣли въ сторонку. Три раза ударила въ ладоши. Тотчасъ отворилась дверь. Вошелъ курьеръ.

— Слѣдующаго.

— Слушаю, товарищъ.

Черезъ минуты двѣ ввели какого-то человѣка. Ввели два красноармейца, сильно вооруженныхъ. Впереди нихъ шелъ офицеръ въ фуражкѣ съ совѣтской звѣздой. Офицеръ и красноармейцы, оставивъ приведеннаго ими человѣка передъ столомъ, за которымъ сидѣла симпатичная дама, отошли къ стѣнѣ.

Теперь я могъ хорошо разсмотрѣть вошедшаго. Это былъ богатырь. Громаднаго роста. Могучій. Со здоровыми мускулами. Когда онъ ступалъ, то, казалось, полъ подъ нимъ сгибался. Лицо красивое. Длинные усы внизъ. Но щеки и подбородокъ небритые. Голову онъ

держалъ гордо. И во всей его фигурѣ была видна громадная сила и тѣла, и духа.

— Здравствуйте, товарищъ, — мягко произнесла дама.

Тотъ не отвѣтилъ. Дама стала рыться въ бумагахъ, раскиданныхъ у нея на столѣ.

— Какъ ваша фамилія, товарищъ?

— Романовъ.

— Романовъ? Вы не родственникъ тѣмъ Романовымъ, которые считали себя русскими царями?

— Нѣтъ. Это была-бы слишкомъ высокая для меня честь. Я считалъ себя счастливымъ, служа Романовымъ.

— Кѣмъ вы были до революціи?

— Я былъ полковникомъ Лейбъ-гвардіи Его Императорскаго Величества...

— Такъ-съ... такъ-съ... Прекрасно.

Въ это время дверь отворилась и вошелъ студентъ. Я рѣшилъ, что онъ былъ студентомъ потому, что на немъ была студенческая фуражка. И только. Почему-то онъ былъ въ офицерскихъ брюкахъ съ кантомъ и въ черной кожаной курткѣ.

— А!.. До Романова добрались?.. Ну что-же? Это очень интересно... Ты что-же, Лидочка, за мной не послала... а?..

Студентъ протянулъ Лидочкѣ руку, подержалъ ее, потомъ сѣлъ рядомъ съ ней. Развалился на стулѣ и, взглянувъ въ упоръ на полковника, вынулъ попироску и закурилъ.

— Ахъ да, Лидочка... Посмотри, какія у меня брюки. Совсѣмъ новенькія. Отъ мундира ничего не осталось. Весь, какъ рѣшето. А брюки ничего... А?.. Что ты скажешь? Вѣдь это шикъ... Какая матерія... Это, ты помнишь, того... Что молился?

— Помню.

— Это-же его брюки... Его какъ пулеметомъ перерѣзало, а брюки остались цѣлы... А?.. Что ты скажешь?..

— Ну, не мѣшай.

— Что?.. Онъ сказалъ, что служилъ въ царскихъ войскахъ? Онъ-же полковникъ. Я все его дѣло знаю.

— Товарищъ Романовъ, вы обвиняетесь въ томъ, что прошлаго года, недалеко отъ Клина вы повѣсили на деревьяхъ двухъ коммунистовъ и третьяго разстрѣляли.

— Да, это совершенно вѣрно, только повѣсилъ не двухъ, а трехъ.

Студентъ фыркнулъ. Прищурилъ глаза.

— Вотъ что, товарищъ Романовъ, скажите мнѣ, — спросилъ онъ съ усмѣшкой. Почему вы троихъ повѣсили, а четвертаго разстрѣляли?.. Извиняюсь, я еще не кончилъ. Вы-же сами хорошо знаете, что повѣшеніе это болѣе позорная казнь, чѣмъ разстрѣлъ. Извиняюсь... А?.. Я васъ слушаю.

— Потому что было только три дерева. А на трехъ четверыхъ не повѣсить. Сучья высоко были. Пришлось послѣдняго застрѣлить.

— Я вполнѣ удовлетворенъ вашими показаніями. Товарищъ Лидочка, теперь вы можете спрашивать.

— Скажите, товарищъ Романовъ, вы ихъ умышленно повѣсили?

— Полагаю, не нечаянно.

— То есть, я хотѣла спросить, сознательно?

— Вполнѣ.

— Что-же, это было наказаніе?

— Нѣтъ. Я просто уничтожилъ этихъ гадинъ.

— Разскажите подробно, какъ это было?

Лидочка снова стала перебирать на столѣ бумаги.

— Только я попрошу васъ говорить правду У меня имѣются здѣсь показанія свидѣтелей. Васъ уже допрашивали, и ваши показанія не совсѣмъ сходятся.

— Тамъ наврали... Я всегда говорю, что было.

— Говорите.

— Изъ Петербурга.

— Вы хотите сказать, Петрограда? — спросилъ студентъ.

— Я всегда, что хочу, то и говорю, — рѣзко оборвалъ полковникъ.

— Продолжайте.

— Я пріѣхалъ изъ Петербурга въ Клинъ...

— Вы удрали, а не пріѣхали.

— Нѣтъ, я уѣхалъ.

— А развѣ у васъ было разрѣшеніе?

— Кого?

— Совѣтской власти.

— Я ея не признаю.

— Вы пріѣхали съ тѣмъ, чтобы поднять бунтъ? Я-же все знаю, все... Вы отъ меня не ускользнете, — кричалъ студентъ.

— Я пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы собрать тѣхъ людей, которые еще не забыли ни родины, ни царя.

— А теперь вашъ царь... того . . . фьюить!..

Полковникъ перекрестился.

— Я попрошу васъ не безобразничать... — вскинулся студентъ, — это что-же такое ?..

— Оставьте, — мягко вставила Лидочка. — Продолжайте, товарищъ.

— Въ это время въ Клинъ пріѣхало четверо красныхъ агитаторовъ.

— Это были лучшіе агитаторы! — крикнулъ студентъ.

— Я ихъ повѣсилъ не за агитацію. Они стали творить нѣчто невѣроятное. Повели дѣвушекъ въ церковь и тамъ ихъ изнасиловали. Убивали направо и налѣво. Священника облили керосиномъ и подожгли. Обокрали всѣхъ, кого могли...

Студентъ расхохотался.

— Это вчетверомъ-то?

— Къ сожалѣнію, пріѣхали они вчетверомъ, а уже къ вечеру къ нимъ перешла вся деревенская молодежь.

— Вы-же сами показывали, что ихъ встрѣтили съ руганью. Бранили жидами, когда они вошли въ церковь.

— Да. Это вѣрно. Но это было недолго...

— Я ихъ зналъ, — обратился студентъ къ Лидочкѣ. —

Это-же были лучшіе агитаторы. О, какъ они говорили... Они-же вчетверомъ могли зажечь всю Россію.

— А что они съ вами сдѣлали? — спросила Лидочка.

— Они отвели меня въ сарай и тамъ заперли. Это за городомъ. Утромъ я вижу, что они идутъ къ монастырю. Тамъ женскій монастырь. Тамъ они тамъ хотѣли учинить погромъ. Я догадался, куда идутъ. Налегъ на дверь. Выломалъ ее и бросился къ этимъ вашимъ агитаторамъ. Они не ожидали этого... И револьверовъ не успѣли вынуть. Съ ними четверыми мнѣ легко было справиться. Троихъ я повѣсилъ, а четвертаго пристрѣлилъ. Иначе они-бы разорили монастырь и много-бы тамъ погубили народу. Я только спасъ монастырь отъ несчастія. Вотъ и все... А тутъ меня нагнали и схватили... Тѣ, которые шли за агитаторами грабить монастырь.

— Вы многихъ ранили?

— Отстрѣливался.

Лидочка наклонилась къ студенту и что-то ему стала шептать. Студентъ слушалъ и, въ знакъ одобренія, кивалъ головой.

— Вотъ что, товарищъ Романовъ, я васъ еще хотѣла спросить. Предположимъ, вы-бы были оправданы, что бы вы сдѣлали?

— То, что и раньше.

— То есть, — вставилъ студентъ, — вѣшали-бы коммунистовъ?

— Я-бы постарался отъ нихъ очистить Россію.

— А у насъ-бы не служили?

Я обратилъ вниманіе на короткую, нѣмую сцену, происшедшую въ этотъ моментъ. Полковникъ какъ-бы машинально повернулъ голову въ сторону офицера, который его привелъ. Тотъ сильно поблѣднѣлъ. Покачнулся... Но тотчасъ силой воли сдержалъ себя.

— Я васъ спрашиваю, вы не стали-бы у насъ служить?

— Я никогда не былъ подлецомъ и никогда не измѣню своей родинѣ, — твердо произнесъ полковникъ.

— Вамъ-бы все простили... Вы могли-бы у насъ очень выдвинуться. О васъ даже знаетъ Троцкій.

— Но я его не знаю.

Полковникъ смолкъ и больше не отвѣчалъ ни на одинъ вопросъ. Но Лидочка стала почему-то волноваться. Нервно и нетерпѣливо перебирала бумаги. Ея лицо раскраснѣлось. Стала чаще облизывать губы. Металась изъ стороны въ сторону. Но почти не сходя съ мѣста. Сдѣлаетъ короткое движеніе плечомъ и тотчасъ раздумаетъ и метнется въ другую сторону.

Вошла какая-то пожилая женщина и принесла Лидочкѣ въ глиняной кружкѣ чаю. Поставила на столъ. Порылась съ карманѣ и оттуда вытащила нѣсколько конфетокъ въ бумажкахъ.

Лидочка тотчасъ взяла одну конфетку и стала снимать бумажку. Та прилипла. Лидочкѣ не хотѣлось брать въ ротъ конфетку съ прилипшими кусочками бумажки. И очень внимательно стала ихъ снимать своими тоненькими пальчиками съ острыми и блестящими ноготками.

— Маникюръ... — почему-то пронеслось у меня въ головѣ.

Разсердилась на конфетку и взяла ее въ ротъ.

— Вотъ что, товарищъ...

Отхлебнула чай и слегка обожглась. Конфетка мѣшала ей говорить.

— Революціонный трибуналъ уже приговорилъ васъ къ высшей мѣрѣ наказанія, то есть къ разстрѣлу.

— Я знаю, — отвѣтилъ полковникъ.

— Но мнѣ и товарищу Лобзику было поручено предварительно съ вами поговорить... Вы могли-бы быть намъ очень полезны...

— Оставьте это, — махнулъ рукой полковникъ. — Это ни къ чему. Валяйте скорѣе. Дѣлайте то, что нужно.

— У васъ есть какія просьбы?

— Есть... Успѣю я выкурить попироску?

— А у васъ есть папиросы? — спросилъ студентъ.

— Спасибо. У Василія Петровича есть...

И полковникъ повернулся къ офицеру.

Тотъ сталъ вынимать изъ кармана коробочку съ папиросами. Но разронялъ ихъ. Нагнулся. Не могъ пальцами ухватить папиросу съ полу и потѣшно ее гналъ. Почему-то одинъ изъ красноармейцевъ прижалъ ее сапогомъ къ полу и раздавилъ ее.

Полковникъ самъ наклонился. Поднялъ другую папиросу. Офицеръ чиркалъ спичками. Онѣ шипѣли, воняли, но не зажигались. Тогда на помощь пришелъ студентъ. Всталъ и далъ полковнику закурить отъ его папиросы.

Полковникъ закурилъ. Затянулся. И съ наслажденіемъ выпустилъ изъ груди клубъ дыма.

Лидочка еще разъ торопливо глотнула изъ кружки, взяла въ ротъ другую конфетку и проговорила.

— Дорогой докурите.

Кивнула головой офицеру.

Тотъ тотчасъ скомандовалъ. Солдаты подошли къ полковнику и, подъ предводительствомъ офицера, повели полковника. За ними шелъ студентъ съ Лидочкой.

Мѣщанинишка мнѣ махнулъ слегка рукой, и мы пошли вслѣдъ за полковникомъ. Сперва вошли на первый дворъ. Свернули черезъ арку во второй.

— Приготовьте, — сказала Лидочка офицеру.

Остановилась. Что-то говорила студенту. Съ дѣловымъ личикомъ часто повертывала головку, слѣдя, такъ-ли исполняютъ ея приказаніе.

Полковнику тотчасъ скрутили за спиной руки. Потомъ офицеръ взялъ платокъ и, сложивъ его, закинулъ черезъ голову полковнику, закрылъ ротъ и концы связалъ на затылкѣ, натянувъ съ такой силой, какъ лошадямъ надѣваютъ подпругу.

Полковника подвели къ каменному забору и поставили его спиной къ стѣнѣ.

— Готово, товарищъ.

— Сію минуту, — отвѣтила Лидочка, продолжая говорить со студентомъ.

Полковникъ стоялъ гордо. Только поднялъ глаза къ небу. Молился.

Наконецъ, Лидочка обернулась. Спокойно посмотрѣла на полковника. Пошла, но что-то вспомнила.

— Да... Я забыла спросить васъ, товарищъ. Вы достали билетъ на юбилей Карпова?

— Ну какъ-же? обязательно. Два.

— Это сегодня?

— Сегодня.

Лидочка разсѣянно смотрѣла на всѣхъ, но я чувствовалъ, что она была неспокойна. Она облизывала свои губки и, видимо, нервничала. Какъ нервничаютъ дѣти, стоя у оконъ большого магазина съ разными сластями. Вкусно!.. И шарятъ въ карманахъ. Хватитъ-ли на карамельки, шоколадъ, помадки...

— Есть.

И бѣгутъ въ магазинъ.

— Вы сами будете? — спросилъ офицеръ.

— Конечно.

Онъ вынулъ изъ кабуры большойноганъ. Но Лидочка еще колебалась. Что лучше? Ружье или ноганъ. Все-же ружье тяжело. Ноганъ удобнѣе.

Взяла. Осмотрѣла.

— Всѣ пули на мѣстѣ.

Лидочка играла револьверомъ. Повертѣла его въ рукѣ. Улыбнулась. Направила на полковника. И держала долго руку вытянутой по направленію къ полковнику.

И вдругъ совершенно неожиданно быстро подняла револьверъ кверху и дала нѣсколько выстрѣловъ въ воздухъ.

Бросила его на землю.

— Зарядите.

Офицеръ тотчасъ досталъ новыя пули. Быстро выбросилъ старые патроны. Зарядилъ и передалъ Лидочкѣ.

Она медленно поднимала опущенную руку, стоя противъ полковника, въ трехъ шагахъ отъ него.

Выстрѣлъ. Полковникъ чуть вздрогнулъ, но не упалъ.

— Куда?

— Въ животъ попали.

Еще выстрѣлъ. За нимъ тотчасъ другой... третій.

Полковникъ упалъ. Ноги судорожно дергались.

— Живъ.

Лидочка подошла вплотную къ полковнику, лежащему на землѣ. И всадила пулю въ голову.

Еще конвульсивное движеніе.

И конецъ!

— Больше нѣтъ никого?.. У меня одна пуля еще есть...

Но тутъ произошло нѣчто неожиданное. Какъ-то сразу, въ одно мгновеніе офицеръ сошелъ съ ума. Ни за одну секунду никто, можетъ быть, даже онъ самъ, не зналъ, что произойдетъ.

Онъ дико захохоталъ. Громко, съ широко открытымъ ртомъ. Руки онъ положилъ на бедра, фертикомъ. И сталъ дѣлать па, прыжки и такія движенія ногами, словно танцовалъ какой-то невѣроятный танецъ Южной Африки. Видимо, всѣ его движенія не управлялись его мозгомъ.

— Что съ нимъ? — спокойно спросила Лидочка.

Красноармейцы не отвѣтили. Стояли, вытянувшись, какъ на парадѣ, крѣпко держа ружья.

Офицеръ былъ въ какомъ-то изступленіи. Онъ бросился къ трупу полковника. Но задѣлъ за его ногу и свалился на него. Тутъ опомнился. Безумнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на трупъ, на Лидочку.

— Проклинаю... Проклинаю васъ, убійцы и негодяи... предатели!.. Измѣнники Святой Руси...

Лидочка быстро подняла револьверъ и выстрѣлила.

— Здорово! — расхохотался студентъ. — Мѣтко. Онъ готовъ.

Лидочка и студентъ пошли къ воротамъ, забывъ о красноармейцахъ. Тѣ, какъ статуи, не измѣнили своего положенія.

Мѣщанинишка удобно усѣлся со мной въ автомобиль.

— Домой?

— Ну зачѣмъ спѣшить? Вы видѣли очень мало. Пер-

вое, я вамъ показалъ фарсъ сочиненія самого Анатолія Васильича. Геніальный авторъ? Это одна глупость. А второе, это уже сочиненіе самой жизни. Это уже реализмъ... Безъ прикрасъ. Сама дѣйствительность. А развѣ эта дѣйствительность не результаты человѣческой глупости? Какой-то человѣчекъ съ прогнившимъ мозгомъ. Котораго даже нельзя назвать сумасшедшимъ. Ибо сумасшествіе всегда красиво. Вы этого не находите? Въ сумасшествіи есть мысль. Но нѣтъ глупости. А у того, кто теперь правитъ Россіей, вмѣсто мозга, который даетъ мысль, — разложившійся студень, гдѣ копошатся мелкіе, бѣлые черви, обсиженный зелеными мухами и издающій зловоніе. Развѣ этотъ мозгъ можетъ мыслить?.. Мысль, даже сумасшедшаго человѣка, велика. А этотъ студень даетъ вмѣсто мысли зловоніе...

— Перестаньте! Или я сойду...

— Но я вамъ не все показалъ... Товарищъ... Въѣзжай во дворъ.

Чудный дворъ съ садикомъ посрединѣ, большимъ продолговатымъ медальономъ. Обогнули его.

— Стой!

На дворѣ стояло нѣсколько автомобилей. Мы сошли. Мѣщанинишка меня чуть толкнулъ локтемъ. Я понялъ, что надо идти осторожнѣе и не войти въ домъ, а прошмыгнуть.

— Сюда... сюда.

Свернули влѣво и на ципочкахъ поднялись по лѣстницѣ. Пробѣжали какіе-то корридоры. Одну дверь мѣщанинишка съ силой отворилъ, втолкнулъ меня въ небольшую комнату и тотчасъ заперъ дверь на ключъ. Потомъ поманилъ пальчикомъ, и мы подошли къ овальному окну. Мѣщанинишка былъ такъ любезно-предупредителенъ, что подставилъ мнѣ стулъ и усѣлся рядомъ.

— Теперь смотрите. Только не кашляйте и не чихайте, чтобы насъ не услыхали. Насъ никто не увидитъ...

— Гдѣ-же мы?

— Этотъ домъ спеціально былъ выстроенъ для одной артистки однимъ княземъ.

— Какое богатство!

— Изумительное. А вы внимательно смотрите.

Трудно описать все богатство и величіе гостиной. Штофныя обои. Всюду позолота. Рѣдкія картины. Своеобразная мебель. Шелкъ. Чудный фарфоръ. Вазы...

И копошатся люди.

Что они дѣлаютъ? Красивая, сильно молодящаяся дама, съ накрашенными рыжими волосами, въ платьѣ послѣдней моды, выдвигаетъ ящикъ у столика. Ея глаза горятъ. губы жадно улыбаются. Увидала въ столѣ что-то интересное. Но подбѣжалъ къ ней господинъ въ визиткѣ, бритый, съ горбатымъ носомъ. Тотчасъ схватилъ съ одной стороны ящикъ и потянулъ къ себѣ. Дама вцѣпилась еще сильнѣе въ ящикъ. По ихъ лицамъ было видно, что они ругались. Ихъ губы двигались быстро вмѣстѣ со слюной, которую они не успѣвали втянуть въ себя.

Ящикъ выскочилъ изъ стола и упалъ на полъ. Дама и господинъ быстро наклонились, начали выхватывать изъ ящика все, что тамъ было, и прятать въ карманы.

Видимо, дама успѣла взять что-то очень цѣнное, прельстившее господина. Онъ не выдержалъ этого. Схватилъ ея руку... Дама другой рукой ударила господина по щекѣ. Тотъ отскочилъ, осмотрѣлся. Взялъ быстро со стола какую-то фарфоровую вещичку и бросилъ ее въ лицо дамѣ. Началась настоящая драка. Бросились къ нимъ на помощь. Но, къ счастью, скоро ихъ уняли. Отвели въ сторону и увѣщевали.

— Что они тамъ дѣлаютъ? — удивленно спросилъ я.

— Развѣ не видите? Дѣлятъ между собой богатство артистки.

Послѣ этого скандала какой-то господинъ всталъ посреди гостиной и началъ держать рѣчь. Попросилъ всѣхъ, видимо, занять мѣста. Всѣ спокойно усѣлись и внимательно слушали оратора.

— Успокоилъ, — замѣтилъ мѣщанинишка. — Теперь самъ будетъ все дѣлить и раздавать.

Дѣйствительно, господинъ, избравъ къ себѣ помощницу и помощника, сталъ «очищать» комнату и каждому выдавалъ для себя все, что находилъ нужнымъ. Раздавалъ бриллiанты, золотыя вещи. Къ нему тянулись руки...

Какiя вещи, ткани, костюмы, матерiи... Шелкъ, бархатъ, парча...

Снималъ картины со стѣнъ и отдавалъ, кому считалъ нужнымъ. Но не забывалъ и себя.

У каждаго около ногъ выросталъ холмикъ изъ различныхъ вещей и матерiй.

Иногда отворялись двери, и въ гостиную просовывались головы и руки.

— И мнѣ... и мнѣ.

Господинъ, играющiй роль распорядителя, махалъ сердито рукой и съ новой энергiей раздавалъ подарки.

— Грабятъ-съ... Грабятъ-съ!.. — шепталъ мѣщанинишка.

Грабили съ передышкой. Свертывали узлы и куда-то ихъ уносили.

Въ свои автомобили.

Снова всѣ усаживались на свои мѣста. Вотъ распорядитель со своими помощниками принесъ нѣсколько пакетовъ. Духи въ роскошныхъ склянкахъ, пудра...

Опять неспокойный господинъ бросился, было, на накрашенную даму, но ихъ тотчасъ разсадили.

Наконецъ, всѣ, получивъ свое, съ пакетами стали выходить изъ зала. Остался только распорядитель.

Онъ впустилъ всѣхъ, кто стоялъ за дверьми, и предоставилъ имъ разбирать все, что оставалось въ гостиной. Какъ мыши, люди бросились по разнымъ концамъ гостиной.

Потащили бархатную скатерть. Упала лампа и разбилась. Люди перваго сорта, получивъ свое, спокойно удалились. Люди второго сорта добирали остатки.

Распорядитель ихъ торопилъ. Почему-то онъ со своими

помощниками сталъ вносить въ гостиную стружки. Потомъ пришелъ одинъ изъ служащихъ и сталъ поливать изъ жестянки и стружки, и полъ.

Видимо, кричалъ:

— Живѣй... живѣй!

Наконецъ, зажегъ спичку и бросилъ ее въ стружки. Толпа шарахнулась изъ комнаты. Только одному стало жалко оставленныхъ въ гостиной вещей. Вернулся. Схватилъ большую вазу и съ трудомъ ее понесъ. Но пламя уже охватывало комнату.

— Пора — крикнулъ мѣщанинишка.

И мы бросились изъ своей комнаты.

Автомобили съ награбленными вещами уже скрылись. Изъ дома бѣжала толпа.

Когда я садился въ автомобиль, черезъ стекла оконъ были видны яркіе языки пламени.

— Сперва говорили: концы въ воду, а теперь практикуется другое: концы въ огонь.

— Я васъ не понимаю.

— Очень просто. Они реквизировали этотъ дворецъ для какого-то, якобы, учрежденія, въѣхали въ него. Ну а потомъ произошелъ пожаръ отъ неизвѣстной причины и все погибло въ огнѣ. А потомъ-съ все это будетъ отвезено заграницу. Умно?.. Умно-съ, а все основано на глупости. На простой человѣческой глупости. Теперь эта операція пожаровъ вошла въ моду-съ. И богатѣютъ люди не по часамъ, а по минутамъ.

— Да. Вы начали говорить о глупости.

— Вѣрно-съ. Вотъ недавно я слышалъ. Почему это, говорятъ, Господь Богъ оставилъ насъ? Отчего онъ въ нашемъ горѣ не поможетъ намъ? Да очень просто. Господь въ горѣ поможетъ. А это вовсе не горе, а глупость. Видѣли вы красныя тряпки? Развѣ это не глупость? Люди играютъ, какъ дѣти, въ лошадки. Сѣли на деревянныя палочки съ лошадиными головами, тпрукаютъ, хлыстикомъ машутъ и скачутъ. И вотъ они вздумали, чтобы всѣ приняли въ этомъ участіе. И приказали особымъ декретомъ.

Ничего не подѣлаешь. Сѣли всѣ на палочки съ деревянными лошадиными головками. Профессора, артисты, литераторы, инженеры, юристы, общественные дѣятели и тоже скачутъ, тпрукаютъ, погоняютъ хлыстикомъ. И ничего. Попривыкли къ этому. Человѣкъ-съ не самъ по себѣ важенъ, а потому, что его окружающіе дѣлаютъ важнымъ. Ежели всѣ преклоняются передъ чучелой съ прогнившимъ мозгомъ, то это не значитъ, что это чучело велико, а значитъ, что всѣ глупы-съ... И президенты, и короли, которые преклоняются передъ чучелой, всѣ они-съ сами не стоятъ выѣденнаго яйца. Чепуха-съ. Глупость-съ. Все основано-съ на человѣческой глупости-съ. А теперь глупость въ модѣ-съ. Почему-то глупость назвали вдобавокъ соціализмомъ. Вотъ такъ удружили-съ... Говорятъ: все всѣмъ. Почему такой-то катается на автомобилѣ, и я хочу. И я хочу рябчиковъ покушать. Да это все умъ человѣческій выдумалъ. И этотъ Невскій, и памятники, и дворцы. А они, безъ капли ума, заняли все и управляютъ. Это хорошо на недѣлю, двѣ, на годъ... Можетъ, и на пять лѣтъ хватитъ. А только эти люди изобрѣтутъ то, что вы изобрѣли? Построятъ эти дворцы и храмы? Сдѣлаютъ автомобиль? Старое разрушили. Старое износятъ, а потомъ станутъ чесать затылки. Отъ глупости начали, къ глупости и придутъ-съ...

Мѣщанинишка велѣлъ остановить автомобиль на Садовой. Спустилъ меня.

— Впрочемъ, хотите посмотрѣть на юбилей Карпова? Ему преподносятъ нынче званіе перваго рефесерскаго руководителя и распространителя луначарскаго бездарья...

— Нѣтъ. Сегодня я играю на вечеринкѣ.

— Жаль-съ...

Я съ тоской посмотрѣлъ вокругъ себя.

— Слушайте? Чѣмъ-же все это кончится?

— Чудомъ-съ... Чудомъ-съ...

— Какимъ?

— А это вамъ лучше знать.

— Почему?

— Не скажу-съ.

Велѣлъ тронуть автомобиль и быстро понесся. Только махнулъ мнѣ рукой въ сиреновой перчаткѣ.

5. ВАЖНАЯ ПЕРСОНА.

Знакомый свистъ.

Я сидѣлъ у окна. Читалъ. Нянюшка разговаривала съ отцомъ Кирилломъ. Было еще рано, не больше семи часовъ. Вечеръ у меня оказался свободнымъ.

Тотчасъ надѣлъ фуражку и вышелъ въ садъ. Осипъ сидѣлъ на скамейкѣ. Опустилъ голову. Курилъ. Понялъ, что случилось нѣчто важное.

Осипъ поздоровался со мной.

— Сестра при смерти.

— Откуда ты узналъ?

— Узнала Зиночка. Какъ-то случайно. Я нарочно пришелъ тебѣ объ этомъ сказать.

— Осипъ!.. Я думаю, и ты хотѣлъ-бы повидать ее?

— Конечно.

Мы обсуждали, какъ посѣтить сестру? Боялись не за себя, а за Сережу. Могло выйти для него много непріятностей. Навѣрно, онъ, узнавъ, что мы оба въ Петербургѣ, уже не мало провелъ безпокойныхъ ночей, охраняя свое благополучіе. Но такъ или иначе, мы должны свидѣться съ сестрой.

Въ этотъ день большевики справляли праздникъ. Какой-то юбилей, не то красной арміи, не то чекистовъ или коммунистовъ, не то милиціонеровъ. Городъ былъ весь изуродованъ красными тряпками и плакатами. Гдѣ-то былъ назначенъ парадъ, и Зиновьевъ долженъ былъ говорить рѣчь.

— Вотъ что, — сказалъ Осипъ. — Сейчасъ, навѣрно, всѣ пошли на улицу. По моему, это удобный моментъ, чтобы повидать сестру.

— Рискнемъ? Намъ ничего не стоитъ.

Прошли короткимъ путемъ. На Офицерской было сравнительно немного народу, но по Морской двигались не только по троттуару, но и по самой улицѣ.

Проходили отряды красноармейцевъ. Провезли какой-то балаганъ, устроенный на платформѣ грузовика.

На площади, черезъ которую мы шли, было построено возвышеніе. Оркестръ игралъ «интернаціоналъ».

Толпа. Но намъ было видно, что происходило на возвышеніи. Худой господинъ, выбритый по актерски, съ длинными волосами, что-то кричалъ, держа въ рукахъ русскій національный флагъ. Голова оратора иногда вздрагивала и непроизвольно на секунду поворачивалась въ сторону. Какъ будто онъ стоялъ въ гостиной и посматривалъ на часы.

Что онъ кричалъ, надрывая голосъ, мы не слыхали. Но вдругъ онъ, поднявъ флагъ, сталъ его рвать на части и бросать на полъ. Сзади него стояли актеры и актрисы. Они тотчасъ подошли къ нему и всѣ, запѣвъ подъ оркестръ «интернаціоналъ», стали въ тактъ ударять каблуками брошенные куски разорваннаго знамени.

Осипъ поблѣднѣлъ. Крѣпко схватилъ меня за локоть. Съ силою сжалъ. Онъ кусалъ губы. На его глазахъ стояли слезы.

— Идемъ...

Шли молча, пробираясь черезъ толпу, справляющую великій ихъ праздникъ. Въ толпѣ было большое оживленіе. Весело смѣялись, кричали:

— Смотрите... смотрите!

Насъ ничто не интересовало.

— Неужели въ этой толпѣ мы только двое остались изъ тѣхъ, кто по прежнему преданъ нашему національному знамени?..

— О, уже и это сила...

Когда мы входили, по лѣстницѣ поднималась Анна Васильевна. Меня она, конечно, не узнала. Видѣла, когда я еще ходилъ въ своемъ халатѣ. Спросили, дома ли Полозова.

— Больна. Лежитъ.

Отперла дверь своимъ ключомъ.

— Идите. Она тамъ. Въ своей спальнѣ.

Мы прошли корридоръ и постучали въ дверь.

Кто-то, ничего не отвѣчая на нашъ стукъ, подошелъ къ двери, отворилъ ее и вышелъ къ намъ.

— Марья Романовна! Вы здѣсь!

— Лидія Александровна очень больна... Я не думала, что вы захотите ее навѣстить. Боюсь, она очень взволнуется.

— Что съ ней?

— По всей вѣроятности, воспаленіе легкихъ.

— Развѣ докторъ не былъ?

— Пріѣзжала изъ участка какая-то женщина врачъ, но... я ей что-то мало вѣрю. Она только взглянула на Лидію Александровну, даже не выслушала. Сказала: простуда. Написала рецептъ. И уѣхала. Въ аптекѣ этого лекарства не оказалось.

— Но какимъ образомъ вы здѣсь очутились? — спросилъ я.

Марья Романовна посмотрѣла на меня.

— Развѣ это такъ важно знать?

Она рѣшила, что прежде, чѣмъ впустить насъ къ сестрѣ, предупредитъ ее объ этомъ.

Ушла. Мы стояли въ корридорѣ. Дожидались. Анна Васильевна хлопотала. Часто бѣгала изъ столовой въ кухню. Доносился звонъ посуды.

— Можете войти.

Сестра лежала въ кровати. Шторы были спущены. Горѣла электрическая лампочка съ опущеннымъ абажуромъ. Мягкій голубой свѣтъ, слегка убивающій темноту. Подошли къ кровати. Сестра протянула руку. Мы ее поцѣловали.

— Спасибо, — съ трудомъ проговорила она. — Навѣстили. Больше, думала, не увидимся.

— Полно, Лида.

— Я знаю, что умру. Не зачѣмъ утѣшать меня. Да я и не хочу жить. Устала. Не могу!.. И что за жизнь? Не могу къ ней привыкнуть Не по мнѣ она. Мы не нужны имъ. Никому не нужны. Это лучше, такъ уйти. Самой. Жалѣю только, что поздно. Съ тяжелымъ сердцемъ умираю. Лучше-бы не видѣть ничего...

Заговорилъ Осипъ.

— Лида. Ты не прими мои слова за насмѣшку. Я съ тѣмъ, что происходитъ у тебя въ семьѣ, не согласенъ. Но, какъ мнѣ кажется, у васъ все обстоитъ очень хорошо. Всѣ отлично устроились.

— Нѣтъ, Осипъ. Я не обижаюсь. Я знаю, что ты говоришь искренно. Ты меня не захочешь обидѣть... при нашемъ прощаніи. Только ты глубоко ошибаешься. Ахъ, ужъ какое это благополучіе...

— Тебѣ трудно говорить, — замѣтилъ я.

— Трудно. А я должна сказать. Все равно. А какъ я рада, что вижу васъ... И вотъ Богъ послалъ мнѣ утѣшеніе въ лицѣ Марьи Романовны.

Взяла ея руку. Стала ее гладить. Улыбнулась.

— И откуда пришелъ человѣкъ? Какъ узналъ обо мнѣ, что я больна — понять этого не могу. Я думала, что вы послали. Она говоритъ, что нѣтъ.

— Я самъ удивленъ, что вижу здѣсь Марью Романовну.

— Только имя и знаю, а кто такая — и не извѣстно. Ничего о себѣ не говоритъ. Монахиня... Чудо какое-то. Что бы я безъ нея дѣлала? Валялась-бы, какъ собака. Дѣти не вѣрятъ, что я тяжело больна... Ахъ, имъ теперь не до меня. У нихъ свои горести да заботы... Вотъ ты, Осипъ, говоришь: благополучіе. А вотъ Сережу исключили изъ партіи. Сами заманили, а теперь измываются надъ нимъ. Это у нихъ всегда такъ.

— За что же его исключили?

— Цѣлая исторія... Ну да ужъ разскажу...

Марья Романовна встала и вышла. Хотѣла принести для больной чашку чая.

— Леля-то родила... Хотѣли ребенка окрестить. Оба они на этомъ настаивали. И Сережа и Леля. А Гаврила Анисимычъ былъ противъ этого. Тогда Сережа окрестилъ ребенка потихоньку. Гаврила Анисимычъ объ этомъ узналъ. Имъ вѣдь все извѣстно... Чекистамъ-то. Ужасно поссорились. Изъ-за этого Сережу изъ партіи и исключили.

— А гдѣ-же ребенокъ?

— Пропалъ...

Сестра отвернулась къ стѣнѣ и заплакала. Я сѣлъ на край ея кровати. Тихо гладилъ по головѣ. Случайно дотронулся до лба. Онъ былъ горячій. Видимо, у нея была повышена температура. Но сестра вдругъ приподнялась. Все ея лицо покрылось красными пятнами. Глаза горѣли.

— Нѣтъ... нѣтъ... Я не могу. Я вамъ должна все, все сказать... Лучше-бы ничего не знать... Не видѣть... не слышать, что происходитъ вокругъ... И здѣсь... вотъ въ этой квартирѣ... Господи! Зачѣмъ Ты заставилъ меня передъ смертью все это видѣть? Зачѣмъ Ты сохранилъ мнѣ сына? Почему онъ не былъ убитъ на войнѣ... героемъ?.. Господь милосердный! Зачѣмъ мы дожили до этого позора?..

Вошла Марья Романовна. Принесла чашку кофе. Сестра сперва отказывалась, но Марья Романовна заставила ее сдѣлать нѣсколько глотковъ.

Лида какъ будто успокоилась. Она дышала трудно, съ перерывами. Мнѣ была ясна вся картина ея болѣзни. Сердце плохо работало.

— Лежите и молчите, — сказала Марья Романовна

— Не могу... Все равно скоро конецъ... Не могу. Я должна все сказать. Чтобы братья, когда я умру, не проклинали меня... Да... да!.. Я хотѣла сказать про ребенка... Онъ пропалъ. Гаврила Анисимычъ самъ

его отнесъ въ пріютъ. Большевики учредили такой пріютъ. Для новорожденныхъ. Туда всѣхъ дѣтей приносятъ... Тамъ ихъ много. И отдаютъ безъ бумагъ, безъ документовъ... И никто не знаетъ, чей ребенокъ... Родителей не пускаютъ. Чтобы ни отецъ, ни мать не могла найти своего ребенка. Дѣти безъ родителей. Безъ націи... Общія дѣти. Совѣтскія... И ребенка Лели туда отдали...

— Ну! Можетъ быть, это и къ лучшему, — вставилъ Осипъ.

— Все-же...

Сестра не могла окончить фразы. Опустила голову на подушку и закрыла глаза. Мы молча сидѣли около нея. И словно боялись другъ другу смотрѣть въ глаза. Наши думы были слишкомъ ясны. Но это были тѣ думы, которыхъ мы не могли сказать вслухъ.

Сестра не открывала глазъ. Губы ея двигались. Сперва не было голоса. Кашлянула. Въ тишинѣ мы услыхали нѣсколько словъ.

— Когда Леля была больна... У него любовница... Не любовница... просто кутилъ... Онъ больной... и Леля больна... Онъ съ нами грубъ... Травитъ всѣхъ... И Сережу... Вотъ Сережу заманили... пообѣщали... А теперь травятъ...

Больше она ничего не сказала. Чуть шевелила губами. Была въ полномъ забытьи.

И вдругъ мы услыхали шумъ. Мы вздрогнули. Переглянулись. Уйти было поздно. Все равно мы должны были встрѣтиться въ кухнѣ. Ясно, что вернулись съ праздника, но пришли не одни, а пригласили съ собой гостей. Судя по голосамъ, это не трудно было различить.

— Пройдемъ въ гостиную. Будто мы ихъ дожидались, — шепнулъ я Осипу. — Они меня знаютъ.

Марья Романовна кивнула головой въ знакъ согласія. Мы тотчасъ встали и быстро прошли въ гостиную. Освѣтили ее.

— Я сумѣю вывернуться, ты только молчи.

Нашъ маневръ вполнѣ удался. Никто не замѣтилъ,

какъ мы проскользнули въ гостиную. Изъ передней всѣ направлялись къ намъ. Видимо, всѣ были въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Говорили громко. Смѣялись. Мужскіе голоса смѣшивались съ женскими. Впрочемъ, какъ мнѣ показалось, звенѣлъ одинъ молодой голосокъ, какъ будто Ксеніи.

Первымъ вошелъ Гаврила Анисимычъ. Увидалъ меня. Отъ радости развелъ руками.

— Кого я вижу? Вотъ кстати!

Обернулся къ гостямъ.

— Неожиданный сюрпризъ?

И громко разсмѣялся.

— Какъ это тебя сюда принесло?

Мнѣ пришлось разсказать, «какъ меня сюда принесло», при всѣхъ. Вошли Симонъ Исаичъ, Леля, Сережа, Ксенія и, къ моему удивленію, милѣйшій Федоръ Игнатьевичъ. За ними прошелъ еще какой-то человѣкъ съ грубымъ и безцвѣтнымъ лицомъ простолюдина, но не русскаго типа. Довольно молодой, коренастый. Сразу почувствовалось, что этотъ человѣкъ былъ «персоной», такъ какъ всѣ относились къ нему съ особеннымъ почтеніемъ. А Федоръ Игнатьичъ даже со страхомъ и трепетомъ. Онъ даже боялся съ нимъ заговорить, а только посматривалъ на него издали.

Сережа, увидавъ насъ, нервно повелъ губами. Даже закусилъ губу, и видно было, что сдѣлалъ себѣ больно. Сережу нельзя было назвать красивымъ. Блондинъ. И желтоватые брови и усы, теперь коротко стриженые на подобіе щетины, на его розовомъ лицѣ дѣлали его безцвѣтнымъ. Даже нѣкогда милые намъ всѣмъ его ярко голубые глаза, казалось, стали сѣраго цвѣта. Какъ его военная куртка. И только какія-то красныя нашивки нѣсколько украшали всю его сѣрую фигуру.

Трудно было теперь въ Лелѣ узнать прежнюю дѣвчонку, шалунью Лельку. Впрочемъ, моментъ для сравненій былъ неподходящій. Увидавъ меня и Осипа, Леля такъ испугалась и поблѣднѣла, что чуть было не упала

въ обморокъ. Прислонилась спиной къ косяку двери и не двигалась. Смотрѣла на насъ широко раскрытыми глазами. Къ ней подошелъ Сережа и что-то шепнулъ. Мало того. Не одинъ испугъ такъ исказилъ черты ея лица. Оно было больное. Желтая кожа. Подъ глазами круги.

Въ этотъ моментъ у меня (я думаю, что и у Осипа, у Сережи и Лели) много разныхъ думъ пронеслось въ головѣ. Но моментъ былъ настолько важный, значительный, что я учитывалъ каждую мелочь. Я отлично помнилъ, что тамъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, лежитъ умирающая сестра и что тамъ, около нея, сидитъ Марья Романовна, которая неминуемо должна встрѣтиться и съ мужемъ и съ дочерью.

Ксенія счастлива. Она улыбается. Видимо, Симонъ Исаичъ не скупится на ея наряды. На ея груди хорошенькій кулонъ. Бриллiантъ на тоненькой цѣпочкѣ. Колечки на пальчикахъ. Платьице, сшитое съ большимъ вкусомъ. Новомодная, короткая юбочка. Ксенія кажется еще болѣе дѣвочкой, чѣмъ раньше.

Симонъ Исаичъ слегка гордится, что у него такая любовница. Смотритъ на всѣхъ покровительственно, Сережу и Федора Игнатьича не замѣчаетъ и только, чуть заискивая, но стараясь стать на дружескую ногу, обращается съ незнакомымъ мнѣ господиномъ.

Когда-же Симонъ Исаичъ посматривалъ на Ксенію, онъ улыбался. Плотоядно, чуть вытягивая нижнюю губу.

Я и Осипъ всѣмъ поклонились. Отвѣтилъ, было, намъ только одинъ Федоръ Игнатьичъ, но, замѣтивъ, что никто намъ не кивнулъ даже головой, какъ-то струсилъ, замялся и покраснѣлъ.

Всѣ эти воспоминанія и наблюденія вошедшихъ заняли у меня не болѣе одной секунды. Я долженъ былъ отвѣтить на вопросъ Гаврилы Анисимыча, какимъ образомъ я попалъ къ нему.

Осипъ стоялъ около меня, какъ скромный молодой человѣкъ, случайно попавшій въ высшее общество.

— Пошелъ я съ товарищемъ погулять... посмотрѣть

на праздникъ. А, проходя, вспомнилъ, что вы меня звали къ себѣ. Зайти какъ-нибудь.

— Да... Помню... помню. Звалъ. Я хотѣлъ, чтобы жена послушала, какъ ты, товарищъ, играешь...

Повернулся къ Лелѣ. Крикнулъ.

— Ты что это, какъ кобыла, стоишь, ротъ разиня? Ну чего тебѣ?.. Пошла въ кухню. Пособи матери. Тоже... бѣлоручка! привыкла, чтобы у тебя горничныя были. За тебя все дѣлали... Мать-то моя жила раньше въ кухаркахъ у такихъ-же господъ. Я знаю, какъ они съ ней обращались... Знаю я васъ. А теперь моя мать барыня... Ты это заруби у себя на носу. Ну, поворачивайся... Шкура!..

Леля тихо вышла изъ комнаты. Гаврила Анисимычъ обратился ко всѣмъ, ища сочувствія.

— Я ее кормлю, пою, одѣваю... Чего ей еще надо? За это должна все-же по дому что помочь. Сапогъ вычистить даже не могла сегодня... Ну и влетѣло ей въ загривокъ. Это у меня просто. Потомъ прощенья просила.

Сережа показывалъ видъ, что онъ не слушаетъ. Но кому я удивился, это Осипу. Я отлично зналъ его несдержанный характеръ. Зналъ, что онъ можетъ за одно такое слово Гаврилы Анисимыча убить его на мѣстѣ. Между тѣмъ Осипъ игралъ роль сконфуженнаго гостя блестяще.

Молодецъ!

Сдѣлай онъ хоть малѣйшее движеніе или скажи что-нибудь, онъ погубилъ-бы и наше дѣло, и насъ всѣхъ.

— Думалъ... Вотъ!.. музыкантша... образованная... Насъ, мужиковъ чему поучитъ. Ерунда одна!.. Мы и безъ нихъ до всего дойдемъ...

Посмотрѣлъ на Сережу. Ухмыльнулся.

— Да и ты такой-же... Кисляй. Только форсу задаешь, а поскреби тебя... Тьфу! Надоѣли вы мнѣ... А это ты, товарищъ, хорошо сдѣлалъ, что зашелъ... Можетъ, чего просить хотѣлъ? Это я съ удовольствіемъ. Ты человѣкъ хорошій...

— Да ничего особеннаго. Только, если гдѣ вечеринка будетъ или концертъ...

— Да... да... да. Это я для тебя сдѣлаю. Это пустяки. Товарищъ Даунантъ, вотъ могу тебѣ рекомендовать его. Такъ жаритъ на рояли, что любо-дорого...

— Это я можетъ... Эт...то намъ нуженъ... Такой намъ всегда нуженъ... .Потомъ со мной поговори. Я тебѣ скажетъ, куда ходить...

— А! Латышъ, — подумалъ я.

— Ну, товарищи, вы тутъ посидите, потолкуйте, а я посмотрю, чтобы намъ поужинать дали. Музыкантъ, а ты не уходи. Оставайся съ нами. Можетъ, поиграешь?

— Я вотъ товарища провожу.

— А онъ кто?

— На желѣзной дорогѣ... Смазчикъ.

— Коммунистъ?

— Пока еще нѣтъ, — спокойно отвѣтилъ Осипъ.

— А что такъ?

— Чего туда лѣзть, коли дѣла не знаешь. Успѣю.

— А это хорошо. Это, товарищъ, мнѣ нравится... Въ нашу коммунистическую партію всѣ полѣзли. Какого туда сброду не попало только. Сволочи! Все для того, чтобы устроиться лучше. Ну мы ихъ теперь здорово повычистили... Вотъ тоже... Этотъ. Братецъ моей жены. Въ коммунисты записался, а самъ потихоньку вздумалъ ребенка окрестить. Такихъ намъ не надо... Ну ихъ...

Гаврила Анисимычъ въ выраженіяхъ не стѣснялся. Сережа поблѣднѣлъ. Но отвѣтить тѣмъ болѣе при насъ, не смѣлъ. Вмѣшалась Ксенія. Сказала съ легкой ироніей, съ желаніемъ подзадорить.

— Сережа, вы всегда мнѣ говорили, что вы идейный коммунистъ. Какъ-же это такъ?

Онъ долженъ былъ отвѣтить. Увиливать ему было нельзя.

— Товарищъ Лапошинъ заблуждается и нѣсколько пристрастно относится ко мнѣ.

— Въ чемъ это? Ты скажешь, что ты идейный ком-
•мунистъ?

— Да, — твердо отвѣтилъ Сережа.

Иначе, впрочемъ, сказать ему было нельзя.

— Не вѣрю я что-то. Ужъ больно быстро вы задѣлались коммунистами. Вотъ тотъ товарищъ разумно идетъ. Онъ понимаетъ. А ты что? Былъ-бы у бѣлыхъ, такъ бѣлымъ былъ-бы. Знаю я этихъ офицеровъ.

— Одни, который быль у меня... И который я всѣхъ разстрѣлиль... Одни умираль такъ... С[redacted] говориль, что онъ офицеръ... Ну и умираль. А другой плакаль. Говориль что-то... Ну я не слюшаль... я ихъ всѣхъ давиль...

— Мы такихъ охотно беремъ, которые къ намъ сами просятся. Но только у насъ съ ними другое обращеніе.

— А тутъ какъ-то, — продолжалъ латышъ, — привели къ намъ офицеровъ... Они всѣ быль изъ одного училищь. Константиновцы... Ой, какой народъ... Поставили ихъ... При мнѣ это бываль... я распорядиль... У стѣнки. Какъ велѣль я навести пулеметъ, а они всѣ... запѣль... Да что? Боже царя храни... я рукой махнуль и велиль скорѣй стрѣлять.

— Сергѣй-то тоже Константиновецъ...

Гаврила Анисимычъ расхохотался, махнулъ рукой и вышелъ. Латышъ при его послѣднихъ словахъ медленно повернулъ голову къ Сережѣ и уставился на него, видимо думая, какимъ образомъ могъ Константиновецъ остаться въ живыхъ. И смотрѣлъ на него не минуту, не двѣ, а долго, пока что-то не вывело изъ этого оцѣпенѣнія. Вообще этотъ латышъ напоминалъ мнѣ кретина, который воспринималъ каждое слово съ большимъ трудомъ.

Мы съ Осипомъ словно условились, какъ вести себя въ этомъ обществѣ. Были моменты, когда намъ необходимо было обмѣняться взглядами. Поговорить молча, одними глазами. Но мы выдерживали себя до конца. Если-бы Осипъ хоть разъ взглянулъ на меня, я-бы почувствовалъ. Но онъ былъ настолько остороженъ, что ничѣмъ

не выдалъ себя. Несчастный Сережа, видимо, хотѣлъ передъ нами показать, что онъ намъ не измѣнилъ, а дѣйствительно, по глубокому своему убѣжденію, перешелъ въ красную армію. Но это ему удавалось плохо Всего ужаснѣе для него были тѣ униженія, тѣ оскорбленія, какія (вдобавокъ при насъ) сыпались на его голову.

Я увѣренъ, что, останься онъ съ нами съ глазу на глазъ, онъ защищалъ-бы себя, отстаивалъ-бы свои коммунистическіе взгляды, доказывалъ-бы, что онъ въ красной арміи видитъ спасеніе и пр. Я хорошо понималъ, что онъ сѣлъ между двухъ стульевъ. Ясно, что возврата къ намъ, оставшимся вѣрными родинѣ, не было, а среди красныхъ онъ былъ бѣлой вороной, надъ которой каждый имѣлъ право издѣваться.

При моемъ свиданіи съ сестрой, когда мы сидѣли въ подвалѣ, она мнѣ въ яркихъ краскахъ разсказала, какимъ образомъ Сережа попалъ въ красную армію.

Но я ея разсказу не повѣрилъ. И, если теперь передаю, то заранѣе говорю слово «будто-бы», которое надо было бы вставлять въ каждой фразѣ. Какъ дѣлаютъ математики, выношу это слово за скобки.

Сережу схватили въ Константиновскомъ юнкерскомъ училищѣ и повели въ сарай. Тамъ лежали трупы его товарищей и рядомъ трупы женъ, матерей и дѣтей.

— Вотъ, товарищъ Полозовъ, что съ вами будетъ, если вы не перейдете къ намъ. Мы держимъ въ подвалѣ вашу мать. Мы ее приведемъ сюда, при васъ разстрѣляемъ. А потомъ прикончимъ и васъ.

Лида всегда была экспансивна. Оканчивая тогда свой разсказъ, она трагически сказала:

— Онъ герой. Онъ долженъ былъ перейти къ нимъ. Этимъ онъ спасъ свою мать.

Я даже не показалъ виду, что не вѣрю ни одному слову. Тогда сестра съ Сережей и Лелей жили въ полномъ благополучіи. Но теперь картина сильно измѣнилась. Ихъ благополучію, какъ я видѣлъ, пришелъ конецъ.

Вернулся Гаврила Анисимычъ.

— Ну теперь поѣдимъ... И пусть этотъ остается.

Онъ указалъ на Осипа.

— Спасибо.

— Ничего... ничего. Посиди. Компанія хорошая... А ты слыхалъ, какъ онъ играетъ?

— Нѣтъ.

— Ну вотъ тогда его послушаешь. Эй вы, бабы, живѣй!

Мы прошли въ столовую. Столъ былъ накрытъ. На немъ стояли закуски и вина. Стали разсаживаться. Я сѣлъ рядомъ съ Осипомъ. По другую сторону усѣлся Федоръ Игнатьичъ.

— Все на столъ тащи. И садитесь съ нами, — сказалъ онъ Аннѣ Васильевнѣ и Лелѣ.

Обратился ко мнѣ.

— А мы всѣ вмѣстѣ пошли на праздникъ. Я имъ хорошее мѣсто досталъ. Все видѣли. Мы цѣлой компаніей были. На автомобилѣ потомъ поѣхали. Катались. Все осмотрѣли. А потомъ заѣхали. Мнѣ всего выдали. Я и говорю, чтобы ко мнѣ пріѣхали. И собрались. А ты тутъ какъ тутъ... А что та, не выйдетъ что-ли?

— Больна она.

Леля встала.

— Ты чего? Къ своей матери? Сиди! Спитъ, поди, она.

— Что такое съ ней? — тревожно спросилъ Симонъ Исаичъ.

— Да ничего. Незаразительно. Ну простудилась старуха. Вылежится и все пройдетъ.

— Докторъ былъ?

— Докторша была. Говоритъ, пустяки.

Налилъ всѣмъ водки. И Ксеніи и Лелѣ. Ксенія чокнулась съ Симономъ Исаичемъ и залпомъ выпила. Леля отказалась.

— Не хочу.

— Врешь.

— Мнѣ вредно.

— Это кто сказалъ? Я пью и ты пей. Живо!

Леля должна была выпить. Пили рюмку за рюмкой.

Ксенія не отставала. Но всего больше пила Анна Васильевна. Она быстро охмелѣла.

— Я этого музыканта узнаю... Помню, одинъ разъ заходилъ.

Чуть было не влопался. Но хорошо, что Гаврила Анисимычъ не обратилъ на это вниманія. Должно-быть, подумалъ, что я заходилъ къ нему послѣ нашего знакомства.

Я и Осипъ пили мало. Но безъ смѣха я не могъ смотрѣть на Федора Игнатьича. Ему хотѣлось какъ можно больше и поѣсть, и покурить, и попить на даровой счетъ. Но всѣ эти запасы приходилось класть въ желудокъ, а окурки бросать подъ столъ или давить на тарелкахъ, какъ это дѣлалъ Гаврила Анисимычъ и латышъ. Переѣшь — дурно станетъ, выпьешь лишняго — опьянѣешь, и ничего съ собой не возьмешь. Вопросъ не разрѣшимый. Настоящая трагедія.

Федоръ Игнатьичъ, чтобы нѣсколько замаскировать свою алчность, сталъ приговаривать...

— Развѣ еще килечку съѣсть?..

И ѣлъ килечку. Только потому, чтобы она не осталась на столѣ.

— Развѣ еще рюмочку выпить?

И пилъ рюмочку. Я чувствовалъ, что онъ въ концѣ концовъ, дѣйствительно, нальется. Но останавливать мнѣ его не хотѣлось. Ксенія только раскраснѣлась. Пила она много, но не пьянѣла.

Съ Анной Васильевной началась икота. Я посовѣтовалъ выпить мадеры.

— И побольше... изъ стакана.

Всѣ этотъ совѣтъ подхватили. Дѣйствительно, это лучшее средство. Какъ рукой сниметъ. Анна Васильевна послушалась, но когда сдѣлала послѣдній глотокъ, такъ икнула, что я, было, подумалъ, не отдала ли она Богу душу,

Нѣтъ. Жива. Но икота не меньше прежняго. Осипъ сталъ показывать видъ, что и на него вино подѣйствовало. Я понялъ его маневръ.

Нашъ ужинъ не походилъ на тѣ ужины, къ которымъ

мы привыкли. Происходи они въ ресторанѣ, въ гостяхъ или вообще въ любомъ мѣстѣ или въ любой компаніи. Здѣсь ужинали по особенному. И всему давали тонъ самъ Гаврила Анисимычъ, латышъ и Анна Васильевна. Симонъ Исаичъ почти не ѣлъ. Онъ что называется, только «щипалъ». Возьметъ миніатюрный кусочекъ хлѣба, какой нибудь закусочки. Захватитъ въ ротъ крошечку и ее жуетъ. Ясно, что онъ сытъ. Или, какъ аристократъ, только дѣлаетъ видъ, что ѣстъ, такъ какъ привыкъ къ исключительно хорошему столу и не въ каждомъ домѣ будетъ ѣсть. Видимо, онъ считалъ всѣхъ за хамье, къ которому онъ снизошелъ. Оказалъ честь своимъ присутствіемъ.

Сережа тоже ѣлъ мало. Пилъ умѣренно. Но за то Гаврила Анисимычъ и латышъ, въ полномъ смыслѣ слова, жрали. Забыли о существованіи тарелокъ и вилокъ. Ломали хлѣбъ. Брали все руками. Федоръ Игнатьичъ ѣлъ какъ-то исподтишка, воровски...

— Развѣ еще колбаски съѣсть?

Я ему охотно передавалъ колбасу.

— Что она, вкусная?

Гаврила Анисимычъ взялъ руками колбасу, откусилъ, пожевалъ, выплюнулъ на столъ:

— Дрянь... — и передалъ Федору Игнатьичу.

Федоръ Игнатьичъ по его примѣру тоже взялъ въ руки колбасу. Откусилъ.

— Н... нѣтъ, ничего. Довольно вкусная.

Отъ моего взгляда не ускользнуло, какъ онъ положилъ колбасу съ откушеннымъ концомъ на столѣ около своего рукава и потомъ, посматривая, не видитъ-ли кто, стащилъ ее на колѣни.

— Ну теперь легко будетъ ему спрятать въ карманъ,— подумалъ я.

И, дѣйствительно, колбасы уже не было больше. Онъ былъ счастливъ. Его первая попытка вполнѣ удалась. Должно-быть, всѣ его мысли были теперь направлены на то, какъ-бы еще что стащить.

Вотъ, когда дадутъ кофе, онъ не мало сластей положитъ въ свои карманы.

Пили. Пили много, здорово. И, кромѣ Симона Исаича, всѣ пьянѣли. Даже Сережа и тотъ осовѣлъ. Анна Васильевна хотѣла было встать. Встала. И ни съ мѣста.

— Фу ты... Ноги не идутъ.

— Ай да мамаша!

Всѣ разсмѣялись. Гоготали.

— Лелька, чортъ... Помоги матери-то. Вишь, какъ она наклюкалась. Тащи сюда кофей. Да посуду собери... Н...ну?... А ты что мало пила?.. Ну ничего. У меня коньякъ есть. И ликеры... Я хочу тебя наликерить... Я люблю, чтобы баба была пьяна. Обязательно, пьяна. Въ пьяной бабѣ скусъ есть. А такъ что она? Коза...

Леля неровной походкой вышла.

— Никудышная баба! — сплюнулъ ей въ слѣдъ Гаврила Анисимычъ.

Принесли кофе, ликеръ, коньякъ. Федоръ Игнатьичъ вызвался помогать Лелѣ. Прислуживая, онъ улыбался блаженной улыбкой. Чекистъ-латышъ, развалившись на стулѣ, смотрѣлъ на всѣхъ осоловѣлыми глазами.

— А ну-ка, товарищъ, ты сознайся, много ты буржуевъ разстрѣлялъ?

— Много... Я ихъ пучками стрѣляль... Чѣмъ больше, тѣмъ лючшій. Развѣ мнѣ жалко?.. Винный не винный, я всѣхъ стрѣляль... По моему всѣ винный... Они латышь любиль? Нѣтъ... Зачѣмъ мнѣ ихъ любиль и жалѣль?.. Теперь дорога чище. И воздухъ чище... Меня теперь въ Москву перевель.

— Онъ молодецъ! — подтвердилъ Гаврила Анисимычъ. — Не баба. Ему только подавай. Здорово расправляется.

— Здорово!

И латышъ расхохотался.

Всѣ сидѣли, развалившись. Въ самыхъ непринужденныхъ позахъ. Приличнѣе всѣхъ держалъ себя Симонъ Исаичъ. Онъ былъ единственнымъ человѣкомъ впол-

нѣ трезвымъ. Мы съ Осипомъ показывали видъ, что мы такъ напились, что стали клевать носомъ.

— Ты можешь играть? — спросилъ меня Гаврила Анисимычъ.

— Н... не знаю. Сейчасъ не могу. Можетъ быть, попозже.

— Ну тогда споемъ? Бабы, подпѣвай!

Гаврила Анисимычъ, латышъ и Анна Васильевна запѣли. Это было не пѣніе. Они на разные голоса что-то кричали, тянули... Махали въ тактъ руками.

— Лелька, пляши...

— Не могу!

— Говорятъ тебѣ, чортъ!

Ударилъ по столу кулакомъ.

— Я и... приказываю. А то и тебя, и твою мать велю выбросить на улицу... Надоѣли вы мнѣ... Пляши...

Свою рѣчь онъ уснащалъ самыми отборными словами. Всталъ. Покачиваясь, подошелъ къ Лелѣ.

— Ну?..

Схватилъ ее за руку, съ силой приподнялъ и толкнулъ... Но вдругъ остолбенѣлъ. Дико смотрѣлъ въ дверь...

— Это кто?

Вошла Марья Романовна.

Я съ Осипомъ ждалъ этого момента. Мы ради него и остались. Для того, чтобы помочь сестрѣ и Марьѣ Романовнѣ, если та попадетъ въ скандальную исторію. А она неминуемо должна была разразиться. Это было видно съ момента ихъ прихода. Въ особенности, когда на столѣ появились вино и водка.

Марья Романовна выжидала момента, когда она могла заговорить. Блѣдная, во всемъ черномъ, она казалась привидѣніемъ. Ея лицо было спокойно. Въ осанкѣ чувствовались гордость, сила и увѣренность.

Скорбный ликъ... Скорбный ликъ!

Всѣ обернулись. Симонъ Исаичъ, видимо, ея не узналъ. Не узнали сразу ни Ксенія, ни Федоръ Игнатьичъ.

Когда при входѣ Марьи Романовны всѣ смолкли, она тихо произнесла.

— Лидіи Александровнѣ очень плохо.

— Ерунда. Простуда. Выспится, все пройдетъ.

— Лидіи Александровнѣ очень плохо, — еще разъ повторила Марья Романовна сильнымъ и властнымъ голосомъ.

— Была докторша. Она, пожалуй, получше васъ понимаетъ, — рѣзко замѣтилъ Гаврила Анисимычъ.

— Было-бы самое лучшее, если-бы вы отправили Лидію Александровну въ больницу.

Я въ этотъ моментъ успѣлъ увидѣть всѣхъ. Прочесть по выраженію лицъ ихъ мысли. Федоръ Игнатьичъ былъ такъ пьянъ, что смотрѣлъ на Марью Романовну и ничего не понималъ. Ксенія о чемъ-то шепталась съ Симономъ Исаичемъ. Но вдругъ она подняла голову. Узнала мать.

— Мама! — Крикнула она.

Но никто, кромѣ Симона Исаича и меня съ Осипомъ, не слыхали этого возгласа. Ксенія почему-то тотчасъ смолкла и прикусила губу. Не двинулась съ мѣста. Но съ Федоромъ Игнатьичемъ произошло нѣчто невѣроятное. Шатаясь, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ Марьѣ Романовнѣ.

Сразу возмутился. Я не узнавалъ его.

— Такъ вотъ что?.. Монахиня?.. Успокоенія ищешь?.. А я не хочу!.. Домой... сейчасъ-же домой.

Сталъ топать ногами.

— Я, какъ мужъ, требую... А, ты бросила меня? Теперь и готовить некому... Бросила! Не хочу!.. Требую, чтобы ты немедленно... И это сними... Слышишь.

Онъ даже взялъ Марью Романовну за рукавъ. Но она спокойно освободила руку. Опять обратилась къ Гаврилѣ Анисимычу.

— Я очень прошу васъ дать вашъ автомобиль, и я отвезу Лидію Александровну въ больницу. Ей очень плохо.

Неожиданно поддержалъ Марью Романовну Симонъ Исаичъ.

— Да... да. Это необходимо. Это надо сдѣлать. Теперь столько больныхъ. Въ Петроградѣ тифъ... И сыпной, и брюшной. Можетъ быть, у нея тоже тифъ.

— Конечно, въ больницу, — подтвердилъ и Даунантъ.

— Ну везите.. чортъ! — огрызнулся Гаврила Анисимычъ.

Я обратился къ Марьи Романовнѣ.

— Вы, пожалуй, одна не довезете? Разрѣшите вамъ помочь?

— Ну нѣтъ, тебя я не отпущу, — разозлился Гаврила Анисимычъ.

— Я вернусь.

— А я хочетъ тебя слюшать... я тоже не пускать.

И латышъ взялъ меня за руку.

— Я даю слово, что скоро вернусь. Я съ товарищемъ помогу.

— Ну пусть, а то...

— Можетъ быть, вы хотите проститься съ матерью? — обратилась Марья Романовна къ Сережѣ и Лелѣ.

Тѣ молча встали и вышли изъ столовой, вслѣдъ за Марьей Романовной.

Федоръ Игнатьичъ продолжалъ бушевать.

— Я имѣю право... я мужъ... Ксенія. Что-же молчишь?.. Ты скажи матери.

— А пусть дѣлаетъ, что хочетъ.

— Оставьте, — заговорилъ и Симонъ Исаичъ. — Ну, если ей такъ хочется быть монахиней, ну что тутъ такого?

— Да вѣдь она моя законная жена.

Латышъ поморщился.

— Вы откуда быль, что такъ говориль? Что значитъ законная?.. Что такое законъ? Ви читаль декретъ?

Федоръ Игнатьичъ струсилъ. Смолкъ.

— Я такихъ буржуй много стрѣляль... Онъ еще до сихъ поръ ничего не понимаетъ. О, вы будьте покойникъ, мы до васъ еще доберемся... И мы всѣ монастырь

погонимъ... Всѣхъ монашенокъ или повѣсимъ или на работу... въ прачки... въ судомойки... Мы все знаемъ... Теперь я назначенъ быль около Ленинъ и Троцкій... я ихъ буду защищаль...

Осипъ сильно сжалъ мнѣ руку.

— Начинай...

6. АКТЕРЪ.

Услыхалъ тяжелые шаги въ корридорѣ. Я всталъ и кивнулъ Осипу.

— Не надуешь? Вернешься? — спросилъ Гаврила Анисимычъ. — А то, коли поиграешь, угостимъ тебя и паекъ дадимъ.

— Вернусь... вернусь.

Лида шла съ большимъ трудомъ. Осипъ и я тотчасъ подошли къ ней и повели. Леля плакала.

Сестра теряла силы, но мы ее больше несли, чѣмъ вели. Самое трудное было сойти съ лѣстницы. Поминутно останавливались, давая возможность сестрѣ передохнуть. Говорила она съ усиліемъ. Тихо. Трудно было разобрать ея слова. Никто не вышелъ изъ столовой, чтобы съ ней проститься.

Обернулась. Посмотрѣла на Сережу и Лелю.

— Идите. Еще простудитесь...

Подняла руку и, еле ей двигая, благословила ихъ.

— На тяжелую жизнь оставляю васъ...

Еще что-то хотѣла сказать, но не могла. Мы внесли ее въ автомобиль. Съ ней сѣла рядомъ Марья Романовна. Скорѣе обняла ее, чѣмъ поддерживала. И голова сестры откинулась на ея грудь. Съ другой стороны сѣлъ Осипъ. Я помѣстился на передней скамеечкѣ.

Сережа и Леля пошли домой. Мы двинулись. Сестра не охала, а замерла, закрывъ глаза. Ѣхали сперва осторожно, но на Невскомъ шофферъ усилилъ ходъ.

Все было хорошо. Марья Романовна рѣшила отвезти сестру въ больницу на Лиговкѣ. Она хорошо знала главнаго врача и была увѣрена, что тотъ сдѣлаетъ все, чтобы лучше помѣстить больную.

Но всѣ наши планы неожиданно рухнули. Около Владимірскаго проспекта нашъ автомобиль задержалъ миліціонеръ. Сперва что-то спросилъ шоффера, потомъ обратился къ намъ.

— Документы.

Осипъ и я тотчасъ передали наши документы. При этомъ я объяснилъ, что мы веземъ больную. Около миліціонера оказался какой-то человѣкъ въ кожаной курткѣ. Коммунистъ.

— А это кто такая? — спросилъ онъ, указавъ на Марью Романовну.

Опять пришлось объяснять.

— Странно... странно... При чемъ тутъ монахиня?

Ни на какія увѣщеванія онъ не шелъ. Мы всѣ говорили, что больная находится въ очень тяжеломъ положеніи, но это и коммуниста и миліціонера мало трогало.

— Мнѣ какое дѣло, что больная. Не велѣно кататься на автомобиляхъ постороннимъ лицамъ. А вы тутъ еще монахиню посадили.

— Я отвожу больную.

— А разрѣшеніе на автомобиль есть? Ну вотъ то-то-же и оно. Вылѣзайте... всѣ.

Пригрозилъ шофферу:

— А ты у меня отвѣтишь.

— Куда-же дѣть больную?

— Да мнѣ какое дѣло до больной? Дайте разрѣшеніе на ѣзду въ автомобилѣ, тогда пропущу.

Онъ былъ упоренъ. Ничего не помогало. Миліціонеръ отворилъ дверцу и хотѣлъ насъ всѣхъ высадить силой.

— Боже, — тихо простонала сестра.

— А не хотите вылѣзать, такъ я васъ всѣхъ на Гороховую отправлю.

Положеніе было безвыходное. Ясно, что мы не могли выйти изъ автомобиля. Почти невозможно было отнести на рукахъ сестру. Мы причинили-бы ей невѣроятныя боли. А идти до больницы было далеко.

Обсуждали, что дѣлать?

— Вылѣзай... вылѣзай, — торопилъ коммунистъ.

Около насъ собралась толпа. Всего болѣе обращала на себя вниманіе Марья Романовна въ своемъ одѣяніи.

— Я могу одна дойти, — предложила она.

Но коммунистъ одну ее не отпускалъ. Требовалъ все настойчивѣе и настойчивѣе, чтобы мы всѣ вышли изъ автомобиля.

— Да что тамъ долго съ ними разговаривать, — крикнулъ кто-то изъ толпы. — Вези на Гороховую. Тамъ разберутъ.

— Ладно.

— Давно-бы такъ. А то чего долго съ буржуйками разговаривать?

Коммунистъ быстро вскочилъ къ шофферу.

— Только скорѣе. Мнѣ некогда.

Автомобиль понесся. Мостовая на Невскомъ была сильно попорчена. Кое-гдѣ не было торцовъ, и автомобиль временами сильно встряхивало.

Сестра застонала. Тяжело дышала. Открывала на минуту глаза и снова впадала въ забытье.

Надо было что-то сдѣлать, что-то сообразить, какъ спасти всѣхъ. Мозгъ работалъ быстро. Я видѣлъ, что и Осипъ задумался и у него одинъ планъ смѣнялся другимъ. Мы молча посматривали другъ на друга, ища выхода. Ожидали только какого-нибудь невѣроятнаго случая.

Подъѣхали. Казалось, все было потеряно. Коммунистъ соскочилъ первымъ. Пригрозилъ шофферу:

— Ты не вздумай уѣзжать. Мы и тебя задержимъ.

Подняли сестру. Нести было невозможно. Поставили на ноги и повели. Коммунистъ шелъ впереди.

Около входа я попросилъ взглядомъ Марью Романовну взять сестру съ правой стороны вмѣсто меня. И спокойно вернулся къ автомобилю, какъ будто я что-то забылъ. Спокойно влѣзъ въ автомобиль и осторожно открывъ лѣвую дверку, юркнулъ на троттуаръ. Шофферъ смотрѣлъ, какъ вели больную. Всѣ тоже обернулись къ ней и никто не замѣтилъ, что я убѣжалъ.

Шагъ... другой — и я скрылся въ толпѣ.

Съ одной стороны было рискованно оставлять сестру на Осипа и Марью Романовну. Имъ было много тяжелѣе остаться безъ моей помощи. Но въ чемъ могла состояться моя помощь? Только довести сестру до верхняго этажа. Я былъ-бы тотчасъ вмѣстѣ съ Осипомъ отведенъ въ другую камеру. Былъ-бы уже безсиленъ что-либо сдѣлать.

Между тѣмъ на свободѣ я могъ быть имъ много полезнѣе.

Это съ одной стороны. Съ другой — мои планы уже сложились довольно опредѣленно. Мнѣ во что-бы то ни стало необходимо было завести нѣкоторую связь съ латышемъ Даунантомъ. Встрѣчу съ нимъ я считалъ роковой. Другого такого удобнаго случая могло не произойти.

Я шелъ со всей быстротой на Морскую. Разстояніе короткое. Мигомъ очутился опять въ квартирѣ сестры.

Меня встрѣтили съ криками восторга.

— Вотъ это я люблю... Вотъ молодецъ! Ну какъ? Что?

Я разсказалъ все, какъ было.

— Надо автомобиль выручить, — заботливо сказалъ Гаврила Анисимычъ.

Пошелъ, было, къ телефону. Я остановилъ. Рѣшилъ рискнуть и попросить за всѣхъ заключенныхъ.

— Пустяки. Подержатъ немного и выпустятъ.

— Пусть недѣльку, другую посидѣль,—добавилъ, улыбаясь, латышъ.

— Вы-бы, товарищъ, попросили, — обратился я къ Сережѣ.

Сунулась, было, Леля, но Гаврила Анисимычъ такъ на нее крикнулъ, что она смолкла. Крикнулъ и на Сережу.

— Буржуй. Сейчасъ видно. Заступаться вздумалъ.

Рискнулъ и я.

— А я думалъ, что вы люди добрые.

Совершенно неожиданно мою фразу подхватилъ Симонъ Исаичъ. Даже Ксенія и та стала на мою сторону.

— Я скажу, — вызвался латышъ.

Я стоялъ невдалекѣ и слышалъ весь разговоръ латыша. Говорилъ онъ спокойно. Чуть улыбался.

— Автомобиль вернуть... Ничего... ничего..: Ну хорошо... Я согласиль... Хорошо... Такъ... Но я прошу: не побольше, чѣмъ черезъ три дня... Отлично...

Потомъ съ улыбкой вернулся. Похлопалъ меня по плечу. Весело улыбнулся.

— Все очень хорошъ... Всего три дня... потомъ выпустиль. Они даваль слово. Очень сердился, что монахиня... Хе... Въ автомобилѣ..:

И сталъ глупо смѣяться.

— Ну вотъ и отличию, — добавилъ Гаврила Анисимычъ. — Это ничего. Три дня пустяки.

— И по мѣсяцамъ кто сидиль и тотъ ничего.

Пришлось поблагодарить за такую любезность.

Ксенія къ этому происшествію отнеслась вполнѣ равнодушно. Она, какъ будто ничего не произошло, по прежнему смѣялась и строила потихоньку отъ Симона Исаича глазки латышу. Тотъ на это обратилъ вниманіе. Это ему льстило, и онъ по прежнему улыбался глупой улыбкой.

Но Федоръ Игнатьичъ размякъ. Съ нимъ творилось что-то необычайное. Онъ не могъ прогнать еще виннаго угара, не могъ прогнать изумленія отъ необычной встрѣчи съ женой—монашенкой и испуга, что Марья Романовна посажена на Гороховой, о которой онъ слышалъ не мало ужасовъ.

То онъ всхлипывалъ безъ слезъ, то вздрагивалъ отъ одного сознанія, что сидѣлъ рядомъ со всесильнымъ латышемъ. Пугался, озирался и снова впадалъ въ безысходное уныніе.

— Маня... Манечка!.. — шептали его губы.

Всѣ прошли въ гостиную слушать меня.

— Ты, какъ услышишь его, плюнешь на свою игру, — сказалъ Гаврила Анисимычъ Лелѣ.

Въ гостиной были всѣ налицо. Даже Анна Васильевна. Ее усадилъ сынъ на диванъ.

Въ мои планы входило, главнымъ образомъ, желаніе какъ-либо растрогать латыша. Я зналъ, что у этихъ господъ, жестокихъ до демонизма, спокойныхъ при видѣ разстрѣлянныхъ ими враговъ и черствыхъ, есть сантиментальные порывы, и онъ готовъ пролить слезу надъ цвѣткомъ, надъ картинкой или при звукахъ грустной мелодіи.

И я заигралъ наивную сѣверную пѣсенку. Мои разсчеты были правильны. Даунантъ разчувствовался. Склонилъ даже голову. Задумался. Слушая меня, качалъ головой.

Я сдѣлалъ небольшую паузу.

— А ты что погромче... И вотъ это, гдѣ руками такъ быстро... быстро перебираешь...

— Все, все сыграю. Подождите.

— Ликерцу не достаетъ... Лелька, тащи сюда... А? Какъ онъ играетъ! Не чета тебѣ. Вотъ ты-бы такъ играла, другое дѣло.

Гаврила Анисимычъ не зналъ, что часто по вечерамъ я игралъ въ этой гостиной на роялѣ, и Леля съ Сережей слушали меня. Леля, несомнѣнно, играла лучше меня. Относилась серьезнѣе къ музыкѣ, чѣмъ я. Мнѣ все доставалось необычайно легко, и я, что называется, только «бренчалъ» въ хорошемъ смыслѣ этого слова. Игралъ легко, почти какъ виртуозъ, но бралъ больше способностью, чѣмъ прилежаніемъ. Изъ меня могъ-бы, можетъ быть, выйти недурной піанистъ, но эта карьера меня никогда не прельщала. Игралъ я просто для удовольствія и своего собственного и невзыскательныхъ слушателей.

— Поликеримся малость.

Я улавливалъ настроеніе слушателей, главнымъ образомъ, латыша и Гаврилы Анисимыча и сообразно этому велъ свой репертуаръ. Съ тихихъ меланхолическихъ мо-

тивовъ я постепенно переходилъ къ болѣе веселымъ и бравурнымъ. Плясовымъ.

Проснулась даже Анна Васильевна и стала постукивать ногой по ковру. Только Сережа съ Лелей сидѣли рядомъ въ отдаленномъ углу. Молчали, склонивъ головы.

— Тащи еще... шампанскаго!

Леля быстро и послушно встала. Ушла.

Даунантъ, какъ я замѣтилъ, началъ пьянѣть. Я выбралъ удобный моментъ и подсѣлъ къ нему.

— Это я любиль... Очень любиль, — улыбаясь и смотря на меня, сказалъ латышъ.

Осторожно, крадучись, снова прячась, я сталъ подходить издали къ намѣченной цѣли. Изъ совершенно далекихъ, случайныхъ вопросовъ я составлялъ себѣ одинъ главный вопросъ. И на него мнѣ хотѣлось получить отвѣтъ.

Вопросъ смѣлый, рискованный.

А что, не возьметъ-ли меня товарищъ Даунантъ въ Москву и не добьюсь-ли я чести видѣть чтимыхъ всѣми Ленина и Троцкаго?

Червячокъ на крючокъ насаженъ. Плюнулъ я на этого червяка и бросилъ лесу въ воду. На поверхности плаваетъ поплавокъ. Пробковый съ красной полоской посрединѣ.

Ага!.. Клюнуло. Чуть поплавокъ дрогнулъ.

Даунантъ въ этомъ мѣсяцѣ уѣзжаетъ въ Москву. На постоянное мѣсто. Назначенъ при охранѣ особъ Ленина и Троцкаго. Ему даны неограниченныя полномочія.

Даунантъ отъ меня въ восторгѣ.

— Ужъ какъ мнѣ хотѣлось-бы въ Москву!

— Это можно... Отчего нѣтъ. Тамъ ты мѣсто хорошее получилъ... и все такое. Тамъ такіе люди очень въ цѣнѣ.

Роль наивнаго музыканта я игралъ безподобно. Игралъ при Сережѣ, который догадывался отчасти, что я не безъ умысла такъ заискивающе говорилъ съ латышемъ. Но что ему было дѣлать, какъ только молчать? Я рисковалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отлично зналъ, что, сунься онъ только въ мои планы, ему самому не сдобровать. И я шелъ смѣло

впередъ. Я слегка прикинулся пьянымъ. Улыбался на улыбку Даунанта. Показывалъ необычайное счастье, когда тотъ покровительственно похлопывалъ меня по плечу.

— Вотъ-бы вы взяли меня къ себѣ...

— Это можно... Это можно...

Я боялся одного вопроса. Зналъ, что онъ неизбѣженъ. И, дѣйствительно, Даунантъ его затронулъ.

— Вы долженъ быть... принадлежать къ коммунистической партіи.

Но тутъ я оказался на верху своей геніальной игры. Я пришелъ въ восторгъ отъ этой мысли. Говорилъ, что я раньше не вступалъ въ партію потому, что былъ неподготовленъ, что я будто-бы хотѣлъ провѣрить себя и вступить уже тогда, когда буду достоинъ этого званія.

Пока пили шампанское, я снова игралъ на роялѣ, и мнѣ опять удалось поговорить съ Даунантомъ уже въ присутствіи Гаврилы Анисимыча.

Тотъ пришелъ въ восторгъ отъ этого плана. Сказалъ, что онъ съ удовольствіемъ будетъ меня рекомендовать. Что комиссаръ Балтфлота тоже подпишетъ.

— И я подписаль. Я сейчасъ смотрѣль, что это человѣкъ надежный...

Поплавокъ ушелъ съ поверхности озера въ воду. А! Не только рыбка клюнула, но и попалась. И я потянулъ за лесу. Трудно тащить. На крючокъ попался не окунь, не ершъ, а цѣлая щука!

Эхъ, какъ-бы леса не оборвалась!

Иногда мнѣ вспоминалась сестра. Меня бралъ ужасъ. Бѣдная. При какихъ тяжелыхъ условіяхъ ей приходилося умирать. Навѣрно, Марья Романовна отъ нея не отходитъ. Но чѣмъ она могла помочь умирающей? Только тѣмъ, что была около нея. Осипа, навѣрно, отвели въ общую камеру. И ему грозила опасность. А вдругъ кто-либо узнáетъ его по бородавкѣ?..

Но моя опредѣленная цѣль, къ которой я приближался вѣрными шагами, властвовала надъ всѣми тяжелыми переживаніями. Я прогонялъ все тяжелое. Не поддавался

этому, иначе я могъ-бы подчиниться своему припадку и проиграть все дѣло.

Еще два, три вопроса и рыбка будетъ плескаться въ моемъ ведеркѣ.

Мало-ли что могъ говорить человѣкъ, слегка выпившій, и обѣщать подъ пьяную руку? Сбрехнулъ латышъ подъ впечатлѣніемъ вина и музыки, а потомъ станетъ или отказываться отъ своихъ словъ или придумаетъ какія-либо новыя осложенія.

Но я былъ остороженъ. Я все это во время предусмотрѣлъ. Для меня было самымъ важнымъ повидать Даунанта во время его дѣловой работы и взять у него всѣ тѣ документы, которые мнѣ были необходимы. Съ этимъ я, что называется, подъѣхалъ къ латышу и получилъ отъ него разрѣшеніе посѣтить его въ опредѣленный день и часъ.

— Я очень точный, — заявилъ онъ мнѣ, — и вы меня въ это время обязательно увидайте.

Я добился пока всего, что хотѣлъ. Теперь мнѣ предстояла вторая задача. А именно: поскорѣе уйти и сообщить Зиночкѣ объ арестѣ Осипа. Успокоить ее, а то она будетъ сильно взволнована, что Осипъ не вернется домой въ этотъ день.

Къ счастью, первымъ сталъ собираться Симонъ Исаичъ. За нимъ потянулись другіе.

Несмотря на то, что Сережа сталъ моимъ заклятымъ врагомъ, какъ измѣнникъ, какъ человѣкъ, перешедшій въ лагерь ненавистныхъ мнѣ людей, я все-же почувствовалъ къ нему большую жалость. Переживалъ онъ свое униженіе очень тяжело. Если-бы было вполнѣ точно то, что говорила про него Лида. Если-бы, дѣйствительно, при видѣ труповъ разстрѣлянныхъ товарищей по училищу и полку и ихъ семей, его заставили перейти въ красную армію, то все равно я-бы на его мѣстѣ предпочелъ смерть матери и сестры, чѣмъ такой позоръ. Я зналъ, что сестра умретъ. Зачѣмъ-же передъ смертью, оттянутой на нѣсколько мѣсяцевъ, такъ осквернить свою душу и все равно умереть.

Прожить нѣсколько мѣсяцевъ позора. Дать загнить душѣ, а не разстаться съ ней, пока она чиста?

Я хорошо зналъ одного литератора, чистаго душой, кристальнаго человѣка, про котораго никто, ни одинъ человѣкъ не сказалъ ничего дурного. Напротивъ, не только, когда онъ появлялся въ обществѣ, но даже если кто случайно упоминалъ его имя, всѣ радостно улыбались. Рѣдко кто пользовался такимъ уваженіемъ и любовью со стороны и знакомыхъ, и слушателей (онъ читалъ лекціи), и читателей.

Когда произошелъ большевистскій переворотъ, онъ, какъ человѣкъ прямыхъ и честныхъ убѣжденій, сразу сталъ на сторону ярыхъ противниковъ новой власти. Его разорили до тла. Время шло медленно. Капля за каплей. Ѣсть было нечего. И этотъ литераторъ пошелъ на службу къ большевикамъ. Пристроился у Горькаго въ его «Всемірной литературѣ». Но не прошло и мѣсяца, какъ литераторъ отъ голода заболѣлъ и умеръ... на совѣтской службѣ. И вотъ этотъ мѣсяцъ зачеркнулъ всю его честную жизнь.

Но та служба была безобидная, Сережа-же служилъ въ красной арміи. Онъ защищалъ ложную Россію отъ подлинной.

Но этого мало. Я видѣлъ, что мой мальчикъ не на шутку влюбился въ Ксенію. Ксенія цинично не скрывала ни отъ кого свою связь не только съ Перзономъ, но и съ матросами, а между тѣмъ, Сережа, видя все это, смотрѣлъ на Ксенію грустными и безнадежно-влюбленными глазами. Да, онъ страдалъ сильно. Я не говорю о Лелѣ. Я зналъ навѣрняка, что ихъ жизнь кончится очень печально.

Особенно ласково проводилъ Гаврила Анисимычъ, если вообще этому человѣку присуще слово «ласка». Онъ крѣпко жалъ мнѣ руку, просилъ заходить... Велѣлъ приготовить мнѣ пакетъ съ «пайкомъ».

— Ужъ маменькѣ вы очень по скусу пришлись... Лелька что? Она дура. А вотъ вы...

Анна Васильевна блаженно и пьяно улыбалась. Попросили меня на прощанье сыграть еще что-нибудь.

Я сыгралъ что-то очень бравурное, помня слова Гаврилы Анисимыча.

— Чтобъ погромче что-нибудь.

И мы разошлись. Пакетъ я несъ основательный.

Путь предстоялъ не малый. Я шелъ ровной и быстрой походкой.

Немного мои мысли отвлекла уличная сценка. Какого-то здороваго парня, лѣтъ тридцати, мускулистаго, высокаго, съ черной бородкой арестовала маленькая и щупленькая милиціонерка. Въ короткой юбкѣ и беретѣ. Вела она парня въ участокъ. Парень не хотѣлъ итти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, боялся ослушаться. Онъ спорилъ. Что-то доказывалъ. Собралась, какъ всегда, откуда-то появившаяся публика. Стала гоготать. Издѣваться надъ парнемъ. Какъ, да такого здоровеннаго дѣтину и ведетъ баба.

Стыдно было парню донельзя. То онъ вырывалъ свою руку изъ руки милиціонерки, то садился на выступъ у окна какого-то дома старой постройки, то рѣшительно дѣлалъ шагъ въ сторону.

— Н... нѣтъ... Убѣгать ты отъ меня не смѣй...

— Такъ его... такъ его!

И толпа помирала со смѣху. И я, смотря на всю эту сцену, смѣялся отъ души. Такъ все это было нелѣпо, глупо и потѣшно.

Дождался конца. Увела таки милиціонерка парня, куда надлежало. Въ участокъ. Что значитъ власть!

Вспомнилось, какъ однажды въ «Акваріумѣ» на открытой сценѣ какая-то щупленькая дѣвица выходила съ дрессированными слонами. И что она имъ ни приказывала, тѣ покорно ея слушались. Слушались каждаго ея повелительнаго движенія руки.

Эхъ, думалось, не знаютъ эти слоны своей силы. Поверни хоботомъ—и дѣвица полетѣла-бы къ всѣмъ чертямъ. Развѣ слоны, несмотря на ихъ большія головы, могли знать послѣдствія. Куда бѣжать. Ихъ все равно поймаютъ и заставятъ слушаться, если не дѣвицу, то господина въ красномъ фракѣ.

Какъ-то незамѣтно дошелъ я до дому, гдѣ жила Зиночка со своимъ отцомъ генераломъ.

Тихо постучалъ. Зиночка почти тотчасъ отперла мнѣ дверь.

— Папа спитъ. И слава Богу. Онъ сталъ почти невмѣняемъ. Все вспоминаетъ старое. Молится. Папа очень, очень страдаетъ. Я, какъ могу, утѣшаю его.

Я Зиночкѣ точно передалъ всѣ событія, происшедшія за этотъ день. Сперва она сильно взволновалась, но благоразуміе взяло верхъ, и она уже болѣе спокойно разспрашивала всѣ мелочи.

— Но какъ очутилась Марья Романовна у сестры?

— Это я ей сказала.

Мнѣ стало тогда все понятнымъ.

Я передалъ Зиночкѣ полученный мною пакетъ съ пайкомъ.

— Это что? — удивилась она.

— Потомъ увидите.

Мы боялись, что генералъ, услышавъ шепотъ, проснется, и потому я рѣшилъ тотчасъ обратно итти домой. Условились такъ: встрѣчаться каждый день въ разныхъ мѣстахъ. Я соображалъ время и мѣсто съ тѣми часами дня, которые были у меня свободны.

— Значитъ, завтра у собора?

Обратный путь казался мнѣ безконечнымъ. Итти отъ Финляндскаго вокзала къ Крюкову каналу было не такъ-то легко послѣ продолжительнаго шествія моего по такому-же пути.

Я шелъ медленно. Ноги устали и мысль устала. Она то бѣжала скачками, то останавливалась и словно засыпала. Я только слышалъ стукъ моихъ каблуковъ.

Мостъ. Какой онъ безконечный. Кажется, я давно уже иду, а конца не видать. Впрочемъ, сильно стемнѣло. Какъ-то незамѣтно городъ погрузился въ темную гущу. Нева темная съ бѣлыми пятнами нерастаявшаго снѣга. Огоньки. Безсмысленно брошены въ городъ. Тамъ... тутъ... А здѣсь темно. Черная, свернутая комкомъ матерія. Трауръ. Сор-

вался огонекъ съ фонаря, упалъ на снѣжную площадку, плавающую по Невѣ и разсыпался. Какъ брызги... Нѣтъ. Этотъ огонекъ еще остался въ фонарѣ.

Облокотился на перила моста. Всматриваюсь въ даль Невы. Вижу я или только воображаю, что вижу высокую башню Петропавловской крѣпости съ ея знаменитымъ шпицемъ?

Странно. Закрою глаза и ясно вижу шпицъ...

Небо заволокло. Густые, темные клубы двигаются, налетая одинъ на другой. Шевелятся. Сталкиваясь, обнимаются, сплетаются другъ съ другомъ и уже вмѣстѣ плывутъ дальше... туда... къ морю. Закутали шпицъ. Шпицъ помѣшалъ имъ плыть дальше. Онъ словно своимъ остріемъ, какъ сѣно вилами, поддѣлъ эту гущу и дальше не пускаетъ.

— Сыровато-съ... какъ-бы не простудились.

Обернулся.

— А! Мой мѣщанинишка... Какимъ образомъ?

— Васъ искалъ-съ... Спеціально васъ.

— Зачѣмъ?

— Ничего особеннаго-съ... Скучно.

И онъ, дѣйствительно, зѣвнулъ долгимъ, продолжительнымъ зѣвкомъ.

— Э... эхъ, бывало раньше... Вотъ станетъ такъ скучно и поіідешь бродить по городу. Впрочемъ, такой именно скуки не было. Это скука особаго сорта... Тоска-съ.

— Да что такъ? Вы, кажется, не изъ такихъ?

— Находитъ-съ... Противу воли своей... Пройдемтесь? Что такъ стоять?

Мы двинулись.

Мѣщанинишка продолжалъ:

— Бывало, знаешь, куда итти... Скучно, сейчасъ въ трактирчикъ... Хорошо! Какъ вспомнишь о прежнемъ житьѣ-бытьѣ, повѣрите-ли, слеза прошибаетъ. Что такое трактирчикъ-съ? Мѣсто душевнаго успокоенія. Чаю, али водочки, коли захочешь, можно и дома выпить. Но это не то. Не за водочкой въ трактирчикъ идешь. Паръ этотъ... паръ одинъ чего стоитъ. Издали чуешь этотъ ароматъ, про-

стите за сравненіе. А, какъ войдешь... Господи ты Боже мой! Какъ это все мило было. Удивительно даже. Столики. Скатертки... На столикахъ и пепельница со спичками... Со спичками, господинъ! Тогда это ничего не стоило, а теперь рѣдкость. И за столиками люди. Всѣ довольные, счастливые. Улыбаются. Говорятъ. Водочки въ умѣренности выпьютъ. Развяжутся языки. Гулъ по трактиру. Поздороваешься съ хозяиномъ. Сядешь. Сейчасъ человѣкъ къ тебѣ подбѣжитъ. Чего изволите? А? Каково это? Чего изволите. Не то, что теперь. Изволить ничего нельзя. Все запрещено... Все...

Мѣщанинишка сталъ такъ громко вздыхать, что мнѣ пришлось его остановить.

— Понимаю-съ. И вздыхать запрещено.

— Позвольте... Да куда-же вы идете?

— Черезъ Марсово поле.

— Это дальше! Мы дѣлаемъ крюкъ.

— Ближе-съ... Ужъ не безпокойтесь. Я всѣ пути отлично знаю. Шаги считалъ... Ну такъ вотъ-съ. Про трактирчикъ я началъ. А, если пріятеля какого встрѣтишь?.. Впрочемъ, простите за сравненіе, у меня этихъ пріятелей въ каждомъ трактирчикѣ по десятку. И... и... и! Какъ наговоришься съ ними. Всю душу отведешь... Словно Богу помолишься усердно, такъ на сердцѣ легко становится. Я вамъ еще скажу о томъ, какъ душу отводить хорошо... Ну, а теперь что?

Онъ развелъ руками и этимъ словно развернулъ передъ мной карту Петербурга.

— Теперь ничего. Всѣ трактиры заколотили, и ходятъ люди, не зная мѣста. Расшевелили муравейникъ. Все разорили. А новаго ничего не дали. Вотъ муравьи и бѣгаютъ. Я недавно изъ окошечка на улицу смотрѣлъ. Ходятъ люди и всѣ съ какими-то сверточками. Какъ муравьи съ соломинкой. Раньше этого никогда не было. Люди просто ходили. На прогулку или по дѣлу. А теперь всѣ что-то тащутъ... А бывало, органъ заиграетъ...

Мѣщанинишка какъ-то зѣвалъ, словно собирался мнѣ спѣть.

— Простите-съ, господинъ, это я плачу-съ... Я теперь всегда такъ плачу-съ... Одну минуту-съ... Высморкаюсь. Простите... Это отъ слезы... Ну такъ вотъ, гдѣ теперь то учрежденіе, гдѣ можно душу отвести? Вотъ ходишь такъ и думаешь... думаешь... Вотъ мнѣ посчастливилось васъ отыскать. Я жаждалъ душу отвести. А гдѣ мы ее отводимъ? На улицѣ-съ, простите за сравненіе. Э... ахъ!

Онъ опять всплакнулъ.

— Русская душа!.. Вотъ что-съ. Ни въ васъ, ни во мнѣ нѣтъ капли чужой крови. И въ насъ русская душа очень, очень сильна. Она особенная. Всѣ другія души, всѣ онѣ въ фракахъ. Всѣ дипломаты. Думаютъ одно, а говорятъ и дѣлаютъ другое. О, какъ я не люблю этихъ изысканныхъ господъ! Бр... р... У нихъ все есть, кромѣ души. Вотъ что я вамъ, господинъ, скажу. Заграничные дипломаты... О, это очень тонкіе люди. Какъ они говорят? Одинъ восторгъ. И какъ они ни хитри, а объ русскую душу, простую, откровенную, вся ихъ тонкая политика разбивается... Примѣровъ много-съ. Почему и ширилась и хорошо жила наша матушка Россія. Попросту. Безъ экивоковъ и подвоховъ, простите за сравненіе. Вы только одно возьмите. Какъ быстро всякій иностранецъ становится русскимъ. А много вы найдѐте русскихъ, которые-бы онѣмечились, офранцузились..? Почти никого... Всякому человѣку хочется душу отвести, да фраки не позволяютъ. А какъ сниметъ онъ фракъ, да выложитъ душу... хорошо! Поэтому-то, кто побывалъ въ Россіи, туда его снова тянетъ... Человѣкъ, настоящій человѣкъ сказывается...

— А теперь гдѣ же русскіе съ открытой душой?

— Гм...

Мѣщанинишка ничего не отвѣтилъ, кромѣ «гм.» Долго шелъ молча. Качалъ головой...

— Не знаю-съ... Не знаю-съ. Какъ позакрыли трактиры, такъ всѣ и пропали... Никого не вижу изъ тѣхъ, кто были...

Мы проходили по Марсову полю. Пересѣкали его. Какъ

разъ передо мной возвышался холмъ надъ могилами Урицкаго, Володарскаго и сомнительныхъ бойцовъ за революцію.

Почему-то совершенно невольно я вбѣжалъ на какое-то возвышеніе, сложенное изъ кирпичей и камня. И закричалъ:

— Эй вы... Идите всѣ сюда... Ко мнѣ! Всѣ до одного. Всѣ, кто жилъ и живетъ въ Санктпетербургѣ... И вы, Ваше Величество, Великій Царь Петръ Алексѣевичъ... Это вы создали Петербургъ. Вы его построили. Онъ выросъ изъ той единой мысли, которая наполняла вашъ мозгъ и сердце! А вы, петербуржцы, создали тотъ великій городъ, который управлялъ всей Россіей! И вотъ, когда вы стояли на полъ-пути, чтобы достроить его, ринулись на него хамы и, подъ предводительствомъ чуждыхъ русской душѣ людей, разорили его въ одинъ мигъ... Гдѣ все то, чѣмъ жила родина, чѣмъ дышала она, гдѣ то сердце, которое билось здѣсь? А вы, кто сейчасъ живете въ Петербургѣ, забыли все...Но я не хочу васъ упрекать,что вы продали родину,какъ Іуда, продавшій Христа за тридцать серебренниковъ... Не время теперь бросать вамъ въ лицо то, что вы сдѣлали. Вы, живущіе теперь. Пусть потомъ предъ лицомъ Императора вы склоните свои головы съ краской стыда на щекахъ. Вы знаете, что настанетъ время, когда на Марсово Поле соберутся псы. Они взроютъ эту землю. Они вытащатъ оттуда разлагающіеся трупы разныхъ Урицкихъ и Володарскихъ... Они унесутъ ихъ кости въ рѣку и та угонитъ ихъ въ море. Эти псы очистятъ отъ поганой крови чистую русскую землю! И одновременно такіе-же псы набѣгутъ въ Кремль и тоже тамъ очистятъ святое мѣсто отъ скверны. Скоро, очень скоро наступитъ то время, когда раздастся первый ударъ въ Московскомъ Кремлѣ и одновременно здѣсь въ Исаакіевскомъ соборѣ. И зазвонятъ въ всѣхъ церквахъ по всей Руси, въ большихъ и малыхъ церквахъ... И появится на нашемъ престолѣ русскій Царь съ крестомъ въ рукѣ и первое его слово будетъ:

— Христосъ воскресе!

Теперь вы боитесь громко сказать:

— Воистину воскресъ.

А тогда крикнете съ чистымъ и непугливымъ сердцемъ. И тогда всѣ хамы, всѣ темные люди, вылѣзшіе изъ подваловъ, угловъ и норъ, изъ подъ мостовъ и изъ подзаборовъ, весь этотъ отбросъ человѣчества уйдетъ опять въ свои норы и спрячется тамъ, какъ тать въ нощи. И уйдутъ ихъ горбоносые, съ черными бородками и бритые вожди. Уйдутъ съ позоромъ при видѣ креста и, когда услышатъ имя Христа, имъ нечего будетъ здѣсь дѣлать. Они закроютъ плащами свои отвратительныя лица и, тихо крадучись, будутъ пятиться, очищая русскую землю отъ своей слюны. И будетъ снова на этой землѣ святая могучая Русь!.. Единая и сильная. Ждите. На мою долю выпалъ жребій, указанный Рокомъ, дать первый выстрѣлъ въ ту кучку чучелъ съ прогнившимъ мозгомъ, кто вами правитъ

— Что? кто это говоритъ?.. Кто?..

Я оглянулся. Несчастный мѣщанинишка бѣжалъ отъ меня, зажавъ уши. Я видѣлъ удаляющуюся быстро жалкую фигуру...

Но предо мной стояли два человѣка съ длинными курчавыми волосами, въ очкахъ. Бритые. А! Старые знакомые! Володарскій и Урицкій.

— Что вамъ нужно отъ меня?

— Преклонись предъ нами... Предъ нашими тѣнями. Я расхохотался.

— Кто вы? Зачѣмъ вы сюда попали?

— Преклонись! Или мы сейчасъ позовемъ коммунистовъ и тебя отвезутъ на Гороховую...

— Прочь!.. Прочь отъ меня.

— Преклонись... преклонись передъ нами...

— Преклонись передъ ними!

Новые голоса... А! И вы, Максимъ Горькій, здѣсь. И вы, господинъ Перзонъ. И вы, профессоръ Гриммъ. Боже, сколько народа! И сколько знакомыхъ. Марья Федоровна и Марья Петровна, вы тоже уговариваете меня поклониться имъ. Вы дѣлаете мнѣ много чести. Что я такое?.. А, и вы, почтенный лысый лекторъ. Ну, какъ сошелъ вашъ юбилей? Счастливый? Только васъ уже прогнали? И вы здѣсь, го-

сподинъ Мейерхольдъ?.. О, какія имена. А сколько маленькихъ именъ... Теперь они стали большими. А были ничтожествами... А, Анатолій Васильевичъ! Охотно снимаю передъ вами шляпу, какъ передъ извѣстной бездарностью. О, какъ вы бездарны и глупы. Какъ коробка изъ подъ сигаръ... Вы не видите, что васъ возвели въ геніи хамы... Кому, скажите, вы были нужны?.. Но, господа, мнѣ, право, совѣстно, что вы сюда пришли и только напрасно стараетесь меня въ чемъ-то убѣдить. Ага! Вы всѣ боитесь, что будетъ съ вами, когда Христосъ васъ прогонитъ отсюда, какъ продавцовъ изъ храма. Вы тоже продавцы. Вы обворовали всю Россію, продаете ее по мелочамъ. Да, я знаю, вы покупаете души... Но я сильнѣе васъ. Вотъ смотрите, я всегда ношу съ собой скорбный ликъ Божіей Матери.

Ушли. Скрылись тѣни. Опять Марсово поле пустое. Никого нѣтъ. И стало темно. Мучительно темно. Нигдѣ нѣтъ просвѣта. О, какая пустая ночь. Безъ звѣздъ. Безъ луны. Не знаешь, открыты глаза или нѣтъ?

Боже! Утро...

Я, дѣйствительно, заснулъ на Марсовомъ полѣ. Промерзъ. Зубъ на зубъ не попадаетъ.

Вспомнилъ о трактирчикѣ-съ. Пожалѣлъ, что некуда зайти и выпить горячаго чаю.

Быстрымъ шагомъ направился домой.

— Нянюшка... скорѣе... скорѣе. Марья Романовна арестована. На Гороховой. Ей надо что-нибудь отнести.

Нянюшка заторопилась. Заахала. Поплакала.

О сестрѣ я не могъ ничего говорить. Это я принужденъ былъ скрыть. Назвалъ ее «одна больная».

Черезъ четверть часа все было готово.

Я пустился на большую наглость. Свободно вошелъ на Гороховую. Вездѣ и всюду говорилъ, что я отъ Даупанта и Гаврилы Анисимыча (товарища Лапошина). Это имѣло большое дѣйствіе на всѣхъ, къ кому я ни обращался.

Въ пріемной и корридорѣ было много народу. Просителей. Всѣ убитые горемъ, угнетенные, подавленные.

Мнѣ обѣщали передать пакетъ въ руки Марьѣ Рома-

новнѣ и справиться о ней и сестрѣ. Про Осипа я самъ не хотѣлъ разспрашивать. Это было опасно.

Одна дама билась въ истерикѣ.

— Сознайтесь... Его разстрѣляли... Убили...

— Не войте такъ, гражданка.

— Убили... Убили! Я вижу по вашему лицу.

— Ничего пока неизвѣстно...

— Вы скрываете... О мучители... мучители...

Прошелъ дѣловитой походкой какой-то еврей въ кожаной курткѣ. Брезгливо посмотрѣлъ на несчастную даму.

— Посадить ее.

Дама стала отбиваться, но ее скоро увели. Я только слышалъ ея крики:

— Кто тутъ отъ товарища Даунанта?

— Я.

— Вы интересуетесь Мансуровой и Полозовой?

— Да.

— Ихъ вчера арестовали на автомобилѣ?

— Да.

— Вашъ пакетъ будетъ переданъ... въ общую...

— А какъ здоровье Полозовой?

— Она ночью умерла.

7. ХЛОПОТЫ.

Послѣдніе три дня я провелъ въ необычайныхъ хлопотахъ. Бѣгалъ по городу безъ устали.

Первымъ долгомъ, какъ только я узналъ о смерти сестры, я бросился къ Сережѣ и Лелѣ, чтобы имъ объ этомъ сообщить и просить Сережу взять на себя заботу похоронить сестру, такъ какъ, по многимъ обстоятельствамъ, я не могъ этого взять на себя.

Въ качествѣ кого я появлюсь на Гороховой? Это было самой главный причиной. Совершенно ненужный рискъ, изъ за котораго я могъ проиграть все мое дѣло. Вообще съ моимъ выступленіемъ на Гороховой по поводу похоронъ какой-то буржуйки, вдовы генерала, я могъ «запятнать» себя, тѣмъ болѣе передъ вступленіемъ въ коммунистическую партію. Малѣйшее подозрѣніе—и все могло сорваться. Наконецъ, мнѣ хотѣлось-бы похоронить сестру по православному обряду, а коммунисты строго слѣдили за тѣмъ, чтобы ихъ члены, отрекшись отъ религіи, не исполняли никакихъ церковныхъ обрядностей.

Къ счастью, я засталъ Лелю и Сережу дома. Анна Васильевна куда-то ушла, а Гаврила Анисимычъ всегда уходилъ изъ дому съ ранняго утра.

Отперла мнѣ Леля. При видѣ меня ахнула и попятилась назадъ.

— Сережа дома?

— Да...

— Сережа, — крикнула Леля.

Сережа тотчасъ выбѣжалъ въ кухню. Нахмурилъ брови. Еле кивнулъ головой.

— Я по важному дѣлу.

— Вы понимаете, что между нами нѣтъ ничего общаго? — сурово замѣтилъ Сережа.

— По своему дѣлу я не пришелъ-бы къ вамъ. Вы мнѣ не нужны.

— А у меня къ вамъ нѣтъ никакихъ дѣлъ.

Сережа повернулся и хотѣлъ было уйти.

— Я не думалъ, что вы уже отреклись и отъ матери. Лида, моя родная сестра сегодня ночью скончалась.

— Господи! — вскрикнула Леля. — Господи!

Перекрестилась. Хотѣла взять себя въ руки, но не выдержала. Опустилась на табуретку и заплакала.

Сережа поблѣднѣлъ. У него задрожалъ подбородокъ.

— Откуда ты узналъ?

Я обратилъ вниманіе, что онъ невольно сказалъ мнѣ: ты.

— Я сейчасъ былъ на Гороховой. Хотѣлъ отнести ей ѣды.

— А мы-то не позаботились, — тихо произнесла Леля.

Сережа подошелъ къ двери, которая вела на лѣстницу, наложилъ крюкъ.

— Пройдемте ко мнѣ.

Леля покорно встала. Вытерла слезы. Шла неровной походкой. Машинально.

Въ кабинетѣ покойнаго отца уже не было того порядка, который царилъ при его жизни. Какъ будто кто-то началъ передвигать мебель, чтобы ее вынести изъ комнаты, но помѣшали, и всѣ вещи остались на полпути. Столъ былъ донельзя загаженъ. Не убирали его нѣсколько мѣсяцевъ. Нѣкоторыя цѣнныя вещички были разбиты. Валялись всюду окурки, бумажки. На бархатномъ креслѣ стояла корзина съ картошкой. На диванѣ, видимо, кто-то иногда спалъ. Смятая подушка, пальто, подтяжки. На полу сапоги. И всюду грязь, пыль, плевки. Почему-то картины и портреты на стѣнахъ висѣли криво и косо. Нѣсколько стеколъ въ рамкахъ были разбитыми.

У генерала Полозова висѣлъ надъ письменнымъ столомъ портретъ Александра Третьяго въ золотой рамѣ, со скипетромъ и короной на верху. Теперь этой рамы не было Я увидалъ на полу около окна только кусокъ золотого багета.

Сережа замѣтилъ, что я осматриваю комнату, и я по его лицу догадался, что онъ хочетъ мнѣ сказать дерзость.

Вообще у него было ко мнѣ отношенiе сильно враждебное, и онъ не скрывалъ этого.

Это всегда такъ бываетъ. Если человѣкъ не умѣетъ себя должнымъ образомъ поставить передъ другимъ, онъ злится не на самого себя, а на совершенно невиновнаго передъ нимъ другого человѣка. Даже въ томъ случаѣ, если просто-на-просто человѣкъ не найдется, что отвѣтить. И уже тотъ, другой, становится его личнымъ врагомъ. Ясно, что Сережѣ было тяжело меня видѣть послѣ его предательства. Онъ зналъ, что я имѣю силу надъ нимъ, хотя бы

нравственную, и долженъ былъ передо мной молчать. Онъ хорошо понималъ, что могъ меня погубить однимъ словомъ, но онъ вмѣстѣ со мной губилъ и себя. Другого исхода у него не было, какъ только молчать. И молча все переживать. Сережа слишкомъ загрязнилъ себя, служа въ красной арміи, идя противъ бѣлыхъ, своихъ товарищей, чтобы оставить себѣ хоть малѣйшую дорогу къ честному прошлому. Ясно, что онъ считалъ меня давно умершимъ, своихъ товарищей по прежнему заговору разбитыми, а Осипа онъ для себя не считалъ опаснымъ, полагая, что тотъ пропадетъ гдѣ-нибудь, служа на желѣзной дорогѣ чуть-ли не кочегаромъ.

Но всѣ его расчеты рухнули. Я оказался здравъ и невредимъ. Появился снова въ его жизни, какъ его совѣсть. И ему приходилось только мириться съ фактомъ и молчать. Возможно, что онъ догадывался о моей цѣли. Не совсѣмъ точно, но приблизительно. Что-то я затѣялъ. И затѣялъ большое. Для него было вполнѣ ясно, что я актерствовалъ. Онъ не могъ-бы повѣрить тому, что я, назвавшись музыкантомъ, ради только обильнаго пайка, играю у матросовъ, Перзона и у Гаврилы Анисимыча. Что я особенно заигрываю съ латышемъ Даунантомъ, Сережа прекрасно зналъ. И онъ зналъ, что я ни при какихъ условіяхъ не передамся на сторону большевиковъ и не буду имъ служить.

И Сережа, и покойная сестра сперва съ силой отстаивали самихъ себя. Что, де, Сережа сталъ коммунистомъ по глубочайшему убѣжденію и что онъ не считаетъ себя предателемъ, разъ съ полнымъ сознаніемъ перешелъ на ихъ сторону. Но жизнь показала иное. И Сережѣ было донельзя тяжело, что я былъ свидѣтелемъ униженія и сестры, и его, и Лели. Гаврила Анисимычъ, что называется, измывался надъ ними. Смотрѣлъ на нихъ, какъ на бывшихъ буржуевъ, да еще изъ генеральской семьи, съ большимъ пренебреженіемъ. Особенно это подчеркивалъ. Волей неволей пришлось имъ всѣмъ троимъ угождать Гаврилѣ Анисимычу и его матушкѣ, бывшей кухаркѣ, подлаживаться подъ ихъ тонъ и подражать ихъ манерамъ.

Кто изъ прислугъ не былъ воромъ? Рѣдчайшее исключеніе. Кто не таскалъ у «господъ» кусочки сахару, какая кухарка не обвѣшивала, не обдувала «свою барыню»? Это считалось вполнѣ обыденнымъ и законнымъ. Не было, кажется, случая, чтобы барыня привлекала къ отвѣтственности этихъ воровъ и воровокъ (если только они не совершали настоящей кражи) за мелкое воровство. И вотъ теперь семья почтеннаго генерала Полозова, выдающагося человѣка, честнаго патріота, который служилъ родинѣ, эта семья, вдова и дѣти заискивали передъ кухаркой Анной Васильевной, которая еще недавно таскала со стола кусочки сахару и обсчитывала барыню.

Сережа не могъ не чувствовать этого позора. И, вмѣсто того, чтобы злиться на себя, хотѣлъ всю свою злость излить на меня. Но я рѣшилъ до конца быть съ нимъ вполнѣ корректнымъ.

— Я надѣюсь, что вы озаботитесь о похоронахъ Лиды?

— Конечно... конечно, — тотчасъ отвѣтилъ Сережа.

Но въ томъ, что онъ это слово повторилъ два раза, чувствовалось сомнѣніе.

Ага! Онъ, какъ красноармейскій офицеръ и коммунистъ, боится похоронить сестру по православному обряду. Пожалуй, ему еще за это попадетъ, какъ попало за крестины ребенка Лели.

— Я настаиваю на томъ, — сказалъ я, — чтобы сестра была похоронена, какъ православная.

— Тогда и хорони самъ, — рѣзко отвѣтилъ Сережа.

— Нѣтъ... нѣтъ... Мы должны похоронить маму, — со стономъ и слезами крикнула Леля. — Я хочу, чтобы ее отпѣвали въ церкви...

— Леля! — сухо замѣтилъ Сережа. — Пожалуйста, безъ истерикъ.

— Какъ ты хочешь, Сережа, это твое дѣло... Ты можешь и совсѣмъ не появляться при похоронахъ мамы... Тебѣ запрещено ходить въ церковь... Но... я... я, ея родная дочь, не допущу, чтобы маму зарыли, какъ собаку. Пусть они такъ зарываютъ своихъ... Урицкихъ...

— Леля! Я не позволю такъ говорить!

Сережа вскипѣлъ. Всталъ. Его глаза злобно уставились на Лелю.

— Насъ никто не слышитъ, — вставилъ я.

— Это все равно. Я при себѣ не позволю никого изъ нихъ хулить. Я очень высоко цѣню память хотя-бы того же Урицкаго.

— И я долженъ съ почтеніемъ произносить имя твоего патрона Троцкаго? — спросилъ я.

— Конечно.

— Такъ что-же, Сережа? Что намъ дѣлать?

Я видѣлъ, что Леля не примирится съ мыслью похоронить свою мать безъ церковнаго обряда.

— Я въ церковь не пойду, — почти по слогамъ громко, чуть ли не крича, отвѣтилъ Сережа. — Никакихъ отпѣваній и поповъ я не признаю.

Леля повернулась ко мнѣ.

— Дядя Коля, я все беру на себя. Ты только мнѣ скажи, что надо дѣлать?

— Ты постарайся какъ-нибудь добиться того, чтобы взять тѣло покойной сестры съ Гороховой.

— О гробѣ я позабочусь, — вставилъ Сережа.

— Надо будетъ отвезти тѣло усопшей на кладбище и тамъ поставить его въ часовню или церковь.

— У насъ мѣсто въ Новодѣвичьемъ Монастырѣ.

— Туда и отвези.

— А расходы, Сережа, ты возьмешь на себя? — спросила Леля.

— Само собою разумѣется.

— Значитъ, мы такъ и сговоримся.

Я всталъ.

— Мы еще увидимся на кладбищѣ. Я буду тамъ.

Поклонился издали. Леля хотѣла было меня поцѣловать, но испугалась взгляда Сережи. Вздрогнула и снова заплакала, опустившись на кресло.

Сережа пошелъ все-же меня проводить. Предупредительно снялъ крюкъ.

Я невольно взглянулъ на Сережу. Наши взгляды встрѣтились. Смотрѣли въ упоръ другъ на друга. Зрачки въ зрачки.

И вдругъ я почувствовалъ... это было мгновеніе, можетъ быть, сотая секунды... Мнѣ показалось, что Сережа сейчасъ вскинетъ руками, бросится мнѣ на шею, заплачетъ... Будетъ цѣловать мое лицо, мои руки... Упадетъ передо мной на колѣни... будетъ обнимать мои ноги.

И этимъ мгновеніемъ онъ могъ-бы искупить всю свою вину.

Но секунда прошла... Порывъ ушелъ безвозвратно въ вѣчность. Опять еще болѣе обозленное лицо. Онъ даже не опустилъ своихъ глазъ.

Я быстро схватилъ ручку двери и вышелъ, уже не оглядываясь.

Мнѣ необходимо было зайти къ Ивану Терентьичу, къ комиссару Балтфлота и, если удастся, повидать Симона Исаича.

На Офицерской улицѣ, въ ея концѣ, не доходя до площади Маріинскаго театра, я встрѣтилъ Федора Игнатьича, Онъ былъ въ ужасающемъ видѣ. Пальто рваное, грязное, въ пуху, завязанное въ таліи веревочкой. Сапоги рваные. Вѣрнѣе, ботинки. Федоръ Игнатьичъ какъ-то ухитрился концы своихъ брюкъ засунуть за ботинки и, чтобы они не вылѣзали, обвязалъ ихъ бечевкой.

Шелъ, сильно раздумавшись. То улыбался, то испуганно вздрагивалъ. Увидалъ меня. Сперва какъ-будто обрадовался, но потомъ на его лицѣ пробѣжалъ испугъ. Глаза запрыгали, заметались.

Протянулъ даже мнѣ руку.

Невольно обратилъ вниманіе, что руки у Федора Игнатьича были донельзя грязны. Видимо, онъ не только руки, но даже и лицо давно не мылъ. Около его ушей было столько грязи, что можно было ее безъ мыла даже сцарапать руками. Изъ за воротника выглядывала совсѣмъ бурая рубашка. Федоръ Игнатьичъ поминутно закрывалъ горло

какой-то шерстяной тряпкой, которая все время упорно и настойчиво слѣзала влѣво.

— Ну что?.. Что?.. Какъ жена?

— Марья Романовна еще на Гороховой.

Покачалъ головой. Обернулся. Со страхомъ посмотрѣлъ, не слѣдитъ-ли кто за нимъ и не подслушиваетъ ли.

— Охъ, какъ я за нее боюсь. Она очень неосторожна. Можетъ сказать что-нибудь лишнее... Я ее отлично знаю. Я ужасно боюсь, какъ-бы у меня не было обыска. А что вы думаете? Очень возможно.

— Развѣ у васъ есть что-нибудь?

Замахалъ руками.

— Что вы?.. Что вы?.. Избави Богъ. Я сегодня почти всю ночь разбирался въ вещахъ Маруси... Боялся, не было-ли у нея какой-нибудь записочки... Всѣ ея письма сжегъ...

Разсмѣялся.

— На нихъ даже себѣ вскипятилъ воду. Многое, что могло вызвать подозрѣніе, я сжегъ. Даже портреты... въ особенности военныхъ... Кто знаетъ, можетъ быть, кто у нихъ на подозрѣніи, а тутъ его карточка. Вотъ и готово... О, съ ними надо быть осторожнымъ. И не предусмотришь, что имъ не понравится...

— Да, это вѣрно.

— У Ксеніи въ ея книгахъ я нашелъ Державина и Ломоносова... Еще ученическія книги. Я не зналъ, что мнѣ съ ними дѣлать?

— А развѣ это опасно?

— Что вы? А оды?.. Избави Богъ.

— Что-же вы сдѣлали съ книгами?

— Вышелъ на улицу и осторожно ихъ подбросилъ.. Просто на выступъ окна положилъ... Вотъ претерпѣлъ страху, какъ-бы меня не увидали? Но ничего. Сошло благополучно. Слава Богу!.. Ахъ, только-бы вотъ жену выпустили... я буду самъ не свой эти дни... а знаете, у меня большая радость?..

— Что такое?

— Да вотъ только боюсь, какъ-бы изъ за ареста жены

не рухнуло-бы все Я сейчасъ былъ у Симона Исаича, и онъ далъ мнѣ рекомендательное письмо къ одному видному коммунисту... Онъ служитъ во дворцѣ труда... Можетъ быть, мнѣ тамъ удастся получить мѣсто... Вы знаете, у нихъ великолѣпный паекъ. Не чета другимъ. Конечно, вашъ балтфлотскій много лучше, но все-же и мой будетъ отличный. Какой-то не то ударный, не то увеличенный. Хлѣба три четверти фунта въ день. Правда, не дурно? Ну, селедки, мука, крупа, мыло, консервы, соль, сахаръ... даже даютъ мясо и рыбу... Но это что? Говорятъ, что тамъ можно получить обувь и одежду... А у меня видите, какіе рваные сапоги. Были хорошіе, но я ихъ долженъ былъ отдать. А вчера женинъ тюфякъ отнесъ. Декретъ такой былъ.

Помолчалъ. Я нарочно выждалъ, чтобы Федоръ Игнатьичъ весь высказался. Мнѣ хотѣлось уловить хоть что-нибудь, за что я могъ уцѣпиться и дать себѣ отвѣтъ на вопросъ:

— За что его любила Марья Романовна?

Это былъ въ полномъ смыслѣ ничтожный человѣкъ. И мнѣ вспомнились слова Марьи Романовны, которыя она недавно сказала:

— Какъ стыдно мнѣ за мое прошлое!

— Но жена поступила очень опрометчиво. Ну зачѣмъ это ей было поступать въ монастырь? Она и этимъ меня сильно подвела. Вы не видѣли, какъ косо посмотрѣли на меня Гаврила Анисимычъ и товарищъ Даунантъ. А хорошіе они люди... славные, не правда-ли?

— И какая вкусная колбаса у нихъ...

— Да... да. Умѣютъ люди жить. Но кто, по-моему, геніаленъ — такъ это Симонъ Исаичъ. Я прямо любуюсь на него...

Я невольно плюнулъ, но Федоръ Игнатьичъ не понялъ этого.

— Привыкъ къ плевкамъ, — подумалъ я.

— Ну я тороплюсь... Господи! Я не туда пошелъ. Мнѣ

надо было здѣсь свернуть... къ Благовѣщенію... Ахъ, какой я сталъ разсѣянный...

Пожалъ руку. Сдѣлалъ шагъ. Обернулся.

— Да, я еще васъ хотѣлъ спросить... Вы ничего не слыхали, какъ здоровье этой дамы... Матери того офицера.

— Она ночью умерла.

— Что вы говорите?... А какъ вы узнали?

— Я сегодня тамъ былъ..

— Справиться заходили?

— Да. И кое-что отнести изъ ѣды.

— Къ сожалѣнію, у меня ничего нѣтъ. Вотъ, если я получу сегодня мѣсто... Ахъ, дай Ты, Господи!.. Ну, до свиданія...

Улыбнулся.

— А я замѣтилъ, какъ къ вамъ всѣ хорошо относятся и цѣнятъ васъ... Ну да вы молодецъ...

И онъ побрелъ свой мелкой, пугливой походкой. Я еще разъ плюнулъ, смотря ему въ спину.

— Эхъ ты, россійскій обыватель!..

Я только перешелъ улицу и вошелъ во дворъ, гдѣ помѣщалась флотская пекарня.

Иванъ Терентьичъ сдавалъ смѣну. Обрадовался мнѣ необычайно. Чуть не расцѣловалъ меня.

— Давно не видалъ тебя? Ну, какъ?.. Да, вотъ что?.. Сейчасъ я ухожу. Вмѣстѣ пойдемъ. Я къ Машкѣ еще забѣгу. Да вмѣстѣ можемъ... Ты постой-ка. Дай только сообразить... Охота мнѣ тебѣ хлѣба побольше дать... Ты хорошій... Ты понапрасну не лѣзешь. Другой-бы на твоемъ мѣстѣ каждый день за хлѣбомъ заходилъ... А ты аккуратно... Даже рѣдко. Обидно даже. Словно гнушаешься.

— Что вы, Иванъ Терентьичъ?

— Да нѣтъ... нѣтъ. Я тебя насквозь вижу. Ты человѣкъ хорошій. Это что говорить. Безо всякого сумленія. Постой-ка...

Иванъ Терентьичъ подошелъ къ какому-то служащему. Тихо ему шепнулъ нѣсколько словъ. Тотъ кивнулъ головой.

— Ладно. Дѣло идетъ...

Прошелъ въ сосѣднюю комнату и принесъ для меня два большихъ хлѣба, свѣже выпеченныхъ, еще посыпанныхъ бѣлой мукой.

— Прячь хорошенько и идемъ.

— А у меня, Иванъ Терентьичъ, дѣло къ вамъ есть.

— Ладно... ладно. Все сдѣлаемъ. Вотъ у Машки потолкуемъ. Тебѣ да не сдѣлать? Для тебя, кажись, я не знаю, что готовъ сдѣлать...

Ударилъ меня по плечу. Расхохотался.

— А коли господина Персона дома не будетъ, ты намъ сыграешь?

— Охотно.

— Ну я такъ и зналъ... Ты человѣкъ покладистый. А ты мнѣ вотъ что скажи? Могъ-бы ты меня научить такъ играть, какъ ты? И чтобы поскорѣй. Вонъ Машка говоритъ, что для этого не одинъ годъ нуженъ. А меня-бы ты въ мѣсяцъ обучилъ? А?

— Ну, въ мѣсяцъ невозможно.

— А я способный. Я бы все въ мигъ перенялъ...

Когда мы проходили ворота, дежурный подозрительно посмотрѣлъ на мою шинель, сильно оттопыренную отъ спрятанныхъ хлѣбовъ, но Иванъ Терентьичъ погрозилъ ему кулакомъ и расхохотался.

Насъ пропустили.

Дѣйствительно, оказалось, что Симонъ Исаичъ только что куда-то ушелъ.

— Входите, входите... Барышня здѣсь, только, кажись, она спать пошла. Цѣльный день валяется. А по ночамъ кутитъ. А у меня и обѣдъ готовъ для васъ. Баринъ куда-то на обѣдъ приглашенъ, ну вотъ мы и поѣдимъ. И барышню можно будетъ угостить.

Въ кухнѣ было нестерпимо жарко. Машка плиту растопила докрасна. На ней стояли кастрюли, бурлили, и отъ нихъ поднимался клубами густой бѣлый паръ. Изъ носика чайника выплескивалась вода. Капли падали на плиту, и она шипѣла, словно злилась.

Машка еще зачѣмъ-то подбросила два полѣна въ печь плиты и стала передвигать кастрюли. На сковородкѣ лежали кусочки краснаго мяса. Машка положила масла, посыпала мукой и солью и стала трясти сковородку такъ, что кусочки мяса бѣгали отъ одной стороны къ другой.

— А вы садитесь. Сейчасъ посуду поставлю.

— Водочки-бы... — замѣтилъ Иванъ Терентьичъ.

— Барышню попросить надо...

Машка поставила сковородку на плиту, еще разъ подергала за ручку сковородки и, взявъ тарелки, быстро ихъ обтерла полотенцемъ и быстрымъ, привычнымъ жестомъ почти бросила на столъ. Дала ложки, вилки и ножи. Поставила большую деревянную кухонную солонку.

— Ничего... ладно и безъ скатерти, — замѣтила она.

— Свои люди... Сойдетъ, — поддакнулъ Иванъ Терентьичъ.

Машка опять позвонила кастрюльками и побѣжала въ комнаты.

— Ахъ, эта Машка... Ой человѣкъ!.. Угодить умѣетъ, вотъ что. Золото, во всѣхъ смыслахъ...

Машка тотчасъ вернулась.

— Идетъ.

— А водочка?

— Сами ее попросите.

Дѣйствительно, почти тотчасъ вошла Ксенія. Заспанная, вялая, съ растрепанными волосами. Въ туфляхъ. Одѣта небрежно.

Нисколько не удивилась, что пришелъ я. Еле отвѣтила на мой поклонъ. Некогда было. Зѣвала.

— А вотъ-бы, барышня, соблаговолили бы насчетъ водочки? — замѣтилъ Иванъ Терентьичъ.

Ксенія ничего не отвѣтила. Молча встала и ушла. Иванъ Терентьичъ бросился за ней.

Не скажу, чтобы Машка была въ хорошемъ расположеніи духа. Она, видимо, чѣмъ-то была недовольна. Рѣзко звенѣла посудой. Бросалась то къ столу, то къ плитѣ. Снова возвращалась назадъ.

Сдергивала съ гвоздя полотенце и утирала имъ потъ, катящійся со лба.

Ксенія принесла съ собой бутылку водки и рюмки. Иванъ Терентьичъ несъ еще двѣ бутылки. Онъ сіялъ отъ радости. Подпрыгивалъ и махалъ руками съ бутылками.

Мнѣ показалось, что изъ-за двери выглянулъ мой мѣщанинишка, какъ-то загадочно кивнулъ мнѣ, прищурился, хитро улыбнулся. Догадался, что я его понялъ, и тотчасъ исчезъ.

Этотъ сонъ, который я видѣлъ на Марсовомъ полѣ, еще не совсѣмъ испарился въ моей головѣ. Опять, какъ во снѣ, появился мой мѣщанинишка. И я понялъ, зачѣмъ снъ показался. Понялъ хорошо.

— Ладно, — подумалъ я, — пусть будетъ по твоему.

— Сперва по рюмочкѣ.

Всѣ вчетверомъ выпили. Машка уже успѣла поставить на столъ кастрюлю со щами. Водку мы закусили вареннымъ мясомъ. Вкуснымъ, съ янтарнымъ жиромъ.

— Еще! — распоряжался Иванъ Терентьичъ.

Ударилъ меня по плечу.

— А ты, я вижу, товарищъ, тоже не дуракъ выпить.

— Главное, въ хорошей компаніи.

Идеальная компанія, что и говорить. Машка, которая тоже, навѣрняка, воровала сахаръ у Коновницыныхъ и обворовывала ихъ самымъ наглымъ образомъ, и Иванъ Терентьичъ...

Ксенія... Милая, изящная барышня. Я представляю живо ее за обѣденнымъ столомъ...

И тотчасъ быстро опустилъ занавѣсъ. Черный, непрозрачный, чтобы изъ прошлаго ничего не было видно. Пусть пока этотъ занавѣсъ виситъ и не колышется...

Скоро... Очень скоро настанетъ время, когда снова взовьется этотъ занавѣсъ, и всѣ увидятъ, чѣмъ люди жили и чѣмъ они живутъ.

Братство и равенство!

Да здравствуетъ соціализмъ, который заставилъ меня

сидѣть въ кухнѣ съ Машкой и Иванъ Терентьичемъ и который прелестную и чистую барышню Ксенію сдѣлалъ самой послѣдней самкой и игрушкой для Перзоновъ и матросовъ.

Что могло быть общаго у меня, человѣка, стремившагося къ красотѣ жизни, къ правдѣ, къ яркому солнцу и у Машки съ ея умомъ мелкой воровки...

— За ваше здоровье...

Я самъ взялся наливать водку и мнѣ очень ловко удалось перехитрить Ивана Терентьича.

— Чтобы ты не меньше моего выпилъ!

— Ладно.

И когда Иванъ Терентьичъ пилъ уже пятую рюмку, я выпилъ только одну. Машка отъ жары и водки замѣтно раскраснѣлась. Ксенія тоже.

Я, помня хитрый кивокъ мѣщанинишки, подливалъ въ рюмки водку...

— Пейте... пейте!..

А внутренній голосъ добавилъ:

— Пейте, проклятое хамье... Я ненавижу васъ не потому, что я баринъ... О, я никогда не раздѣлялъ людей на баръ и хамье. Люди равны, но души у нихъ разныя. Вы хамы по своей натурѣ, по своему мышленію, по взгляду на Божій міръ, на солнце, на радость жизни, на ея красоту! Разъ вы не понимаете міра, разъ вы смотрите на него, какъ на сахарницу, изъ которой можно украсть кусочекъ сахару, вы мерзкое, отвратительное хамье. И тебѣ мѣсто, Машка, не въ барскихъ комнатахъ, куда ты можешь входить только для того, чтобы изъ спальной Симона Исаича выносить горшки, а въ дальнихъ комнатахъ. Что для тебя картина великаго художника? Ты ею покроешь ведро съ отбросами. А, вы позавидовали, что мы катаемся на автомобиляхъ? И вамъ того-же захотѣлось? Но вѣдь мы сами изобрѣли ихъ, сколько вѣковъ мы изучали науку, чтобы придти къ мысли объ автомобилѣ, а вамъ подай готовое... Но, когда вы покатаетесь и сломаете автомобиль, вы не изобрѣтете новаго...

— Попили вы нашей кровушки .

— Виноватъ... я очень брезгливъ...

— Ты чего, товарищъ?.. Пей...

— Я пью... Только маловато.

— А вотъ мы теперь винца попьемъ...

Машка рѣдко вступала въ разговоръ. Да онъ и не вязался. Говорили отрывочно, больше про ѣду говорилъ Иванъ Терентьичъ. Ксенія молчала.

А, вотъ почему такъ злилась Машка. Приревновала Ивана Терентьича къ Ксеніи. И, правда, Иванъ Терентьичъ временами посматривалъ на Ксенію съ большимъ вожделѣніемъ. Плотоядно улыбался, обтиралъ губы и старался при обращеніи къ Ксеніи выискивать болѣе заковыристыя слова. Конечно, Ксенія не обращала на него вниманія. Вышла она заспанной, а, когда поѣла, и поѣла съ большимъ аппетитомъ, и выпила водки, то ее стало клонить ко сну.

Я выбралъ удобный моментъ, когда Иванъ Терентьичъ былъ не особенно пьянъ и заговорилъ съ нимъ о дѣлѣ. Чтобы мнѣ записаться въ партію коммунистовъ, необходимо было имѣть лучшія рекомендаціи. Идти съ этой просьбой прямо къ коммисару мнѣ не хотѣлось, такъ какъ онъ былъ человѣкъ осторожный и могъ мнѣ или отказать или не сразу согласиться. Для Ивана Терентьича и господина Перзона коммисаръ сдѣлаетъ все безъ всякихъ отговорокъ. Конечно, было правильнѣе прямо обратиться къ Гаврилѣ Анисимычу и Даунанту, но я имъ хотѣлъ предстать уже въ качествѣ коммуниста, и они мнѣ были нужны для другихъ цѣлей.

Обрадовался моей просьбѣ Иванъ Терентьичъ несказанно. Чуть не заплакалъ. Обнималъ меня, похлопывалъ по плечу, радовался, что теперь я вполнѣ «ихній», и придрался къ случаю, чтобы еще выпить.

— И пусть она пьетъ, — указалъ онъ на Ксенію.

Мнѣ въ Ксеніи показалось одно страннымъ. Она пила съ какой-то злобой. На видъ она была сонная, какъ бы лишенная способности къ всякому переживанію радости или

горя, а вмѣстѣ съ тѣмъ она пила рюмку за рюмкой, стаканъ за стаканомъ. Какъ лекарство отъ безсонницы.

Машка дала и сладкое. Блинчики съ вареньемъ. Они особенно понравились Ксеніи. Я удивлялся тому, какъ много могла она съѣсть. Послѣ обѣда Ксенія выпила кофе. Выпила большую рюмку ликеру и такъ-же молча, какъ вошла, вышла изъ кухни.

Машка тотчасъ стала прибирать кухню. Но двигалась съ трудомъ. Была пьяна. Выронила тарелку и та разбилась. Машка разозлилась, зачѣмъ-то остатки добила каблукомъ. Плюнула...

— Ты-бы малость поспала, а я вотъ съ нимъ посижу.

Взялъ Машку за руку и провелъ ее въ свою комнату. Я видѣлъ черезъ дверь, что онъ положилъ ее на кровать и тотчасъ вышелъ.

— Ты... мнѣ... того. Ты поиграй... Эхъ хорошо теперь музыку! Куда-хорошо!

Въ гостиной я сѣлъ за рояль (надо было чѣмъ-нибудь отблагодарить за угощеніе!), а Иванъ Терентьичъ улегся на диванѣ.

— Заснетъ еще? — подумалъ я. — Что тогда дѣлать?..

Было неловко уйти, оставивъ всѣхъ спящими. И какъ запереть дверь?

Рѣшилъ поиграть съ четверть часа, разбудить Ивана Терентьича и попросить его закрыть за мною дверь.

Я сидѣлъ спиной къ дивану. Ничего не видѣлъ, но мнѣ показалось, что Иванъ Терентьичъ всталъ и, осторожно ступая, чтобы не помѣшать моей игрѣ, вышелъ въ корридоръ. Сперва я не обратилъ на это особаго вниманія. Не хотѣлъ прекращать игры на минуту, думая, что Иванъ Терентьичъ тотчасъ вернется. Но не прошло и двухъ минутъ, какъ я услыхалъ крикъ. Кричала Ксенія.

Я пересталъ играть. Прислушался. Ксенія продолжала кричать. Ея голосъ мѣшался съ голосомъ Ивана Терентьича. Словно онъ сперва уговаривалъ ее. Потомъ его голосъ смолкъ. Ксенія завизжала.

Я понялъ, въ чемъ было дѣло. Положеніе мое было

далэко не изъ пріятныхъ. Вмѣшиваться мнѣ не хотѣлось. Этимъ только обозлишь Ивана Терентьича и станешь его врагомъ.

Но меня выручила Машка. Видимо, и она сквозь свой пьяный сонъ услыхала какъ-то визгъ Ксеніи, тотчасъ догадалась, что подъ шумокъ затѣялъ Иванъ Терентьичъ, и побѣжала на крики. Пьяный угаръ у нея быстро прошелъ.

И тутъ произошло нѣчто невѣроятное. Не знаю, въ кого вцѣпилась Машка, въ Ксенію или въ Ивана Терентьича... Слышна была возня и крики всѣхъ сразу. Ксенія визжала, Машка выла, Иванъ Терентьичъ кричалъ. Что-то грохнулось. Разбилось.

Что же мнѣ дѣлать? Такъ сидѣть, сложа руки, или пойти на помощь.

А какое мнѣ дѣло, что тамъ дерутся? Пусть ихъ забавляются, если это имъ такъ нравится. Меня даже эта исторія потѣшала. Попался бѣдный Иванъ Терентьичъ. Думалъ подъ шумокъ свое дѣло сдѣлать и... влопался, несчастный. Подѣломъ вору и мука.

Но что-то тамъ не ладное... Визги и крики приняли уже не обычную форму. Дѣло могло кончиться очень плохо.

Я прошелъ быстро въ кухню и что есть силы сталъ звонить въ колокольчикъ. Подумаютъ, что баринъ пришелъ, и испугаются.

Разсчетъ былъ вполнѣ правильный. Услыхали звонки. Шумъ сразу прекратился.

Я быстро забралъ свои хлѣба и быстро сбѣжалъ съ лѣстницы.

Маленькій перерывъ охладитъ нѣсколько разгоряченныя натуры. Возможно, что драться больше не будутъ. Будутъ только ругаться. Ну это для нихъ дѣло привычное.

Брань на вороту не виснетъ.

Если и подерутся, то умѣренно, не такъ, какъ въ самомъ началѣ остраго момента.

Какъ разъ было время встрѣтиться съ Зиночкой, какъ мы условились наканунѣ.

Я зашелъ домой.

Нянюшка, увидѣвъ меня, покачала головой.

— Гдѣ пропадали?

Пришлось и нянюшкѣ разсказать о смерти одной дамы.

— Я какъ разъ завтра собираюсь въ Новодѣвичій монастырь. Давно съ княжной моей не говорила.

Улыбнулась.

— Зоветъ она меня къ себѣ, да я все что-то собраться не могу.

— Ну что вы, нянюшка, — замѣтилъ я.

— Какъ что, баринъ? Пора. Повидала я всего. Что нужно было, что и не нужно. И будетъ съ меня. Мало хорошаго видѣла.

— Это обидно, нянюшка. А развѣ отецъ Кириллъ, отецъ Александръ, Марья Романовна, Вася и я плохіе люди?

— Что и говорить, баринъ, хорошіе. И есть, и будутъ хорошіе люди. Да въ горѣ всѣ живутъ. И помогла-бы кому, да нечѣмъ. Коли деньгами помочь не можешь, это ничего. Полбѣды. Не ты, такъ другой поможетъ, а вотъ коли сама, какъ нищая душой, это тяжело. Бьютъ, а заступиться не можешь. Голодны, поди, баринъ?

— Что вы? Сытъ.

— А какъ Марья Романовна?

— Вотъ я сейчасъ жду одну барышню. Вы, нянюшка, что заготовьте, она отнесетъ.

— Да у меня ужъ готово.

Я вышелъ въ садъ и сѣлъ на скамейку въ ожиданіи прихода Зиночки. Какъ разъ приближался условленный часъ. По саду ходили парочки, по большей части матросы-«жоржики». Бритые, надушенные, въ бѣлоснѣжныхъ воротникахъ, въ брюкахъ «клошъ». Наглые, праздные...

Дѣвицы, по большей части барышни и въ рѣдкихъ случаяхъ разныя швейки, вертѣлись передъ ними, кокетничали, дѣлали глазки и громко смѣялись принужденнымъ глупымъ смѣхомъ.

Зиночка меня тотчасъ увидала, какъ вошла въ ограду собора.

— Немного пройдемся, — сказалъ я, — а потомъ зайдемъ ко мнѣ.

Зиночка тотчасъ согласилась.

— Вотъ что, Зиночка... обратите вниманіе на этотъ памятникъ. Вотъ видите внизу мраморъ. Такъ запомните. Слѣва третій камень. Осторожно посмотрите еще разъ, чтобы не забыть.

— Запомнила.

— Если что-либо случится со мной, вы должны объ этомъ знать. Вы и Марья Романовна.

Дома усѣлись въ комнатѣ отца Кирилла.

— Я не знаю, Зиночка, какъ благодарить васъ за то, что вы сказали Марьи Романовнѣ о болѣзни моей сестры. Это ей облегчило послѣдніе часы и минуты ея жизни.

— Господи, а какое горе, что Марья Романовна на Гороховой.

— Оно не такъ велико, какъ вы думаете. Марья Романовна сильный человѣкъ и стойко отнесется къ этой маленькой непріятности. Я за нее не только не боюсь, но даже не волнуюсь.

— Какіе вы всѣ сильные люди, а я такая слабенькая.

— Вы? Да полно, Зиночка. У васъ и сердце большое и душа сильная. Чистая вы, ясная. Какіе у васъ милые глазки. Такъ славно смотрятъ они на свѣтъ яркаго дня.

Зиночка чуть покраснѣла.

— Я знаю, вы хотите мнѣ нарочно сказать что-то хорошее...

— Не нарочно, а искренно.

— Да... да... Я знаю, что искренно..: Господи! Какъ-бы я хотѣла быть вмѣстѣ съ вами и вашимъ братомъ, чтобы помочь вамъ въ вашемъ дѣлѣ. Но что я могу сдѣлать?

— Многое.

— Я даже папу не могу ничѣмъ успокоить. Онъ съ каждымъ днемъ старѣетъ. Сталъ заговариваться. Мечтаетъ теперь, что въ день тезоименитства покойнаго Государя

надѣнетъ парадную форму и явится въ дворецъ... Я такъ боюсь, что папа сойдетъ съ ума. Часто говоритъ самъ съ собой. Иногда не узнаетъ меня. Сердится, куда ушелъ его денщикъ. У насъ былъ преданный денщикъ... Мы его всѣ очень любили.

Склонила голову.

— Встрѣтилъ онъ какъ-то разъ папу на улицѣ. Подошелъ. Не поклонился. «Что, говоритъ, 'старая квашня, еще живъ? Не разстрѣляли тебя.» Я съ папой шла. И такъ мнѣ обидно стало. А папа заплакалъ. Теперь папа забылъ объ этомъ случаѣ. И снова кричитъ: «да куда-же мой Константинъ дѣлся? Ужъ и задамъ-же ему. Поди, чай, пошелъ ухаживать. Былъ у него такой грѣшокъ. Слабъ былъ». И папа смѣется.

Зиночка пробыла у насъ недолго. Стала торопиться. Рѣшила зайти на Гороховую, чтобы справиться о Марьѣ Романовнѣ, отнести ей ѣду и узнать все о томъ, взяли-ли тѣло сестры и отвезли-ли тѣло на кладбище.

— Хорошо, что папа не остался одинъ. У насъ почти цѣлый день сидитъ одинъ старичекъ-сосѣдъ. Совсѣмъ глухой. Но ничего. Они какъ-то понимаютъ другъ друга, хотя часто говорятъ о разныхъ вещахъ. Папа разсказываетъ о своей прежней жизни. А старичекъ о своей. Говорятъ и другъ друга не слушаютъ.

На другой день мы рѣшили встрѣтиться утромъ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

Зиночка захватила съ собой пакетъ съ ѣдой и побѣжала на Гороховую.

Долго сидѣлъ, раздумавшись.

Зиночка... Ксенія.

Боже, какой ужасъ, если только подумать, во что могла обратиться красавица дѣвочка Ксенія.

И какъ велика и чиста душой Зиночка.

Пусть тотъ, кто безнадежно махнетъ рукой на жизнь, на Русь, только взглянетъ въ чистые глазки Зиночки, и онъ пойметъ, что жить стоитъ. Что стоитъ страдать за

родину, любить ее и бороться, чтобы все нечистое ушло съ русской земли.

И какъ силенъ этотъ скорбный ликъ. Ликъ Божіей матери. Ликъ матери...

Ликъ Марьи Романовны!..

8. ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Марью Романовну выпустили съ Гороховой даже раньше, чѣмъ обѣщали, но Осипа освободили только на четвертый день.

Мы всѣ встрѣтились на похоронахъ сестры. Я пришелъ вмѣстѣ съ нянюшкой. Она еле доплелась. Хорошо все-же, что мы большую часть пути проѣхали на трамваѣ. Къ ужасу своему я замѣчалъ, что нянюшка слабѣла съ каждымъ днемъ. Часто, работая, она вдругъ садилась на стулъ и, все забывая, долго смотрѣла въ одну точку. Что она видѣла, что думала, трудно было понять. Не то свою барыню-княжну, не то смерть, къ которой она шла съ большою радостью.

Къ отпѣванію пришли Зиночка съ отцомъ, Марья Романовна, Леля и даже Сережа. Увидѣвъ меня, онъ сухо сдѣлалъ рукой подъ козырекъ и больше мы съ нимъ не разговаривали, даже не обмѣнивались взглядомъ. Сережа стоялъ въ церкви, но ни разу не перекрестился. Простился съ матерью и даже соблюлъ обычай — несъ гробъ изъ церкви до могилы.

— А вотъ тутъ недалеко и моя княжна лежитъ, — сказала мнѣ нянюшка.

Всѣ достояли до конца обѣдни и панихиды, до того времени, какъ опустили гробъ въ могилу.

И тихо разошлись.

Замѣчу еще, что Сережа откуда-то досталъ вполнѣ приличный гробъ, не сколоченный изъ простыхъ досокъ, а цѣльный, и не скупился па побочные расходы. Не отказалъ Лелѣ и въ томъ, чтобы при отпѣваніи былъ приличный хоръ.

Конечно, на похоронахъ не было ни Гаврилы Анисимовича, ни его матушки, Анны Васильевны.

Генералъ держалъ себя вполнѣ нормально. Большихъ трудовъ стоило Зиночкѣ уговорить отца отказаться отъ мысли надѣть полную парадную форму съ эполетами и орденами.

— Нельзя... нельзя... Она-же вдова генерала. Я его лично зналъ.

Но потомъ Зиночка убѣдила его надѣть штатское. Генералъ былъ недоволенъ и часто во время обѣдни и панихиды подзывалъ дочь и шепотомъ говорилъ ей:

— Скандалъ... Какъ это можно было явиться на панихиду не въ полной парадной формѣ.

Со всѣми мы разстались у ограды монастыря. Я уговорилъ Марью Романовну проѣхать ко мнѣ. Къ вечеру обѣщалъ притти Осипъ съ Зиночкой. Имъ необходимо было отвезти домой генерала.

— А кофе ты сдѣлаешь?

Зиночка со слезами обѣщала отцу, что, если она достанетъ кофе, то приготовитъ.

— Со свѣжими сливочками и горячими булочками.

Зиночка страдала, что она не можетъ исполнить прихоти больного отца.

— Ахъ, ужъ какъ папа былъ радъ вашему подарку. Сколько вы тогда принесли вкусныхъ вещей...

Дорогой мы мало говорили. Марья Романовна нехотя отвѣчала на мои разспросы, какъ она провела свои два дня на Гороховой.

— Ничего особеннаго.

Разсказала про смерть сестры. Почти тотчасъ, какъ ее ввели на Гороховую 2, она потеряла сознаніе и умерла въ общей камерѣ. Ее вскорѣ отнесли въ пустую камеру и,

какъ только явилась Леля, немедленно дали разрѣшеніе увезти ее домой. Леля прямо отвезла въ часовню Новодѣвичьяго монастыря. Такимъ образомъ, особыхъ осложненій не было.

Мы всѣ втроемъ подошли къ собору Николы Морского съ задней стороны. Меня очень поразило одно обстоятельство. Домъ сторожа былъ совершенно пустой.

— А они давно уже выѣхали. Почти что на самой Пасхальной недѣлѣ. И не простились ни съ кѣмъ. Не знаю и куда дѣлись.

Я за послѣднее время такъ часто отсутствовалъ изъ дому, что не слыхалъ о всѣхъ новостяхъ, происшедшихъ за это время. Оказалось, что у насъ былъ второй разъ обыскъ. На другой день послѣ того, какъ исчезли сторожъ съ женой и кумомъ. Но квартиру не обыскивали, а долго рыли лопатами землю около дома. Видимо, это было сдѣлано по доносу сторожа, который былъ увѣренъ, что спрятанныя отъ него цѣнныя вещи собора я скралъ и зарылъ въ землю.

Конечно, ничего не нашли и ушли, сильно разсердившись на неудачу.

Я очень опасался за вещи покойной княжны. Нянюшка могла умереть и, если-бы я погибъ, въ чемъ я не сомнѣвался, спрятанныя мной вещи не открылись-бы въ теченіе многихъ столѣтій. Кто сталъ-бы рыть могилу съ такимъ прочнымъ и основательнымъ памятникомъ?

Я, на всякій случай, сказалъ о спрятанныхъ вещахъ Зиночкѣ и Марьѣ Романовнѣ. Конечно, они не воспользовались-бы чужими вещами безъ нужды, но все-же это имущество могло считаться выморочнымъ и, въ случаѣ нужды, могло пригодиться Марьѣ Романовнѣ или Зиночкѣ. Во всякомъ случаѣ онѣ сумѣли-бы должно распорядиться съ этимъ богатствомъ, которое вполнѣ законно принадлежало мнѣ, какъ подаренное мнѣ нянюшкой.

Марьѣ Романовнѣ я разсказалъ все, что произошло у меня за эти дни.

Я побывалъ въ канцеляріи Балтфлота у комиссара. Уви-

дѣлъ тамъ, къ счастью, и Ивана Терентьича. Тотъ встрѣтилъ меня по прежнему ласково, какъ будто ничего особеннаго не произошло.

— Э... съ кѣмъ это не бываетъ... Ну выпили лишнее... Такъ, небольшая непріятность вышла...

— А что...

— Что Машка? — перебилъ меня Иванъ Терентьичъ.— Да ничего. Помирились. Напугались мы очень господина Персона.

— А здорово онъ васъ въ руки забралъ?

— М... да. Крутенекъ сталъ... Ну да что дѣлать? Баринъ. И деньги у него большія.

Комиссаръ къ моей просьбѣ отнесся очень благожелательно. Самъ охотно подписалъ бумагу, что онъ за меня вполнѣ ручается. Подписалъ и начальникъ Балтфлота. Я вскорѣ вступилъ въ партію.

Мнѣ предстояло только пойти къ Даунанту и съ нимъ окончательно сговориться. Я узналъ, что онъ почему-то задержался въ Петербургѣ и не скоро поѣдетъ въ Москву. Слѣдующій день рѣшалъ мою судьбу. Я какъ разъ долженъ быть у Даунанта.

Марья Романовна слушала меня съ большимъ вниманіемъ, но ни разу не перебила меня, не сказала ни одного слова, ни похвалы, ни недовольства.

Нянюшка дала намъ закусить и приготовила кофе. Я очень жалѣлъ, что, получая паекъ, не замѣтилъ, что мнѣ было положено полфунта настоящаго кофе. Хорошо было бы отнести его Зиночкѣ для отца.

На улицѣ было тепло. Я даже открылъ окно съ разрѣшенія Марьи Романовны.

— Вамъ не холодно?

— Нѣтъ, хорошо.

Я пододвинулъ къ окну мягкое кресло. Предложилъ сѣсть Марьѣ Романовнѣ. Со стороны сада шелъ нѣжный запахъ распускающихся почекъ и свѣжей листвы. На деревьяхъ чирикали птички. Маленькія. И онѣ казались колибри или большими мухами съ тоненькими голосами. Кру-

жились, пѣли, шептались, кричали, свистѣли на разные лады. Иногда вспархивали, и казалось, что это вѣтромъ срывало съ деревьевъ листочки, и тѣ кружились вокругъ ствола и вѣтокъ.

Кто-то ихъ спугнулъ. Но тотчасъ снова облѣпили дерево.

Хорошо было, что люди, гуляющіе по саду, уходили изъ нашего поля зрѣнія. Они были много ниже, на землѣ. И мы ихъ не видали. Эти матросы съ виляющими задомъ дѣвицами могли слишкомъ реально напомнить намъ, что мы опустились на дно жизни, въ ту клоаку, гдѣ человѣкъ пересталъ быть даже животнымъ, а сталъ какимъ-то существомъ, не рожденнымъ природой.

Подоконникъ срѣзалъ низъ картины, и мы видѣли изъ окна только верхушки деревьевъ, за ними контуры отдаленныхъ домовъ и ясное голубое небо.

Было хорошо. Въ особенности послѣ усталыхъ и тяжело пережитыхъ дней.

Марья Романовна чуть откинула голову, полузакрыла глаза и глубоко вздохнула.

— И такъ, кажется, всѣ ваши планы блестяще разрѣшаются? — спросила она.

— Да, какъ будто.

— И вы переводитесь въ Москву?

— Можетъ быть.

— Вы надѣетесь, что вашъ планъ удастся?

— Почти увѣренъ въ этомъ. Вы какъ-будто недовольны.

— Я?.. Нѣтъ, вы ошибаетесь. Я со стороны слѣжу за вами. Я знаю вашу цѣль. Знаю васъ. Я увѣрена въ васъ, что вы настолько тонко и обдуманно ведете свое дѣло, что раньше времени не попадетесь, пока не выполните его.

— Вы правы.

— Я только слѣжу за вами. Вы знаете хорошо, что я ни разу не спорила съ вами, ни разу не сказала, что это безуміе. Я вѣрю въ васъ. Если вы рѣшились на такое дѣло, одинъ изъ ста восьмидесяти милліоновъ русскихъ,

то такъ надо. Значитъ, такъ надо... Одно мнѣ вполнѣ ясно, что въ случаѣ даже необычайнаго успѣха вашего дѣла, вы погибнете. Вы идете открыто къ смерти.

— Да.

— И все-же я васъ не останавливаю, хотя-бы мнѣ самой стоило это жизни.

Фраза была сказана ясно, и иначе понять ея я не могъ.

Я взялъ ее руку. Наклонился. Долго цѣловалъ.

— Господи!—глубоко вздохнула она.—Я изъ тѣхъ людей, которые никогда не каются за прошлое. Если была ошибка, я всегда стараюсь только исправить ее. Горе всей моей жизни, это то, что я не сумѣла воспитать дочь. Стыдъ моей жизни, что я вѣрила мужу, какъ большому другу, отдала ему все святое, что было у меня на душѣ, и не чувствовала даже, что изъ него выйдетъ такое ничтожество. Но не будемъ о немъ никогда говорить. Это мой позоръ!.. А Ксенія? Вы посмотрите, что за милая, чудесная дѣвушка Зиночка? Я всегда съ восторгомъ смотрю на нее. Въ ея чистые глазки. Это весна. Нѣжная, ласковая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, могучая. Весна побѣдила! И она всегда будетъ появляться съ улыбкой побѣды. Побѣдила суровую, холодную, стальную зиму. Она разбила крѣпкія глыбы льда. Она сорвала чугунные оковы съ рѣкъ и озеръ. Нѣжная улыбка оказалась сильнѣе свирѣпой, безпощадной зимы. А я мать, которая беззавѣтно любила свою дочь. Любила. И даже своею любовью не могла вложить ей хоть каплю сердца, хоть каплю ума, чтобы понять зло и отличить его отъ добра. Вотъ вы говорите, что теперь вся сила въ матери. Что она воспитаетъ новыя поколѣнія... И вотъ вамъ примѣръ. Я... Я — мать. А въ чемъ моя сила? И я ушла отъ жизни. Я — не нужна. Я сознательно, обдуманно и твердо рѣшила удалиться изъ жизни и посвятить себя только молитвѣ, только служенію Богу. Если я никому не нужна, то я должна была отказаться и отъ личнаго счастья.

Задумалась. Освободила руку, повернулась къ окну и, опустивъ голову на руку, смотрѣла въ даль. Марья Рома-

новна сказала все. А теперь она уже не высказывала своихъ думъ, а онѣ проносились только въ ея мозгу.

Я не мѣшалъ ей. Мнѣ не хотѣлось прервать недосказанную ею мысль. Не ко времени было спорить съ ней опровергать ея мнѣнія. И я молчалъ. Я только смотрѣлъ на ея «скорбный ликъ» и чувствовалъ, что эта женщина съ ея горемъ и, какъ она говорила, позоромъ обладала могучей силой.

Потомъ Марья Романовна неожиданно повернулась ко мнѣ, посмотрѣла съ ужасомъ въ мои глаза, провела рукой по моимъ волосамъ. И только тихо сказала:

— Родной мой...

Я понялъ ея взглядъ, ея порывъ.

Боже! Это Мадонна Рафаэля. Она держитъ въ рукахъ младенца. Родного ребенка. Любитъ Его, какъ мать. Но она знаетъ, что отдаетъ Его народу, изстрадавшемуся и потерявшему своего Бога. Знаетъ, что Она отдаетъ Его на великое страданіе, на мучительную смерть. Но вмѣстѣ съ тѣмъ знаетъ, что Онъ, принявъ мученическую смерть, возвѣститъ народу правду и спасетъ его отъ лжи и ужаса жизни безъ вѣры въ добро.

— Я отдаю вамъ своего Сына на великое страданіе. Вы распнете Его на крестѣ. Вы убьете Его собственными руками. Одинъ изъ близкихъ учениковъ Его предастъ своего Учителя, но Онъ своею мученической смертью спасетъ васъ. Я отдаю вамъ Его... А ты, мой Сынъ, иди въ міръ и возвѣсти правду.

Марья Романовна любила меня. Я видѣлъ, что я былъ только одинъ близкимъ ей человѣкомъ. Я зналъ, что ея любовь ко мнѣ заставляла ее жить. Не встрѣться она со мной, она не вынесла-бы своего горя и позора и не остановилась-бы передъ тѣмъ, чтобы покончить съ собой. А теперь она останется жить, если я погибну, и посвятитъ всю свою жизнь служенію Богу и памяти обо мнѣ. Всѣ люди отойдутъ на задній планъ, скроются въ темнотѣ дали. Постепенно исчезнутъ ихъ фигуры, потомъ неясные контуры и, наконецъ, они сольются съ черными тѣнями

ушедшей дали. И только одинъ человѣкъ будетъ стоять передъ ея глазами и напоминать ей объ этихъ роковыхъ для всѣхъ дняхъ.

Молчаніе... Полное молчаніе! Радость всегда шумлива. Радость не можетъ покойно лежать на сердцѣ. Она поетъ. Она кричитъ о своемъ счастьѣ. Она бьется ключемъ, и ея шумъ ничѣмъ нельзя заглушить... А горе, настоящее горе, оно молчаливо. Вы его не слышите. И никто не слышитъ. Оно покрыло всю нашу родину. Горе, глубокое горе. Оно лежитъ на землѣ, и земля впитываетъ его, какъ впитываетъ тающій снѣгъ. Самый ужасъ въ томъ, что у человѣка на душѣ горе, но онъ самъ его не чувствуетъ. Оно пало на землю. Человѣкъ ступаетъ по ней и не знаетъ, что онъ ступаетъ по землѣ, пропитанной горемъ. Человѣкъ! Опомнись. Пойми, что у тебя горе. Пойми!.. Федоръ Игнатьичъ не понимаетъ, что у него великое горе. Оно не дошло еще до его сознанія. И онъ доволенъ, что сегодня, получивъ хорошее мѣстечко въ дворцѣ труда, получилъ первый паекъ и съ наслажденіемъ ѣстъ селедку съ чернымъ хлѣбомъ. Онъ доволенъ. Улыбается. Онъ пристроился, и теперь онъ больше не будетъ бояться за то, что умретъ съ голоду.

Несчастный!

Я-бы съ удовольствіемъ сейчасъ подошелъ къ тебѣ. Ты наклонился надъ столомъ. На бумагѣ селедка, разрѣзанная перочиннымъ ножомъ на кусочки. Этотъ ножъ ты купилъ для Ксеніи. Въ гимназію. О, какую онъ службу служитъ. Имъ можно и хлѣбъ рѣзать.

Я-бы съ удовольствіемъ-бы сейчасъ подошелъ къ тебѣ и схватилъ тебя сзади за воротникъ, встряхнулъ-бы тебя, что есть силы... какъ слѣдуетъ... И крикнулъ-бы:

— Слушай! У тебя большое горе...

— Какое?

Федоръ Игнатьичъ удивленъ. Онъ не понимаетъ, что такое со мной? Почему этотъ юродивый кричитъ ему что-то непонятное.

— Какое горе? Напротивъ. Я получилъ очень хорошее

мѣсто. Я имѣю прекрасный паекъ. Теперь я хорошо и пристроился, и приспособился. У меня нѣтъ никакого горя. Вы, товарищъ Вольтеръ, еще подождите. Я знаю, что скоро еще будетъ. Въ Москвѣ уже, говорятъ, открыты рестораны, кафе, все можно достать, балы, вечера, танцы, театры, костюмы, рысаки... Жизнь бьетъ ключомъ. О, еще, кажется, въ Россіи никогда не было такого довольства. Всѣ сыты... Теперь это самая счастливая страна.

— Сыты, когда поѣли своихъ дѣтей.

— Какъ у насъ процвѣтаетъ наука...

— Послѣ того, какъ выслали всѣхъ профессоровъ.

— Намъ профессоровъ и академиковъ не нужно.

Нѣтъ! Съ такимъ человѣкомъ нельзя говорить.

У него они свернули мозги на-бекрень...

Молчаніе! Не слышно стоновъ и вздоховъ горя. Милый мужичекъ доволенъ. Сидитъ въ своей избушкѣ, пьетъ чай и гладитъ себя по животу...

— Эт... та самая дѣвочка у меня была... дочка. Славная такая. Курноса... Озорница, не приведи Богъ... Трехлѣтка. Жирненькая, кругленькая... Подбѣжитъ ко мнѣ и все съ бородой играетъ... Потѣха!.. Я, гритъ, тебѣ косу совью изъ твоей бороды. Дѣвчонка хоть ты куды... И смышленная такая... А вчерась мы ее зарѣзали съ женой... На холодокъ поставили мясо-то... Жирненькая, словно какъ поросенокъ... Розовенькая... А сегодня скушали... Ой, скусная была... Косточки обсосали... Мягонькія онѣ... Еще на завтра оставили... Поѣлъ и спать охота...

Сладко зѣвнулъ.

— А вечеромъ въ кіятръ пойду. Въ церкви кіятръ устроили. Вотъ потѣха. Одинъ разъ было, такъ вотъ те хохотали... потѣха!.. Поповъ ужъ больно вывели. Въ самый разъ... Хорошо теперь. Ни попа, ни урядника...

И ступаетъ милый мужичокъ по землѣ отъ своей избы до церкви, по землѣ, пропитанной великимъ, молчаливымъ горемъ, и не слышитъ онъ, какъ каждый его шагъ гулко отдается въ глубинѣ земли. А снаружи, шаги его мягкіе, покойные...

Молчаніе! Этихъ стоновъ не слышитъ Москва. Ихъ слышитъ во гробѣ только избранный народомъ на всероссійскій престолъ Михаилъ. Этихъ стоновъ не слышитъ С. Петербургъ. Ихъ слышитъ только первый русскій императоръ Петръ Великій...

Отчего смолкла русская земля? Ея радость слышалъ весь міръ. Съ колокольнымъ звономъ.

Показались надъ Русью зловѣщія темныя тѣни. Онѣ раньше прятались за высокими и толстыми стѣнами, которыя прежде охраняли Русь. Ихъ, эти злыя силы, пугалъ колокольный звонъ. Пугало то, что люди ходили по землѣ и крестились. И злыя тѣни съ лохматыми волосами, съ носами горбомъ, какъ у птицъ-стервятниковъ, съ бородками, или длинными подбородками, торчащими впередъ, выглядывали изъ за стѣнъ и жадно ко всему прислушивались и терпѣливо ждали. Когда отворялись по утрамъ тяжелыя ворота, этимъ стервятникамъ хотѣлось проникнуть въ эту страну, но на воротахъ были вдѣланы золотые кресты, и стервятники, кусая себѣ губы, съ глухой злобой улѣзали въ свои норы.

Они по ночамъ царапали стѣны, лупили штукатурку, расковыривали щели между камнями и стремились вырвать изъ стѣны хоть одинъ камень.

О, тогда они съ дикимъ хохотомъ побѣды проникли бы въ страну и прогнали-бы Христа, который охранялъ эту страну.

Но камни крѣпче и крѣпче сжимались. Стервятники только ломали себѣ носы и когти, и кровь ихъ обмазывала стѣну.

А, что дѣлалось съ этими стервятниками, когда весь народъ шелъ съ хоругвями, крестами, иконами и пѣлъ:

— Христосъ воскресе.

Они корчились, прячась за стѣнами. Они хотѣли зажать свои уши, но у нихъ были слишкомъ длинные и острые когти, и они не могли зажать ушей.

И еще сильнѣе обострялась ихъ злоба и ненависть. Они

видѣли, какъ многіе изъ нихъ, корчась въ злобѣ, умирали. Они слышали, какъ пахло отъ этихъ труповъ.

— Смердитъ.

И стервятники переходили съ одного мѣста на другое. Но вскорѣ вокругъ стѣны не было мѣста гдѣ-бы не смердѣло. И въ этихъ смрадныхъ мѣстахъ они зарождали дѣтей съ смердящими мозгами.

Они не знали, сколько времени они бились около стѣнъ, не знали, сколько еще лѣтъ, можетъ быть, столѣтій имъ придется ждать...

Вѣра въ Христа крѣпла, и Его ученье все глубже и глубже проникало въ сердца людей.

Но вдругъ страна вздрогнула. Раздались пушечные выстрѣлы. Ядра летали изъ города въ городъ. Откуда-то изъ нѣдръ Сибири вышелъ человѣкъ подъ видомъ старца и подобрался къ престолу.

Все смѣшалось, спуталось. Война — врагъ Христа. Люди бросились другъ на друга. Убивали, и потоки крови залили не только эту страну, но весь міръ.

Стервятники оживились. Забѣгали вокругъ стѣнъ. Подмигивали другъ другу. То прятались, то вылѣзали впередъ. Уже никто не защищалъ воротъ. Кресты были сняты и изъ нихъ выливали пули и ядра.

— За мной... За мной!..

Это крикнулъ одинъ изъ стервятниковъ, родившихся въ смрадѣ и зловоніи, съ прогнившимъ мозгомъ.

Этотъ стервятникъ когда-то училъ исторію и помнилъ, какъ греки взяли Трою. Онъ влѣзъ въ вагонъ, какъ нѣкогда греки влѣзли въ лошадь, и въѣхалъ въ страну Христа.

— Нѣтъ Христа! — крикнулъ онъ.

И тогда за нимъ вбѣжали въ страну всѣ стервятники.

— Нѣтъ Христа, — закричали они.

Ихъ услыхали. Изъ всѣхъ угловъ, чердаковъ и норъ повылѣзли люди и подошли къ нимъ.

— Берите все... Все ваше...

Всѣ бросились все грабить и жечь. Стервятники брали себѣ лучшее, а остальнымъ бросали жалкіе остатки.

— Рушьте все старое. Все старое. Все, что напоминало Христа... Убивайте тѣхъ, кто носитъ Его въ своей душѣ. Здѣсь мы теперь царствуемъ. Поклоняйтесь намъ...

Подъ предводительствомъ стервятниковъ бросились всѣ во дворцы и разрушили ихъ. Бросились въ церкви, осквернили ихъ и тоже разрушили. На улицахъ и около церквей лежали трупы.

— Убивайте тѣхъ, кто любилъ родину. Убивайте тѣхъ, кто защищалъ ее. Убивайте тѣхъ, кто любилъ своихъ дѣтей. Убивайте тѣхъ, кто работалъ для родины.

И земля впитывала въ себя родную ей кровь.

Торжественно въѣхалъ въ Кремль, въ сердце родины, главный стервятникъ съ своими прислужниками и сталъ править страной.

— Убивайте тѣхъ, кто нами недоволенъ...

Густая кровь лилась по улицамъ, площадямъ, по полямъ, гдѣ блестѣли бѣлыя березки.

— Поклонитесь намъ! — кричали стервятники. — Мы васъ осыплемъ золотомъ.

Не всѣ еще убиты. Много еще народу, который попрятался въ церквахъ, домахъ и тюрьмахъ.

— Поклонитесь намъ и служите намъ!

Сперва никто не слышалъ этого голоса.

— Не давать имъ ѣсть и пить, пока не поклонятся. Пусть дохнутъ отъ голода. А тѣхъ, кто еще не поклонился намъ, убивать безъ пощады.

Стали люди умирать отъ голода. Стали людей сажать въ тюрьмы и тамъ гноить ихъ.

— Поклонитесь намъ! — крикнули въ послѣдній разъ стервятники.

На утро, когда открыли дверь того дворца, гдѣ засѣли стервятники, увидали человѣка, который на ступенькахъ, стоялъ, опустившись на колѣни, и билъ себя въ грудь.

— Кто такой?

— Допустите меня къ великому стервятнику.

Допустили.

Этотъ человѣкъ снова палъ на колѣни, обнялъ ногу стервятника и произнесъ.

— Я первый предаюсь тебѣ. Я первый преклоняюсь предъ тобой. Прости меня...

И онъ униженно ударилъ лбомъ о полъ.

— Слушай, великій стервятникъ! Я первый иду къ тебѣ и, если ты меня простишь, я приведу за собой легіоны. Я буду восхвалять тебя въ одахъ. Я буду цѣловать слѣды твоихъ ногъ. Я буду восхвалять тебя на всѣхъ перекресткахъ. Я твой преданный рабъ, слуга... Я твой хамъ! Меня знаетъ и почитаетъ весь міръ, и я создамъ тебѣ славу. Еще много осталось тѣхъ, которые не поклонятся тебѣ, но я сумѣю ихъ привести къ тебѣ.

— Хорошо. Но что ты хочешь за это?

— Только одного... жаренаго на маслѣ рябчика.

— Идетъ. Я могу дать тебѣ много золота и старинныхъ цѣнныхъ вещей.

— Не безпокойся, стервятникъ, это я могу и самъ взять.

Великій Хамъ сдержалъ свое слово. Вскорѣ онъ привелъ къ Кремлю легіоны каявшихся и всѣмъ имъ было выдано по куску хлѣба. Онъ написалъ главному стервятнику безсмертную оду.

И сзывалъ, сзывалъ людей, показывáя имъ изъ окна корочку хлѣба.

Но и главный стервятникъ исполнилъ обѣщанное. У великаго Хама всегда были жареные рябчики. А, когда его упрекали въ томъ, что онъ ѣстъ рябчиковъ, не какъ пролетарій, а какъ буржуй, онъ, опустивъ глаза, отвѣчалъ:

— Не знаю самъ, какъ это у меня рябчики. Мой поваръ изъ ничего дѣлаетъ ихъ.

Я вскочилъ. Во мнѣ все билось, каждая жилка, каждый нервъ, мускулъ.

— Марья Романовна! И теперь передъ этимъ стервятникомъ почтительно склоняются короли, папы, президенты, правители великихъ странъ. Они лакеевъ, ранѣе бывшихъ

мелкими воришками, встрѣчаютъ съ воинскими почестями... Имъ преклоняются... Всѣ чтутъ ихъ. Не знаютъ, что они сами создали эту силу... Никто не видитъ, что эти стервятники отбросы природы. Что у главнаго стервятника прогнилъ мозгъ... Что тамъ подъ черепомъ студень съ бѣлыми копошащимися червями. И никто, ни одинъ человѣкъ не могъ набрести на мысль... вскрыть этотъ черепъ... И тогда люди, услышавъ зловоніе, отшатнутся отъ него и всѣ вспомнятъ Христа и снова вернутся къ Нему.

— Любите другъ друга!

— Одинъ ударъ... Только одинъ ударъ. Богъ избралъ меня на этотъ шагъ. И я смѣло иду впередъ. Я сдѣлаю свое дѣло. Я покажу міру, какой трухѣ они преклонялись. Я не пролью крови... У этихъ стервятниковъ вмѣсто крови зловонная assa fetida... И крови больше не будетъ. Я подниму надъ Русью золотой крестъ... И слова Христа примирятъ всѣхъ. Тогда мать выступитъ впередъ. Она скажетъ свое слово. Она поведетъ дѣтей къ кресту.

— Миръ вамъ!

И всѣ запоютъ:

— Осанна! Осанна въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ.

Будетъ день великаго покаянія.

И снова заблеститъ надъ Русью солнце и будетъ играть на куполахъ. Снова мы увидимъ радостныя лица. Всѣ въ этотъ день будутъ лобызать другъ друга, и настанетъ на Руси великій праздникъ, когда всѣ запоютъ:

— Христосъ воскресе!

И снова всѣ темныя силы уползутъ за крѣпкія стѣны, и тамъ онѣ издохнутъ... издохнутъ эти стервятники отъ смрада и зловонія, и ихъ тѣла сгніютъ, и пепелъ исчезнетъ. Исчезнетъ навсегда... Рокъ указалъ на меня. Я помню слова старика Антона Панкратьича, который гладилъ меня маленькаго по головѣ и говорилъ:

— Колечка, ты рожденъ для того, чтобы совершитъ великое дѣло.

— Да, Николай Васильичъ, я вѣрю въ васъ.

Въ саду раздался знакомый мнѣ свистъ.

Это братъ.

Марья Романовна взяла мою голову обѣими руками и поцѣловала меня въ лобъ.

— Люблю... люблю тебя, — сказалъ я тихо.

Я бросился въ садъ.

Издали увидалъ Осипа и Зиночку. Но сперва, ради осторожности, пробѣжалъ взглядомъ по толпѣ, наполнявшей садъ.

Гулялъ Симонъ Исаичъ. Онъ уже замѣтилъ меня и кивалъ мнѣ головой. Я прямо направился къ нему.

— А, и вы здѣсь гуляете? Ну что-же? Это хорошо. Какая чудная погода!

— Великолѣпная, — отвѣтилъ я, улыбаясь.

— Ахъ, какъ было-бы хорошо, если-бы онъ не замѣтилъ Осипа, а Осипъ прямо-бы, не показываясь на глаза Симону Исаичу, прошелъ въ квартиру отца Кирилла.

По всей вѣроятности, онъ такъ и сдѣлалъ. Понялъ, что ему необходимо какъ можно скорѣе скрыться. Малѣйшая неосторожность — и весь планъ могъ рухнуть. Я съ своей длинной бородой былъ много безопаснѣе, чѣмъ молодой человѣкъ съ бородавкой. Наконецъ, Осипа могла увидать Машка. Она его тотчасъ-бы узнала. Можетъ быть, раньше Машка и видѣла меня у Коновницыныхъ, но мелькомъ. Понятно, увидѣвъ меня съ длинной бородой, никогда-бы не признала, что это былъ именно я. Ея я совершенно не помнилъ. Навѣрно, никогда и не видалъ.

Съ Симономъ Исаичемъ мы гуляли по саду и обмѣнивались самыми шаблонными фразами.

Симонъ Исаичъ чувствовалъ себя не особенно хорошо. Что-то желудокъ нѣсколько испортился. Былъ у врача, и тотъ посовѣтовалъ ему «дѣлать моціонъ».

— И я каждый день долженъ гулять ровно часъ.

Посмотрѣлъ на часы. Золотые, тоненькіе, очень изящные и цѣнные.

— Я вчера купилъ еще себѣ часы. Очень дешево. Старинные. У меня теперь цѣлая коллекція часовъ. Больше семи. Что вы скажете? Одни дамскіе, маленькіе... тоже зо-

лотые и на крышкѣ двѣ жемчужины. Я ихъ подарилъ Ксеніи. Теперь такіе пустяки стоятъ эти вещи...

Вынулъ портсигаръ, тоже золотой и, взявъ папироску, закурилъ.

— У меня очень много всякихъ вещей.

— Зачѣмъ-же вамъ столько вещей?

— Зачѣмъ? Я ихъ отправляю въ Ригу. У меня тамъ папенька и сестра. Они уже знаютъ, что надо дѣлать съ ними. Уже изъ маленькихъ бриллiантиковъ теперь въ Ригѣ выросъ большой домъ. Это мой домъ... Что вы думаете, если каждый годъ у меня будетъ выростать домъ въ Ригѣ, то скоро тамъ у меня будетъ большой кварталъ...

И Перзонъ расхохотался.

Странная черта. Перзонъ, несомнѣнно, ни съ кѣмъ не дѣлился своими дѣлами и успѣхами. Дѣлалъ все втихомолку. Но иногда на него нападалъ какой-то стихъ откровенности, и онъ, не стѣсняясь, разсказывалъ все о своихъ продѣлкахъ. Исключительно ради того, чтобы покичиться. Это было въ его характерѣ.

Онъ разговорился. Чуть-ли не назвалъ цифры своихъ доходовъ. Похвалился, сколько денегъ у него ушло на одно хозяйство.

— Ну, правда, я въ этомъ мѣсяцѣ только по своему дѣлу заработалъ въ десять разъ больше.

Значитъ, въ свои доходы онъ не включалъ того, что составляло его побочный доходъ, какъ, напримѣръ, гешефтъ съ иконами.

— И дрова мнѣ ничего не стоили. Я говорилъ Машкѣ, чтобы она меньше тратила, но она такъ любитъ, чтобы было жарче. А какъ я досталъ дрова, вы хотите знать?

— Да. Интересно.

— Я былъ недавно въ бывшихъ царскихъ конюшняхъ и мнѣ тамъ выдали хомуты. Ну?.. Я далъ хомутъ, а мнѣ за это привезли дровъ. И я счастливъ, и тѣ счастливы. Что вы хотите. Это еще что!

Онъ разсказалъ мнѣ еще нѣсколько исторій, которыя

я назвалъ бы низкимъ мошенничествомъ, но которыя теперь назывались простою сообразительностью.

— И я все думаю... думаю. А когда я подумаю, у меня уже готова комбинація. А разъ комбинація готова, то уже будутъ деньги. Вѣдь только теперь всѣ поняли, что нужно было для Россіи? Мы... Насъ гнали. Намъ придумали черту осѣдлости. И какъ тогда всѣ жили? Сколько было бѣдныхъ. А теперь посмотрите: всѣ богаты, сыты и довольны. Вонъ отецъ Ксеніи?.. Теперь онъ хорошо устроился, и какъ онъ доволенъ. Онъ-же самъ говоритъ, что теперь гораздо лучше, чѣмъ было раньше...

Господинъ Перзонъ долго говорилъ о томъ, насколько жизнь измѣнилась къ лучшему.

А я невольно задавалъ про себя вопросъ:

— А зачѣмъ ты все ворованное вывозишь изъ Россіи?

Я отлично понималъ, что страхъ все-же сидѣлъ въ тайникахъ его души.

А вдругъ народъ опомнится и захочетъ раздѣлаться съ этими темными силами, что охватили его своими руками.

Симонъ Исаичъ вскорѣ перешелъ къ восхваленію Ленина и Троцкаго, создавшаго громадную красную армію.

— Развѣ когда-нибудь еврей былъ во главѣ цѣлаго войска. Это-же геніальная голова.

— Что бы онъ былъ, если-бы не продались ему наши генералы и офицеры? — подумалъ я.

— О, какой грандіозный праздникъ для нихъ готовится.

Насторожился. Какой праздникъ? Гдѣ?

Симонъ Исаичъ словно понялъ мои вопросы.

— Это не слѣдуетъ говорить, но вы человѣкъ нашъ, глубоко преданный... Вы молчите... Я сегодня видѣлъ Даунанта. Онъ мнѣ разсказывалъ, что скоро въ Петроградъ должны пріѣхать московскіе гости. И охрану ихъ особъ поручено выполнять товарищу Даунанту. Только пока не назначенъ день. Но уже всю программу выработали. Еще не остановились на помѣщеніи. Всѣ они

прямо съ поѣзда прослѣдуютъ въ Зимній Дворецъ, и тамъ будетъ только небольшое количество представителей... Будутъ рѣчи...

Посмотрѣлъ на часы.

— Ну, однако извиняюсь. Мнѣ пора домой.

Приподнялъ котелокъ и быстро, особенно характерной походкой, направился къ выходу.

Я почти бѣгомъ дошелъ до дому, поднялся на лѣстницу. Дверь была не заперта. Видимо, меня ждали.

Прошелъ въ кабинетъ отца Кирилла.

— Что съ тобой? — удивился Осипъ.

Но я не могъ ничего отвѣтить. Опустился на диванъ, склонилъ голову и замеръ.

Въ головѣ стали проноситься сны и воспоминанія. Проносились быстро, какъ вихрь. Неслись новыя мысли, какъ стрѣлы, пронизывая вихрь, летѣли новые сны и, какъ бомбы, оглушительно разрывались. На минуту заглушали шумъ вихря. Но свистѣли пули... Нѣтъ, это свистъ другой. Рѣзкій, пронзительный. Это свиститъ фабричная труба. Или паровозъ?..

— Что?.. Что?.. Что вы говорите? Я требую, чтобы дали мнѣ смокингъ. Онъ у меня виситъ здѣсь. Около моей кровати... Я его приготовилъ. Нѣтъ, подождите. Я долженъ обрить бороду и усы. Я долженъ вымыться. Надушить свое тѣло духами. А гдѣ я возьму галстукъ?..

— Тише... Теперь темно. Я сейчасъ прокрадусь къ памятнику. Взрою землю. Отвалю камень. Я долженъ взять револьверъ...

— А тебѣ, моя радость, моя родная, тебѣ, Марья Романовна, я отдамъ всѣ цѣнныя вещи. Я не хочу, чтобы ты нуждалась. Живи, пока не взвился черный занавѣсъ... пока надъ Русью не воздвигнутъ креста. Живи пока въ уединеніи. Скоро... скоро настанетъ время, когда ты смѣло вступишь на русскую землю и...

Я поймалъ руку Марьи Романовны и горячо поцѣловалъ ее.

— Простите... Я не замѣтилъ, какъ опустился на ди-

ванъ. Неужели я положилъ вамъ голову на колѣни. Фу, какъ это неловко...

— Господа! Скоро, все скоро кончится. Я сейчасъ узналъ большую новость...

Я успѣлъ только сказать самое главное, что красные главари ѣдутъ въ Петербургъ.

Пришелъ отецъ Александръ, отецъ Кириллъ и милый Вася.

Нянюшка захлопотала, но Зиночка и Осипъ тотчасъ бросились ей помогать.

— Благословите, батюшка.

Отецъ Александръ благословилъ Марью Романовну.

— Ну какъ живете? — поинтересовался онъ.

— Меня переводятъ по моему желанію въ Новодѣвичій монастырь.

— Это хорошо... Только и до него доберутся и его разорятъ.

— Не успѣютъ, — подумалъ я.

Давно не было такой мирной, словно семейной бесѣды вокругъ обѣденнаго стола. Пахнуло чѣмъ-то прошлымъ, далекимъ, близкимъ и роднымъ. Какія у всѣхъ славныя улыбки, чистые взгляды. Даже Филька, и та какъ будто улыбалась. Ласкалась ко всѣмъ, знакомилась съ новыми лицами. Когда кто уходилъ изъ за стола въ кухню и возвращался, Филька встрѣчала каждаго радостнымъ лаемъ. По ея понятіямъ никто ни на минуту не долженъ былъ уходить или прерывать мирную бесѣду.

Я быстро оправился послѣ припадка. Уже весело болталъ и вскорѣ тревожный взглядъ Марьи Романовны смѣнился болѣе покойнымъ.

Всѣхъ смѣшилъ Осипъ. Онъ былъ молодцомъ на разныя выдумки.

Смѣялся и отецъ Александръ и отецъ Кириллъ своимъ охрипшимъ басомъ. Смѣялись всѣ. А болѣе всѣхъ искренно Вася.

Я сидѣлъ рядомъ съ Марьей Романовной. Плечо къ пле-

чу. И это меня успокаивало. Я чувствовалъ рядомъ съ собой большого друга.

Вася бѣгалъ по комнатамъ, Филька его догоняла съ визгомъ и лаемъ, теребила за брюки, прыгала на него, совершенно не обращая вниманія на то, что дѣлалось за стѣнами дома. Да и мы словно забыли обо всемъ. Намъ было всѣмъ хорошо и уютно въ милой и тихой компаніи. Даже нянюшка приплелась въ нашу комнату. Осипъ усадилъ ее, и она съ тихой улыбкой смотрѣла на всѣхъ.

— А вотъ все благодаря ему,—сказалъ отецъ Кириллъ, указывая на меня.—Какъ-бы мы жили безъ него? А онъ всѣхъ насъ поддержалъ и духовно и матеріально. Я за эти мѣсяцы и забылъ, что значитъ голодъ.

Потомъ посмотрѣлъ на меня, развелъ руками и вздохнулъ.

— И что ты за человѣкъ, никакъ понять не могу.

— Меня вотъ,—продолжалъ онъ,—хотятъ въ священническій санъ произвести...

Отецъ Александръ подтвердилъ.

— И на покой. Только для этого долженъ я уѣхать. Хотя недалеко отъ Петербурга... въ село... Да боюсь я этого... Заскучаю. И къ мѣсту привыкъ. А больше всего къ отцу Александру, къ тебѣ, къ нянюшкѣ, къ Васѣ... и, пожалуй, и къ Филькѣ... Какъ это я съ вами со всѣми разстанусь?

— Тебя, отецъ Кириллъ, мы приглашать будемъ на службу. Священниковъ теперь мало осталось... Потребность въ нихъ большая. А новыхъ нѣтъ. Семинаріи и академіи духовныя позакрыли...

Мы сидѣли долго. Никому не хотѣлось уходить. Пригрѣлись другъ около друга. На душѣ стало легче, и мы всѣ чувствовали, что мы—не вымирающая страна Русь, съ ея тихимъ покоемъ, задушевностью, любовью другъ къ другу, ясностью и чистотой мысли, а еще тотъ оставшійся случайно осколокъ отъ старой Руси, который былъ силой Россіи и снова въ скоромъ времени разрастется и охватитъ всю нашу землю.

Можетъ быть, не пройдетъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ отъ нашей милой и дружной компаніи останутся немногіе... Марья Романовна, Зиночка и Вася... Но меня это не страшило.

Сила любви другъ къ другу останется всегда силой.

Ударъ въ колоколъ.

— Это новый сторожъ... Изъ другой церкви перевели. Церковь закрыли, ну я сторожа и взялъ. Онъ и звонитъ.

Мы всѣ собрались къ вечернѣ.

Въ церкви почти никого не было, кромѣ насъ. Мы стояли группой и молились. Докторъ читалъ и вмѣстѣ съ отцомъ Кирилломъ пѣлъ.

Отецъ Александръ стоялъ передъ царскими вратами и молился. Около алтаря Вася...

И въ пустой церкви раздавался тихій и глубокій голосъ отца Александра.

— Услыши насъ, Господи!

9. ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ.

Нянюшка умерла!

Когда я это печальное извѣстіе принесъ отцу Кириллу, онъ горько заплакалъ. Не выдержалъ и я. Можетъ быть, со стороны смѣшно было на насъ смотрѣть, но намъ нечего было стѣсняться. Мы обнялись и плакали. Какъ дѣти.

Я не могу себя назвать человѣкомъ чувствительнымъ. Сколько за послѣдніе годы я видѣлъ ужасовъ, безысходнаго горя, смертей... Умерла моя сестра, которую я когда-то нѣжно любилъ... Убитъ Володя, нѣтъ друзей. Но какъ будто ничто не достигало до моего сердца.

Нервы притупились. Притупила ихъ война, притупилъ большевизмъ съ его ужасами. Казалось, что велика че-

ловѣческая фантазія, безконечно велика, и наши писатели могли выдумывать самые фантастическія и невѣроятные разсказы, но какъ поблѣднѣла эта фантазія передъ тѣмъ, что придумала сама жизнь... И передъ ней человѣческій мозгъ оказался жалкимъ и ничтожнымъ. Поэтому всѣ личныя переживанія отошли на задній планъ. Уже ничто не трогало, не волновало, не заставляло ни радоваться, ни страдать, ни смѣяться, ни плакать.

А между тѣмъ смерть нянюшки оказалась сильнѣе всего.

И умерла она трогательно. Такъ, какъ и не придумаешь.

Нянюшка съ ранняго утра отправилась въ Новодѣвичій монастырь навѣстить свою госпожу — княжну.

Предупредила, что поздно вернется. Все приготовила и оставалось только подогрѣть обѣдъ. За это взялся я, разсчитавъ, что къ извѣстному часу буду дома.

Все шло своимъ путемъ, и мы за нянюшку не безпокоились. Но спускались уже сумерки. Нянюшка не возвращалась.

Отецъ Кириллъ встревожился. Но я его успокоилъ. И былъ самъ вполнѣ спокоенъ. Мнѣ даже вспомнилось, что какъ-будто Марья Романовна хотѣла въ эти дни перебраться уже на постоянное жительство въ Новодѣвичій монастырь. Весьма возможно, что нянюшка прошла къ ней и осталась у нея переночевать. Наконецъ, если-бы даже Марья Романовна и не переѣхала, нянюшка могла свободно остаться на ночь въ монастырѣ. Навѣрно, ее тамъ уже узнали и не отказали-бы ей въ пристанищѣ.

Всѣ мои разсужденія были настолько логичны, что отецъ Кириллъ успокоился на время.

Вечеромъ въ этотъ день я уходилъ по дѣлу. Вернулся часовъ въ десять.

— Что нянюшка?

— Нѣтъ еще.

— Теперь поздно. Она уже не придетъ.

Отецъ Кириллъ покачалъ головой.

— Чуетъ мое сердце, что-то недоброе съ ней приключилось.

Когда мы ложились спать, отецъ Кириллъ долго молился, вздыхалъ. Не могъ заснуть.

— Да успокойтесь. Увидимъ ее завтра утромъ здравой и невредимой.

Но и утромъ, на другой день, нянюшка не вернулась. Тогда уже и я почувствовалъ бѣду и сталъ обдумывать, какъ мнѣ изъ намѣченныхъ мною дѣлъ выкроить время, чтобы пройти въ Новодѣвичій монастырь. Быстро составилъ другой планъ и пошелъ въ монастырь. Часть доѣхалъ на трамваѣ. Кстати замѣчу, что одно время трамваи не ходили по этому направленію, но недавно возобновились.

Зашелъ справиться, не видалъ-ли кто моей старушки. Монахини какъ-то испуганно посмотрѣли на меня, когда я спросилъ о нянюшкѣ, замѣшались, забѣгали... О чемъ-то шептались, и вскорѣ ко мнѣ вышла старшая монахиня. Строгое, спокойное лицо.

— О комъ вы справляетесь?—спросила она меня.

Я разсказалъ о нянюшкѣ, о томъ, что она часто ходила въ Новодѣвичій монастырь къ своей госпожѣ на могилку, какъ она вчера ушла изъ дому и не вернулась.

— Это ваша родственница?

— Нѣтъ. Но это очень близкій мнѣ человѣкъ.

Монахиня взглянула на меня, повернулась къ большому образу, повѣшенному въ углу комнаты.

— Помолимся Богу за упокоеніе ея души, — сказала монахиня.

Перекрестилась. Встала на колѣни.

Помолился и я.

Монахиня потомъ передала мнѣ, какъ скончалась нянюшка.

Почти весь монастырь зналъ ее. Видѣли ее въ церкви. Видѣли, какъ она ходила къ могилѣ княжны и какъ возвращалась. Видѣли ее и въ этотъ день, но никто не замѣтилъ, когда она ушла, и на это обстоятельство никто

не обратилъ вниманія. Даже не подумали о ней. Помолилась и ушла, по обыкновенію.

Но на другой день къ матери-казначеѣ прибѣжала одна изъ послушницъ и сказала, что около могилы княжны какъ-то странно сидитъ одна старушка. Почему-то къ ней подойти она «забоялась» и прямо бросилась къ матери—казначеѣ. Та тотчасъ, взявъ съ собой двухъ монахинь, пошла къ могилѣ княжны.

Холмикъ надъ могилой княжны уже успѣлъ сочно зазеленѣть. Всѣ онѣ издали замѣтили, что около этого холмика чернѣла странно склонившаяся фигура. Подошли ближе.

Нянюшка стояла на колѣняхъ, охвативъ руками крестъ. Голова ея склонилась къ кресту. И въ этой позѣ она застыла.

Въ то время, когда я пришелъ въ монастырь, нянюшка лежала въ одной изъ келій, и монахини «обряжали» новопреставленную съ тѣмъ, чтобы тотчасъ отнести ее въ часовню.

Я попросилъ нянюшку похоронить рядомъ съ ея госпожей, но еще до моей просьбы уже такъ рѣшили сами монахини.

Рѣшилъ дождаться панихиды. Поговорилъ со старшей монахиней. Упомянулъ и о Марьѣ Романовнѣ. Монахиня сказала, что она должна скоро прибыть. И, дѣйствительно, она пріѣхала къ началу панихиды. Я ее видѣлъ только мелькомъ. Издали поклонился. О смерти нянюшки, по моей просьбѣ, ей сказала старшая сестра.

Стоялъ у гроба нянюшки и смотрѣлъ на дорогое мнѣ лицо. Спокойное лицо, даже какъ будто радостное, счастливое.

Какъ часто по маленькому, какъ точка, свѣтлому пятнышку, упавшему изъ щели ставня, судишь, что тамъ, на улицѣ, свѣтитъ яркое, горячее и сильное солнце, такъ и теперь, смотря на усопшую, видѣлъ я свою былую, цѣльную, крѣпкую и могучую, незабываемую Русь.

Справился, когда назначены панихиды по нянюшкѣ и ея похороны, и побѣжалъ по дѣламъ.

Мнѣ необходимо было первымъ долгомъ побывать у Даунанта. Я нѣсколько разъ былъ у него, и онъ мнѣ назначилъ часъ именно въ этотъ день.

Въ концеляріи, гдѣ занимался Даунантъ, было масса пароду. Бѣгали, суетились, что-то обсуждали, говорили группами, входили въ кабинетъ Дауранта и тамъ застрявали на нѣскольку часовъ.

Секретарша Дауранта измаялась съ посѣтителями. Бѣгала въ кабинетъ. Снова возвращалась. Брала какія-то бумаженки, что-то записывала, не отвѣчала на вопросы просителей и исчезала.

Я сказалъ свою фамилію.

— Вольтеръ.

Добавилъ, что «товарищъ» Даунантъ самъ назначилъ мнѣ этотъ часъ. Барышня записала мою фамилію на ключкѣ бумажки и съ другими записочками прошла въ кабинетъ. Вскорѣ вернулась.

— Товарищъ Даунантъ васъ сегодня обязательно приметъ. Очень просилъ васъ подождать.

Я сѣлъ въ сторонку вмѣстѣ съ другими посѣтителями. Видѣть Дауранта желали многіе, но не всѣмъ это удавалось. Кто сидѣлъ, покорно дожидаясь, кто волновался, а кто и жаловался, что ему приходится долго ждать. Говорили, спорили и даже ругались.

Секретарша не выдержала и крикнула:

— Товарищи, прошу потише.

И вдругъ мнѣ показалось, что гдѣ-то мелькнула тѣнь мѣщанинишки. Исчезла и снова появилась. Онъ вошелъ въ пріемную и направился довольно увѣреннымъ шагомъ къ секретаршѣ. Одѣтъ онъ былъ вполнѣ прилично. Въ визиткѣ, довольно опрятной.

Мѣщанинишка что-то шепнулъ секретаршѣ, и та тотчасъ торопливо пошла въ кабинетъ Дауранта. Я хотѣлъ поклониться мѣщанинишкѣ. Окликнулъ его:

— Эй вы... послушайте.

Даже привсталъ со стула. Но мѣщанинишка смотрѣлъ поверхъ меня и моего жеста не замѣтилъ. Моего голоса не слыхалъ.

Прошло нѣсколько секундъ, какъ секретарша выглянула изъ кабинета и позвала мѣщанинишку. Все это мнѣ показалось страннымъ. Мѣщанинишка не долго пробылъ у Даунанта. Вскорѣ вышелъ. Слегка поправляя галстукъ, онъ съ очень довольной физіономіей прошелъ черезъ пріемную и исчезъ. На меня даже не взглянулъ.

Странно. Весьма странно и загадочно.

Вообще въ Петербургѣ въ эти дни творилось что-то необычайное, странное. На видъ это былъ сѣрый, полуразрушенный, полувымершій городъ. Сѣрый, какъ вся Россія. Но мнѣ чуялось нѣчто иное. Мнѣ представилась Россія въ видѣ чугуннаго котла, крѣпко-на-крѣпко покрытаго чугуной крышкой. Даже запаяннаго. Но въ чугунѣ кипѣла вода. Внѣшне все было по старому. По сѣрымъ улицамъ, среди сѣрыхъ домовъ, двигались сѣрые люди съ сѣрыми душонками. Было все то же, что было и вчера, и третьяго дня. Природа, города и люди уже посѣрѣли, и выхода изъ этой сѣрости не было.

А вмѣстѣ чувствовалось, что подъ этой массивной чугунной крышкой въ котлѣ бурлила вода. Настанетъ моментъ, когда отъ силы и напора пара эту чугунную крышку взорветъ.

Нѣсколько выстрѣловъ! Одна маленькая трещина и вся эта сѣрая корка, эта чугунная массивная крышка, которой большевики накрыли Россію, взлетитъ на воздухъ, и облака пара уничтожатъ все, что насадили большевики.

Даунантъ, которому была поручена охрана Петербурга и очистка его отъ нежелательныхъ элементовъ въ случаѣ пріѣзда московскихъ гостей, взялся за дѣло со всей энергіей.

Снова начались самыя строжайшія репрессіи. Кажется, не оставалось ни одного дома, гдѣ-бы не было обысковъ и арестовъ. Чекисты пользовались этимъ во всю. Съ молчаливаго согласія своего начальства они, сдѣ-

лавъ обыски по доносамъ и личнымъ соображеніямъ, посѣщали по собственному выбору разныя квартиры и «очищали» ихъ въ свою пользу.

Конечно, обыски были пустякомъ передъ арестами и смертными казнями. Даунантъ старался. Всюду онъ открывалъ заговоры и въ спискѣ разстрѣлянныхъ лицъ значились обыватели, совсѣмъ мирные и трусливые интеллигенты, давно подчинившіеся совѣтской власти.

Въ спискахъ разстрѣлянныхъ значились десятки, а между тѣмъ было достовѣрно извѣстно, что разстрѣливали сотни. Говорили, что разстрѣливали въ разныхъ частяхъ города и къ этому дѣлу были привлечены китайцы. Это подтверждалось тѣмъ, что голодные китайцы, нищіе и оборванные, вдругъ одѣлись въ новые костюмы, повеселѣли и уже съ веселыми лицами ходили по городу. Слышалъ даже, что многія барышни записались именно въ ту группу, которой было поручено разстрѣливать преступниковъ.

Исчезали люди сотнями... тысячами.

Въ Петербургъ понаѣхали новые люди, и они сразу обратили на себя вниманіе. Это были сытые и довольные франты.

Только красноармейцы, которыхъ почему-то усиленно обучали на всѣхъ площадяхъ, представляли изъ себя самый несчастный сбродъ голодныхъ и оборванныхъ людей.

Даунантъ нагналъ на городъ ужасъ. Люди боялись не только говорить, но смотрѣть другъ другу въ глаза.

Хотя Федоръ Игнатьичъ и пристроился, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ, великолѣпно, былъ вполнѣ сытъ и получилъ новые сапоги съ голенищами, но трусилъ онъ до чрезвычайности.

— А вдругъ они узнаютъ, что я былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ? Господи... Я этотъ чинъ получилъ, когда мнѣ было еще тридцать шесть лѣтъ... Какъ я тогда радовался!.. Ахъ, если-бы я

зналъ, что изъ за этого такъ придется страдать... Да... Не думалъ я...

Потомъ добавлялъ шепотомъ:

— А потомъ жена. Ну, какъ узнаютъ, что у меня жена монахиня?.. Хорошо, что меня очень поддерживаетъ Симонъ Исаичъ... Вотъ человѣкъ!.. О, теперь онъ знатная персона.

А Даунантъ, сидя въ своемъ кабинетѣ, съ улыбкой отвѣчалъ на вопросы, что дѣлать съ арестованными, только весьма понятнымъ жестомъ:

— Разстрѣлять.

Наконецъ, позвали меня.

Въ кабинетѣ находился Гаврила Анисимычъ. Даунантъ велъ бесѣду съ нимъ, стоя у окна. Онъ съ довольной улыбкой кивнулъ мнѣ, что означало одновременно и «здравствуйте» и «подойдите сюда».

Поздоровались.

— Вы, Гавриль Анисимычъ, на счетъ вашего Сережи Полозова можетъ быль вполнѣ спокойный Я приказаль, чтобы онъ сегодня ѣхаль въ Архангельскъ. Тамъ что-то не спокойный. Тамъ опять бѣлій заговоръ... Понаѣхаль много бѣлыхъ офицеровъ. И я Полозову велѣль быстро ихъ усмирить. Пусть хоть всѣхъ перебьетъ. Намъ ихъ нисколько не жалько. Ну, а потомъ пусть Полозовъ тамъ и остается. Онъ здѣсь не нужній. Такіе люди хуже, чѣмъ бѣлій.

Разсмѣялся, оскаливъ зубы.

— Редиска, какъ сказалъ Троцкій. Сверху красній, а внутри бѣлій. Ну, а его сестру... вашъ бившій жена... О, я ее отлично устраиваль... Въ столовый совнархоза. Она тамъ всегда будетъ сытый.

— А ну ее къ чорту!—сплюнулъ Гаврила Анисимычъ.

— О, я знаю, вы любитъ жирненькихъ и молоденькихъ.

Затѣмъ Даунантъ перешелъ къ дѣловымъ разговорамъ. По поводу пріѣзда московскихъ гостей произошли перемѣны. Эту поѣздку отмѣнили. Въ Москвѣ ожидали

какого-то виднаго итальянскаго коммуниста и рѣшили тамъ торжественно справить его пріѣздъ.

Все это было какъ будто въ порядкѣ вещей, но я смотрѣлъ на это иначе. Даунантъ произвелъ въ Петербургѣ и во всемъ округѣ такой терроръ, столько открылъ заговоровъ, существующихъ и имъ сочиненныхъ, что московскіе гости побоялись появляться въ Петербургѣ. Такъ я почувствовалъ и вынесъ такое впечатлѣніе отъ разговора Даунанта съ Гаврилой Анисимычемъ.

Это обстоятельство разбивало мои планы. Но дѣлать было нечего. Пришлось только отложить исполненіе моего плана до благопріятнаго случая. Ко всѣмъ этимъ неудачамъ я относился весьма стойко.

Даунантъ опять улыбнулся.

— Но за то я получилъ сегодня хорошій предложеній.

— Какое? — изумился Гаврила Анисимычъ.

— О... о! Меня назначиль начальникомъ охраны Кремля. Охраны всѣхъ нашихъ... великихъ...

И онъ даже при словѣ «великихъ» поднялъ кверху палецъ.

— Когда-же вы ѣдете?

— Сегодня, — чуть не крикнулъ Даунантъ. — Сегодня, ночнымъ поѣздомъ. Вызвали меня немедленно.

— Что-же, вы одни ѣдете? — спросилъ Гаврила Анисимычъ.

— Я имѣть право съ собой брать кого хочу... я объ этомъ думаль.

И вдругъ обернулся ко мнѣ.

— Вотъ вы?.. Вы хочетъ?

У меня дрогнуло сердце.

— Вы мнѣ очень нужный... Вы человѣкъ иностранній... вы знаете много языковъ... Ну и музыкантъ... когда нужно, вы повеселиль...

Мнѣ не приходилось напряженно скрывать свою радость. Она для меня имѣла свое значеніе, а для нихъ свое. Кто-бы не радовался такой чести?

— Такъ вы согласенъ? — спросилъ Даунантъ.

— Конечно. Я очень польщенъ.

— Сегодня въ одиннадцать часовъ будьте на Николаевскій вокзаль.

— Буду точно.

— Я вамъ назначу хорошій жалованій... нѣсколько пайковъ. Жить будетъ со мной... въ самомъ Кремлѣ. Я велю вамъ дать отдѣльный комнатъ... Хотите, все дамъ.

— А какъ вы думаете насчетъ костюма? Мнѣ хотѣлось-бы прилично одѣться.

— Отлично! Тамъ всѣ теперь шикарный...

— А, если я постригусь и обрею бороду? Я недавно ее запустилъ.

Даунантъ расхохотался.

— Хорошо. Теперь мало кто носиль бороду... У меня маленькая была, а ее тоже сбриль. Брейтесь... Такъ будетъ лючше... Съ этой бородой и длинный волосъ вы на иностранца не похожъ...

У Дауната было очень много дѣлъ. Его поминутно отзывали, но онъ ко всѣмъ «срочнымъ» вопросамъ относился весьма спокойно.

— Сейчасъ.

И продолжалъ говорить со мной.

Только одинъ разъ онъ измѣнилъ своей манерѣ. Въ кабинетъ вошелъ какой-то «товарищъ» въ черной курткѣ. Быстро подошелъ къ Даунанту.

— Арестовано шестнадцать человѣкъ. По провѣркѣ оказалось, что большинство бывшіе офицеры, двое присяжныхъ повѣренныхъ, одинъ профессоръ...

Даунантъ повернулъ къ «товарищу» голову и, не спросивъ даже, какъ и при какихъ обстоятельствахъ были арестованы эти люди, отвѣтилъ:

— Разстрѣлять.

— Когда?

— Сейчасъ...

— Сегодня вечеромъ намѣчено...

— Хорошо. Вечеромъ. Вмѣстѣ заодно.

«Товарищъ» ушелъ. Даунантъ распорядился, чтобы мнѣ выдали удостовѣреніе для входа на платформу Николаевскаго вокзала и въ служебный вагонъ, и я, получивъ все, вышелъ и почти бѣгомъ бросился къ Осипу.

Меня удивляло одно, почему я пользовался у Дауканта, человѣка очень осторожнаго и подозрительнаго, такимъ довѣріемъ? Довѣріемъ, почти безпредѣльнымъ я пользовался и у Гаврилы Анисимыча, у Персона, комиссара Балтфлота, у всѣхъ, съ кѣмъ мнѣ ни приходилось встрѣчаться.

Я сдѣлалъ странный выводъ. У всѣхъ этихъ людей была доля мало понятной дѣтской наивности. Въ особенности у Дауканта, человѣка суроваго и жестокаго до цинизма.

Чѣмъ я имъ представлялся? Да ни болѣе, ни менѣе, съ легкой руки Ивана Терентьича, какимъ-то жалкимъ юродивымъ. Жалкимъ музыкантомъ-иностранцемъ. Забитымъ, несчастнымъ, изъ жалкаго провинціальнаго оркестрика. Говорили, что я бѣжалъ изъ Сибири отъ бѣлыхъ и прибылъ въ Петербургъ пѣшкомъ. Поэтому рѣшили, что я изъ благодарности къ большевикамъ за то, что они мнѣ помогли выбраться въ люди, сталъ самымъ преданнымъ имъ человѣкомъ. Кромѣ того, имъ всѣмъ самимъ нравилось чувство жалости къ несчастному, убогому и юродивому человѣку.

Такъ я объяснилъ себѣ это наивное довѣріе, которое мнѣ оказывалъ жестокій Даунантъ, грубый мужикъ Гаврила Анисимычъ и ловкій мошенникъ Симонъ Исаичъ Персонъ.

Къ счастью, я засталъ Осипа и Зиночку. Они сидѣли и слушали генерала. Тотъ имъ разсказывалъ о какой-то битвѣ во время турецкой войны. Онъ вмѣстѣ со Скобелевымъ взялъ какой-то турецкій редутъ, былъ раненъ и получилъ Георгія.

Когда я вошелъ, генералъ смолкъ. Я отвелъ Осипа въ другую комнату и передалъ ему все, что случилось.

— Великолѣпно! Я очень легко устроюсь на поѣздѣ и буду часто бывать въ Москвѣ.

— Ты сегодня придешь ко мнѣ, и мы сговоримся, какъ намъ сноситься.

— Ладно. А если будетъ случай, и кремлевскіе заправилы поѣдутъ въ Петербургъ, то я имъ устрою крушеньице.

— Ты будешь въ курсѣ всего.

— Чудесно!

Я сказалъ, что вечеромъ буду обязательно ждать его, Зиночку и Марью Романовну. Зиночка обязана достать мнѣ крахмальное бѣлье, черный галстухъ и духи.

Осипъ улыбнулся.

— Почему?

— Я такъ хочу. Капризъ. Это такое великое дѣло, что я долженъ въ этотъ моментъ быть парадно одѣтъ: въ смокингѣ!

— Ну, какъ хочешь. Только духовъ не достать.

Рѣшили, что за Марьей Романовной сходитъ Зиночка. Къ генералу позовутъ глухого сосѣда.

Передъ тѣмъ, какъ зайти домой, я прошелъ въ квартиру Персона. Засталъ Машку и Ксенію. Ксенія удивилась моему приходу. Еще болѣе удивилась моей просьбѣ дать мнѣ духовъ.

Посмотрѣла на меня и улыбнулась. Подумала, что и я занялся амурными дѣлами. Я не опровергалъ.

Ксенія достала пустой пузырекъ изъ подъ духовъ и отлила мнѣ немного изъ новаго пузырька.

Я поблагодарилъ. Хотѣлъ, было, уйти.

— Постойте...

Что ей было отъ меня надо?

Помолчала. Расхохоталась.

— А вы помните, какъ вы въ церкви мнѣ башмакъ зашнуровали?

— Помню...

— Какой вы странный...

Я молчалъ. Чувствовалъ, что она хочетъ меня о чемъ-то спросить еще, но не рѣшается.

— А вы маму часто видите?

— Очень рѣдко.

Тихо сказала:

— Я-бы очень хотѣла повидать мамочку.

Я ничего не отвѣтилъ. Это было лишнее.

— Почему вы такъ рѣдко бываете у насъ?

— Некогда. И притомъ, что я для васъ?

— Вы такъ хорошо играете на роялѣ. Васъ очень любитъ Симонъ Исаичъ...

Потомъ, уже не стѣсняясь, добавила:

— Какъ онъ мнѣ противенъ. Какъ надоѣлъ!.. Правда, въ прежнее время мамочка не пустила-бы его въ кухню даже?

— Возможно...

Потомъ вдругъ весело разсмѣялась. Не со злой, а скорѣе съ довольной улыбкой.

— Что я вамъ покажу.

Сбѣгала въ сосѣднюю комнату и принесла письмо.

— Вы помните того офицера... Сережу Полозова?

— Да, помню.

Если-бы только Ксенія знала, что Сережа былъ моимъ роднымъ племянникомъ!

— Вотъ что я сегодня получила отъ него... Какое письмо. Прочтите.

Короткая записка.

«Ксенія, я уѣзжаю. Уѣзжаю навсегда. Одно вамъ только могу сказать: люблю.

Вашъ Сережа Полозовъ».

И все.

— Коротко и вразумительно, — замѣтилъ я.

Ксенія задумалась.

— Онъ славный. Я могла-бы его полюбить.

Ксенія побѣжала меня проводить. Въ дверяхъ шепнула

— Мамочку увидите... скажите, что я ее цѣлую.

На мои шаги вышла изъ своей комнаты Машка. Ксенія тотчасъ скрылась.

— Ну что, Марья Евстигнѣевна, какъ поживаете?—спросилъ я.

— Ничего себѣ. Хорошо.

— А гдѣ Иванъ Терентьичъ?

Махнула рукой.

— Бѣда съ нимъ. Запилъ. Долго крѣпился. Все по малости пилъ, а теперь закрутилъ. Нельзя ему. Онъ уже разъ сидѣлъ въ сумасшедшемъ домѣ... Боленъ онъ... Поправился. А теперь снова началъ пить.

Я услыхалъ какой-то шорохъ въ ея комнатѣ. Невольно взглянулъ, и мнѣ показалось, что тамъ сидитъ матросъ Ладновъ.

— Новаго завела, — подумалъ я.

Отецъ Кириллъ грустилъ. Каждую минуту вспоминалъ нянюшку. Къ намъ приходила какая-то бѣдная старушка, убирала комнаты, стирала бѣлье и готовила обѣдъ, но, конечно, она не могла замѣнить нашу любимую нянюшку.

— Вотъ человѣкъ былъ, какого не только не найдешь, но больше и не будетъ..

Думалъ грустныя думы.

— Ужъ, ежели я привяжусь къ кому, не могу изъ сердца своего выкинуть. Вотъ, къ примѣру, и ты тоже. Полюбилъ я тебя, какъ сына родного. Мой-то сынъ былъ убитъ во время войны. Послѣ него и жена скончалась. Одинъ я остался... Не зналъ, что Господь Богъ пришлетъ мнѣ тебя, да нянюшку... Привязался я такъ къ вамъ, что даже не замѣчалъ, какъ жить тяжело. И что ты за человѣкъ,—понять я тебя и до сихъ поръ не могу. Но вотъ чуетъ мое сердце, что скоро и ты покинешь меня.

— Да, отецъ Кириллъ, больше я здѣсь не останусь.

— Уходишь?

— Теперь уѣзжаю.

— Скоро?

— Сегодня вечеромъ.

— Вотъ какъ? Ну тогда и я завтра утромъ въ село отправлюсь. На покой...

Вздохнулъ.

— Откуда ты пришелъ, кто ты такой, я такъ тебя и не разспрашивалъ. Разъ ты не хотѣлъ говорить, мнѣ самому лѣзть было не къ чему. И куда уходишь — твое дѣло. Разспрашивать тоже не буду... Какъ появился неизвѣстно от-

куда, такъ и ушелъ. Ну Господь съ тобой. Спасибо тебѣ, что счастье мнѣ принесъ... утѣшеніе на старости лѣтъ... Буду жить на отдыхѣ, тебя вспоминать, молиться за тебя... Теперь я священникъ. Могу благословить... Встань-ка на колѣни. Дай твой образокъ Скорбящей Божіей Матери. Имъ я тебя благословлю. Чувствую я, что тяжелъ твой путь... Можетъ, наша Матушка-заступница облегчитъ тебѣ твое горе.

Я всталъ на колѣни. Отецъ Кириллъ благословилъ меня. Поцѣловалъ въ лобъ.

— Хоть я и старъ передъ тобой, но не мнѣ тебѣ наставленіе давать. Сердце у тебя чистое и оно поведетъ тебя туда, куда тебя призываетъ Господь Богъ.

Мы долго и мирно бесѣдовали съ отцомъ Кирилломъ.

— Ты-бы съ отцомъ Александромъ простился,—предложилъ онъ.

— Вы уже, отецъ Кириллъ, не сердитесь на меня, но никто не долженъ знать, что я сегодня уѣзжаю...

— Ладно... ладно. Это твое дѣло.

— Передайте отцу Александру потомъ, чтобы онъ не гнѣвался на меня. Такъ надо было...

— Понимаю... Если надо, такъ что тутъ-за обиды...

— А теперь, отецъ Кириллъ, что увидите, не разспрашивайте меня. Такъ надо...

Я какъ-то замѣтилъ, что въ столѣ у отца Кирилла валялась бритва. Тогда онъ мнѣ пояснилъ:

— Отъ сына осталась.

Я попросилъ эту бритву. Согрѣлъ воду. И сбрилъ себѣ усы и бороду. Потомъ я сбѣгалъ въ парикмахерскую и велѣлъ себя коротко остричь.

— Не узнаешь тебя теперь. Ишь, какъ помолодѣлъ-то. Съ бородой старикомъ мнѣ казался. Теперь совсѣмъ молодой человѣкъ. Слышь-ка, милый человѣкъ, это не твой-ли братъ, что былъ недавно у насъ... съ бородавкой... Ужъ очень похожъ на тебя?

— Да, братъ...

— Я не буду объ этомъ говорить... Это я такъ отъ праздности спросилъ тебя. Да вообще твои знакомые — все люди хорошіе.

— Они сегодня придутъ ко мнѣ.

— Проститься?.. Понимаю. А вотъ куда я твою Фильку отдамъ?

— Васѣ.

— И то правда. Не догадался я.

Первой пришла Марья Романовна. Увидѣвъ меня стриженымъ, безъ бороды, она радостно улыбнулась.

— Да. Я васъ такимъ и представляла. Какъ на томъ портретѣ... Онъ у меня остался. Какъ къ вамъ это идетъ... Такимъ вы мнѣ кажетесь еще ближе. Почему? Даже не умѣю вамъ отвѣтить.

Это было сказано въ передней. Когда мы прошли въ комнату отца Кирилла, нашъ разговоръ принялъ общій характеръ обыденныхъ вопросовъ и отвѣтовъ.

— Ежели я вамъ мѣшаю... — началъ было отецъ Кириллъ.

Но мы запротестовали.

Настояли на томъ, чтобы онъ не уходилъ.

— Можетъ, секреты какіе?

— А мы можемъ и въ той комнатѣ поговорить.

— И то вѣрно.

Вспомнили нянюшку. Отецъ Кириллъ былъ на одной панихидѣ по нянюшкѣ, отслужилъ панихиду у себя въ Соборѣ и, конечно, присутствовалъ на похоронахъ.

— Святой человѣкъ.

Пришелъ вскорѣ и Осипъ съ Зиночкой. Зиночка никакъ не могла привыкнуть ко мнѣ. Улыбалась, посматривая на мое бритое лицо. Достала у отца все, что мнѣ было нужно.

Разсказала, какъ онъ, замѣтивъ, что та достаетъ новое бѣлье, заволновался. Рѣшилъ, что завтра какой-то торжественный день и онъ долженъ тоже приготовить парадную форму. Не вѣрилъ. Волновался, что его обманываетъ родная дочь. Бранился, бурчалъ и въ концѣ концовъ расплакался, словно ребенокъ. Зиночка его утѣшала, какъ

могла. Что-то обѣщала. Говорила, что отецъ долженъ надѣть парадную форму въ день Тезоименитства Государя Императора.

Мы съ Осипомъ прошли въ кухню и поставили самоваръ. Я дорогой, когда шелъ домой, успѣлъ обсудить весь мой дальнѣйшій планъ дѣйствій и передалъ его Осипу. Выяснилъ все до мелочей, всѣ подробности, какъ намъ сноситься, всѣ условныя слова и фразы.

Когда самоваръ закипѣлъ, Осипъ его отнесъ въ комнату отца Кирилла и позвалъ ко мнѣ Марью Романовну.

Ей я тоже, ничего не скрывая, все передалъ. Я понялъ по ея выраженію лица, что ей было тяжело. Тяжело жить въ ожиданіи. Но при ея силѣ воли, она должна была этому подчиниться. Молча все выслушала.

И только загадочно добавила:

— Я знаю хорошо, что мнѣ дѣлать.

— А я вѣрю въ свою миссію. Я знаю, что меня всегда будетъ охранять и спасетъ вотъ этотъ скорбный ликъ.

И я показалъ образокъ.

— Но у меня есть еще къ вамъ дѣло.

Я разсказалъ подробно исторію съ пакетомъ княжны.

— Сейчасъ уже начало смеркаться. Я проберусь къ памятнику и живо достану этотъ пакетъ и револьверъ. Пакетъ я передамъ вамъ.

Объяснилъ Марьѣ Романовнѣ, что пакетъ всецѣло принадлежитъ мнѣ. По совѣсти и по закону, хотя передача и не была оформлена на бумагѣ.

— Мнѣ лично ничего не надо.

— Я такъ и думалъ. Но представьте себѣ, если понадобятся деньги на бѣгство заграницу... Осипа, Зиночки... даже, можетъ быть, ваше... Навѣрно, недолго проживетъ генералъ... Но все это пустяки. Расходы эти не такъ велики. Деньги могутъ понадобиться на первое время, если моя идея выполнится, всецѣло на общественныя дѣла...

Но мнѣ не пришлось долго объяснять Марьѣ Романовнѣ. Она точно поняла мое желаніе.

— Словомъ, вы ими распоряжайтесь по своему усмот-

›ѣнію. Еще просьба. Я оставлю у отца Кирилла мои за-
иски. Написаны онѣ небрежно, на клочкахъ и обрывкахъ
ѣумаги. Возьмите ихъ себѣ. Можетъ быть, онѣ будутъ ин-
тересны для исторіи.

Послѣ нашей бесѣды мы вернулись и вмѣстѣ со всѣми закусили и попили чаю.

— Охъ, теперь только одно утѣшеніе и есть, что чай пить. А у кого чаю нѣтъ, горячую воду... — замѣтилъ отецъ Кириллъ.

Вечеръ густѣлъ. Марья Романовна предупредила мать-игуменью, что она врядъ-ли вернется домой. Мать игуменья ей разрѣшила. Марья Романовна рѣшила переночевать у Зиночки.

Я мигнулъ Марьѣ Романовнѣ.

— Пора.

Мы вышли вмѣстѣ. Марья Романовна должна была смотрѣть, нѣтъ-ли кого въ саду, кто могъ мнѣ помѣшать.

Я быстро направился къ памятнику, ловко отвалилъ кусокъ мрамора и вытащилъ завѣтный сундучекъ. Камень я втиснулъ снова, но уже безъ всякой осторожности. Теперь онъ былъ не нуженъ.

Подошелъ съ сундучкомъ къ Марьѣ Романовнѣ.

Вздрогнулъ. Снова услыхалъ выстрѣлы. Опять по распоряженію Даунанта разстрѣливали тѣхъ, кому еще дорога была Россія.

Я поставилъ ящичекъ на землю, обнялъ Марью Романовну и прижался къ ней.

— Разстрѣливаютъ... Слышите?.. Разстрѣливаютъ нашихъ братьевъ. И мы должны молчать. Мы не можемъ говорить, такъ какъ завтра разстрѣляютъ насъ. Многіе изъ насъ предались стервятникамъ и, чтобы только спасти свою шкуру, ищутъ насъ, предаютъ имъ и этимъ спасаютъ самихъ себя. Лучшихъ людей выбили. Ихъ предали свои-же. Осталась безобразная, подлая человѣческая мразь... Насъ мало, но мы сильны... Если даже останусь одинъ я, я пойду на нихъ... Они мнѣ не страшны...

— Слышите? Это разстрѣливаютъ вторую партію... Добиваютъ раненыхъ...

И я повернулся въ сторону Петропавловской крѣпости.

— Не радуйтесь, стервятники... Это послѣдніе трупы, надъ которыми вы издѣваетесь... Уже недолго придется вамъ властвовать надъ русской землей!.. Вы не чувствуете, вы не знаете, что еще живы двое рѣшительныхъ людей, которые не попались вамъ въ руки. Они живы. Они приготовили для васъ то, что вы не ожидаете. Вы, московскіе заправилы изъ Кремля! Вы, поганые трусы. Вы боитесь потерять то, что вамъ такъ легко далось. Вы дрожите, боясь потерять свою власть, и укрылись въ Кремлѣ. Около васъ сильная стража. Вы охраняетесь пулеметами и щетинами ружей. Кто васъ стережетъ? Покупные башкиры, китайцы и латыши... Развѣ можно причислить къ великому русскому народу тѣхъ, ту мразь, которая наполняла тюрьмы, притоны, которая скрывалась отъ людей и пряталась подъ мостами, на окраинахъ городовъ, въ ямахъ, боясь солнца, боясь человѣческаго лица. А теперь вы ихъ призвали, дали имъ власть и разрѣшили дѣлать все, что они дѣлали тайкомъ. Теперь нѣтъ Бога, нѣтъ церквей, законовъ, честнаго суда. Теперь судятъ не за гнусныя преступленія, а за любовь къ родинѣ. Но подождите! Вы, негодяи, не знаете, что я одинъ иду противъ васъ. Я сильнѣе васъ и всей этой человѣческой падали, которой вы дали власть, подчинили себѣ и привлекли кускомъ краденаго хлѣба. Я сильнѣе васъ, ибо со мной великая правда, со мной великая и чистая любовь къ родинѣ. Скоро, скоро настанетъ день, когда я торжественно облекусь въ чистый, изящный костюмъ и, вынувъ изъ кармана револьверъ, направлю спокойно дуло въ ваши головы. Я буду стрѣлять безъ промаха. Пусть пуля пробьетъ голову хоть одному изъ васъ, негодяевъ. Мой выстрѣлъ, какъ набатъ, раздастся по всему міру. Это будетъ призывъ! Его услышатъ всѣ до одного изъ многихъ милліоновъ русскихъ, живущихъ въ Россіи и раскиданныхъ по всему свѣту. А теперь, братья, я къ вамъ обращаюсь. Что вы дѣ-

лали за это время? Я былъ боленъ. Я вынужденъ былъ, молча, сидѣть въ тюрьмахъ и больницахъ. И теперь, когда снова ко мнѣ возвратился мой мозгъ, на время помутнѣвшій, я иду на великое дѣло спасенія родины. Неужели никому изъ васъ, изъ ста тридцати милліоновъ людей не пришла мысль выбить врага, сбросить его съ царскаго трона въ помойную яму? Не рѣшились? Трусы!!! Сколько милліоновъ лучшихъ людей погибло за это время. Если-бы кто изъ васъ, какъ я, проникъ въ Кремль и выбилъ-бы изъ него всю нечисть, то погибла-бы только первая партія заложниковъ. А теперь погибли милліоны насъ, русскихъ! А теперь, когда раздастся мой первый выстрѣлъ, вы опомнитесь? Да? Вы пойдете за мной? Если мнѣ не удастся добить всѣхъ стервятниковъ, вы добьете ихъ. Настанетъ день, когда я скажу: завтра утромъ! Его не услышатъ засѣвшіе въ Кремлѣ. Они будутъ покойно спать. Но вы это почувствуете. Они не знаютъ, что около нихъ я! Я, тотъ, которому выпала доля встать передъ ними и крикнуть: прочь отъ насъ. Дорогу русскимъ! Мы идемъ съ крестомъ на спасеніе родины. Развѣ вы не слышите за мной пѣнія «Христосъ воскресе?..

— Идемте... идемте. Уже поздно. Намъ пора уходить.

Я опомнился. Голосъ Марьи Романовны возвратилъ меня къ дѣйствительности.

Въ кухнѣ я раскрылъ сундучекъ. Сунулъ въ карманъ револьверъ. Всѣ бумаги и драгоцѣнности передалъ Марьѣ Романовнѣ.

Она взглянула на меня. Обняла голову. Тихо проговорила:

— Прощай, мой близкій... родной... любимый.

— Прощай...

Что было еще сказать?

— Мы больше не увидимся?

Все было сказано.

Ушли. Ушли молча. У меня было открыто окно, но я не слыхалъ ни ихъ шаговъ, ни голосовъ.

Я привязалъ револьверъ къ лѣвой рукѣ, подъ манжету.

Если на вокзалѣ будетъ осмотръ, я подниму обѣ руки. Меня обведутъ руками, и никто не догадается ощупать именно это мѣсто, около пульса. Эту хитрость я хорошо зналъ.

Свернулъ пакетъ. Все было готово.

Къ отцу Кириллу я подошелъ. Молча, поцѣловалъ его.

— О тебѣ думаю. И что ты за человѣкъ — не пойму. Ну благословитъ тебя Богъ. Иконка-то съ тобой?

— Со мной.

Я быстро вышелъ.

Опять выстрѣлы. Добиваютъ.

Вы, стервятники! Придетъ и вашъ часъ.

Иду на васъ!..

10. ПОСЛѢДНЯЯ НОЧЬ.

Гм... Какой почетъ. Особое купэ. Положена подушка, простыня. Даже одѣяло. Очень удобно. И никого со мной.

Съ Даунантомъ ѣхало нѣсколько человѣкъ.

Мы сперва сидѣли вмѣстѣ. Подали даже на ужинъ закуски и вино. Всѣ выпили. Даунантъ былъ такъ утомленъ, что скоро ушелъ въ свое купэ.

Разошлись по своимъ мѣстамъ. Въ вагонѣ, кромѣ двухъ коммунистовъ изъ охраны, никого нѣтъ. Тѣмъ не дали и по рюмкѣ вина. Нельзя. Охрана. Строго.

Положилъ свой пакетъ со смокингомъ на сѣтку. Скоро, Богъ дастъ, я его надѣну.

Весь вопросъ въ револьверѣ. Засну, какъ-бы кто случайно не вошелъ.

А! Дверь запирается.

Ну, теперь можно спокойно лечь спать.

Раздѣлся. Легъ. Покрылся одѣяломъ.

Милая Марья Романовна... Скажи, я не ошибся? Мнѣ показалось въ толпѣ, когда отходилъ поѣздъ, твое лицо?

Да? Ты пришла проводить меня. Благословить на великое дѣло...

Ты знаешь, что, можетъ быть, безъ тебя я не рѣшился-бы на такой шагъ? Ты дала мнѣ силу и увѣренность въ томъ, что я должен совершить это великое дѣло и, совершивъ, я не оставлю родину одинокой!

Ее спасетъ мать!

Что это? Погасъ свѣтъ? Или мои глаза заволоклись какой-то дымкой?..

Тукъ... тукъ... тукъ.

Однообразно стучатъ колеса. И убаюкиваютъ.

Какъ легко на душѣ. Какъ пріятно такъ лежать съ закрытыми глазами.

И долго... долго.

Развѣ считать эти удары колесъ?

Открылъ глаза. Показалось, что кто-то сѣлъ на край моего дивана.

Такъ и есть. Мѣщанинишка! Вотъ не ожидалъ видѣть.

— Да какъ ты вошелъ? Дверь заперта.

— Вошелъ-съ.

— Ну, вошелъ, нечего дѣлать. Сиди. Только много не разсуждай. Я спать хочу...

Вздохнулъ.

— Охъ, великое чудо будетъ.

— Чудо? Какое?

Я вздрогнулъ.

— Они спасутся?

— Это не чудо-съ... Исчезнутъ... Вотъ чудо... Въ одинъ мигъ.

Мѣщанинишка протянулъ руку, ладонь приблизилъ ко рту и дунулъ.

— Вотъ такимъ манеромъ, простите за сравненіе... Да вы спите... Спите спокойно... А я тутъ посижу и васъ не потревожу. На васъ смотрѣть буду... А, когда пора будетъ вставать, — разбужу.

— Да, наконецъ, скажи ты мнѣ, кто ты такой?

— Я-съ? Кто я такой? Человѣкъ-съ.

— А плохой или хорошій?

— Во всякомъ человѣкѣ есть и хорошее и дурное. Хорошія и дурныя мысли, — отвѣтилъ онъ уклончиво. — Да вы спите.

— Ты чего смѣешься?

— Я не смѣюсь.

— Ну хихикаешь! Мѣшаешь спать.

— Да вотъ надъ тѣми, кто большевикамъ служитъ. Какъ у нихъ рожи-то вытянутся... Э... эхъ! Замарались люди... Замарались, простите за сравненіе.

— Надоѣлъ...

— Я вамъ мѣшать не буду. Я тутъ супротивъ васъ посижу. Папироску выкурю...

Я засыпалъ. Мысли стали путаться. Полѣзла какая-то дымка-тучка. Теплая. Она накрыла меня, словно одѣяло, съ головой.

И во снѣ не то мнѣ показалось, что я крикнулъ, не то мѣщанинишка.

Не то донеслось изъ окна.

— Ждите... Скоро... скоро...

И я подумалъ, засыпая:

Настанетъ день, когда я скажу —

Завтра утромъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.